

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

На правах рукописи

Сегал Наталья Александровна

**КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТ *ПРОСТРАНСТВО – НАПРАВЛЕНИЕ –
ДВИЖЕНИЕ*)**

10.02.01 (русский язык)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
Богданович Галина Юрьевна
доктор филологических наук, профессор

Краснодар
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ.....	22
1.1 Категоризация мира в аспекте когнитивного подхода.....	22
1.2 Лингвокогнитивные особенности политического дискурса в научных измерениях конца XX – начала XXI века.....	29
1.3 Образные средства как механизм когнитивного моделирования политического дискурса.....	37
1.3.1 Языковые особенности метафоры в текстах политических СМИ.....	37
1.3.2 Метафорическое моделирование как основа образности современных медиатекстов.....	46
1.3.3 Прецедентные феномены в политических текстах начала XXI столетия.....	54
Выводы.....	60
ГЛАВА 2. ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДОМИНАНТ В ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	64
2.1 Политическая метафора как механизм реализации когнитивной матрицы <i>горизонталь / вертикаль</i>	64
2.1.1 Метафорическое моделирование горизонтального пространства.....	64
2.1.1.1 Метафорическая модель «политика – это дорога / путь» как фреймово-слотовая структура.....	64
2.1.1.2 Функционально-прагматические особенности ключевой единицы <i>мост</i> в русскоязычных медиатекстах.....	71
2.1.2 Метафорическое моделирование вертикального пространства.....	78
2.1.2.1 Метафорический образ верха в русскоязычном медиадискурсе....	78
2.1.2.2 Метафорический образ низа в русскоязычном медиадискурсе....	82
2.2 Когнитивная оппозиция <i>открытость / закрытость</i> в политическом тексте : структурно-семантические особенности и модели организации.....	86

2.3 Каузация неволи как основа моделирования замкнутого пространства в политическом тексте.....	98
2.4 Когнитивная специфика целеполагания как основа организации движения.....	111
Выводы.....	117
ГЛАВА 3. КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ.....	123
3.1 Горизонтальное пространство как источник прецедентности в русскоязычном медиадискурсе.....	123
3.1.1 Семантико-прагматический потенциал прецедентных топонимов в русскоязычных медиатекстах.....	123
3.1.1.1 Специфика функционирования прецедентного имени <i>Вавилон</i> в текстах политических СМИ.....	123
3.1.1.2 Ассоциативный потенциал прецедентной номинации <i>Чернобыль</i> в русскоязычных медиатекстах.....	132
3.1.1.3 Семантика событийности как основа реализации прецедентных единиц (на примере топонимов <i>Майдан, Банковая, Межигорье</i>).....	136
3.1.2 Семантико-прагматический потенциал прецедентных гидронимов в русскоязычных медиатекстах.....	149
3.1.2.1 Особенности реализации прецедентного гидронима <i>Рубикон</i> в политических текстах.....	149
3.1.2.2 Особенности реализации прецедентного гидронима <i>Лета</i> в политических текстах.....	155
3.2 Вертикальное пространство как источник прецедентности в русскоязычном медиадискурсе.....	159
3.2.1 Семантико-прагматический потенциал прецедентных единиц с интегральным компонентом 'защита' (на примере прецедентных единиц <i>Кремлевская стена, Берлинская стена, Китайская стена</i>).....	159
3.2.2 Прецедентные оронимы в русскоязычном медиадискурсе.....	170

3.2.2.1 Прецедентные оронимы со сферой-источником «древнегреческая мифология» в текстах русскоязычных СМИ.....	170
3.2.2.2 Прецедентные оронимы со сферой-источником «Библия» в русскоязычных медиатекстах.....	179
Выводы.....	181
ГЛАВА 4. КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ <i>НАПРАВЛЕНИЕ И ДВИЖЕНИЕ</i> КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ МЕТАФОРЫ В МЕДИАТЕКСТАХ.....	186
4.1 Транспортная метафора как объект лингвистических исследований.....	186
4.2 <i>Наземный транспорт</i> как источник метафорического моделирования в русскоязычных медиатекстах.....	188
4.3 <i>Водный транспорт</i> как источник метафорического моделирования в русскоязычных медиатекстах.....	227
4.4 <i>Воздушный транспорт</i> как источник метафорического моделирования в русскоязычных медиатекстах.....	244
Выводы.....	261
ГЛАВА 5. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ТРАНСПОРТ» КАК НОСИТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА В МЕДИАДИСКУРСЕ.....	267
5.1 Названия транспортных средств как источник прецедентности в масс-медийных текстах.....	267
5.1.1 Исторические факты как источник прецедентных номинаций (на примере прецедентного имени «Титаник»).....	267
5.1.2 Художественная литература как источник прецедентных номинаций (на примере прецедентного имени «Птица-тройка»).....	272
5.1.3 Номинации мифических кораблей как источник прецедентности (на примере прецедентного имени «Летучий голландец»).....	276
5.2 Песенный дискурс как источник метафоризации транспортной лексики в русскоязычных политических СМИ.....	283
Выводы.....	297

ГЛАВА 6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА МЕТАФОРИЧЕСКИМ ОБРАЗОМ КРЫМА В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	303
6.1 Медийный образ Крыма 2014-2019 гг. как объект лингвистических исследований.....	303
6.2 Социокультурные реалии как источник формирования медийного образа Крыма.....	306
6.3 Гастрономическая метафора как источник формирования медийного образа Крыма.....	313
6.4 Вегетативная метафора как источник формирования медийного образа Крыма.....	320
6.5 Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма.....	329
Выводы.....	355
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	359
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	370
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	371
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	423

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа является междисциплинарным исследованием, выполненным на стыке интересов политической лингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии, когнитологии, с выходом в лингвистическую дискуртологию – науку, изучающую языковые средства и когнитивные механизмы манифестации текстов, влияющие на их порождение и восприятие.

В современных гуманитарных исследованиях одним из основных методов познания действительности признается метод моделирования, однако до сих пор отсутствует единство в понимании терминов *модель*, *метафорическая модель*, *метафорическое моделирование*. Для осмысления и углубления данных терминологических единиц, а также комплексного изучения образных средств, репрезентирующих когнитивные доминанты *пространство – направление – движение*, в диссертационном исследовании автор вводит такие смежные понятия, как *метафорическая дублетность*, *метафорическая полифункциональность*, *кросскультурная метафора*, *прецедентный контаминант*.

Актуальность диссертации определяется необходимостью дальнейшей разработки широкого спектра метадискурсивных проблем, связанных с описанием механизмов формирования языка политики на основе соотнесения когнитивных доминант *пространство – направление – движение*.

В современных исследованиях постулируется идея метафоричности мышления и, как следствие, конструирования особенностей познания человеком окружающего мира, в том числе и политического. В этой связи трудно переоценить роль образных средств в процессе моделирования политической медиареальности. Такие единицы вторичной номинации, как метафоры и прецедентные феномены, являются важным источником формирования новых и трансформации в сознании носителей языка уже

существующих образов. Значимость образных средств обусловлена их способностью создавать систему ассоциаций между предметами и явлениями, относящимися к различным сферам человеческого опыта. При функционировании метафор и прецедентных феноменов в медиатекстах наиболее отчетливо реализуется их уникальная способность концептуализировать действительность, придавать универсальному характеру концептуализации национально-специфические черты, лежащие в основе моделирования национальных картин мира.

Медиатексты политической направленности отличаются стилистической многомерностью, глубиной и вариативностью интерпретации, при этом совершенно очевидным представляется тот факт, что политика сегодня использует СМИ в качестве инструмента усиления ценностного модуса актуальных социополитических событий. Наиболее явной манипулятивной ролью СМИ становится в эпоху серьезных социально-политических потрясений, одним из которых стал переход Республики Крым в состав Российской Федерации. Лингвистическая специфика отражения данного общественно-политического и исторического события также определила актуальность диссертационного исследования, одной из задач которого является установление способов метафоризации образа Крыма 2014–2019 гг. как ценного фрагмента политической картины мира, отраженного в русскоязычном медиапространстве.

Материал исследования включает массмедийные тексты печатного и электронного формата, а также фрагменты выступлений политиков за последнее десятилетие. **Обоснованность и достоверность** результатов диссертации обеспечена качественным разнообразием и количественной валидностью (корпус из более чем 16 000 словоупотреблений) языкового материала и методологической базой исследования, которая построена на известных постулатах по теме диссертации и авторских выводах. **Источником анализируемого материала** послужили тексты русскоязычных информационных агентств, газеты и журналы, отражающие политические

убеждения и идеологические установки. Анализ языкового материала, репрезентирующего различные, в том числе и полярные, политические взгляды, дает возможность воссоздать объективную картину политических событий. Период исследуемого материала ограничен рядом факторов экстралингвистического характера, связанных с социально-политическими преобразованиями как в Российской Федерации, так и в других государствах. Проанализированный в диссертации корпус примеров не предполагает солидарности автора с контентом контекстов, а призван продемонстрировать специфику реализации в массмедийных текстах метафорических моделей и прецедентных феноменов, конструирующих фрагменты многоаспектной политической картины мира.

Объект диссертации составляют образные средства, репрезентирующие когнитивные доминанты *пространство – направление – движение* в политических медиатекстах. Фокусировка внимания на образных средствах объясняется необходимостью комплексного исследования метафорического отражения языковых ситуаций при взаимодействии субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть.

Предметом исследования является специфика реализации семантико-прагматического потенциала и особенностей функционирования дискурсивных единиц, посредством которых актуализируется образная составляющая когнитивных доминант *пространство – направление – движение* в текстах русскоязычных политических СМИ 2009–2019 гг.

Цель настоящей работы – осуществить категоризацию мира в текстах актуального политического медиапространства на основе когнитивных доминант *пространство – направление – движение*, репрезентированных широким спектром образных единиц.

Исследовательская гипотеза заключается в том, что динамичность политической картины мира обеспечивается гибким прагматическим потенциалом и разной степенью адаптации образных средств, отражающих современную социополитическую ситуацию через реализацию сопряженных

доминант *пространство* – *направление* – *движение*. Процессы манипулирования массовым адресатом в политических медиатекстах предполагают целенаправленное аксиологическое моделирование информационной реальности, обусловленное экстралингвистическими причинами. Актуальный политический дискурс сохраняет отпечатки событий начала XXI века, среди которых центральное место для РФ занимает присоединение Республики Крым. Онтологизация возможностей метафорического моделирования образа Крыма в медиатекстах политической направленности и использование полученных результатов при комплексном изучении языка политики позволит представить фрагмент политической картины мира, репрезентированный в современном медиапространстве, и проанализировать специфику языкового отражения общественно-значимых политических событий.

Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

на подготовительном этапе:

- определение общефилософских и лингвистических теоретико-методологических основ ключевых понятий диссертационного исследования;
- обоснование выбора источников эмпирического материала;
- установление объема языковых единиц, лежащих в основе метафорического моделирования русскоязычного медиадискурса 2009–2019 гг., выявление ключевых образных средств, формирующих метафорический образ Крыма в медиатекстах 2014–2019 гг.;

в основной части работы:

- проведение исследования языкового материала с помощью пространственной и антропоцентрической параметризации, выделение структурно-семантических типов анализируемых единиц;
- описание парадигматических, синтагматических, эпидигматических и ассоциативных связей единиц, формирующих в медиатексте когнитивные доминанты *пространство* – *направление* – *движение*;

– определение семантико-прагматического и функционального потенциала ключевых репрезентантов и выявление особенностей их реализации в медиатекстах;

– выделение ядерных элементов прототипической ситуации, обуславливающих семантические модификации в системе когнитивных доминант *пространство – направление – движение*;

– анализ когнитивных механизмов образования метафорических моделей с установлением их фреймово-слотовых структур в дискурсивной парадигме «язык – человек – СМИ»;

– создание «метафорического портрета» Республики Крым в русскоязычных медиатекстах 2014–2019 гг. с учетом лингвокультурологических, лингвополитологических и социолингвистических составляющих.

Теоретической базой диссертационной работы являются ключевые положения, нашедшие отражение в исследованиях, посвященных изучению медийных текстов различного формата и особенностей метафорического моделирования:

– **семантика текста и специфика функционирования языковых единиц в медиатекстах** (Н. Ф. Алефиренко, Р. Андерсон, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ф. С. Бацевич, Л. Е. Бессонова, Г. Ю. Богданович, Н. Н. Болдырев, А. В. Бондарко, А. Д. Васильев, Р. Водак, М. Н. Володина, О. И. Воробьева, М. Б. Ворошилова, В. Г. Гак, И. Р. Гальперин, Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, Е. В. Дзюба, М. Джонсон, Т. Г. Добросклонская, О. П. Ермакова, А. А. Залевская, Е. А. Земская, М. В. Ильин, С. В. Ильясова, Е. С. Кара-Мурза, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Н. И. Клушина, И. М. Кобозева, В. В. Колесов, В. Г. Костомаров, Н. А. Купина, Г. Н. Манаенко, В. А. Маслова, А. В. Олянич, А. В. Петров, Л. А. Петрова, Т. В. Радзиевская, Л. В. Рацибурская, А. А. Романов, Н. Б. Руженцева, Е. А. Селиванова, П. Серию, О. Б. Сиротинина, А. П. Сквородников, Т. Г. Скребцова, Г. Я. Солганик, Л. А. Ставицкая, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин,

В. И. Супрун, В. И. Теркулов, А. А. Уфимцева, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, А. Д. Шмелев, Г. М. Яворская, Т. А. Ященко);

– **политический текст** (В. М. Амиров, Л. Е. Бессонова, Э. В. Будаев, Р. Водак, М. В. Гаврилова, Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, Е. В. Дзюба, В. И. Карасик, М. В. Китайгородская, Е. А. Кожемякин, Е. В. Переверзев, К. С. Серажим, Л. А. Кудрявцева, О. Л. Михалева, П. Б. Паршин, А. А. Романов, П. Серио, Л. Н. Синельникова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Д. В. Шапочкин);

– **метафорическое моделирование** (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. В. Балашова, А. Н. Баранов, Л. Е. Бессонова, Н. Ю. Бородулина, С. И. Виноградов, Е. М. Вольф, В. З. Демьянков, М. Джонсон, О. П. Ермакова, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Н. Ф. Крюкова, Е. С. Кубрякова, Э. Маккормак, В. П. Москвин, А. А. Петров, Т. Г. Скребцова, В. А. Суровцев, Ф. Уилрайт, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал);

– **политическая метафора** (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Л. Е. Бессонова, Э. В. Будаев, М. Джонсон, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Дж. Лакофф, М. Минский, В. Н. Телия, Ч. Дж. Филлмор, А. П. Чудинов, Г. М. Яворская);

– **теория прецедентности** (Л. А. Бутахина, Д. Б. Гудков, К. Н. Дубровина, Л. П. Дядечко, Ю. Н. Караулов, М. Л. Ковшова, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, Ю. Кристева, Е. О. Наумова, Е. А. Нахимова, Е. В. Рахилина, Г. Г. Слышкин, С. И. Сметанина, Ю. А. Сорокин, А. Е. Супрун и др.).

В процессе написания диссертационного исследования центральными были описательный и индуктивный **методы**, которые включали наблюдение, классификацию и анализ отдельных языковых фактов с целью их дальнейшего обобщения. Объект исследования обусловил значимость интегративного подхода, предполагающего использование собственно лингвистических и общегуманитарных методов исследования: метода компонентного анализа – для установления семной структуры слов и фразем;

метода идентификации – для установления локусных характеристик языковых единиц; метода анализа когнитивных оппозиций – для выявления ментальных конструкторов и интерпретации прототипических ситуаций; дистрибутивного метода – для изучения контекстного окружения исследуемых языковых единиц; метода контекстологического анализа – для определения образно-ассоциативных смыслов, закодированных во внутренней форме языковых единиц вторичной номинации; метода лингвистического моделирования – для составления корпуса метафорических конструкций. Актуальными для диссертационного исследования были также дескриптивный метод и прием интроспекции, который предполагает обращение к языковой интуиции соискателя в процессе лингвистического моделирования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Преимущественно медийный характер политического дискурса определяет тот факт, что он аккумулирует свойства и черты дискурсов разных типов, включает в себя тексты, неоднородные по форме, жанровому своеобразие и прагматическим установкам. Социополитические изменения, происходящие в обществе и государстве, приводят к трансформации содержания дискурсивного пространства, то есть ротации его ядерных и периферийных элементов. Динамика ценностных ориентиров современного политикума, высокий темп изменений политических событий определили необходимость исследования когнитивных доминант *пространство – направление – движение* как базовых категорий современных медиатекстов политической направленности.

2. Универсальный характер реализации когнитивных доминант *пространство – направление – движение* в русскоязычном медиадискурсе имеет глубокие философские истоки и апеллирует к античным категориям, трансформированным с течением времени и включенным в современный

социополитический контекст. Значительный прагматический потенциал средств выражения представленных когнитивных доминант в русскоязычном медиадискурсе отличается особой образностью и оценочностью и позволяет моделировать современную политическую картину мира как многовекторный конструкт, сформированный под влиянием историко-политических и социокультурных факторов.

3. Процессы глобализации, наблюдаемые во всех сферах социально-политической деятельности, приводят к сближению и взаимодействию образной системы различных культур, что дает возможность очертить сходства и различия в метафорическом отражении современной политической реальности, выявить их универсальные и национально-специфические черты. Существенную роль в этом процессе играет система образных средств (метафоры, сравнения, аллюзии, прецедентные феномены), которая построена на основе обозначенных универсальных категорий, отличающихся не только глубокими культурно-историческими корнями, но и широким ассоциативным фоном, варьирующимся в контекстах.

4. Семантико-прагматический анализ образных средств, выявление общих и национально-ориентированных моделей подачи и интерпретации информации позволяют установить систему ментальных репрезентаций, лежащих в основе антропоцентрического механизма концептуализации действительности. Определение аксиологического содержания метафор и прецедентных феноменов в медиатекстах социополитического характера дает возможность уточнить количественную и качественную соотнесенность языковых единиц с мелиоративной и пейоративной коннотацией и подтвердить положение о том, что конфликтность и агрессивность современного политического мира приводят к явному доминированию образных средств с негативной оценкой.

5. Когнитивные доминанты *пространство – направление – движение* являются значимым фрагментом политической картины мира и отражают многополярность и многовекторность современной политической

коммуникации, ценностные ориентиры общества и государства. В результате расширения валентности слов и фразем, объективирующих когнитивные доминанты *пространство – направление – движение*, формируются двучленные и многочленные конструкции, вторичные значения которых модифицируются в результате семантического процесса индуцирования сем. В текстах политических СМИ когнитивные доминанты *пространство – направление – движение* реализуются через систему оппозиций *горизонталь / вертикаль, верх / низ, вперед / назад, вправо / влево, открытость / закрытость, свой / чужой*, эксплицирующих обусловленную контекстом коннотацию. Интенциональный характер использования языковых единиц коррелирует с аксиологической шкалой, которая определяет зависимость интерпретации коннотативных особенностей образных средств от цели и задач автора медиатекста.

6. Определение метафор как функциональных единиц трех сфер – лингвистической, культурной и когнитивной – предполагает специфику их изучения с облигаторным учетом когнитивной обусловленности. Реализованные в медиатекстах образные средства, моделируемые адресантом, должны определяться комплексом денотативных значений, особенностями коннотации языковых единиц и экстралингвистическим фоном.

7. Интертекстуальное пространство политических СМИ регламентирует языковые и когнитивные особенности оперирования лингвокультурными знаниями, закрепленными в широком спектре прецедентных феноменов. Прецедентные единицы лежат в основе взаимодействия когнитивных систем адресанта и адресата и участвуют в процессе кодирования и декодирования информации. При анализе современных социополитических реалий прецедентные феномены могут быть определены как единицы репрезентации фоновых знаний, универсальные для соответствующего лингвокогнитивного сообщества и учитывающие национально-культурный опыт и систему ценностей представителей той или иной лингвокультуры.

8. Прагматический потенциал прецедентных единиц обусловливается широким арсеналом манипулятивных средств, при помощи которых внимание адресата политического медиатекста акцентируется на конкретных действиях, стратегиях, высказываниях политического субъекта или на определенных составляющих политического события. В политических текстах в качестве прецедентных наиболее активно выступают единицы с локативным значением. Реализуясь в контекстах, они полностью или частично утрачивают семантику локативности и обрastaют новыми коннотациями. Выбор и интерпретация данных образов напрямую зависят от личности интерпретатора, его политических взглядов и убеждений, системы ценностей и нравственных ориентиров.

9. В политических медиатекстах метафоры и прецедентные феномены зачастую функционируют с целью пародирования атрибутов современной реальности, при этом активно используются их прагматический, парольный, эстетический, экспрессивный, репрезентативный потенциал, а также возможности языковой игры и дополнительной информативности. Многие из названных функций основываются на оценочности и противоречивости прямого и переносного значений слов и конструкций. Такие образы отражают переосмысление и переоценку массовой культурой политических реалий, авторитетов, эталонов и лежат в основе языкового воплощения образов прошлого, настоящего и будущего.

10. Широкий ассоциативный фон и зависимость от общей направленности медийного издания, прагматических установок журналистов и политиков обусловили создание неоднозначного образа Республики Крым в медиатекстах 2014–2019 гг. Комплексный анализ «метафорического портрета» Крыма в русскоязычных СМИ дает возможность определить особенности его интерпретации как в языковой картине мира крымчанина, так и в современной политической картине мира, выявить корпус языковых средств, формирующих данный образ в прессе, проследить динамику его

моделирования с учетом социально-политических реалий и прагматических установок автора медиатекста.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что в работе впервые:

1) в результате метафорического моделирования выявляется спектр образных средств, с помощью которых строятся фрагменты медиадискурса посредством когнитивных доминант *пространство – направление – движение*;

2) предлагается и апробируется новая методика исследования образного потенциала текстов политических СМИ, объединяющая традиционный семантико-прагматический анализ языковых единиц и развивающуюся методику метафорического моделирования;

3) исследуются механизмы функционирования когнитивных доминант *пространство – направление – движение* как базовых категорий современных политических медиатекстов;

4) проводится систематизация образных средств (метафор, метафорических моделей, аллюзий, сравнений, устойчивых конструкций, прецедентных единиц), организующих фрагменты медиадискурса посредством когнитивных доминант *пространство – направление – движение*;

5) раскрывается функционально-прагматический потенциал языковых единиц-репрезентантов когнитивных доминант *пространство – направление – движение*, определяются механизмы их формирования в контекстах;

6) расширяется и углубляется спектр сфер-источников, лежащих в основе моделирования современной медиареальности;

7) выделяются и анализируются составляющие образной аксиологической шкалы, лежащие в основе репрезентации политической картины мира посредством когнитивных доминант *пространство – направление – движение*;

8) проводится метафорическое моделирование образа Крыма в русскоязычных медиатекстах 2014–2019 гг. с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней с опорой на метафорическое моделирование осуществлена концептуализация и категоризация политической картины мира на основе когнитивных доминант *пространство – направление – движение* и тем самым углублены знания о ней. В исследовании предлагается уточнение содержания понятий «политическая метафора» и «метафорическое моделирование» применительно к текстам политических СМИ и понятийное соотнесение смежных с ними терминов ***метафорическая дублетность, метафорическая полифункциональность, кросскультурная метафора, прецедентный контаминант***. В диссертационном исследовании разработаны принципы анализа и классификации образных средств, лежащих в основе формирования политической картины мира, на примере когнитивных доминант *пространство – направление – движение*. В работе был смоделирован метафорический образ Республики Крым, отраженный в русскоязычных медиатекстах 2014–2019 гг. Комплексное исследование образных средств позволит развить теории метафорического моделирования и прецедентности и расширить знания о политической картине мира. Результаты изучения закономерностей организации политического дискурса могут быть экстраполированы на другие виды дискурсов и национальных культур.

Разработанная методика анализа метафорического потенциала медиатекстов будет полезна для комплексного исследования масс-медийного дискурса как многовекторного явления с определенной системой координат. Полученные данные могут послужить основой для создания словаря нового типа, включающего расширенную и углубленную информацию о денотате и построенные на его основе метафорические образы. Представленные в диссертационном исследовании наблюдения и выводы вносят существенный вклад в описание политической картины мира и создание медиапортретов регионов Российской Федерации.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ключевых положений в исследованиях по когнитивной лингвистике, медиалингвистике и общему языкознанию, в лексикографической практике при составлении словарей политической метафорики, на элективных курсах, направленных на изучение языка СМИ, а также в преподавании лингвистической политологии и политической дискурсологии. Лингвистическое описание наиболее продуктивных метафорических моделей и других образных средств в постоянно меняющихся социополитических условиях способствует выявлению тенденций развития политического дискурса.

Соответствие диссертации паспорту специальности.

Диссертационная работа соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 10.02.01 «Русский язык»:

2. Восточнославянская этноязыковая общность и проблемы ее генезиса.
4. Перечень основных грамматических категорий и категориальных значений по грамматическим классам.
5. Характеристика модальных глаголов.
6. Семантика русского языка. Семантика именных групп. Семантика языковых средств, выражающих коммуникативно-прагматическую информацию в предложении. Исследования в области русской языковой картины мира. Пространство и время в РЯКМ. Образ человека в РЯКМ. Культурно-значимые концепты РЯКМ.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на *VI Конгрессе РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России»* (11–14 октября 2018 г., Уфа); *на международных научно-практических конференциях:* «Русский язык в поликультурном мире» (2012, 2015, 2017, 2018, 2019, Ялта); «Семантика языковых единиц: национальное и региональное своеобразие» (29–31 октября 2012 г., Северодвинск); «Язык: система и деятельность» (30 июня 2016 г., Нижний Новгород); «Современные информационные и

коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности» (20–22 октября 2016 г., Симферополь); «Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования» (7–8 декабря 2016 г., Симферополь); «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» (20–22 февраля 2019 г., Витебск, Беларусь); *на международных научных конференциях*: «Межкультурные коммуникации: информационно-коммуникативные технологии в лингвистике» (4–8 июня 2012 г., Алушта); «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (24–26 сентября 2012 г., Владимир); «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии» (2012, 2014, 2016, 2018, Симферополь); «Лінгвокогнітологія і мовні структури» (14–15 февраля 2013 г., Днепропетровск); «Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира» (15 февраля 2013 г., Северодвинск); «Художественный текст как предмет лингвистического исследования» (9–10 апреля 2013 г., Харьков); «Дискурсология: язык, культура, общество» (18–19 апреля 2013 г., Луганск); «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (22–23 апреля 2013 г., Днепропетровск); «Русистика и современность» (18–22 сентября 2013 г., Одесса); «Международная научная конференция «Русистика XXI века: направления, идеи, проблемы» (20–23 ноября 2013 г., Донецк); «Концептосфера національної мови: когнітивний, історико-культурний та дискурсивний аспекти» (6–7 ноября 2014 г., Харьков); «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (10–14 октября 2018 г., Екатеринбург); *на международном фестивале «Великое русское слово»* (9–12 июня 2011 г., 9–12 июня 2012 г., Одесса); *на всероссийских научно-практических конференциях*: «Текст как единица филологической интерпретации» (19–20 декабря 2013 г., Куйбышев-Новосибирск); «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (30 ноября 2017 г., Уфа).

Исследование было отмечено дипломом «Лучшая научная работа» в рамках Международной научной конференции «Политическая лингвистика» (Екатеринбург, 2016). Автор является Лауреатом Премии имени Н. В. Багрова за весомые результаты научных исследований (Симферополь, 2015), руководителем научного проекта по теме «Особенности формирования образов России и Крыма в русскоязычных СМИ (на материале текстов 2008–2018 гг.)», поддержанного ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (грант № ВГ20/2018, Симферополь, 2018).

По теме исследования опубликовано более 60 научных работ, в том числе 2 монографии, 1 раздел в коллективной монографии, 3 статьи в сборниках WEB OF SCIENCE и SCOPUS, 17 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций, более 30 – в международных сборниках, изданиях ВАК Украины и базах РИНЦ.

Результаты проведенного исследования используются автором диссертации в преподавании дисциплин «Актуальные проблемы современной лингвистики», «Язык СМИ», «Метафора в тексте и дискурсе», «Политическая лингвистика».

Структура и объем диссертации определяются логикой поэтапного решения поставленных задач в соответствии с целью исследования. Диссертация включает в себя введение, шесть глав с выводами к каждой из них, заключение, список использованной литературы и три приложения. Общий объем диссертации составляет 422 страницы.

ГЛАВА 1. КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ

1.1 Категоризация мира в аспекте когнитивного подхода

Когнитивное взаимодействие носителя определенной лингвокультуры с окружающим миром можно охарактеризовать как сложный процесс, основой которого является обработка информации, поступающей в сознание человека и представляющей собой содержательную базу для мыслительного процесса. Источником такой информации все чаще становятся медиатексты, направленные на формирование у адресата определенных ценностных установок и обладающие высокой степенью эмоциональной заряженности. Изучение семантико-прагматических особенностей политических медиатекстов как ценного фрагмента национальной картины мира в условиях современных социально-политических реалий представляет собой описание языка в многомерном пространстве с подвижной сеткой координат, определяющих базовые категории дискурса и текста. Такое описание становится возможным при широком использовании ключевых механизмов человеческого мышления, одним из которых является понятие *категоризации*, направленное на систематизацию предметов и явлений в познавательной деятельности человека.

В научных изысканиях, посвященных комплексному изучению языка, *категоризация* характеризуется как «один из ключевых процессов упорядочивания мира и входящих в него объектов» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 43]. В научной литературе данный термин понимается неоднозначно и употребляется в следующих значениях: 1) «подведение явления, объекта [...] под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории»; 2) «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека, упорядоченное представление разнообразных явлений через

сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также – результат классификационной деятельности» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 43]. Ценным при этом представляется установление и классификация языковых средств, входящих в объем той или иной категории. Таким образом, трудно не согласиться с утверждением Дж. Лакоффа, который подчеркивал, что «именно категоризация является одним из основных механизмов человеческого мышления» [Lakoff 1982].

Исследование *категорий* в аспекте общегуманитарного и собственно лингвистического подходов не является приметой последних десятилетий, при этом подчеркивается, что арсенал, объем и границы *категорий* изменялись с течением времени в зависимости от эпохи и позиций ученых. Источником для современной классификации *категорий*, бесспорно, послужили труды античных мыслителей, которые в основу категоризации брали такие стихии, как земля, вода, огонь, воздух, эфир. Так, древнегреческий философ Платон определяет *категории* как вид обобщенных, отвлеченных понятий, выделяя при этом пять основных *категорий*, последовательно вытекающих друг из друга (сущее, движение, покой, тождество, различие) [Платон 1986]. Несколько другое наполнение термина системы *категорий* предлагает Аристотель. Под *категориями* мыслитель понимает наиболее общие понятия, выводимые из грамматических форм и служащие предикатами. Опираясь на данные критерии, ученый выделяет следующие категории: *время, действие, качество, количество, место, обладание, отношение, состояние, страдание, субстанция* [Аристотель 1978].

Западноевропейские философы средневековья продолжили традиции античных мыслителей, предложив определять категории исходя из возможностей познания действительности. И. Кант выдвинул гипотезу, согласно которой мир ощущений и восприятий представляет собой нагромождение беспорядочных чувств и событий, а следовательно, хаос. Для упорядочивания и систематизации данного мира познающий нуждается в

категориях рассудка, среди которых философ выделяет «категории качества (взаимодействие, отрицание, ограничение, реальность, отношения, субстанция и принадлежность, причина и следствие), категории количества (единство, цельность, множество), категории модальности (существование и несуществование, возможность и невозможность, предопределенность и случайность) [Кант 1998, с. 184]. Рассуждая над философской теорией И. Канта, в работе «Наука логики» Г. Ф. Гегель выстраивает собственную систему категорий, согласно которой система категорий представляет собой иерархию, построенную на взаимодействии ее составляющих. Исследование Г. Ф. Гегеля включает в себя три части: 1) учение о бытии; 2) учение о сущности и 3) учение о понятии [Гегель 1970].

В современных научных исследованиях отсутствует единообразие в трактовке понятия *категория*, что связано со спецификой научных подходов в различных сферах гуманитарных знаний, акцентированием исследовательского интереса на тех или иных характеристиках изучаемого объекта, прагматическими характеристиками объектов изучения и описания. Так, в современной философии термин *категория* интерпретируется как «предельно общее фундаментальное понятие, которое образуется как результат отвлечения от предметов их индивидуальных признаков и отражает наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [Новейший философский словарь 2003, с. 451]. При интерпретации данного термина в рамках когнитивной психологии обращается внимание на тот факт, что признаки, лежащие в основе категорий, могут быть не только общими, но и обобщенными. Согласно определению психологов-когнитивистов, категории представляют собой «определенный класс праобразов определенной реакции, объединенных на основе общих (или обобщенных) признаков или атрибутов» [Блинникова 2002, с. 150].

Философская интерпретация категорий в лингвистическом осмыслении претерпевает определенную трансформацию, направленную на выявление

значимости языкового фактора, лежащего в основе исследовательского интереса филологов.

Для нашей работы наиболее значимым представляется рассмотрение *категорий* в лингвистическом аспекте. Именно категории можно считать той ценной составляющей при изучении языковых форм, которая требует своего детального описания и изучения. Характеризуя категории с лингвистической точки зрения, Л. В. Васильев интерпретирует их как «конструкты нашего сознания», подчеркивая, что именно они моделируют наши знания о мире и соотносят их с моделями знаний, зафиксированными в структуре языка [Васильев 1997, с. 3].

Отдельного рассмотрения требует вопрос о разграничении категорий языка и категорий мышления, которым занимался Э. Бенвенист. Характеризуя их общие и отличительные свойства, исследователь отмечал, что «главное различие между двумя типами категорий видится в том, что мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, в то время как категории языка, будучи принадлежностью готовой системы, сохраняются носителями языка и не могут быть изменены по желанию говорящего» [Бенвенист 1974].

При отсутствии единого определения термина *категория* в лингвистической науке обращает на себя внимание широкий и узкий смыслы в его интерпретации, зафиксированные, в частности, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под ред. В. Ярцевой. Так, в приведенном лексикографическом источнике обращается внимание на две формулировки термина *категория*:

1) в широком смысле в лингвистических исследованиях под *категорией* понимается «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства»;

2) в узком смысле *категория* определяется как «некоторый признак, который лежит в основе дифференцирования многочисленной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся

классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 385].

В основе определения термина *категория*, предложенного Е. В. Дзюбой, лежит актуальный сегодня лингвокогнитивный подход к изучению языка. Характеризуя *категирию* с лингвокогнитивной позиции, исследователь определяет *ее* как «лингвоментальный феномен человеческого сознания», «лингвокогнитивную ячейку в системе знаний и представлений человека о мире и о себе самом». При этом лингвист подчеркивает, что основная функция *категорий* предполагает взаимодействие языка и мышления и заключается в «изоморфном отображении фрагмента реальной и/или воображаемой действительности в человеческом сознании» [Дзюба 2015, с. 61].

Для лингвистических исследований актуальным и значимым является термин *понятийные категории*, введенный О. Есперсеном в 1924 г. При интерпретации данного понятия исследователь подчеркивает универсальный характер понятийных категорий, отмечая их независимость от языковых фактов и, как результат, возможность функционирования в различных языках мира [Есперсен 1958, с. 57–58].

В отечественной лингвистике интерес к исследованию *понятийных категорий* возрастает в середине XX века (работы В. М. Жирмунского, С. Д. Кацнельсона, И. И. Мещанинова и других исследователей). Подчеркивая значимость понятийных категорий как выразителей норм сознания в строе языка, И.И. Мещанинов обращает внимание и на другую их функцию. Так, по убеждению исследователя, понятийные категории связывают языковой материал с человеческим мышлением и «находят свое выражение в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе» [Мещанинов 1981, с. 60]. Связь понятийных категорий с сознанием утверждает и В.М. Жирмунский, который относит их к логико-психологическим категориям языка [Жирмунский 1965, с. 17].

По убеждению С.Д. Кацнельсона, категории отражают типы связей в сети. Только овладев категориями, как отмечает исследователь, можно понять мир и присущие ему отношения [Кацнельсон 1986, с. 150]. Характеризуя процесс категоризации как один из доминирующих когнитивных процессов, современные лингвисты уточняют параметры, лежащие в основе классификации вещей в наивной картине мира, и тем, посредством каких фактов систематизируется совокупность форм материи и ее движения, то есть на основании чего человек относит воспринятое к той или иной категории.

В исследованиях А. В. Бондарко устанавливается объем и специфика функционирования в научном лингвистическом аппарате термина *понятийные категории*. Разграничивая *понятийные категории* и их конкретно-языковую семантическую интерпретацию, исследователь подчеркивает, что *понятийные категории* относятся к «глубинному уровню», а «конкретно-языковую семантическую интерпретацию данной *понятийной категории* следует отнести к «поверхностному уровню» [Бондарко 1973, с. 12].

Объектом диссертационного исследования является *понятийная категория пространство* и связанные с ней категории *направление* и *движение*, которые вербализуются при помощи системы языковых единиц, изменяющихся под влиянием экстра- и интралингвистических факторов.

Не останавливаясь на глубокой и разносторонней характеристике категорий *пространство*, *направление*, *движение* как объектов гуманитарных наук (см. Сегал 2015, Сегал 2017), подчеркнем, что они лежат в основе категоризации мира со времен античности и до сих пор обращают на себя исследовательское внимание философов, культурологов, лингвистов, литературоведов и представителей других областей научного знания. Характеризуя *время*, *пространство*, *место* и *движение*, И. Ньютон отмечал, что данные понятия относятся к тем категориям, которые постигаются нашими чувствами. Именно данный факт, по убеждению ученого,

предопределяет «некоторые неправильные суждения, для устранения которых необходимо разделить вышеприведенные понятия на абсолютные и относительные, истинные и кажущиеся, математические и обыденные» [Ньютон 1989, с. 30]. Философ разработал концепцию абсолютного *пространства и времени*, подчеркивая, что «...время и пространство составляют как бы вместилища самих себя и всего существующего. Во времени все располагается в смысле порядка последовательности, в пространстве – в смысле порядка положения» [Ньютон 1989, с. 29]. Опровергая точку зрения И. Ньютона, Г. В. Лейбниц утверждал, что «пространство есть только некое идеальное образование, которое «состоит из возможностей и не создает ничего актуального». Развивая данную идею, философ пришел к выводу, что *пространство* не существует независимо от вещей, как это полагал И. Ньютон, оно есть лишь определённое отношение, порядок сосуществование вещей; всего лишь постигаемое нами отношение между сосуществующими вещами, всего лишь ряд тел, их размещение, расстояния между ними и т. д. [Лейбниц 1982]. Впервые *пространство* в качестве самостоятельной категории выделяется в первой половине XVII века и получает свою интерпретацию в работах Рене Декарта. *Пространство* характеризуется философом через понятие протяженности и рассматривается в сопоставлении «пространство – тело» с выявлением его существенных интегральных и дифференциальных характеристик [Декарт 1950, с. 84].

В философии и лингвистике XX – начала XXI вв. *пространство, направление и движение* изучаются на уровне *грамматических средств* (Н. Н. Болдырев, А. В. Бондарко, Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова, Е. В. Падучева, Т. А. Яценко и др.), *семантики* (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, В. А. Ермакова, И. М. Кобозева, В. А. Маслова, Н. Б. Мечковская, А. Д. Шмелев и др.), *национально-культурной специфики* (Ю. Д. Апресян, Н. А. Бердяев, А. Я. Гурвич, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, Вл. Соловьев, Ю. С. Степанов, В. Н. Топоров, П. А. Флоренский, Е. С. Шмурло, Е. С. Яковлева и др.). При этом до сих пор

неисследованным остается прагматический потенциал данных категорий при их реализации в текстах политических СМИ с выявлением их языковых репрезентантов в медиатекстах.

Таким образом, процесс категоризации как один из ключевых когнитивных процессов лежит в основе исследования языка со времен античности и приобретает новые особенности изучения в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы. В диссертационной работе проводится комплексный анализ категорий *пространство*, *направление* и *движение* как когнитивных доминант, лежащих в основе моделирования современного медиадискурса политической направленности. Наблюдения, проведенные автором исследования, позволяют сделать вывод о том, что в медиатекстах начала XXI данные категории формируют новые образы и сценарии, направленные на усиление манипулятивного потенциала медиатекстов и моделирование нового спектра метафорических моделей.

1.2 Лингвокогнитивные особенности политического дискурса в научных измерениях конца XX – начала XXI века

Возникновение и распространение новых лингвистических направлений, связанных с изучением ключевых средств категоризации мира, определяется закономерным смещением фокуса исследовательского внимания с системно-структурной парадигмы на парадигму антропоцентрическую, когнитивно-прагматическую. Одним из таких наиболее актуальных направлений в контексте современных гуманитарных наук, бесспорно, является исследование *политического дискурса*, который сегодня представляет собой одну из разновидностей дискурса, имеющую в современном обществе свои цели, задачи и функции.

Появление термина *политический дискурс* обусловлено значимостью исследований, направленных на отражение специфики когнитивного подхода

к исследованию текстовых корпусов, и непосредственно связано с развитием термина «дискурс» (фр. *discours*, англ. *discourse*, от лат. *diskursus* «движение, круговорот; беседа, разговор»), который был введен в научный терминологический аппарат американским ученым З. Харрисом в 1952 году и употреблен в словосочетании «анализ дискурса».

В исследованиях Н. Д. Арутюновой подчеркиваются социальный характер дискурса и характерные для него признаки и особенности. По мнению ученого, *дискурс* можно определить как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1990, с. 136–137]. Определяя *дискурс* как речь, “погруженную в жизнь”, лингвист выделяет основную характеристику, отличающую понятия *дискурс* и *текст*. Так, автор считает, что термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [Арутюнова 1990, с. 136–137].

В отечественной лингвистике работы, посвященные анализу *политического дискурса*, начали появляться в 20-е годы XX в. В истории изучения *политического дискурса* А. П. Чудинов выделяет следующие периоды:

1. Период с 1920-х по 1930-е гг. (исследования Г. О. Винокура, С. И. Карцевского, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева и др.). Основным направлением изучения политического языка было исследование преобразований в лексической и стилистической системе русского литературного языка после 1917 г.

2. Период с 1930-х по 1940-е гг. (научные разработки Н. Я. Марра и его последователей). Целью научных изысканий ученых являлось выделение и характеристика «языка эксплуататоров» и «языка трудящихся» как самостоятельных подсистем национального языка.

3. Период с 1950-х по 1980-е гг. (работы Ю. Д. Апресяна, Л. А. Введенской, Е. А. Ножина и др.). Данный период определяется как отправная точка для формирования направления, связанного с анализом политической речи. Исследования теории и практики ораторского искусства и лекторского мастерства повлияли на интерес к анализу публичной речи и, в частности, речи политических деятелей [по: Чудинов 2003].

События конца 1980-х – начала 1990-х годов стали основой для формирования современного *политического дискурса*. Исследования *политического дискурса* данного периода не были однородными. Так, обзор научных работ, связанных с изучением языка политики, позволил выделить два ключевых направления: изучение языка тоталитарного строя (работы С. С. Ермоленко, Б. А. Зильберта, Ю. И. Левина, Н. А. Купиной) и анализ «нового языка» постперестроечного периода (исследования А. Н. Баранова, О. П. Ермаковой, Е. Г. Казакевича, Е. В. Какориной).

Будучи междисциплинарным по своим базовым свойствам, он интересует представителей социологии, социальной психологии, культурологии, специалистов по теории массовой коммуникации и теории воздействия. В связи с этим не существует единой трактовки понятия, так как каждая отрасль, изучающая *политический дискурс*, привносит в него особенности, наиболее ценные для соответствующего направления исследования.

При широком понимании термина *политический дискурс* ученые приходят к выводу, что он представляет собой «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1991, с. 6], включает в себя «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2004, с. 31]. При узком понимании данного термина, как отмечает Т. ван Дейк, *политический дискурс* можно охарактеризовать как «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой». Ученый подчеркивает, что к сфере политики

принадлежат речи политиков, правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, поэтому именно они должны стать объектом изучения. Лингвист резюмирует, что «политический дискурс – это дискурс политиков», поэтому он не предполагает включение текстов, авторы которых не относятся непосредственно к политической сфере [Дейк 2000]. В рамках диссертационного исследования мы будем придерживаться широкого понимания термина *политический дискурс*, согласно которому будем включать в объем практического материала любые тексты политической направленности.

Проблемы определения *политического дискурса* как одного из типов институционального общения, его признаков и функций тесно связаны с описанием *политического языка*, широко представленным в последние годы в научных исследованиях (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, О. И. Воробьева, В. З. Демьянков, М. В. Ильин, В. И. Карасик, Н. А. Купина, П. Б. Паршин, Е. С. Серажим, П. Серио, Ю. А. Сорокин, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Г. М. Яворская и др.).

Политический язык, по мнению большинства исследователей, нельзя определить как особую подсистему языка, поскольку в нем не обнаруживаются какие-либо грамматические, фонетические, синтаксические элементы, которые отличали бы политический язык от других форм существования языка. Однако справедливо обозначить, что он имеет специфическую лексико-фразеологическую составляющую, которая является основой политической коммуникации и отличает язык политики от других вариантов национального языка. Такого взгляда на политический язык придерживается, в частности, О.И. Воробьева, которая подчеркивает, что «основой политического языка следует считать политическую лексику, которая занимает особое место в словарном составе языка: она частотна и представляет собой особый, наиболее важный аспект политической коммуникации» [Воробьева 2008, с. 10-11]. Автор приходит к выводу, что, «с одной стороны, слова этой микросистемы являются терминами,

отличающимися особой сферой употребления, точностью наименования и отсутствием коннотативных элементов. С другой стороны, именно политическая лексика и понятия, ею обозначаемые, вызывают неоднозначное эмоционально-оценочное отношение к себе носителей языка, особенно в периоды интенсивной политизации различных сторон в жизни данного общества» [там же].

В данной работе мы не останавливаемся подробно на определении *политического языка*, взяв за основу общепринятое понимание его как знаковой системы, реализующей политическую коммуникацию. Это позволяет, на наш взгляд, связывать дефиниции «политический язык» и «политический дискурс» в единую научно-понятийную систему.

Как известно, связь между политикой и языком выражена, главным образом, в том, что ни один политический режим не может существовать без речевого контакта с обществом. Эта взаимосвязь лежит в основе современных лингвополитологических и концептуальных исследований. Функции языка в *политическом дискурсе*, по мнению лингвистов, реализуются в случае, если при благоприятных условиях возможно информировать адресата о политических идеях, давать политические рекомендации, советы и указания, убеждать избирателя своего/чужого электората.

Отождествляя *политический дискурс* с понятием политической речи, Т. В. Юдина расценивает политический язык как форму публичной речи, произнесенной оратором, и рассматривает такую коммуникативную ситуацию как само политическое действие [Юдина 2001, с. 3]. Политический язык часто возникает из аргументативных реакций, и это взаимодействие, это сцепление создает ее дискурсивное пространство. Подобную мысль находим у Г.М. Яворской, которая понимает *политический дискурс* как вид политической деятельности. По мнению ученого, «внимание к словам и понятиям, когда речь идет о политике, совершенно обоснованно, так как политическая деятельность – это, в первую очередь, деятельность

дискурсивная, то есть осуществляющаяся в виде «разговоров» и разного рода текстов» [Яворская 2002]. Неоднозначная интерпретация термина *политический дискурс* и его описание в различных парадигмах обусловили необходимость систематизации и структуризации положений, выраженных в современных направлениях и научных европейских и отечественных школах политической лингвистики.

Усиление значимости *политического дискурса* привело и к расширению каналов его распространения. Так, в современных исследованиях отмечается, что наиболее ценными публичными каналами доставки политического сообщения являются печатные (газеты, журналы, книги, интернет-статьи, листовки, плакаты и т.д.) и аудиовизуальные средства массовой коммуникации (радио, телевидение, иллюстрации и т.д.). В объем практического материала диссертационного исследования вошли примеры, входящие в корпус печатных и электронных средств массовой коммуникации политической направленности. Как отмечают ученые, *политический дискурс* в начале XXI века можно охарактеризовать как основу политической лингвистики, «особую подсистему национального языка, предназначенную в целом для политической коммуникации и, в частности, для реализации и пропаганды своих идей, информационного воздействия на членов социума (граждан), побуждения их к совершению политических действий...» [Романов 2002, с. 6].

Функциональная специфика *политического дискурса* определяется его интенциональным содержанием. Мы придерживаемся позиции современных исследователей (Р. Водак, П.Б. Паршина, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, Г.М. Яворской и др.), согласно которой основная функция *политического дискурса* заключается в его использовании как инструмента политической власти. Это позволяет установить его основные функции и способы их реализации. В работе рассматриваются три доминирующие функции *политического дискурса*, которые отражают цель политической деятельности – завоевание власти:

- 1) коммуникативная функция;
- 2) функция борьбы за власть;
- 3) функция регулирования отношений между социальными институтами, в основе которой лежит стратегия построения толерантного конструктивного диалога путем компромисса.

Однако подход к определению функций *политического дискурса* неоднозначен: кроме перечисленных, в современной лингвистике ученые выделили также информационную, образовательную, интегративную функции, функцию социализации, функцию контроля, функцию формирования общественного мнения, функцию социальной солидарности, определения повестки дня, проекции в прошлое и будущее.

В диссертационном исследовании мы соглашались с положением Е.И. Шейгал, согласно которому *политический дискурс* следует рассматривать с позиций системостроения, согласно которым все функции *политического дискурса* представляют собой слаженный механизм одной системы, предназначение которой заключается в обслуживании сферы политической деятельности.

Таким образом, функции *политического дискурса* относятся к числу институциональных характеристик и определяют его жанровое разнообразие. Как показывает анализ политических текстов, функции *политического дискурса* отражают прежде всего семантико-прагматическую специфику современной политической коммуникации. Данный факт и определяет стратегии и тактики *политического дискурса*.

О. Л. Михалева называет три ведущих стратегии *политического дискурса* и тактики внутри них: стратегия на понижение (тактика обвинения, тактика обличения, тактика угрозы и др.), стратегия на повышение (тактика презентации, тактика отвода критики, тактика самооправдания и др.), стратегия театральности (тактика предупреждения, тактика иронизирования, тактика провокации и др.) [Михалева 2009, с. 45]. Проведенный нами анализ текстов политических СМИ подтверждает теоретическое положение О. Н.

Паршиной о наличии четырех ведущих стратегий в современном русскоязычном *политическом дискурсе*: стратегия самопрезентации, стратегия борьбы за власть, стратегия удержания власти, стратегия убеждения, общие тактики [Паршина 2010, с. 20]. Таким образом, для понимания эксплицитной и имплицитной целевой направленности политических текстов и систематизации языковых манипулятивных механизмов необходим комплексный анализ речевых стратегий, реализующихся в специальных для каждой конкретной стратегии тактиках, которые, в свою очередь, состоят из конкретных речевых приемов. В *политическом дискурсе* такие институциональные характеристики, как функции, стратегии и тактики, являются базовыми и раскрывают коммуникативно-прагматического содержание политического текста.

Отсутствие единого понимания термина «политический дискурс», выявление противоречивых интерпретаций и представлений о содержании понятия «дискурс» связано, как показывает аналитический обзор научной литературы, с динамичной природой коммуникативного явления. На основе интерпретаций дискурса как лингвокультурного, межкультурного и аксиологического феномена сформулируем определение *политического дискурса*, принимаемое нами в качестве рабочего: ***политический дискурс – это речевая деятельность, реализуемая через знаковую систему и обусловленная ментальными установками субъекта и социополитическими факторами.*** Опираясь на предложенное понимание дискурса, особое внимание в работе мы уделяем дискурсивному содержанию политической коммуникации, выделяя *политический дискурс* как термин в понятийно-терминологической базе дискурсологии.

1.3 Образные средства как механизм когнитивного моделирования политического дискурса

1.3.1 Языковые особенности метафоры в текстах политических СМИ

В современных лингвистических исследованиях язык определяется как знаковая система, участвующая в концептуализации реальной действительности. Изучение семантико-прагматических особенностей языка приводит к пониманию его двойственного содержания, включающего как семантическую (собственно языковую), так и когнитивную (мыслительную) составляющие. Являясь важнейшим средством коммуникации, язык формируется в рамках определенной культурной парадигмы под воздействием интересов и уровня культуры коммуникантов, что подтверждает его антропоцентрический и социокультурный характер. Бесспорным является тот факт, что человек видит мир через призму языка, а развитие самого языка зависит от происходящих в обществе изменений. Такие изменения наиболее полно фиксируются в динамичной системе метафор, ярко и многоаспектно отражающей существующую реальность в современной массовой коммуникации.

Характеризуя современное медиапространство, Г. Н. Манаенко отмечает, что «представленная в публицистических текстах информация – это всегда знание и его оценка, основанная на выражении эмоций и использовании образных средств, которые в комплексе предстают как актуальные, т.к. в дискурсе масс-медиа освещаются события и доминируют темы злободневные для определенного социума в определенный момент его существования и реализованные в координатах *Здесь* и *Сейчас* с опорой на оппозицию *Мы – Другие*» [Манаенко 2014, с. 73]. Именно поэтому выбор образных средств, коррелирующих с картиной мира потенциального адресата, играет в медиатекстах столь важную роль. Данный тезис является особенно актуальным при характеристике медиатекстов политической направленности, поскольку манипулятивная функция политических текстов

предполагает расширение арсенала образных средств и умелое оперирование языковыми фактами.

Исследуя политические тексты, лингвисты не только выявляют лексические и фразеологические особенности реализации языковых единиц в контекстах, но и анализируют языковую картину мира человека, которая отражена в широком спектре образных средств и, в частности, в политических метафорах (Н. Ф. Алефиренко, Р. Андерсон, Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Базылев, Л. В. Балашова, А. Н. Баранов, Ф. С. Бацевич, Л. Е. Бессонова, Г. Ю. Богданович, Н. Н. Болдырев, А. В. Бондарко, Н. Ю. Бородулина, Э. В. Будаев, А. Д. Васильев, С. И. Виноградов, Р. Водак, М. Н. Володина, Е. М. Вольф, О. И. Воробьева, М. Б. Ворошилова, В. Г. Гак, И. Р. Гальперин, Д. Б. Гудков, Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, М. Джонсон, Т. Г. Добросклонская, К. Н. Дубровина, Л. П. Дядечко, О. П. Ермакова, А. А. Залевская, Е. А. Земская, М. В. Ильин, С. В. Ильясова, Е. С. Кара-Мурза, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Н. И. Клушина, И. М. Кобозева, М. Л. Ковшова, В. В. Колесов, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, Н. Ф. Крюкова, Е. С. Кубрякова, Н. А. Купина, Дж. Лакофф, В. А. Маслова, М. Минский, В. П. Москвин, Е. О. Наумова, Е. А. Нахимова, А. В. Олянич, А. В. Петров, Т. В. Радзиевская, Е. В. Рахилина, Л. В. Рацибурская, А. А. Романов, Н. Б. Руженцева, Е. А. Селиванова, П. Серио, О. Б. Сиротинина, А. П. Сквородников, Т. Г. Скребцова, Г. Я. Солганик, Ю. А. Сорокин, Л. А. Ставицкая, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, А. Е. Супрун, В. И. Теркулов, А. А. Уфимцева, Дж. Филлмор, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, А. Д. Шмелев, Г. М. Яворская, Т. А. Яценко и др.).

Комплексное изучение особенностей моделирования и реализации политических метафор можно определить как одно из центральных направлений когнитивной лингвистики начала XXI века. На современном этапе развития языка медиапространства политические метафоры

аккумулируют новые коннотативные смыслы, тем самым расширяя пространство своего употребления и транслируя в сферу политики реалии, характерные для других сфер.

Внушение определенных точек зрения, оценки ситуаций и явлений, через политический текст – главная цель политика или журналиста. Закодированная в политических метафорах культурная информация, делает медиатексты политической направленности насыщенными и глубокими, подчеркивая их национально-культурную характеристику, повышая смысловую и воздействующую «емкость» метафор и связывая их с социально-культурным контекстом употребления. Э. В. Будаев и А. П. Чудинов утверждают, что метафора обладает исторической динамикой, которая отображает «дух времени» и ментальности. История меняется, одни политические события сменяют другие, а значит, и политическая метафора должна отражать различные социальные изменения. Исследователи подчеркивают, что в современной политической метафорологии обнаружены явления, которые в силу своей повторяемости можно считать постулатами, не нуждающиеся в каких-либо доказательствах:

1. Национальная система политических метафор определяется тенденцией к традиционности и постоянным диалектическим взаимодействием, а значит, как замечают исследователи, она способна стабильно развиваться.

2. Значимой характеристикой национальной системы политических метафор является не только стремление к сохранению своей культурной идентичности, но и взаимосвязь с национальными системами политических метафор других стран.

3. Интенсивность развития национальной системы политических метафор нестабильна: периоды быстрого развития сменяют периоды относительного застоя.

4. Политические события, которые привлекают повышенное внимание общественности, быстро становятся центром «метафорического

притяжения», а значит, «сферы-мишени политической метафоры более динамичны, чем ее сферы-источники».

5. Для «метафорической бури» (периода интенсивного развития политической метафоры) характерно вовлечение новых концептов, для построения более детальных метафорических моделей.

6. Для «метафорического затишья» характерно использование традиционных метафор, которые становятся привычными и вызывают меньше эмоций.

7. «Метафорическое затишье» редко бывает полным «штилем»: развитие общества предполагает появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор станут популярными и на каком этапе развития государства и общества это может произойти [Будаев, Чудинов 2006, с. 12-13].

Метафорическая парадигма, таким образом, способна аккумулировать культурные знания и представления носителя языка и эксплицировать их в массмедийном тексте посредством новых образов и сценариев. Именно данный тезис коррелирует с главной отличительной особенностью современного массового текста политической направленности, информация в котором представляется преимущественно имплицитно. По мнению Ю. К. Пироговой преимуществом кодирования информации, посредством использования имплицитных средств для достижения определенных целей определяется тремя факторами:

1) имплицитная информация, как правило, не осознается адресатом, поэтому адресат не склонен подвергать ее какой-либо оценке, относиться к ней критично или сомневаться в ней;

2) адресат самостоятельно выводит информацию при интерпретации сообщения, а не получает ее в готовом виде, поэтому, как правило, принимает ее такой, какая она есть, и не ищет ей подтверждения;

3) адресанта – политического деятеля труднее привлечь к ответственности за информацию, которая не выражена в сообщении в явном виде» [Пирогова 2001, с. 211].

Известно, что любой медиатекст содержит в себе определенные прагматические установки, рассчитанные на ту или иную целевую аудиторию. Употребление метафоры в политическом медиадискурсе способствует достижению интенций автора, направленных на структурирование необходимых мнений и реакций. Влияние метафоры на поведение читателей (потенциального электората) неразрывно связано с теми реалиями, в которых «зарождается» метафора. Так, активизация метафорических переносов поясняется теми социальными изменениями, которые провоцируют порождение новых скрытых смыслов: смена главы государства, революции и народные восстания, внутривнутриполитические и межгосударственные конфликты и т.д. По нашим наблюдениям, использование метафоры не только «украшает» политический текст, но и служит качественным способом для достижения персуазивной цели адресата. Таким образом, когнитивная сущность метафоры как знаковой структуры определяет ее прагматический потенциал. Использование метафор в политических СМИ не только привлекает внимание читателя, но и насыщает текст имплицитными смыслами, что является свидетельством его манипулятивного воздействия, стимулирующего те или иные реакции реципиента. Такие особенности метафор подтверждают, что они не только выполняют управленческую функцию, влияя на эмоции и решения читателя, но и определяют особенности сознания информанта. Именно поэтому метафоры в политическом тексте формируют определенную картину мировосприятия, в результате чего реципиенту навязываются необходимые стереотипы мышления и концептуальные установки, важные для построения определенной гражданской позиции.

Исследователи приходят к выводу, что средством передачи метафорического значения может быть и грамматика. Под грамматической

метафорой в лингвистике понимается намеренный перенос категориальных признаков одной грамматической категории в сферу действия другой грамматической категории с целью создания нового дополнительного смысла, который уже не обязательно является грамматическим [Масленникова 2006, с. 23]. В современной лингвистике выделяют три пути грамматической метафоризации: 1) контраст между грамматическим значением формы и контекстом; 2) контраст между грамматическим значением формы и ее лексическим наполнением; 3) контраст между словарной и внеязыковой ситуацией [Смирнова 2014]. Выявляя отличительные черты лексической и грамматической метафоры, исследователь отмечает, что метафоризация в грамматике ограничена малым числом оппозиций и закрытым типом грамматической системы, кроме того, грамматическая метафора характеризуется однонаправленностью, а не наоборот, хотя и обратные случаи не исключены [там же].

Одна из особенностей политического текста заключается в том, что его задачей является формирование не только конструктивного мнения, но и дискредитирующей характеристики политических субъектов и их действий. Данный тезис подтверждается рассуждениями С. С. Хромова, который отводит политическому языку важную роль. Так, исследователь утверждает, что «язык не только передает информацию, но и воздействует на личность, формирует ее, изменяя в лучшую или в худшую сторону» [Хромов 2007, с. 620]. Соглашаясь с мнением ученого, подчеркнем, что именно метафорические образы, заряженные преимущественно отрицательными коннотациями, являются основой для ассоциирования и отражения определенной социально-политической ситуации.

В когнитологических исследованиях метафора рассматривается как «главное средство нашей концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа» [Ченки 1996, с. 70]. Обзор научной литературы, посвященной исследованию политической метафоры, позволяет интерпретировать данный

термин как инструмент для осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на социальное сознание. Эмоциональная напряженность современной политической коммуникации, широкий коннотативный фон и необходимость тонкого воздействия на адресата определяют высокую активность метафор в политическом дискурсе, их ключевую роль в политических текстах разных жанров.

Сила воздействия метафоры определяется тем, что от нее идет мощный энергетический заряд, которому трудно противостоять вовлеченному реципиенту. П. А. Флоренский подчеркивает: «Чтобы язык жил полной жизнью и осуществлял свои возможности, надо освободить индивидуальную языковую энергию [...]. Процесс речи есть [...] взаимопрорастание энергии индивидуального духа и энергии общечеловеческого разума. И поэтому в слове, как при встрече двух энергий, необходимо есть форма и той и другой. Внешняя форма служит общему разуму, а внутренняя – индивидуальному. ... Слово синэргетично» [Флоренский 2013, с. 211]. Таким образом, в метафоре происходит совмещение двух энергий: устоявшейся конвенциональной формы и неконвенциональности и эмоциональности содержания, наполняющего ее [Аршинов, Свирский 1994, с. 46]. По мнению исследователей, «метафора, на первый взгляд, чрезвычайно расширяет, «расщепляет» пути мышления, но одновременно она задает креативное (интерпретативное) поле смыслов, сужает его до известных пределов, а точнее, до заданных структурой аналогий возможных аттракторов» [Герман, Пищальникова 1999, с. 61].

Неоднозначность в интерпретации метафоры обусловлена различиями в точках зрения при ее осмыслении. В. В. Петров считает, что все многообразие исследовательских подходов к изучению метафоры можно свести к семантическому и когнитивному направлениям [Петров 1990, с. 135]. Именно знание как основа процесса восприятия и моделирования политического мира дает возможность представить его через метафорические модели, фиксирующие особенности восприятия и отражения

в языке определенных политических измерений и ситуаций. Таким образом, процесс познания тех или иных реалий неразрывно связан с метафорическим моделированием, которое с каждым годом расширяет список закрепленных в политическом тексте метафор и метафорических моделей. Для понимания языковых особенностей метафоры ценным является замечание Е. В. Рахилиной, которая характеризует данный термин как «принцип аналогии, только действующий в семантике» [Рахилина 2000, с. 360].

При интерпретации текста адресат преобразует полученную информацию в собственной концептуальной системе в соответствии с тем, что для него является понятным и приоритетным. По замечанию Л. Н. Синельниковой, метафора как непрямая номинация, представляющая нечто на границе иллюзии и реальности, становится средством манипуляции, а тот факт, что политическая метафора содержит информацию о позиции говорящего, делает ее средством воздействия [Синельникова 2009, с. 42].

Сложно не согласиться с позицией Н. И. Клушиной и Г. Я. Солганика, подчеркивающих, что с помощью образных средств моделируется «нужный адресанту яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения» [Клушина 2003, с. 275].

Наиболее полное определение политической метафоры предложил А. Н. Баранов. Исследователь считает, что политическая метафора представляет собой «речевое воздействие с целью формирования у реципиента положительного или отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [Баранов 2000, с. 189]. Соглашаясь с данным определением, подчеркнем, что манипуляционный потенциал политической метафоры – ключевой признак, отличающий ее от метафор из других сфер. Стратегия воздействия, лежащая в основе использования образных средств в политическом дискурсе, определяет и арсенал метафор и метафорических моделей, наиболее активно реализующихся в медиатекстах.

Таким образом, механизмы реализации политической метафоры в масс-медийных текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка. Как показывают результаты нашего исследования, различия «языков СМИ» выявляются именно на уровне образных средств, которые в большей степени, чем другие языковые единицы, опираются на культурный фон потенциального адресата. С другой стороны, следует согласиться точкой зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые утверждают, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон, с. 404].

Приведенные тезисы обусловили тот факт, что в диссертационном возникла необходимость ввести следующие понятия:

- **кросскультурная метафора** – метафора, которая опирается на мировую культуру и интерпретируется одинаково независимо от национальной и социальной принадлежности адресата. Кросскультурные метафоры утверждают возможность существования универсальных образных средств, сближающих медиатексты разных языков и культур и отражающие различные общественно-политические реалии с помощью одинаковых образных средств.

- **уникальная метафора** – метафора, служащая для отражения реалий определенного типа дискурса определенной лингвокультуры и не реализующаяся в медиатекстах иных языковых традиций.

- **метафорическая дублетность** – синонимия образных средств, при которой один план содержания (одно понятие) имеет два и более плана выражения (два и более взаимозаменяемых метафорических образа).

- **метафорическая полифункциональность** – способность отдельных метафор репрезентировать в медиадискурсе различные понятия и, как следствие, имеющие различный интенциональный потенциал.

Таким образом, массмедийный дискурс отличается спецификой объективации метафорического потенциала языковых единиц,

особенностями интенционального содержания и многополярностью образных средств. Широкий спектр функционирования таких единиц придает текстам СМИ возможность массового воздействия на адресата, формирования определенной системы экономических, политических и культурных ценностей. В текстах политических СМИ метафора представляется сложным механизмом, который шифрует текстовую информацию посредством разных метаязыковых кодов, моделирующих когнитивную систему адресата. Частое использование лексики, несвойственной для современного мира, переносит читателя в иные реалии, которые способствуют переработке информации и переформатированию массового сознания. Как следствие, массмедийные политические тексты являются политическим актором, трансформирующим технологию речевого воздействия на адресата через социально ориентированный текст.

1.3.2 Метафорическое моделирование как основа образности современных медиатекстов

Когнитивно-прагматическая парадигма научных знаний, формирующая ценностные установки адресата текста, предопределяет возникновение новых и переосмысление старых объектов исследования. Так, одним из наиболее значимых способов концептуализации действительности является метафорическое моделирование, имеющее широкий арсенал языковых средств и организующее картину мира каждого отдельного человека и общества в целом. Ценность метафорических моделей в современной коммуникации обусловлена тем, что на восприятие мира человеком значительное влияние оказывает встроенный в сознание концептуальный каркас, включающий различные способы отражения мира.

Активизация научных исследований, посвященных изучению метафорических моделей как в теоретическом аспекте, так и с позиции их

функционирования, приходится на вторую половину XX века и связана с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики. Несмотря на кажущуюся новизну терминологического сочетания «метафорическое моделирование», истоки метафорических моделей кроются еще в античной риторике.

Термин «лингвистическая модель» был введен в научный аппарат представителями структурной лингвистики, однако широкое распространение получил в 60-70 гг. XX века с возникновением математической лингвистики. Как отмечают исследователи, современное содержание термина «модель» ранее в значительной степени было реализовано Л. Ельмслевым в термине «теория». Однако в современном лингвистическом терминологическом аппарате подобная аналогия не принимается в полной мере. Так, в работах Ю.Д. Апресяна подчеркивается, что наименования **модель** заслуживает лишь такая теория, которая достаточно эксплицитно изложена и в достаточной степени формализована [Апресян 1966]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» модель определяется как «...искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением [...] поведение какого-либо другого [...] устройства [...] в лингвистических целях» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002]. Именно целевая направленность модели как элемента терминологического аппарата лингвистики и ее широкий прагматический потенциал привели к активизации использования данного термина в современных научных исследованиях.

В данной работе мы остановимся на теоретическом обосновании метафорических моделей, исследованию которых посвящены работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, Л. Е. Бессоновой, В. З. Демьянкова, М. Джонсона, О. П. Ермаковой, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, Е. С. Кубряковой, Т. Г. Скребцовой, А. П. Чудинова и других исследователей. Как показал анализ научной литературы, в основе

метафорического моделирования лежат когнитивные модели, которые являются одним из ключевых объектов современной когнитивной лингвистики. Е. С. Кубрякова определяет такие модели как «механизмы мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания как той базы, на которой мышление протекает» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 56]. Исследователи подчеркивают, что преимущества когнитивного подхода к исследованию процессов метафоризации, заключаются в выходе за пределы собственно языкового значения. Значимым при этом является утверждение, что такой подход «открывает широкие перспективы виденья языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 3]. Анализ современных лингвистических исследований позволяет сделать вывод о том, что именно этот подход является ключевым при описании и анализе метафорических моделей, являющихся основой формирования языковой картины мира.

В лингвистических исследованиях наблюдается широкая терминологическая синонимия. Так, наряду с термином *метафорическая модель* в работах последних десятилетий активно функционируют термины *когнитивная модель* (Дж. Лакофф), *ментальная модель* (Ф. Джонсон-Лэрд), *модель регулярной многозначности* (Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев), *модель семантической деривации* (Е.В. Падучева, Е.В. Рахилина), отражающие различные лингвистические подходы и традиции отечественных и зарубежных научных школ. В отечественной лингвистике рубежа XX-XXI вв. термин «метафорическая модель» глубоко и полно описывается представителями «Екатеринбургской школы политической лингвистики» (руководитель – проф. А. П. Чудинов). Под метафорической моделью А. П. Чудинов понимает «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях мотивации

первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [Чудинов 2001, с. 56]. Таким образом, метафорическая модель представляется как часть национальной языковой картины мира, тесно связанной с историей народа и (что наиболее ценно) социально-политической ситуацией.

Определяя термин «метафорическая модель» как «тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов» [Баранов 2003], А. Н. Баранов устанавливает ряд различий между метафорической моделью и принятыми когнитивной теорией метафоры концептуальными структурами. В частности, исследователь разграничивает метафорическую модель и схему образов на основе следующих параметров:

1) более всеобъемлющий характер метафорической модели, которая может аккумулировать несколько схем образов;

2) наглядная структурная организация элементов (элементы метафорической модели иерархично расположены в виде семантического дерева);

3) взаимосвязь различных метафорических моделей между собой (благодаря наличию парадигматических связей между дескрипторами, которые, в свою очередь, могут входить в несколько моделей);

4) более «языковая» природа метафорической модели (репрезентациями модели являются дескрипторы – слова и словосочетания) [там же].

Аналитический обзор научной литературы позволил сделать вывод о том, что в современной лингвистике отсутствует единое мнение по многим вопросам, связанным с метафорическим моделированием. Одним из ключевых вопросов, являющихся предметом дискуссий, можно считать структуру метафорической модели, которая описывается с семантической и грамматической позиций. Приведем наиболее убедительные, на наш взгляд, точки зрения, представляющие каждую из позиций.

При семантическом описании метафорической модели В. Н. Телия выделяет три составляющие: «1) основание метафоры как мысль о мире; 2)

образное представление о вспомогательной сущности, которое актуализируется в части метафоры, соизмеримой с формирующейся мыслью о мире как по содержанию, так и по подобию; 3) само значение переосмысливаемого при посредстве метафоризации наименования» [Телия 1988, с. 185–186]. Описывая структуру метафорической модели, Н. П. Тропина акцентирует внимание не столько на семантическом, сколько на грамматическом соответствии сферы-донора и сферы-реципиента [Тропина 2003, с. 123]. При характеристике метафорической модели ценным является замечание Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Ученые подчеркивают, что «метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон 1990, с. 203].

Характеризуя метафорическую модель с коммуникативно-прагматической позиции, Н. А. Мишанкина приходит к выводу, что «наличие значительного количества имплицитных компонентов, латентной информации ведет к тому, что метафорическая модель, будучи одновременно емкой и компактной, легко занимает позицию интертекстуального компонента. При этом происходят ее переструктурирование, позитивная переработка, актуализация незадействованных компонентов» [Мишанкина 2009, с. 43]. Исследователи А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов интерпретируют метафорическую модель как «некоторую понятийную область, элементы которой связаны различными семантическими отношениями, причем каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей» [Баранов, Караулов 1994, с. 15].

Вариативность исследовательских позиций и неоднородность аргументов, на наш взгляд, свидетельствует не о субъективности в анализе того или иного исследователя, а о широте интерпретации метафорических

моделей и различных аспектах их изучения. Анализ научной литературы, посвященной описанию метафорических моделей на основе актуального сегодня материала (масс-медийных текстов, политических документов, языка рекламы и др.), позволяет прийти к выводу о ведущей роли описания метафорических моделей через фреймово-слотовые структуры. Несмотря на то, что термин «фрейм» благодаря известным работам М. Минского и Ч. Филлмора вошел в лингвистический терминологический аппарат достаточно давно [см. Филлмор 1988, с. 52–93; Minsky 1980, с. 1–25], наиболее активно метафорические модели на основе фреймово-слотовых структур стали рассматриваться только в последние 20 лет.

По утверждению М. Минского, фрейм представляет собой «статическую информационную структуру данных», которая используется для репрезентации стереотипной ситуации. Содержание фрейма определяется ученым как совокупность вершинных и терминальных компонентов, при этом подчеркивается тот факт, что фреймы можно охарактеризовать как «центры концентрированного представления знаний о том, как связаны между собой различные предметы и явления, каким образом они используются и как они друг с другом взаимодействуют» [Минский 1979, с. 47]. Связывая термин *фрейм* с особенностями организации языковой системы, исследователь предлагает концепцию фреймовой семантики, которая рассматривается автором как «программа исследований, дающая способ охарактеризовать принципы создания новых слов и предложений, добавления новых значений слов, а также сборки значений элементов в целое» [Филлмор 1988, с. 52–93].

В настоящее время учеными широко применяется метод фреймовой семантики как «метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства» [Болдырев 2001, с. 33].

В современных лингвистических исследованиях понятие фрейма является объемным и многозначным. Исследователи приходят к выводу, что

язык фреймов удобен для описания процессов метафоризации именно потому, что это типичный метаязык представления знаний, который не делает различий между лингвистической и экстралингвистической информацией.

Одной из наиболее важных особенностей фрейма является его динамичность, которая в лингвистическом плане обеспечивается предикативностью» [там же]. Согласно положениям С. А. Жаботинской, фрейм может быть интерпретирован как концептуальная структура, которая предполагает «возможность его преобразования в сценарий при переходе в динамичное состояние, когда терминальные узлы и слоты функционируют в действии» [Жаботинская 1992]. А. А. Залевская считает, что «фреймы служат репрезентации стереотипных ситуаций дискурсивно-прагматической природы» [Залевская 1990, с. 42] и, следовательно, объединяют лингвистическую и экстралингвистическую информацию. Структура фрейма как типовой ситуации, «ассоциативного набора обязательных и факультативных компонентов – сети смысловых узлов (слотов) и терминалов» [там же], по убеждению исследователей, оказывает влияние на выбор сигнификативных и денотативных дескрипторов, участвующих в создании метафоры.

Характеризуя метафорическую модель как сложное образование, имеющее фреймово-слотовую структуру, А. П. Чудинов обращает внимание на следующие существенные признаки: 1) исходную понятийную область; 2) новую понятийную область; 3) типовые для данной модели сценарии, отражающие наиболее характерные для исходной понятийной сферы ситуации; 4) относящиеся к данной модели фреймы, структурирующие соответствующую понятийную область; 5) составляющие каждый фрейм типовые слоты; 6) компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [Чудинов 2001, с. 41–45].

Именно данные параметры, как правило, лежат в основе понимания структуры метафорической модели при ее исследовании в масс-медийных

текстах, что обусловлено четкой организацией данного термина и возможностью его экстраполирования на объекты современной коммуникации.

Многообразие работ и подходов, сложность и глубина термина «метафорическая модель» позволяют говорить и о вариативности в его толковании. Интерпретации метафорической модели с семантической и грамматической точек зрения дополняются интерпретациями с прагматической (или коммуникативно-прагматической) позиций, что обусловлено ключевой для когнитивной метафоры функцией воздействия на адресата. Комплексное исследование метафорических моделей позволяет наиболее полно охарактеризовать особенности современной языковой картины мира.

Рассмотрение научной литературы, посвященной изучению теоретических основ метафорического моделирования, позволило выявить новые исследовательские методики изучения метафорического потенциала языковых единиц. Отсутствие единого понимания термина «метафорическая модель» приводит к разнообразию научных подходов при ее комплексном описании.

Являясь объектом исследования, лежащим на пересечении различных областей наук, политическая метафора изучается, прежде всего, в аспекте когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа и риторики. Такое комплексное исследование политической метафоры способствует более полному раскрытию природы и особенностей функционирования данного феномена. Особую роль метафора играет в масс-медийных политических текстах, что обусловлено ее семантико-прагматическим потенциалом и особенностями функционирования в языке газет. Интерес к особенностям реализации метафоры в масс-медийных политических текстах обусловлен и ее манипулятивным характером, сильным прагматическим эффектом.

Объективируя социально-политические особенности современного мироустройства, метафоры являются обязательным и неотъемлемым

элементом создания политических образов. Использование метафорических выражений, обеспечивающих определенное (чаще – негативное) восприятие реципиентом политических реалий, в последнее десятилетие представляет собой неотъемлемую черту русскоязычного политического дискурса.

1.3.3 Прецедентные феномены в политических текстах начала XXI столетия

В современной лингвистике выделяется ряд особенностей массмедийных текстов. Особенно выраженными являются такие как клишированность используемых средств, экспрессивность языка, использование сниженной лексики, употребление приемов и фигур речи. Одним из ярких признаков текстов современных СМИ, по мнению исследователей, является активное использование прецедентных феноменов.

Формирование и закрепление термина «прецедентный текст» в отечественной лингвистике относится к концу 80-х годов XX века, однако именно сейчас исследование данного феномена все больше привлекает внимание ученых, которые приходят к выводу, что прецедентные имена представляют собой важный фрагмент национальной языковой картины мира и «задают национальную систему ценностей и антиценностей» [Немирова 2003, с. 146–156]. В диссертационном исследовании вслед за Ю. Н. Карауловым под прецедентными феноменами мы понимаем «готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987, с. 216].

Подчеркивая особенности реализации прецедентных феноменов, Д. Б. Гудков обращает внимание на «денотативное (интенциональное) и

коннотативное (экстенциональное) использование прецедентного имени» [Гудков 2003, с. 154]. Данная идея развивается и углубляется в исследованиях В. И. Карасика и Е. В. Бобыревой, которые утверждают, что «экстенциональное значение можно охарактеризовать как аналог метафорического значения, при этом для восприятия и интерпретации текстов необходимым является использование и денотативного, и коннотативного аспектов». Статусом прецедентных, по убеждению ученых, «обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу, т.е. инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов лингвокультурного сообщества» [Бобырева, Карасик 2014, с. 262–263].

В зависимости от того, какой точки зрения придерживается исследователь, используются различные термины, такие как *прецедентный феномен*, *прецедентное имя*, *прецедентный культурный знак* (Ю. Н. Караулов, Ю. Е. Прохоров, Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов); *номены*, *некоторые вербальные микро- и макроединицы* (Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева); *текстовая реминисценция* (А. Е. Супрун, А.П. Клименко); *интертекстема*, *интертекст*, *проявление интертекстуальности* (К. П. Сидоренко), *логоэпистема* (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова); *концепты прецедентных текстов* (Г. Г. Слышкин), *прецедентные культурные знаки* (Ю. Б. Гуньков) и др. Данные термины не совпадают в полном объеме, однако имеют общие компоненты значений.

Такое расхождение в определении термина объясняется использованием ключевого понятия «прецедентный», которое трактуется и понимается с некоторым различием. Как отмечает В.В. Красных, «разница касается, в первую очередь, самих анализируемых феноменов и «степени» (в других терминах – «глубины») прецедентности» [Красных 2003, с. 128]. Е. А. Нахимова подчеркивает, что «каждый из этих терминов используется в своей научной парадигме и отражает характерную для этой парадигмы

систему взглядов на взаимосвязи рассматриваемых имен, на взаимоотношения этих имен с текстом и их функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие соответствующего имени на адресата. Единственное, в чем соглашаются представители различных научных направлений, так это в том, что рассматриваемое явление имеет давние традиции, но особенно характерно для современной массовой коммуникации» [Нахимова 2007, с. 16].

Исследователи включают в число прецедентных феноменов как вербальные (лексемы, фразеологизмы, предложения), так и невербальные (произведения живописи, музыки, зодчества) единицы, которые составляют значимую часть национального фонда культурно ориентированных знаков. Согласно более узкому определению прецедентных феноменов, предложенному Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, И. В. Захаренко, данные термины можно определить как «известные любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входящие в когнитивную базу этого сообщества» [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997, с. 104].

Полифония смыслов, вызванная неоднозначностью интерпретаций и различиями в языковой и культурной картине мира характерны прежде всего для масс-медийных текстов. Прецедентные имена могут по-разному функционировать в речи. В. В. Красных отмечает, что именно сложность структуры прецедентного имени определяет особенности функционирования прецедентных имен в речи: «Во-первых, оно может именовать предмет и непосредственно указывать на денотат. В таком случае определяющие признаки данного имени не имеют особого значения и не учитываются. Во-вторых, прецедентное имя может указывать на набор каких-либо признаков, значимых для определенного персонажа или же произведения в целом. Прецедентному имени свойственно прямое и косвенное употребление» [Красных 1997, с. 83].

Обладая широким манипулятивным потенциалом, прецедентные феномены широко используются в политических медиатекстах. Одной из

важных причин такого распространения, с точки зрения Л. А. Бутахиной и А. В. Филлиповой является их полифункциональность, возможность переосмысления и насыщения текста новыми смыслами [Бутахина, Филлипова 2012, с. 7]. По мнению Е.А. Нахимовой, обращение к прецедентным феноменам является традиционной чертой отечественной политической коммуникации. Значимость данных единиц образной системы, по убеждению ученого, обусловлена тем, что именно с их помощью наиболее полно представляется политическая позиция автора и усиливается прагматическое воздействие текста [Нахимова 2007, с. 120].

Динамический характер языка современных медиатекстов обуславливает появление новых источников прецедентности. Характеризуя современные социополитические реалии, политики и журналисты активно используют прецедентные конструкции в соответствии с авторским видением. Анализ медиапространства 2009–2019 гг. позволил сделать вывод о том, что ценным фрагментом политической картины мира являются прецедентные конструкции, построенные на основе когнитивных доминант *пространство – направление – движение*. Прецедентные феномены, с одной стороны, являются воспроизводимыми (а значит, стандартными) единицами; с другой стороны, они всегда эмоционально нагружены, экспрессивно заряжены. По наблюдениям ученых, многие прецеденты непонятны для современного читателя, особенно молодого, а значит, не выполняют своей роли. Е. А. Земская подчеркивает, что «современный читатель плохо знаком и со сферой культуры, не идентифицирует многие цитаты, не знает классиков русской литературы» [Земская 1996, с. 57]. Это объясняется еще и тем, что прецедентные единицы в политических текстах выполняют неомифологическую функцию, которая определяет тот факт, что часть оригинального текста подвергается трансформации.

Востребованность прецедентизмов в газетном тексте обуславливается тем, что, обладая довольно устойчивой формально-

семантической структурой, они способны реализовать конструктивный принцип языка публицистики – «чередование экспрессии и стандарта» [Корнилов 2003, с. 139]. Актуализация прецедентных феноменов связана с усилением смысловой и стилистической нагрузок текста и, как правило, достигается за счет трансформаций. Очевидно, что трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны. При функционировании прецедентных феноменов в политических текстах отмечаются различные виды трансформаций содержания и структуры, которые и определяют характер их влияния на контекст.

В современных исследованиях классификация по разграничению прецедентных феноменов на прецедентные имена, прецедентные названия, прецедентные высказывания, прецедентные конструкции является наиболее распространённой. При анализе практического материала мы будем оперировать терминами, авторское понимание которых в предлагаемом исследовании базируется на определениях Ю. Н. Караулова, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Е. А. Нахимовой:

- **прецедентный феномен** – языковая единица, которая представляет собой родовое понятие, т.е. может обозначать любой из видов прецедентизмов;

- **прецедентное имя** - индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом (историческим, художественным и т.д.) или ситуацией и апеллирующее не к собственно денотату, а к ассоциативным признакам, возникающим у носителей языка при упоминании того или иного имени собственного;

- **прецедентное высказывание** – цельная самостоятельная единица, обладающая номинативностью или предикативностью и регулярно воспроизводимая в речи носителей языка;

- **прецедентная ситуация** – «эталонная» ситуация, вызывающая у носителей лингвокультуры определенные (индивидуальные или универсальные) ассоциации и объективированная в тексте преимущественно посредством прецедентного имени или прецедентного высказывания;

- **прецедентный текст** – регулярно воспроизводимый текст, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; известный широкому кругу представителей данного социума и апеллирующий к культурной памяти читателя.

Кроме этого, нам видится целесообразным введение термина **прецедентный контаминант**, под которым в диссертационном исследовании будет пониматься единица образной системы, аккумулировавшая элементы значений двух прецедентных единиц (Содом и Голгофа, Троянское яблоко раздора и др.).

Результаты исследования показывают, что в современном массмедийном дискурсе распространение получают прецедентные феномены различного типа, включающие широкий спектр языковых и речевых единиц (афоризмы, крылатые выражения, фольклорные высказывания, политические лозунги, цитаты, фразеологизмы) и являющиеся наиболее узнаваемыми для массового читателя.

Выводы

История развития когнитивной лингвистики как науки демонстрирует интерес, проявляемый исследователями к сложным и многогранным понятиям, лежащим на стыке различных областей гуманитарного знания. Комплексный анализ существующих работ, выполненных с применением когнитивных методик, позволил определить терминологический аппарат диссертационного исследования, призванный помочь при категоризации мира в языке политики на материале когнитивных доминант *пространство – направление – движение*. Дискуссионность в определении ряда терминов и широкий спектр метадискурсивных проблем, связанных с описанием механизмов формирования языка политики, обусловили необходимость систематизации терминологического аппарата работы с уточнением понятий *политический дискурс, политическая метафора, метафорическая модель, прецедентный феномен*.

В последнее десятилетие термин «**политический дискурс**», введение которого было продиктовано стремлением уточнить специфику языка политики в различных видах и формах коммуникации, стал предметом научных дискуссий политологов, социологов, культурологов, философов, лингвистов. Разноаспектность в определении понятия «политический дискурс», выявление противоречивых интерпретаций и представлений о содержании понятия «дискурс» связано, как показывает аналитический обзор научной литературы, с динамичной природой данного коммуникативно-прагматического явления.

На основе интерпретации дискурса как лингвокультурного, межкультурного и аксиологического феномена в диссертации было сформулировано следующее понимание политического дискурса: политический дискурс – это речевая деятельность, реализуемая через знаковую систему и обусловленная ментальными установками субъекта и социополитическими факторами. Такое понимание термина «политический

дискурс» доказывает его важное место в понятийно-терминологической базе дискурсологии.

Язык политики, нашедший отражение в медиатекстах, отличается спецификой объективации единиц образной системы, их многополярностью и особенностями интенционального содержания. Широкий спектр функционирования слов и конструкций на уровне вторичной номинации придает текстам СМИ способность массового воздействия на адресата, формирования определенной системы экономических, политических и культурных ценностей. В медиатекстах политической направленности **политическая метафора** представляется сложным механизмом, который шифрует текстовую информацию посредством системы метаязыковых кодов, моделирующих когнитивную систему адресата. Частое использование лексики, несвойственной для современного мира, переносит читателя в медийные реалии, которые способствуют переработке информации и переформатированию массового сознания. Как следствие, массмедийные политические тексты тесно связаны с политическими акторами и сами могут определяться как акторы, трансформирующие технологию речевого воздействия на адресата через социально ориентированный текст.

В качестве основного механизма организации массмедийного политического дискурса в диссертационном исследовании было определено **метафорическое моделирование**, интерпретируемое в работе как соотнесение мотивирующего (первичного) и мотивируемого (вторичного) языковых знаков, возникающее в сознании носителей определенной лингвокультуры на основе ассоциативных связей и являющееся источником появления новых образных значений.

Изучение широкого спектра отечественных и зарубежных научных исследований по теории метафорического моделирования и политической метафоры приводит к выводу о наличии терминологических лакун, заполнение которых должно способствовать решению поставленных в диссертационном исследовании задач. Для глубокого и полного описания

единиц образной системы как механизма когнитивного моделирования политического дискурса автором диссертации были введены термины *метафорическая дублетность*, *метафорическая полифункциональность*, *кросскультурная метафора*, *уникальная метафора*, *прецедентный контаминант*, направленные на комплексное изучение и описание всего спектра образных средств, участвующих в формировании русскоязычных медиатекстов политической направленности.

Корреляция политического медиадискурса с другими видами дискурсов обнаруживается в арсенале **прецедентных единиц**, репрезентирующих закодированную в медиатекстах полифонию смыслов. Интертекстуальное пространство политических СМИ регламентирует языковые и когнитивные особенности оперирования лингвокультурными знаниями, закрепленными в широком спектре прецедентных феноменов. Прецедентные единицы лежат в основе взаимодействия когнитивных систем адресанта и адресата и участвуют в процессе кодирования и декодирования информации. При анализе современных социополитических реалий прецедентные феномены могут быть охарактеризованы как единицы репрезентации фоновых знаний, универсальные для соответствующего лингвокогнитивного сообщества и учитывающие национально-культурный опыт и систему ценностей представителей той или иной лингвокультуры. Единицами системы прецедентных феноменов в диссертационном исследовании являются взаимосвязанные понятия прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и предложенный в работе термин прецедентный контаминант, определяемый как единица образной системы, аккумулировавшая элементы значений двух прецедентных единиц. Прецедентные феномены, как было доказано в диссертационном исследовании, являются ценным фрагментом политической картины мира и организуют новые образы и сценарии, необходимые для решения прагматических задач автора медиапродукта. Активное использование

политиками и журналистами приемов языковой игры определяет высокую долю формально и / или когнитивно трансформируемых прецедентных имен и прецедентных высказываний.

Значительный прагматический потенциал единиц образной системы, представленный в русскоязычном медиадискурсе, лежит в основе моделирования современной политической картины мира как многовекторного конструкта, сформированного под влиянием историко-политических и социокультурных факторов.

ГЛАВА 2. ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДОМИНАНТ В ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

2.1 Политическая метафора как механизм реализации когнитивной матрицы *горизонталь / вертикаль*

2.1.1 Метафорическое моделирование горизонтального пространства

2.1.1.1 Метафорическая модель «политика – это дорога / путь» как фреймово-слотовая структура

Категория *пространство* в массмедийных текстах включает в себя систему оппозиций, реализующуюся как на грамматическом, так и на семантико-прагматическом, когнитивном уровне, и вербализуется в массмедийных текстах через когнитивную ось *горизонталь – вертикаль*, в границах которой объективируются такие оппозиции, как *верх – низ*, *открытость – закрытость*, *вперед – назад*, *правый – левый*. Ключевые единицы *дорога* и *путь*, являющиеся базовыми репрезентантами горизонтального вектора категории *пространство*, выявляются как организующий центр пространственного фрагмента *горизонталь* языковой картины мира (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Гусева, О. О. Ипполитов, В. В. Колесов, Ю. Н. Кольцова, Э. Лассан, Л. В. Мельник, О. С. Пальчевская, Т. В. Радзиевская, О. А. Черепанова, Т. А. Яценко и др.).

Семантические компоненты слов *дорога*, *путь*, выделенные в результате анализа словарных дефиниций, позволяют организовать общую систему семантических признаков, которые конструируют данный образ в наивной картине мира. Такими интегральными признаками становятся компоненты ‘место’, ‘направление’, ‘время’, ‘движение’, ‘цель’; при этом отмечается тесная связь пространственной и временной сем. Установленный факт подтверждает теоретическое положение лингвистики о неразрывной связи *пространства* и *времени*. Дифференциальные семы лексем *дорога*,

путь находятся на периферии и определяются незначительным семантическим расхождением слов с точки зрения диахронии и синхронии. Выделенные семантические признаки составляют смысловое ядро лексем *дорога*, *путь* и определяют механизмы расширения семантики при реализации в медиатекстах.

В работе проводится контекстологический анализ ключевых слов *дорога*, *путь*, а также менее частотных для политических медиатекстов лексем *стезя*, *тропа*, *колея*. В политических контекстах такие единицы приобретают метафорическое значение и реализуются в атрибутивных сочетаниях и предикатных конструкциях. Отмечается, что в контекстах выявляются синтагматические связи, характерные именно для политического текста (*верховнорадский*, *демократический*, *евроинтеграционный*, *политический*, *правительственный*, *революционный*, *стратегический* и т.д.): «*Страна выбрала демократическую дорогу*» (МК, № 24462, 10.05.2012); «*Евроинтеграционный путь, который Украина выбрала, приведет наше государство к положительным результатам*» (Д, № 197–198, 29.10.2010); «*Черногория в 2017 году стала членом НАТО, повторяя тем самым евроинтеграционный путь стран «Новой Европы»*» (rubaltic.ru, 14.02.2018); «*7 февраля Верховная Рада Украины закрепила в Конституции стратегический путь страны в Европейский союз и НАТО*» (КрымРеалии, 08.02.2019); «*Крым так и не сдвинул Россию с неолиберального пути*» (REGNUM, 22.02.2019).

Лексема *дорога* является вершиной разветвленного словообразовательного гнезда. Однокоренные производные *дорожка*, *дорожный*, *бездорожье*, *внедорожный*, *подорожная*, *путь-дорожка* широко функционируют в медиатекстах в переносных значениях: «*невидимые дорожки голосующих и избираемых*»; «*кривая дорожка политической жизни*»; «*подорожная для Конституционного суда*»; «*извилистые пути-дорожки отечественного бизнеса*» и др.

Прагматическое содержание медиатекстов политической направленности определяет тот факт, что в дериватах наводится негативная или позитивная коннотация и при сохранении денотативных сем индуцируются коннотативные компоненты, в результате чего слова получают мейоративную или пейоративную оценку. При функционировании лексем с пространственной семантикой во вторичной номинативной функции проявляются высокая степень метафоричности, коннотативный фон и динамика ценностных ориентиров аксиологической шкалы.

Реализация метафорической модели «политика – это дорога/путь», эксплицирующей в языке горизонтальный вектор категории *пространство*, предполагает наличие целевого и признакового компонентов, выявляющихся через единицы с локусной семантикой.

Языковая актуализация выявленных компонентов происходит на основе грамматического и семантического критериев благодаря локативам, которые дифференцируются в зависимости от их семантики и значимости в контексте. Новые методики (исследования А. Вежбицкой, А. Н. Баранова, Н. Н. Болдырева, В. З. Демьянкова, Р. Джекендоффа, С. А. Жаботинской, М. В. Жуйковой, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, М. Минского, Е. А. Селивановой, Т. Г. Скребцовой, И. А. Стернина, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье) позволяют лингвистам описать значения языковых единиц как результат освоения знаний о мире, исследовать принципы организации структур знаний, выявить механизмы взаимодействия фреймовых и языковых структур.

Экспликация метафорической модели «политика – это дорога/путь» как фреймовой структуры предполагает внутрисистемную переструктуризацию, в результате которой в структуре фреймов происходит погашение одних компонентов и выдвижение в ядерную зону других. С позиции категориальной организации знаний метафорическая модель «политика – это дорога/путь» в работе представлена фреймами «дорога/путь»

– движение к цели», «дорога/путь – средство достижения цели», «дорога/путь – движение во времени», «дорога/путь – движение с препятствиями».

При реализации *фрейма* «дорога/путь – движение к цели» целевой компонент раскрывается в локальных, ментальных и социумных ориентирах, составляющих четыре тематические группы: топонимы; международные организации; политические ценности общества; лексемы тематической группы «власть»: «**Страна завершает долгую дорогу в ВТО**» (ЗН, № 32, 12.09.2010); «**Демократические силы должны найти дорогу к объединению**» (КП, № 173, 25.09.2009); «**...дорога к премьерству уже почти проложена**» (Forbes, 07.09.2010); «**Болтон: есть прогресс на пути вступления Украины в НАТО**» (vestifinance.ru, 24.08.2018); «**В НАТО назвали 4 шага на пути вступления в Альянс**» (Страна, 23.04.2018); «**Единственный путь для страны – вступление в НАТО, и именно поэтому у нас 334 голоса**» (КрымРеалии, 08.02.2019); «**Болтон: есть прогресс на пути вступления Украины в НАТО**» (Вести, 24.08.2018).

Фрейм «дорога/путь – средство достижения цели» не является однородным и включает в себя следующие слоты: слот 1 «достижение цели через правильный выбор»; слот 2 «достижение цели с помощью кого-л. / чего-л.»; слот 3 «достижение цели через процесс».

При моделировании *фреймовой* структуры в работе учитывалось соотношение семантического пространства языка и структур знаний, что позволило определить средства категоризации политического мира. Так, значимым при достижении цели (слот 1) являются такие факторы, как самостоятельность при движении к цели, корректировка поставленных целей, изменение политического курса в соответствии со сложившейся политической ситуацией: «**Сегодня нужна не внутренняя борьба всех против всех, а консолидация усилий власти, гражданского общества, международных партнеров. И это – единственно возможный путь для успешной Украины**» (Газета.ру, 06.01.2018).

Возможность достижения цели с помощью кого-л./чего-л. (слот 2) реализуется через агенсно-пациенсную модель: в ситуации сознательного целенаправленного действия агенс всегда является центральным актантом. В политических текстах агенсно-пациенсная модель представлена на семантическом уровне следующими типами социально-политических взаимодействий: взаимодействием двух субъектов (лиц); взаимодействием субъекта (лица) и государства (международной организации); взаимодействием субъекта (лица) и совокупности субъектов (лиц); взаимодействием совокупности субъектов и государства; взаимодействием события и субъекта (лица); взаимодействием государства и государства: «Сегодня **ВР** откроет дорогу Украине в ВТО» (ЗН, № 13, 10.04.2009); «Словения открыла соседней Хорватии дорогу в Евросоюз» (ICTV, 7.06.2010); «Россия с 1 мая откроет дорогу турецким помидорам» (Труд, 27.04.2018); «Крым откроет винную дорогу» (Вояж, 16.11.2017).

Изучение функционального потенциала слота 3 «достижение цели через процесс» доказывает, что достижение цели представляет собой процесс, для которого характерно стремление к цели как начальная точка и достижение цели как результат. Среди процессуальных субстантивов-актуализаторов сценария фрейма наиболее активными определены такие, как *урегулирование, развитие, вступление, преодоление, модернизация, интеграция, демократия, переговоры, диалог*: «**Конструктивный диалог между США и Россией даёт возможность открыть новый путь к миру и стабильности в мире**» (Президент России, 16.07.2018); «Россия искореняет «наследие» Украины: **Крымский полуостров встал на путь устойчивого развития**» (Новости Крыма, 21.02.2019); «Кацман о минском формате: переговоры – это путь компромисса, а не капитуляции» (КП, 16.01.2019).

Фрейм «дорога/путь – движение во времени» строится на основе оппозиций атрибутивного и субстантивного характера: *долгий / короткий / бесконечный; прошлое / будущее*. Осмысление временных отношений в

номинациях топологической зоны *вперед – назад* позволяют отметить обязательную объектную валентность, реализующуюся в локусных ориентирах: *на Запад, на Восток, в Европу, к России, к европейскому дому, вперед, назад* и др.

Так, оппозиция *долгий / короткий / бесконечный* обозначает не только движение во времени, но и перемещение субъекта на определенное расстояние. Показательно, что имплицитно выраженный прагматический компонент, связанный с конструктивной/деструктивной характеристикой движения во времени, придает предложению мейоративную или пейоративную коннотацию, что подтверждается синтагматическими связями: *долгий путь к демократии, долгая дорога к договору; короткая дорога к войне, к утрате независимости, к потере стабильности*: «Беларуси предстоит проделать еще **долгий путь к демократии** и обеспечению своим гражданам доступа к участию в демократических процессах» (Ф, № 35 (247), 02.09.2011); «Вступление Украины в Евросоюз для Украины – это **самый короткий путь к потере независимости**» (Сегодня.ua, 11.02.2011); «**Долгий путь к свободе: как Сирия обрела независимость**» (Известия, 27.09.2018).

Определяющими с позиции коммуникативно-прагматического потенциала фрейма, связанного с движением во времени, являются противочлены *будущее / прошлое*: семантическая противопоставленность усиливается прагматическими компонентами, что, в свою очередь, позволяет проследить трансформацию политических взглядов субъектов коммуникации, их отношение к власти. Субъект, наделенный властью, критически относится к прошлому, надеясь на будущее, а оппозиция критикует настоящее, защищая прошлое: «**Дорога в будущее: как в Крыму идет строительство федеральной трассы «Таврида»**» (НТВ, 03.04.2018). В тематической сфере «внешняя политика» острота противостояния оказывается размытой: политики подчеркивают, что для успешного будущего необходимо сохранение исторического прошлого: «*Две Кореи:*

конец конфронтации и путь в светлое будущее» (Военное обозрение, 28.04.2018).

При реализации фрейма «дорога/путь – движение с препятствиями» в медиатекстах активно функционируют единицы синонимического ряда со стержневым компонентом ‘препятствие’ (*преграда, проблема, помеха, препона*), а также лексемы с семантикой ограничения движения (*барьер, шлагбаум, заслон*). Препятствия на пути к политическим целям могут быть различными: *политические разногласия и конфликты, экономический кризис, государства, государственные лидеры, организации, другие государства: «На сегодняшний день коррупция является преградой развитию государства, общества»* (ontustik, 25.09.2018); *«Шойгу: Россия – главное препятствие на пути неокOLONиализма США»* (Красная весна, 11.07.2018); *«Небензя назвал главное препятствие на пути к миру на Украине»* (Спутник, 20.02.2019); *«Конфликт с Россией – главное препятствие на пути Украины в НАТО»* (Иносми.ру, 13.06.2018); *«Россия – единственная преграда на пути США к мировому господству» – Кадыров отреагировал на новые санкции»* (Комсомольская правда, 03.08.2018).

В политических СМИ лексические единицы *препятствие, преграда, препона, помеха* активно функционируют с конструктивными глаголами *преодолеть, устранить, снять, убрать* в сочетании с прилагательным *последний*: *«Киев и Брюссель сняли последнее препятствие на пути вступления Украины в ВТО»* (Подробности, 2.11.2011). Высокая частотность глагольной группы «преодолеть» демонстрирует интенции политикума, направленные на толерантное построение диалога.

Таким образом, проведенные наблюдения показывают, что горизонтальный вектор в медиатекстах политической направленности представлен преимущественно ключевыми единицами *дорога, путь, стезя, тропа* и *колея*, объединенными интегральными семами ‘место для прохода/проезда’, ‘направление’, ‘движение’, ‘цель’. Актуализация данных компонентов позволяет говорить о политической картине мира как о

динамической структуре, ориентированной на реализацию определенных стратегий и достижение политических целей.

2.1.1.2 Функционально-прагматические особенности ключевой единицы *мост* в русскоязычных медиатекстах

Стремление к диалогу, конструктивному взаимодействию, совместному принятию решений определяет частотность реализации ключевой единицы *мост*, активно функционирующей в медиатекстах на уровне вторичной номинации.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова ключевая единица *мост* определяется как: «1. Сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь, какие-н. препятствия. Железнодорожный, автодорожный, пешеходный м. Железобетонный, металлический, каменный, деревянный м. Понтонный м. Разводной м. По мосту, по мосту и по мосту (идти). За мост и за мост (заехать). На мост и на мост (подняться). За мостом, за мостом и за мостом (находиться). Сжечь за собой мосты (также перен.: исключить возможность отступления). 2. перен. Линия дальней воздушной радио- или телевизионной связи, сообщения. Воздушный м. (о сообщении по воздуху между пунктами, не имеющими других, прямых средств связи). Космический телевизионный м. (прямая телесвязь через посредство космического аппарата или с космическим кораблём). 3. В спорте: вытянутое изогнутое положение тела, обращённого грудью вверх и опирающегося на поверхность ступнями и ладонями. 4. Часть шасси автомобиля (спец.). 5. Зубной протез: планка с искусственными зубами, укреплённая на коронках» [Толковый словарь русского языка 2006].

На уровне вторичной номинации в медиатекстах, как показал анализ, функционирует только первый ЛСВ лексемы *мост*, включающий такие

интегральные компоненты, как 'соединение', 'взаимодействие', 'устранение препятствий'.

В современном русском языке анализируемая единица *мост* на уровне вторичной номинации не является активной, однако расширяет свои синтагматические возможности. В «Словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина предлагаются такие сочетаемостные возможности исследуемого слова: 1) **с адъективами**: новый, современный, старый, широкий, временный, цельносварной, разводной, многопутный *мост* и т.д. (в качестве зависимых атрибутивов представлены качественные и собственно относительные непритяжательные прилагательные. Как показал анализ медиатекстов, в контекстах реализуются и собственно относительные притяжательные); 2) **с предложно-падежной формой в качестве зависимого компонента**: *мост* на сваях, на опорах; через ущелье, через реку; 3) **с субстантивом в качестве главного компонента**: строительство, ширина, срок службы, возведение *моста* и т.п.; 4) **с переходным глаголом**: построить, разрушить, навести, взорвать *мост*. Лексическая единица трансформируется в словарной статье в соответствии со всеми падежными формами, что также указывает на её свободную сочетаемость [Словарь сочетаемости слов русского языка 1983, с. 290].

Как показывают авторские наблюдения, при характеристике адъективной сочетаемости ключевой единицы *мост* в медиатекстах происходит расширение сочетаемостных возможностей лексемы. При функционировании в адъективных сочетаниях субстантив *мост* реализуется в значении «связующее звено между кем-либо или чем-либо», а адъектив носит конкретизирующий характер, указывая на сферу функционирования *моста*: «Тысячи российско-сирийских семей создают культурный, общественный мост между двумя государствами» (Известия, 26.08.2013). Как правило, подобные примеры варьируются во временной парадигме *прошлое / будущее*, что указывает либо на успешный результат действия,

осуществленного в прошлом, либо на его исполнение в ближайшем времени: *«Москва и Киев построят новый экономический мост»* (utro.ru, 21.03.2018).

Конструкция *энергетический мост* определяется как линия электропередач большой протяжённости: *«Энергетический мост Крым-Кубань официально введен в эксплуатацию»* (newsband.ru, 25.10.2015). В таком же значении выступает и аббревиатура, состоящая из сочетания начальной части слова с целым словом: *«Энергомост в Крым работает на полную мощность, уникальный проект удалось запустить в сжатые сроки»* (1tv.ru, 15.05.2016); *«Запуск первой линии Кубанского энергомоста в Крым накануне вечером всколыхнул украинское сообщество»* (pravda.ru, 03.12.2015).

При характеристике модели с субстантивом в качестве главного компонента обращает на себя внимание тот факт, что контексты описывают исключительно социально-политические реалии, в то время, как адъективные сочетания были реализованы преимущественно в контекстах культурной, транспортной и энергетической тематики: *«Финны протянут в Крым «мост дружбы»»* (utro.ru, 13.03.2018); *«Превратится ли мост дружбы между Россией и Сербией в хайвей?»* (mk.ru, 24.04.2018). Словосочетание *мост дружбы* эксплицирует доверительные отношения между двумя политическими субъектами. Однако если в первом примере констатируется факт создания дружественной связи, то во втором ставится под сомнение его существование.

Интересным является факт, что в медиатекстах конструкция «Мост Дружбы» представляется метафорическим дублетом конструкции «Мост Воссоединения», что свидетельствует о символическом значении выражения (Керченский мост представляется не только как связующее звено полуострова с материковой Россией, но и как символ дружеских отношений): *«Мост Дружбы, или Мост Воссоединения: началось голосование по выбору названия для моста в Крым»* (c-in.ru, 16.11.2017).

Особое место в политической сфере занимает фактор доверия, поэтому он обязательно проявляется и в масс-медийном дискурсе как стремление к налаживанию отношений: *«Здесь, в Минске, мы будем **восстанавливать мосты доверия**, дух сотрудничества и возобновлять связи»*, – сказала Муттонен [Председатель ПА ОБСЕ с середины 2016 г. – Н.С.] *на открытии сессии в среду в Минске»* (news.21.by, 05.07.2017). В представленном контексте обе стороны заинтересованы в создании доверительных отношений, стремятся наладить доверительные отношения.

В значении «восстановить доверие» в медиатекстах реализуется и устойчивая конструкция *«**наводит мосты**»*, в первом значении определяемая лексикографическими источниками так: «налаживать взаимоотношения, связи, контакты». Как показал анализ медиатекстов, «наводит мосты» могут следующие политические субъекты:

- **государства:** *«Наведение мостов: Россия и Япония осуществят крупные совместные проекты»* (www.vesti.ru, 07.09.2017); *«Стратегия доверенных лиц: Япония **наводит мосты** с КНДР через Россию и Китай»* (rueconomics.ru дата: 04.01.2018); *«Австрия пытается **навести мосты**»* (inosmi.ru, 20.01.2017);
- **военные и политические организации:** *«ЕС предпримет шаги в ближайшее время и в перспективе для **наведения мостов доверия и взаимоуважения** между мусульманами и Западом»* (admin.dni.ru, 15.02.2009); *«**Мосты наведены: НАТО идет на сближение с РФ»*** (vbor.news, 07.12.2017); *«Минобороны **наводит мосты** и на учениях, и на форуме «Армия-2017»* (www.mk.ru, 20.08.2017);
- **общественно-политические деятели:** *«Аркадий Ротенберг **наводит мосты** на западе и на востоке»* (www.opentown.org, 16.10.2017); *«Порошенко **пытается навести мосты** на Востоке»* (НГ, 12.09.2017).

В антонимичном значении в медиатекстах реализуется конструкция *«**сжигать мосты**»*, определяемая в лексикографических источниках как «с кем-то или чем-то окончательно и бесповоротно разрывать отношения».

Подчеркнем, что конфликтность современного мира определила тот факт, что в медиатекстах конструкция **«сжигать мосты»** является более активной, а спектр реализуемых в контекстах с ней политических субъектов – более широким. Так, в текстах политических СМИ такие субъекты представлены репрезентантами, входящими в следующие тематические группы:

- **общественно-политические деятели:** *«Гергиев рассказал, что не позволит сжечь мосты между народами России и США»* (riafan.ru, 14.11.2017); *«Экс-посол США Шапиро просит не сжигать мосты с демократами»* (www.all-news.net, 28.01.2018); *«Мосты сожжены, и сжег их Трамп»* (finoboz.net, 13.11.2017); *«Эрдоган сжигает «русские мосты»* (news24ua.com, 18.09.2015).

- **государства и их столицы:** *«Сжечь мосты, разобрать железную дорогу. Киев хочет закрыться от России»* (ria.ru, 13.12.2017); *«Юнкер рассказал, как Турция сжигает мосты в Европе»* (<http://glob-09.2017>);

- **политика:** *«Политика Украины: уходить, сжигая мосты»* (oko-planet.su, 31.01.2016);

- **политические организации:** *«ЕС побоится сжечь мосты с Россией»* (НГ, 19.06.2014);

- **граждане государств:** *«Жители России и США не допустят сожжения мостов между нашими странами»* (news.sputnik.ru, 14.11.2017).

Кроме этого, в медиатекстах устойчивая конструкция «сжигать мосты» активно реализуется в конструкциях с отсутствующим субъектом-производителем действия: **«Сжигаются мосты, уходят в прошлое многовековые традиции. Что дальше?»** (КП, 13.09.2018).

Весьма активно в политических медиатекстах реализуется языковая единица **мостик**, образованная от слова **мост** с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса **-ик-**. В подобных контекстах **мостик** становится первым шагом, попыткой возобновить отношения между двумя конфликтующими сторонами или началом диалога между не понимающими

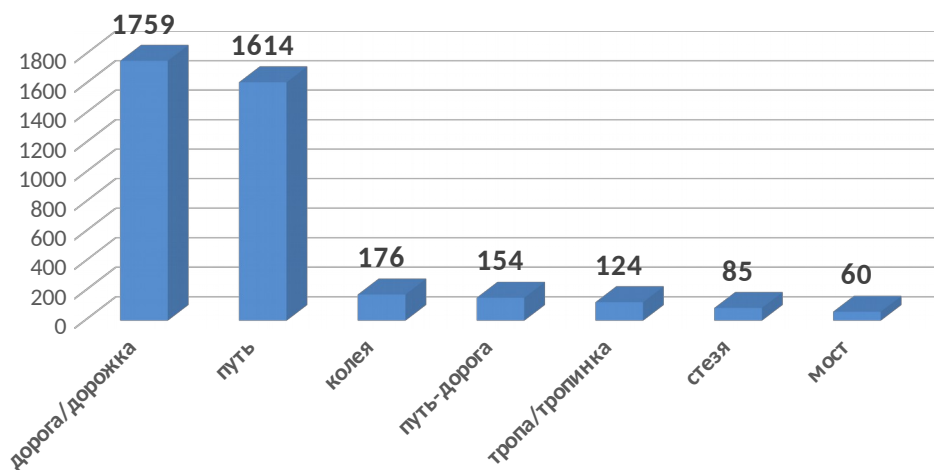
друг друга политическими субъектами: «Ангела Меркель пытается выстраивать разумную политику и выступать в качестве **мостика** между Москвой и Вашингтоном» (Известия, 09.09.2013); «Администрация Карзая не смогла перекинуть **мостик** от правительства к народу» (Комсомольская правда, 15.05.2013); «*Федеративная Украина могла бы возникнуть при посредничестве ЕС и России и превратиться в **мостик** между единой Европой и нарождающимся Евразийским союзом*» (Известия, 29.01.2014).

Большое стратегическое, экономическое и политическое значение для России и Крыма имело строительство Крымского моста, связавшего Крым с континентальной частью РФ. Оцениваясь неоднозначно, Крымский мост получил в прессе не только названия с нейтральной коннотацией (Керченский мост, мост через Керченский пролив), но и коннотированные номинации: в медиатекстах приобрел большое количество названий: «***мост в Крым предложили назвать «Президентским»***» (newsland.com, 19.11.2017); «***Путинский мост в Крым – рекордно большая стройка***» (inosmi.ru, 02.04.2018). Несмотря на сравнительно невысокую частотность представленных образов, можно утверждать, что данная единица глубоко и полно вошла в образный фонд современных медиатекстов и отражает фрагмент политической картины мира прежде всего посредством метонимизации: «***Крымский мост заставил Киев мечтать об «украинской Кубани»***» (riafan.ru, 16.02.2018); «***Крымский мост пустит Украину по миру***» (utro.ru, 05.09.2017); «***Керченский мост оставит Украину без заводов и портов***» (rusnext.ru, 28.08.2017); «***Крымский мост лишил Украину влияния на Северную Америку***» (newdaynews.ru, 26.01.2018); «***Крымским мост обречёт Украину на изоляцию***» (pravdanews.info, 09.08.2017).

Таким образом, ключевые репрезентанты горизонтального вектора, эксплицирующие интегральные ядерные компоненты 'пространство', 'направление', 'движение', включают в себя как языковые единицы, репрезентирующие как образ ***дороги*** (дорога, путь, путь-дорога, стезя, колея, тропа/тропинка), так и слова и словосочетания, эксплицирующие образ

моста. Степень активности языковых единиц представлена на рисунках, которые отражают особенности моделирования современной политической ситуации (см. Рисунок 1 и Приложение 1).

Метафорическое моделирование горизонтального пространства (ед.)

Общее количество контекстов, в которых представленные языковые единицы были реализованы на уровне вторичной номинации, составило 3084 единицы, включающих 3972 словоупотребления. Как показал анализ, наиболее активно метафорические образы были построены на основе ключевой единицы *дорога* (1759 контекстных реализаций / 44 % от общего числа словоупотреблений) и *путь* (1614 контекстных реализаций / 41 % от общего числа словоупотреблений). Именно эти метафоры можно определить как ценные составляющие горизонтального пространства, лежащие в основе метафорического моделирования политической картины мира, при этом ключевые единицы *дорога* и *путь* в медиатекстах могут быть представлены как метафорические дублеты, что коррелирует с большим количеством интегральных денотативных компонентов, зафиксированных на уровне лексикографического анализа.

2.1.2 Метафорическое моделирование вертикального пространства

2.1.2.1 Метафорический образ верха в русскоязычном медиадискурсе

При интерпретации значений лексем, объективирующих *пространство*, необходимо выявление их валентностного потенциала и установление сочетаемостных моделей на разных языковых уровнях, что позволяет описать *пространство* как целостную ментальную единицу.

Проведенный семантический и валентностный анализ лексем вертикального уровня выявил высокую степень образности, узкий круг сочетаемостных моделей, что свидетельствует об относительной степени продуктивности вертикальной пространственной номинации.

Категоризация *пространства* в вертикальной плоскости организуется при помощи бинарной оппозиции *верх/низ* на основе мотивационного признака сходства функций с выявлением образных компонентов. Комплексный анализ политических текстов позволил выделить наиболее активные для языка политики лексемы. Доминирующими вербализаторами *верха* в вертикальной плоскости пространства являются лексемы *гора* и *вершина*.

Лексема *гора* символизирует социальную иерархию: приближение языковых единиц к верху определяет стабильность в обществе, а размещение в нижней части иерархической структуры характеризуется кризисными ситуациями и глубокими изменениями в социуме. Человеку свойственно метафорически ассоциировать власть с верхом, а негативные аспекты политической жизни с низом, что соответствует теории ориентационных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Описание языковых средств, эксплицирующих вертикальный вектор категории *пространство* в медиатекстах, проводится на основе анализа эпидигматических, парадигматических и синтагматических рядов лексем-вербализаторов.

Доминирующей при реализации верхней части вертикальной оси категории *пространство* является метафорическая модель «политика – это гора / вершина», организующаяся на фреймах «гора / вершина – движение к цели», «гора / вершина – достижение цели», «гора / вершина – отсутствие результата».

Фрейм «гора / вершина – движение к цели» предполагает наличие векторной направленности. Движение к цели соотносится с движением вверх и может происходить с разной степенью интенсивности, что связано со сложностью передвижения, наличием препятствий, высокой или низкой активностью субъекта. Функционально-семантические факторы определяют широкий спектр словосочетаний с семантикой «движение вверх». Образ в таких словосочетаниях реализуется с помощью предикатов, входящих в две лексико-семантические группы с учетом коннотации и семантико-прагматического потенциала ключевых единиц.

Первую группу представляют фраземы с глагольным компонентом *идти*: «Мировая экономика **пойдет в гору**» (Д, № 174, 12.10.2012); «Сенатор из Италии ожидает, что **отношения между Россией и ЕС пойдут в гору**» (РИА Новости, 11.05.2017).

Вторая группа включает словосочетания со стержневыми глаголами *карабкаться, забираться, ползти, тащиться*. Интегральными семами для таких глаголов являются 'направление', 'движение', 'цель', 'низкая степень интенсивности действия': «**Идем в гору**: стало известно место России среди стран с развивающейся экономикой» (КП, 09.12.2018).

Фрейм «гора/вершина – достижение цели» реализуется в конструкциях атрибутивного и глагольного типов. Стержневым компонентом в конструкциях атрибутивного типа, как правило, является лексема *вершина*. Конструкции атрибутивного типа строятся по двум основным моделям: 1) Adj. + Subst._(Pl.) (политическая/-ие вершина/-ы, экономическая/-ие вершина/-ы, электоральная/-ые вершина/-ы, евроинтеграционная/-ые вершина/-ы, стратегическая/-ие вершина/-ы); 2) Subst. + Subst._{n2(Pl.)} (вершина/-ы власти,

вершина/-ы диалога, вершина/-ы толерантности, вершина/-ы независимости, вершина/-ы революции, вершина взаимопонимания). В политических контекстах наблюдается доминирование формы множественного числа (*вершины* вместо *вершина*), что подтверждает идею о неоднородности политических процессов и необходимости одновременного достижения нескольких целей в зависимости от прагматических установок и намерений адресанта.

Вариативность сочетаемостных возможностей лексемы подтверждается большим количеством контекстов. Активными в медиатекстах являются конструкции *политическая вершина*, *электоральные вершины*, *вершина власти*, *вершина демократии*, *вершина диалога*, *вершина украинского политикума*: «Мы на пороге серьёзного скандала, который потрясёт если не всю Россию, то **вершину и вершинки политического Олимпа России, и Крыма**. Арестовали ближайшего соратника Сергея Аксёнова, а некоторые поговаривают и кума он же бывший мэр Ялты» (Радио ЭХО, 28.05.2018); «... несколько человек **на вершине российской власти** не понимают, как им эту власть удержать без постоянных военных провокаций против соседей?» (ТСН, 14.02.2019); «Пока **на вершине российской системы** находится коррумпированное поколение. Но следующее поколение может быть другим. Ведь люди прекрасно понимают, что такая система нежизнеспособна» (Радио Свобода, 26.05.2018); «На *вершине российской власти* еще звучат слабеющие голоса сторонников гибридной капитуляции» (Главред, 19.09.2018).

Конструкции глагольного типа с компонентом *вершина* включают нейтрально окрашенные (*достигнуть*, *дойти до вершины*) или коннотативно маркированные (*штурмовать*, *захватывать*, *завоевывать*, *покорять*, *брать*) единицы. Выбором глагольной языковой единицы и объясняется степень и характер коннотации того или иного контекста. Являясь, с одной стороны, верхней точкой в пространстве и, с другой стороны, определяя высшую степень чего-либо, в медиатекстах *вершина* функционирует как

цель, достижение которой представляется значимым для субъекта политики: «Украина **достигла вершины**: на данном этапе отношения Украины с НАТО находятся на очень высокой точке» (Подробности, 12.07.2011). Динамику развития образного потенциала лексем и степень коннотации доказывает актуализация интегральных сем ‘направление’, ‘движение’, ‘цель’, ‘место’ и периферийных ‘воля’, ‘преграда’, ‘интенсивность’. Достижение политических вершин, таким образом, определяется как процесс, для которого характерны решительные действия активного субъекта: «Политики **штурмуют вершины**» (ЗН, № 49, 09.01.2009); «Парадокс рынка РФ: почему российские акции **штурмуют новые вершины?**» (Вести, 05.07.2018); «Нефть пытается **покорить вершину** \$67,50» (REGNUM, 22.02.2019); «Доллар **покоряет новые вершины**, угроза скачка инфляции в США растет» (Газета.ру, 09.11.2018).

Реализация фрейма «гора/вершина – отсутствие результата» происходит с помощью однонаправленных глаголов *спускаться, катиться, скатываться*, зафиксированных в свободных и связанных конструкциях: «Экономика стран **катится под гору**» (2000, № 16 (458) 17.04.2009–23.04.2009); «Рейтинг Порошенко за месяц до выборов **катится под гору**» (КП, 16.02.2019).

В политической коммуникации последнего десятилетия становятся активными такие базовые компоненты динамичных метафорических моделей, как *яма, дно, пропасть, бездна, пучина, трясина, воронка, водоворот*, имеющие векторную направленность *низ* с закрепленной пейоративной коннотацией. Базовые локусные номинации вертикальной оси являются основой реализации в тексте элементов аксиологической шкалы. Оппозиция *гора – пропасть* объективирует закрепленные коннотативные характеристики и участвует в формировании пространственной трехмерной структуры «политика – вершина – пропасть»: «Страна уже набрала хороший разбег, но этот разбег может привести как на гору, так и в пропасть. Если появится правильное лидерство, то страна, безусловно,

серьезно поднимется в гору» (2000, № 26 (420), 27.06.2009–3.07.2009). При погашении архисемы ‘пространство’ в таких контекстах происходит перестройка семной структуры рассматриваемых лексем.

Прагматические смыслы способствуют наведению в семной структуре лексической единицы *гора* семантических компонентов ‘цель’ и ‘положительный результат’, в то время как в семной структуре лексической единицы *пропасть* наводится семантический компонент ‘отсутствие результата’. Обозначенные локусно ориентированные аксиологические характеристики важны для интерпретации и осмысления внешнего мира человеком, прежде всего, его социального и этического пространства.

2.1.2.2 Метафорический образ низа в русскоязычном медиадискурсе

Низ вертикального вектора в медиатекстах эксплицируется с помощью метафорической модели «политика – это яма/пропасть», построенной на основе фреймов «яма/пропасть – движение вниз», «яма/пропасть – достижение низшей точки», «яма / пропасть – движение к цели».

При реализации *фрейма* «яма / пропасть – движение вниз» выстраивается структура знания, отражающая значимые для современного носителя языка категориальные признаки, основанные на актуализации ядерных сем ‘интенсивность’, ‘отрицательный результат’, ‘движение без цели’.

Компонентный анализ позволил сделать вывод, что в политических контекстах актуализируются ядерные семы ‘движение’, ‘интенсивность’, ‘безысходность’. Как правило, семы проявляются при наличии в контексте полнозначного глагола или глагольного сочетания, репрезентирующего активные действия самого субъекта (падать в пропасть, скатываться в пропасть, проваливаться в пропасть): «*Россия рискует провалиться в пропасть неэффективности управления»* (2000, № 38 (526), 23.09.2010–

29.09.2010); «*Экономика России скатывается в пропасть сырьевой зависимости*» (Биржевой лидер, 08.06.2018); «*Юлия Тимошенко: Украина скатывается в пропасть. Обвинив нынешние власти в том, что Украина падает в пропасть, она предложила свое видение вывода страны из глубочайшего кризиса*» (Иносми, 25.11.2018); «*Украина скатывается в пропасть: в ГД объяснили создание опергруппы для борьбы с пиратством*» (ФАН, 05.04.2018).

Приближение субъекта или государства к политическому или экономическому «дну» реализуется в тексте с помощью глаголов *тянуть*, *тащить*, *опускать*. В таких конструкциях необходимо наличие второго субъекта (пассивного или активного): «*Всемирный банк тащит Россию на дно*» (ЗН, № 36, 27.09.2009); «*Максим Михайленко: Экономика России идет ко дну*» (Наша Рада, 18.06.2018); «*Рубль идет ко дну*» (Топнефтегаз, 18.08.2018); «*Украинская политическая элита прекрасно понимает, что Украина идет ко дну и ее уже ничего не спасет*» (Харьков, 28.02.2018); «*Россия тянет Крым на дно. В 2018 году в России продукты питания в среднем дорожали в четыре раза быстрее, чем в Евросоюзе, сообщает Росстат*» (Крым.Реалии, 04.02.2019); «*Долги тянут на дно: как гослизинг разоряет Россию*» (Газета.ру, 02.07.2018).

Показательно, что при контекстной реализации данного вербализованного фрагмента пространства выявляются аксиологические характеристики метафорических конструкций, связанные с ценностными ориентирами общества.

В текстовом пространстве *низ* особое место занимают конструкции глагольного типа, организующие фрейм «яма / пропасть – достижение низшей точки»: *вести на дно*, *бросать в яму*, *доводить до дна*, *толкать в яму*, *достичь дна* и др. Лексемы *яма* и *дно* как базовые единицы взаимосвязаны на денотативном уровне как соотношение части и целого: *яма* – «углубление в земле», *дно* – «нижняя часть углубления, выемки». Такое восприятие объектов физического пространства находит место и при

реализации лексем в политическом тексте при осмыслении социального пространства: «*2010 год Украина проведет на дне кризиса*» (КП, № 190, 20.10.2009); «*Почему Дальний Восток не может вылезти из долговой ямы*» (Газета.ру, 26.04.2018). Отрицательная характеристика координаты *низ* реализуется в конструкциях с глаголами *вести, толкать, доводить, бросать*, в которых эксплицитно или имплицитно выраженный субъект S_1 (политики, политические силы, власть, оппозиция) вводит субъекта S_2 в кризисную ситуацию: «*Страну ведут в политическую долговую яму*» (МК, № 589, 10.09.2014); «*Государственная транспортная лизинговая компания все глубже погружается в долговую яму: в июне она выпустила облигаций почти на 20 млрд. руб., а всего с начала года – на 50 млрд.*» (Газета.ру, 02.07.2018).

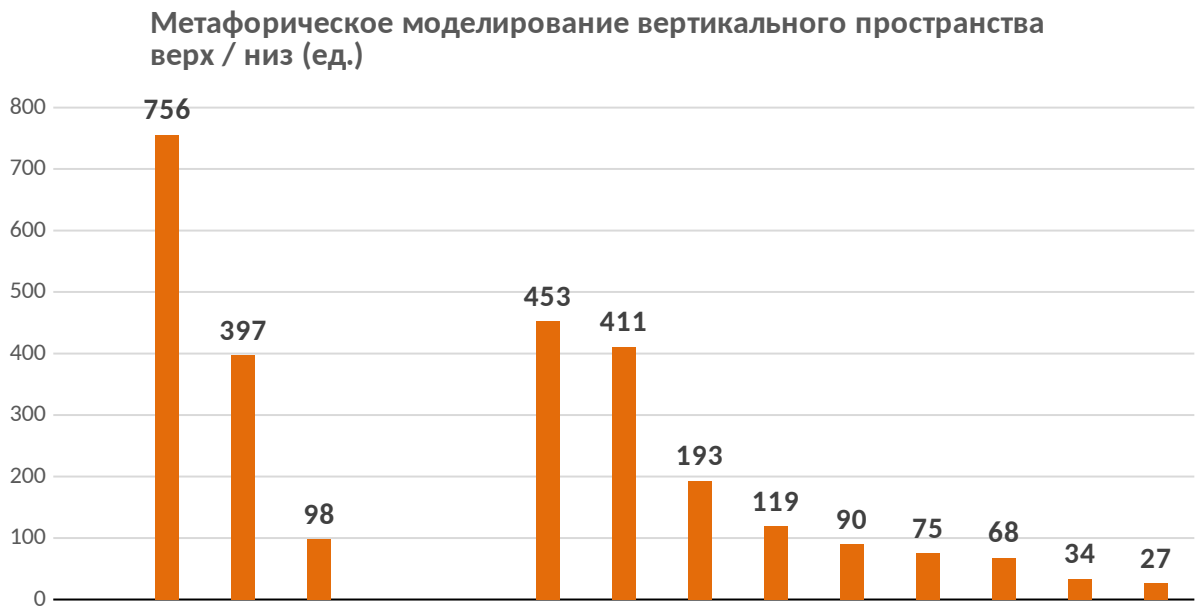
Неоднородность фрейма «*яма / пропасть – движение с результатом*» предопределяет наличие двух слотов: слот 1 «действие, совершенное без помощи кого-л. / чего-л.» и слот 2 «действие, совершенное с помощью кого-л. / чего-л.». Слот 1 реализуется с помощью глаголов *карабкаться (выкарабкиваться), выбираться, выползть, вылезать*. Интегральными компонентами при реализации таких глаголов в политических контекстах являются семы ‘движение вверх’, ‘движение с трудом’, ‘усилие’, ‘долгое время’, ‘результат’: «*Рубль никак не может выкарабкаться из «нефтяной ямы»*» (Главред, 30.07.2018); «*Как Россия будет выбираться из демографической ямы*» (udm-info, 27.09.2018); «*Как экономике России выбираться из «застойной ямы»?»* (Ведом, 28.11.2018).

Слот 2 «действие, совершенное с помощью кого-л. / чего-л.» реализуется через глаголы *вытягивать, вытаскивать*. В контекстах подчеркивается действие медленное, постепенное, не мгновенное. Характерно, что семантический компонент ‘нестабильность’ актуализируется, как правило, при реализации атрибутивов: *кризисный, экономический, политический, рейтинговый, демографический, долговой, исторический и т.д.* В подобных конструкциях предполагается наличие

активного субъекта (S_1), пассивного субъекта (S_2) и предложно-падежных сочетаний со стержневым компонентом *яма / пропасть / дно*. Таким образом, контексты строятся на основе закреплённой схемы: **S_1 вытащить / вытянуть S_2 из/со ямы / пропасти / дна**. Например: «Президент взял на себя неблагодарную ношу – **вытащить страну из долговой ямы** (ЗН, № 47, 29.12.2011).

Таким образом, пространственный фрагмент языковой картины мира представляет собой систему разноуровневых языковых средств, репрезентирующих локативные оппозиции. Языковые единицы с пространственной семантикой функционируют в политическом тексте на уровне вторичной номинации и реализуют категориальный компонент *пространство*. Вторичные значения лексических и фразеологических единиц коррелируются в контекстах, при этом наблюдается процесс индуцирования сем и расширение валентностных возможностей слов и фразем, формирующих двучленные конструкции атрибутивного и глагольного типов. Проведенный анализ когнитивных пространственных оппозиций горизонтального и вертикального векторов и фреймово-слотовых структур выявил модусную составляющую категории *пространство* в текстах политической направленности. Важным аспектом при этом является установление особенностей пространственного восприятия, отраженного в языковых значениях лексических и фразеологических единиц.

Языковые единицы, представляющие вертикальное пространство, не являются однородными и включают метафорические вербализаторы **верха** (языковые единицы гора, вершина, пик) и **низа** (дно, пропасть, яма, трясина, обрыв, бездна, пучина, водоворот, воронка), степень частотности реализации которых представлена на рисунке:

Образный компонент в семантике языковых единиц вертикального вектора в сравнении с горизонтальным является более сложным по степени восприятия вторичных пространственных ориентиров и, как следствие, лежит в основе моделирования большего количества метафорических моделей.

2.2 Когнитивная оппозиция *открытость* / *закрытость* в политическом тексте: структурно-семантические особенности и модели организации

Анализ политических текстов позволяет сделать вывод, что при реализации языковых единиц, эксплицирующих когнитивную оппозицию *открытость* / *закрытость*, наблюдается актуализация коннотативных сем, где при сохранении лексикографического содержания лексемы получают позитивную или негативную коннотацию. Такая актуализация, на наш взгляд, определяется, с одной стороны, контекстным окружением языковых единиц, с другой – их прагматическим содержанием: в политическом тексте

коммуникативные ситуации с *открытым* пространством оцениваются положительно, в то время как *закрытое* пространство характеризуется отрицательно, что подчеркивает значимость ценностной составляющей в данной семиотической оппозиции.

В дискурсивных практиках при реализации когнитивной оппозиции *открытость / закрытость* характерным является образ *дома*, который указывает на освоенное человеком замкнутое пространство. Контекстологический анализ показал, что в политическом тексте когнитивная оппозиция *открытость / закрытость* структурируется прежде всего на основе ключевых единиц *дверь, окно, форточка, ворота, забор*. Функционируя в политическом тексте, данные единицы приобретают новые семантические признаки, не закрепленные в их словарных дефинициях, что придает политическому тексту новые прагматические смыслы.

Активное использование в политическом тексте языковой единицы *дверь* связано с особенностями ее мифопоэтического содержания. Так, в мифопоэтической картине мира *дверь* представляет собой символ перехода, объединение и разделение, символическую встречу своего и чужого. Открытая *дверь* символизирует признание «своим», разрешение войти в пространство дома. Закрытая *дверь* не допускает приближения «чужого» на территорию своего пространства.

При реализации в политическом тексте лексической единицы *дверь* доминирующим становится глагольный ряд *открывать – приоткрывать – прикрывать – закрывать – захлопывать*, актуализирующий в политическом тексте прагматические установки адресата сообщения. Функционирование в политическом тексте глагольного ряда сопровождается высокой степенью образности и закрепленной коннотацией. Коннотация в данном ряду меняется от плюса к минусу (*открывать* – хорошо / *закрывать* – плохо). Открытая *дверь* представляет собой потенциальную возможность, четкое видение цели, определение стратегий к ее достижению: «*Двери для Украины не просто открыты. Мы хотели бы пригласить ими воспользоваться, но*

решение – за Украиной. Тем временем мы держим дверь настолько открытыми, насколько можем, – заверил министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт» (ТСН, 20.09.2013); *«Колесников: нужны законы, которые максимально откроют двери для инвесторов»* (Обозреватель, 3.08.2013); *«Двери для новых членов коалиции открыты», – заявляют «Регионы»* (Наш век, 16.03.2010).

При реализации в политических текстах конструкции «открыть дверь» происходит актуализация сем ‘взаимодействие’, ‘сотрудничество’, ‘компромисс’, ‘перспективы’. Отметим, что достижение цели (вступление в определенную политическую партию или организацию) становится возможным при выполнении соответствующих условий, проведения стратегически верных политических действий: *«Освобождение Тимошенко до 22 сентября откроет дверь к ассоциации Украины»* (Обозреватель, 06.09.2013); *«Исторический референдум в Македонии: переименование страны откроет двери для вхождения в ЕС и НАТО»* (Крым Реалии, 30.09.2018); *«Македония войдет в НАТО по-новому. Новое имя откроет республике двери в альянс»* (Коммерсант, 29.09.2018); *«ЕС открыл двери Украине, но выдвинул жесткие условия»* (УБК, 02.12.2011).

Невыполнение требований, отклонение от стратегического курса определяет невозможность достижения цели, отсутствие перспектив сотрудничества: *«Стучи не стучи – двери в ЕС серьезно закрыты»* (УП, 22.12.2009); *«Вступить сейчас в ЕС не лучшее время. Перед Януковичем закрылись двери в ВР»* (24.ua, 25.02.2010).

Отметим, что глагол «закрывать» наиболее часто функционирует при наличии субъектно-субъектных отношений, которые включают активного и пассивного субъектов действия. Такими субъектами являются политические лидеры, государства, политические организации: *«Объявив себя внеблоковым государством, Украина закрыла себе дверь в НАТО и Евросоюз»* (utro.ua, 07.07.2013); *«Германия закрывает перед Украиной дверь в НАТО»* (korrespondent.net, 27.03.2011); *«НАТО: двери Альянса открыты для*

Украины» (Крым.Реалии, 10.03.2018); *«МИД РФ: Двери в ЕАЭС открыты для Таджикистана»* (Крым.Реалии, 05.10.2018); *««Двери Израиля открыты для России, и наоборот», – подчеркнул израильский премьер»* (mignews, 06.07.2018); *«МИД РФ: Двери в ЕАЭС открыты для Таджикистана»* (Радио Озоди, 05.10.2018).

Негативная коннотация, обусловленная не только оценочными факторами, но и эмоционально-экспрессивными компонентами, выявляется при использовании конструкции «захлопнуть дверь». В лексикографических источниках в одном из значений глагол «захлопнуть» определяется так: «стремительно закрыть, захлопнув». В семантической структуре глагола «захлопнуть» отмечаются компоненты ‘усилие’, ‘время действия’, что не наблюдается в денотате глагола «закрыть». Данные денотативные признаки реализуются в политических контекстах, дополняясь новыми коннотациями и устойчивой эмоциональной заряженностью.

Семантический потенциал глагола «захлопнуть» реализуется в негативно заряженных политических текстах, что связано с прекращением конструктивного диалога: *«Европа захлопнет дверь перед Украиной из-за дружбы с Россией»* (president.org.ua, 06.05.2010); *«Штефан Фюле захлопнул перед Арменией двери в ЕС»* (day.az, 6.09.2013); *«Из-за постоянного обращения Турции к карабахской проблеме, Армения захлопнула дверь и Турция осталась в изоляции»* (arunion.info, 6.06.2010); *«Европа захлопнула двери для олигархов из России»* (Кто в курсе, 08.08.2018); *«Российским богачам захлопнут двери в Евросоюз»* (Финанс.ру, 07.08.2018); *«Украина снова захлопнула двери перед носом россиян»* (Znaj.ua, 27.12.2018); *«Канцлер снова захлопнула дверь в Россию»* (Инопресса, 30.11.2018).

Таким образом, *открытая дверь* характеризуется видением положительного результата, символизирует перспективы и широкие возможности; *закрытая* – невозможностью достижения поставленной цели, *захлопнутая* – отсутствием конструктивных перспектив.

Особенности контекстной реализации в политическом пространстве приобретают глаголы «приоткрыть» и «прикрыть», которые на денотативном уровне определяются как «не полностью открыть» и «не полностью закрыть». В политическом тексте «приоткрытая дверь» становится шансом, возможностью субъекта достичь своей цели.

В подобных контекстах субъектом, как правило, является государство или политический лидер, а целью – вступление в политическую организацию: «*Европа **приоткрыла** Украине **дверь**. Но дальше порога не пустила*» (1К, № 241, 12.09.2010-18.09.2010); «*Европарламент **приоткрыл** **двери** Украине: Европарламент предоставил Украине право обратиться с заявлением о членстве в Европейском Союзе*» (donbass.ua, 25.02.2010); «*Польша хочет помочь Украине **приоткрыть** **дверь** в ЕС уже в сентябре*» (Обозреватель, 24.06.2013). *Прикрытая дверь* уменьшает потенциальную возможность успеха, однако оставляет шансы на положительный результат: «*НАТО **прикрывает** **дверь** перед Украиной из-за России?*» (mobus.com, 6.03.2012); «*Азаров **прикрыл** **двери** Украины для иммигрантов*» (Комментарии, 11.03.2011); «*Азербайджану **приоткрыли** **дверь** в ОДКБ*» (Колокол России, 07.11.2018); «*ЕС лишь **приоткрыл** **дверь** для Украины*» (TheKievTimes, 14.06.2017); «*Украинским продуктам **приоткрыли** **дверь** в Европу*» (Утро.ру, 17.07.2017).

При достижении политических целей необходимо использовать все имеющиеся шансы и возможности. Особенностью политических текстов является использование развернутых метафор, характеризующих изменение политической ситуации. Так, изменение политических отношений, определение новых стратегий и тактик, проведение конструктивного диалога или, наоборот, его отсутствие находят отражение в метафорических конструкциях с активными глагольными центрами *приоткрыть – открыть – закрыть, приоткрыть – открыть – захлопнуть*: *Российский посол «поставил свою ногу» в едва приоткрытую, впервые за 16 лет, **дверь** отношений Латвии и России и делал все для того, чтобы эта **дверь** не*

только вновь не захлопнулась, но и чтобы открылась еще шире (rosbalt.ru, 07.03.2008); *«Москва приоткрыла дверь Кишиневу. Ну а если нет, то Москва вновь закроет приоткрытую дверь и ситуация вернется к тому статус-кво, что было последние годы»* (Новостной фронт, 09.02.2019); *««Дальше, казалось бы, падать некуда, однако до сих пор возможности взаимодействия в определенных областях оставались открытыми. Двери были приоткрыты, хотя надежды на то, что этими возможностями удастся воспользоваться, все время уменьшались... Вполне возможно, что и эти захлопнутся», – сказал Данилов РИА Новости»* (РИА Новости, 04.12.2017); *«Мы вас не ждали. Как ЕС может приоткрыть и закрыть безвизовые двери для Украины»* (ДС, 09.12.2016); *«Балканам нужно было приоткрыть двери в ЕС. Присутствие там России и Китая усилилось, а внутренняя напряженность в регионе не исчезла. Но открывать двери нараспашку нельзя из-за недовольства ряда государств-членов», – пояснил дипломатический источник “Ъ” одной из стран ЕС»* (Коммерсант, 14.05.2018).

Закрытую дверь невозможно открыть, не приложив к этому максимальные усилия. Такие усилия прикладываются только в важных вопросах, от которых зависит судьба государства или другого политического субъекта. В политических текстах это отражается в синтаксических предикатно-актантных конструкциях «срывать двери», «ломиться в двери». Такие сочетания обладают высокой эмоциональной заряженностью и широким коннотативным спектром.

При реализации в политическом тексте словосочетания «срывать двери», «ломиться в двери» могут нести как положительную, так и отрицательную коннотацию. В первом случае в конструкциях эксплицируются семантические компоненты ‘упорство’, ‘цель’ (*«Нам не нужно стоять в сенях перед закрытой дверью. Необходимо срывать эти двери вместе с завесами. Наше место в ЕС, мы мыслим и живем так же, как и они»* (ua-patriot, 22.12.2010)), во втором случае ядерной становится сема

‘агрессия’: *«НАТО продолжает ломиться в нашу дверь»*(РГ, 15.07.2010); *«Зачем Украина ломится в закрытую дверь?»* (Известия, 02.02.2017); *«Киев ломится в закрытую дверь – Олейник об украинской Евроинтеграции»* (Новостной фронт, 29.08.2018); *«Зачем ломиться в закрытую дверь?». Совбез придумал, как спастись от санкций США»* (Капитал Страны, 06.09.2018); *«Выбор у Украины сейчас простой: либо продолжать ломиться в открытую дверь, закатывая глаза в притворной истерике и с оглядкой за океан, либо научиться жить по общепринятому морскому уставу, открывающему любые ворота, в том числе морские, без провокаций и надуманных проблем», – заключил политик»* (РИА Новости, 29.12.2018).

В политических текстах 2009-2019 гг. активно функционирует лексическая единица *окно*, семантика которой связана с пространством, реализующим такие семантические оппозиции, как *внешний / внутренний* и *видимый / невидимый* и формируемое на их основе противопоставление *открытости / закрытости*. В политическом тексте на уровне вторичной номинации языковая единица «окно» функционирует, как правило, в структуре устойчивой конструкции «прорубить окно в Европу», ее семантических вариациях («дорубить / вырубить / приоткрыть / открыть / распахнуть окно в Европу») или в антонимичных конструкциях («прикрыть / закрыть / захлопнуть окно в Европу»).

На основе данных конструкций организовано большое количество политических контекстов с целевой семантикой. Устойчивые формы, построенные на основе конструкции «прорубить окно в Европу», формируются на основе предикатно-актантной модели «S → V → O → Loc». Субъектами в подобных конструкциях являются государства, их лидеры, политические партии и организации, локативными объектами – государства и политические организации: *«Янукович прорубил окно в Евросоюз»*(globalist.org.ua, 12.05.2010); *«Украина может открыть для России окно в Европу»* (Русская служба «Голоса Америки», 14.10.2010);

«Янукович меняет имидж. Из «крепкого хозяйственника» советской закваски он превращается в первого главу Украины, который на деле прорубил «окно в Европу»» (Росбалт, 27.09.2013); *«Путин дорубил окно в Европу»* (КП, 19.09.2011); *«К ужасу Порошенко Крым прорубил окно в Европу»* (Свободная Пресса, 14.11.2018); *«Россия открыла для Казахстана окно в Украину»* (Капитал, 23.08.2018); *«Джек Ма прорубил окно в Европу. После неудачной попытки попасть на рынок США в 2017 году финансовое подразделение AlibabaGroup сосредоточило свои усилия на поиске партнера на европейском рынке»* (Коммерсант, 14.02.2019); *«Путин прорубил окно в арабский мир, а Матвиенко завоевала доверие саудитов»* (Инфокус, 18.04.2018).

При реализации в политическом тексте словосочетание «закрыть окно» означает «лишить субъекта возможности продвижения к поставленной им цели» и реализуется, как правило, на основе устойчивой конструкции «прорубить окно в Европу» с заменой глагольного компонента: *«Еврокомиссия закрыла Газпрому окно в Европу»* (geelycars.ru, 14.07.2011); *«Украине закрыли «окно в Европу»»* (minprom.ua, 28.05.2013); *«Чехи и поляки закрывают украинцам окно в Европу»* (УП, 8.08.2012); *«Путин закрыл для России «окно» на Запад»* (Новый день, 19.09.2018); *«Россия закрыла белорусское окно в Европу»* (Газета. Ру, 12.02.2017).

В политическом тексте образ *окна* может разворачиваться в метафорические сценарии. Данные сценарии моделируются с учетом субъектно-субъектных отношений, эксплицирующих стратегические установки современного политического мира: *«Откроет ли Европа окно Дмитрию Медведеву? Формально ручка этого окна уже повернута, хотя оно и не открыто, поскольку у Евросоюза есть мандат на начало новых переговоров по новому договору Россия – Евросоюз. Но не все так просто. И это окно не является открытой дверью, в которую можно будет свободно войти. Думаю, что Европа уже открыла Медведеву окно. Есть полная поддержка балтийскому газопроводу, во всяком случае со стороны*

Германии. А позиции Швеции и даже Эстонии в чем-то тоже слабеют. Так что я бы сказал, что **окно открывается в обе стороны**, особенно после берлинской встречи Медведева» (politua.ru, 26.06.2011).

Усиление позитивной коннотации в конструкциях *открыть окно / открытое окно* происходит благодаря использованию адъективов «чистый», «прозрачный», что характеризует иллюкативные стратегии политических субъектов. *Чистое, прозрачное окно* символизирует честность, стабильность, уверенность, отсутствие боязни за свои действия и потенциальный успех на политической арене: «Янукович построит в Украине дом с **прозрачными окнами**. По словам президента, в доме, который строится в Украине, **окна свободы слова и информации** должны быть **прозрачными**. «Свобода слова. Эти окна должны быть чистыми и прозрачными, чтобы мы видели через эти окна весь мир, и нас видел весь мир», – подчеркнул он» (focus.ua, 04.06.2010).

С другой стороны, развертывание сценария, связанного с деструктивными отношениями в мире политики, определяется широким спектром языковых единиц, входящих в тематическую группу «неживая природа» (преимущественно в подгруппу «осадки»): «*Старинный анекдот о Петре Первом гласит, что причиной войны со Швецией стало прорубленное основателем Санкт-Петербурга «окно в Европу», через форточку которого приставили дуло к шее Карла XII. Владимир Путин, судя по шумихе вокруг хельсинского саммита, прорубил «окно в Америку». В форточку этого окна ворвались не только медийный дождь из обвинений в адрес Дональда Трампа, но и пресловутый «ветер перемен». Давайте посмотрим, что этот ветер нам принес»* (Национальная оборона, 11.11.2018).

Конструкция *держат/оставлять окно открытым* приобретает в политическом тексте семантику «оставлять возможности для возвращения назад, отказа от планируемых политических решений». *Открытое окно* представляет незамкнутое пространство, в рамках которого субъект может перемещаться в удобном для него направлении: «*Саммит Россия – ЕС*

*оставил российское **окно в Европу открытым***» (vesti.ru, 18.11.2011); *«Лукашенко пообещал Европе держать **окно открытым**»* (news.tut.by, 16.09.2010); *«Во фразу о готовности ЕС «принять меры по дальнейшему укреплению своей поддержки в интересах пострадавших районов Украины» предлагается после слов «принять меры» добавить «включая». Это в определенном смысле оставляет **окно открытым**»* (РИА Новости, 13.12.2018).

Одним из актантов пространственной метафорической модели человек – общество является лексическая единица «форточка» (польск. fórtka «дверка», нем. Pforte «дверь»). *Форточка* представляется последней возможностью, способной решить политические проблемы и конфликты: *«Форточка для президента: политики ищут выход из патовой ситуации с третьим сроком для Путина»* (НГ, 15.11.2011); *«Украина ползет в Шенген через форточку»* (mediaua.com.ua, 24.07.2010); *«Форточка для оппозиции, или о том, почему нашу судьбу могут решить в Брюсселе и Москве»* (press.bymedia.net, 18.01.2012); *«В России было окно возможностей в 1991 году, но эту форточку заколотили, и российская демократия погубила сама себя, потому что она дала возможность олигархам манипулировать собой»* (Иносми, 11.08.2017).

При реализации в политическом тексте семантической триады *дверь – окно – форточка* важными являются два наблюдения: 1) в зависимости от прагматических установок адресанта данные языковые единицы могут символизировать и открытое, и закрытое пространство; 2) ключевые единицы соотносятся как «меньшее к большему», причем «большее» в политическом тексте всегда приобретает позитивную коннотацию, а «меньшее» – негативную: *«Ситуация вокруг ЧФ РФ будет накаляться и дальше, а украинское руководство тем самым постарается превратить «крымскую форточку» в полноценное окошко в НАТО»* (noviny.su, 3.02.2010); *«Окно в Европу превратилось не в дверь, а в застекленную форточку»*(maxpark.com, 27.06.2012); *«Итальянская форточка в*

европейском окне» (ЗН, 19.06.2011); *«Окно в Европу. Или пока форточка?»* (citex.info, 26.06.2010); *«Даже не окно возможностей, а форточка. За эти два года надо делать все то, что откладывали на протяжении последних лет из-за грядущих выборов и под разными отговорками и мифами, главный из которых – «эти меры непопулярны», – пишет Кудрин»* (Радио Свобода, 21.03.2018).

Семантика открытого пространства в политическом тексте закреплена в лексической единице *ворота*. В лексикографических источниках данное слово определяется как «проезд внутрь строения или за ограду, закрываемый широкими створами, а также сами эти створы». *Открытые ворота* представляют собой реализацию новых возможностей и перспектив. Отметим, что в свободных сочетаниях в политическом тексте конструкция *закрыть ворота* (*закрытые ворота*) выявлены не были.

Таким образом, *ворота* в политическом тексте представляются символом открытости, свободного перемещения вперед: *«Золотые ворота во власть»* (Политика, 18.09.2010); *«Путин хочет сделать из Владивостока тихоокеанские ворота страны»* (КП, 12.10.2012); *«Главная надежда на будущее России заключена в Москве. Именно она, возможно, в связке-«оси» с Санкт-Петербургом может стать одними из крупнейших «глобальных ворот»»* (PolitJournal.ru, 5.02.2011); *«Израиль заинтересован в открытии «кавказских ворот». Выборы «свободно-рыночных» политиков и партий открывают ворота для электоральных экспертов»* (НП, 29.03.2010); *«Германия открывает ворота. Украина не выдержит мощную волну трудовой миграции»* (Архано, 02.12.2018).

Языковая единица *ворота* на уровне вторичной номинации в медиатекстах фиксируется преимущественно в устойчивых сочетаниях. Так, сочетание *«остаться за воротами/ у ворот»* определяется в политическом тексте как граница, отсутствие перспектив, невозможность продвижения вперед: *«Украина может остаться за воротами ВТО, если политические*

силы не договорятся» (Взгляд, 17.10.2010); *«Украина и Грузия остаются у ворот НАТО»* (e-news, 02.12.2011).

Идиоматическая конструкция **«враг у ворот»** означает нахождение врага в непосредственной близости и необходимость подготовки оборонительных мероприятий: *«Враг у ворот: рискнет ли Янукович использовать российские методы для укрепления своей власти»* (ИноПресса, 01.12.2010); *«...стабильность Северо-Кавказского региона – проблема комплексная и только лишь одной борьбой с терроризмом не ограничивается. У региона есть и другой «враг», который уже стоит у ворот. Речь прежде всего об экономической и вытекающей из нее социальной стабильности»* (stpravda.ru, 10.09.2010); *«Враг у ворот: Решающая битва Украины за свободу»* (sproty, 19.02.2019).

Активной для политического текста становится идиома **«ни в какие ворота не лезет»**, интерпретируемая словарями как «очень плохо, никуда не годится»: *«Закон о выборах ни в какие ворота не лезет»* (mignews, 05.02.2010); *«Решение украинского суда о запрете транзита российского газа в Европу «вообще ни в какие ворота не лезет», – заявил заместитель председателя правления «Газпрома»»* (news.mail.ru, 05.01.2012); *«Соглашения по флоту не лезут ни в какие ворота»* (news.liga.net, 17.05.2010); *««Меня удивляет насколько же все-таки мощной является пропагандистская машина Запада. Это просто потрясающе, удивительно! Это ни в какие воротане лезет! Но, тем не менее, пролезает через эти ворота», – заметил В.Путин»* (newsru, 11.09.2010).

В русском языковом сознании для идиомы **«от ворот поворот»** (дать, получить, показать) закреплено значение «выпроводить вон, предложить уйти». Ядерным компонентом при реализации идиомы в политическом тексте становится сема 'отказ': *«Турции показали от ворот поворот»* (УТРО.ru, 29.07.2013); *««Патриоты России»: «Солидарность» получит от ворот поворот»* (Взгляд, 4.10.2010); *«Евросоюз дал Киеву от ворот поворот»* (КР.UA, 11.09.2011); *«ЦИК дала от ворот поворот 15*

кандидатам» (segodnya.ua, 15.11.2010); «**От ворот поворот:** погранслужба не пропустила в Украину пророссийских журналистов, которые собирались освещать события в Одессе» (Диалог, 02.05.2018); «**От ворот поворот:** За что любят и критикуют Керчь местные жители» (Крымская газета, 17.07.2017); «**От ворот поворот:** Китай отказался от импорта нефти и газа из США» (Украина.ру, 13.07.2018); «**От ворот поворот:** Канцлер Германии Ангела Меркель приняла ультиматум по вопросу противодействия нелегальной миграции» (РИА Новости, 18.06.2018); «**От ворот поворот:** украинское оружие не будет украинско-немецким» (РИА Новости, 01.02.2019).

Таким образом, при реализации в медиатекстах когнитивной оппозиции *открытость / закрытость* наиболее типичными являются экспликаторы, которые моделируют образ *дома* на основе ключевых единиц *дверь, окно, форточка, ворота, забор*. Такие единицы, как правило, реализуются с составляющими глагольного ряда *открывать – приоткрывать – прикрывать – закрывать – захлопывать* и определяются высокой степенью образности и закрепленной коннотацией: открытое пространство оценивается положительно, закрытое – отрицательно. Данный тезис, бесспорно, коррелирует с прагматическими установками современных политических субъектов, согласно которым открытость и нацеленность на компромисс является основополагающим фактором политического диалога, в то время как закрытость и отказ от сотрудничества могут стать основой для прекращения политических отношений и начала военных конфликтов.

2.3 Каузация неволи как основа моделирования замкнутого пространства в политическом тексте

Несогласованность шагов приводит к невозможности совершения определенных политических действий, ставит политического субъекта в

безвыходную ситуацию. Как показал контекстный анализ, наиболее активными лексемами с ограничительной семантикой в медиатекстах являются лексемы *тупик*, *западня*, *ловушка*, *капкан*. Данные единицы представляют собой переход из открытого пространства в закрытое. В политических медиатекстах интегральными для данных лексических единиц становятся семы 'замкнутость', 'безысходность', 'безрезультатность'. Дифференциальные компоненты – 'наличие' / 'отсутствие' 'постороннего' 'субъекта'. Отметим при этом, что сема 'замкнутость' выявляется на основе прямых значений, тогда как семы 'безысходность', 'безрезультатность' характерны для переносных значений и эксплицируются в контекстном окружении.

При реализации в медиатекстах лексической единицы *тупик* активно функционируют глаголы движения. Так, доминирующей становится оппозиция «**зайти (войти) в тупик/выйти из тупика**»: «*Переговоры между Грузией и Абхазией зашли в тупик*» (ЗН, № 1, 11.01.2009); «*Президент знает, как Украине **выйти из тупика***» (КП, 04.11.2018).

Контексты подтверждают тот факт, что самостоятельно выйти из политического *тупика* является сложной, а иногда и невыполнимой задачей. Для преодоления сложившейся ситуации нужен посторонний субъект, который может принять конструктивное решение: «*Три года без Евгения Примакова: сумел вывести Россию из тупика*» (МК.RU, 28.06.2018). Для политических медиатекстов при описании ситуации «войти в тупик / находиться в тупике» характерны каузальные конструкции с предложно-падежной моделью «из-за + Gen»: «*Переговоры России и НАТО по ПРО на сегодняшний день **находятся в тупике из-за нежелания Запада предоставить Москве юридические гарантии ненаправленности против нее европейской противоракетной обороны***» (Ф, № 43 (255), 27.10.2011); «*В Киеве признали, что **Украина в тупике***» (Политнавигатор, 03.01.2019).

Особенности реализации лексемы *тупик* в политической коммуникации заключаются в том, что *политический тупик* является

результатом непродуманных, реже – сознательных, продуманных политических действий активного субъекта (президента, премьер-министра, партии, политических объединений), – всех, кто наделен властью. Данный тезис подтверждается при реализации в медиатекстах лексем *заводить* и *загонять*: «*Непродуманные реформы завели политиков в тупик*» (КП, 30.01.2018); «*В Рассмотрение любых кадровых вопросов лишь загоняет парламентское большинство в тупик несоблюдения достигнутых договорённостей*» (www.president.gov.ua, 05.06.2018).

В политических медиатекстах происходит уточнение денотативного значения лексемы *тупик* «безвыходное положение или ситуация, не имеющая перспектив» [Толковый словарь русского языка 2006]. Так, в контекстах в безвыходном положении оказываются политические субъекты, принимающие бесперспективные решения: «*Мы наблюдаем политизацию и «партизацию» любых назначений. Убежден, что это тупик*», – сказал В. Ющенко (www.president.gov.ua, 19.09.2009). В данном контексте подчеркивается, что полномочия местной исполнительной власти и местного самоуправления должны быть деполитизированы, иначе невозможно обеспечить баланс полномочий и ответственности должностных лиц. Конструкции с подобной семантикой в масмедийных текстах являются частотными, поскольку принятие бесперспективных решений – составляющая любого политического режима: «*Референдум по конституционной реформе – это тупик*» (УНИАН, 09.08.2018); «*Тимошенко: Референдум по политреформе – это тупик*» (Фраза, 16.01.2016). Такого рода действия или решения касаются различных сфер социально-экономической жизни, внешнеэкономических отношений или деятельности отдельных политических субъектов, которые оказались в безвыходном положении. Подчеркнем, что в таких контекстах используется предлог *для* с целью соотнести определенное политическое действие с определенным субъектом или социополитическими реалиями. Как показал

анализ, наиболее характерными для политических медиатекстов являются следующие сферы реализации предлога:

А) указание на субъекта, который попал в безвыходное положение (оказался в тупике): *«Тупик для Порошенко: Москва готовится к признанию ДНР и ЛНР»* (kr.crimea.ua, 13.09.2017); *«Тупик для Януковича, в который он сам себя загнал. Единственное, что осталось Виктору Федоровичу – это обращаться за помощью в Россию»* (День, 08.07.2014);

Б) указание на государство или политическое объединение, которое попадает в затруднительную ситуацию: *«Большой нормандский тупик для Украины: два сценария развития событий»* (newsonline24.com.ua, 11.05.17); *«Европейский тупик для Украины»* (1newss.xyz, 27.04.2016); *«Крымские санкции как тупик для Кремля»* (Политолог, 14.03.2018); *«Федерализация – тупик для Украины»* (polytika.ru, 09.02.2015).

Для массмедийных текстов актуальными являются адекативные сочетания, которые характеризуют наиболее сложные политические или социально-экономические вопросы: *««План Тимошенко» и экономический тупик Украины»* (www.polit.nnov.ru, 22.01.2009); *«Бензиновый тупик. Ющенко помирит нефтяников с Тимошенко»* (Ведомости, 18.05.2015); *«Премьерский тупик»* (www.versii.com, 08.02.2019); *«Бюджетный тупик Тимошенко»* (vsekommentarii.com, 10.06.2009); *«Тимошенко завела «оранжевых» в предвыборный тупик»* (www.izvestia.ru, 04.09.2008); *«Косовский тупик. США и Россия пока далеки от компромисса и в отношении другого важнейшего вопроса двухсторонних отношений: статуса сербского региона Косово»* (news.bbc.co.uk, 09.07.2016); *«Нефтяной ответ России на газовый тупик с Беларусью оказался неожиданным для официального Минска»* (politoboz.com, 25.06.2016); *«Кремлевский тупик: текущая политика и необходимость кардинальных изменений»* (zarodinu.org.ua, 12.07.2012); *«Коммунальный тупик Украины: либо дайте денег, либо будут бунты»* (Антифашист, 07.09.2018).

Подчеркнем, что денотативное содержание лексемы *тупик* может усиливаться с помощью определений *глухой, полный, безоговорочный* которые в политических текстах указывают на высшую степень безысходности, положение, не предполагающее выхода: «*Тимошенко: минские соглашения зашли в «глухой тупик» из-за Порошенко*» (Газета.ру, 04.12.2016); «*Сегодня переговорный процесс зашел в **полный тупик**. Потому что за спиной украинцев, за спиной нашего государства ведутся разговоры о капитуляции, и за счет Украины они собираются определенным образом урегулировать интересы страны-агрессора*, – заявила Тимошенко» (ПолитНавигатор, 08.02.2019); «*Выход Британии из ЕС упирается в **полный и безоговорочный тупик***» (www.iarex.ru, 30.01.2019).

Степень образности контекстов усиливается посредством сочетаний противоречивых понятий, характеризующих современные социополитические реалии: «***Тупик из щедрости: почему в России нельзя платить каждому с доходов от нефти***» (eadaily.com, 27.02.2018). Данный контекст отображает заведомо бесперспективный эксперимент по безвозмездной выплате определенной суммы всем гражданам.

При реализации в массмедийных текстах лексемы *тупик* интересными являются контексты, в которых описаны пути решения проблем из, казалось бы, безвыходного положения. Подчеркнем, что выход из *тупика*, как показывает анализ политических СМИ, может быть найден двумя противоположными способами:

а) при полном бездействии политических субъектов: «*«**Тупик рассасывается**»: договорятся ли Москва и Минск по нефти и газу*» (eadaily.com, 15.12.2016);

б) при помощи активных политических действий: «*«**Формула Штайнмайера-Медведчука**» основана на понимании того, что для выхода из тупика, в котором оказался переговорный процесс, следовало бы обратить взоры на Верховную Раду Украины*» (Корреспондент, 13.10.2017); «*Евгений Киселев: для выхода из тупика на Украине нужно*

сильнее давить на Россию и менять формат переговоров» (rus.err.ee, 08.09.2016).

Отметим, что поиск **выхода из политического тупика** могут осуществлять различные субъекты политики, представленные в следующей тематической классификации:

1) *политики*: «*Выборы в Южной Осетии: политики ищут выход из тупика*» (ria.ru, 02.12.2011);

2) *государства и регионы*: «*Россия ищет выход из тупика*» (уcrop.org, 26.01.2018); «*США ищут выход из афганского тупика*» (pentagonus.ru, 04.08.2010); «*США ищут выход из корейского тупика*» (wek.ru, 11.09.2016); «*Украина ищет выход из законотворческого тупика*» (www.vesti.ru, 06.12.2014); «*Польша ищет выход из хозяйственного тупика*» (rt-online.ru, 25.01.2018);

3) *политические объединения*: «*ЕС нашел выход из тупика по ассоциации с Украиной*» (Лыга.Новости, 15.12.2016); «*Сенат США ищет выход из финансового тупика*» (krsk.kp.ru, 14.10.2013); «*Конгресс США ищет выход из тупика по вопросу о бюджете Пентагона*» (Военно-политическое обозрение, 14.05.2015);

4) *политические лидеры (коалиция)*: «*Подтверждена встреча Путина и Трампа: будут искать выход из тупика*» (Биржевой лидер, 29.11.2018); «*А. Меркель пока не может найти выход из этого тупика*» (strana.ua, 07.05.2017); «*Виктор Янукович ищет выход из тупика, в котором он оказался из-за ареста Юлии Тимошенко*» (vlasti.net, 31.08.2011).

Характер *поиска выхода из тупика* зависит от сути проблемы степени заинтересованности политического субъекта в ее решении. При этом характер поиска *выхода из тупика*: «*Янукович судорожно ищет выход из «газового тупика»*» (hvylya.net, 12.09.2018); «*Кремль отчаянно ищет выход из тупика, в который он загнал Россию*» (www.infox.ru, 06.11.2018);

«Теперь Тимошенко активно ищет пути выхода из того тупика, в котором находятся «оранжевые» силы» (km.ru, 23.11.2009).

Как показал анализ медиатекстов, весьма частотными представляются контексты, описывающие ситуации, выход из которых или отсутствует, или сложен для поиска. Интерпретируя политические контексты, можно прокомментировать их так: «кто-либо из политических субъектов не разрешил конфликт» или «принятое решение не принесло ожидаемых результатов»: «США загнали себя в тупик, из которого нет выхода» (slovodel.com, 30.07.2017); «В Совбезе ООН не нашли выход из «сирийского тупика»» (Украина.ру, 11.04.2018).

В медиатекстах наблюдается активное функционирование адъективных дериватов лексемы **тупик**, сохраняющих семантические компоненты 'безвыходность', 'безрезультатность': «**Тупиковый** «Минск»: что будет дальше с Донбассом» (inosmi.ru, 25.03.2017); «Курс доллара отреагировал на «**тупиковые**» итоги выборов в США» (Эксперт онлайн, 27.02.2019); «...данный звонок состоялся на фоне в очередной раз зашедших в тупик переговоров между Украиной и ее кредиторами. Причем **тупик** на этот раз настолько **тупиковый**, что министр финансов независимой, не откладывая дела в долгий ящик, дает понять, что Украина может совершить дефолт по своим внешним суверенным обязательствам уже в июле» (politikus.ru, 26.06.2015).

В политических медиатекстах журналисты используют языковой игры, которая вносит дополнительные оттенки значений: «Турция – **политика тупика или тупиковая политика?**» (www.iarex.ru, 06.09.2013).

В политических СМИ семантика безвыходности реализуется и посредством языковых единиц, которые являются синонимами лексемы **тупик**. Как показал анализ, наиболее активно на уровне вторичной номинации реализуются лексические единицы **западня, ловушка, капкан**, а также адъективные и субстантивные распространители: **демократический капкан, налоговый капкан, чеченский капкан, капканы правосудия, капкан для**

России, нефтяной капкан, парламентский капкан, политическая ловушка, премьерская западня; западня для Запада, западня для НАТО, западня глобализации и др.: «...мировая экономика в политической западне» (Корреспондент.net, 04.06.2013); «Газовый капкан для Польши. Чем обернется контракт на поставку СПГ из США» (РИАНовости, 19.10.2018); «США попали в капкан Китая» (МК.RU, 28.06.2018); «США ставят «капкан на Россию»» (REGNUM, 18.06.2018).

Метафорические значения ключевой единицы **западня** основываются на ее переносном значении, которое фиксируется в лексикографических источниках как «искусный, ловкий маневр, прием для завлечения кого-либо в невыгодное, опасное положение; само такое положение» [Толковый словарь русского языка 2006]. Для политических текстов метафора **западни** является актуальной, так как управление государством и деятельность отдельных политических субъектов предполагает ловкие маневры, завлечение политических оппонентов в невыгодные положения, борьбу за власть, что влечет различного рода опасности в политической и социальной сферах: «Европейский центробанк контролировал стоимость евро, а страны из еврозоны и за ее пределами **попали в западню** такой монетарной политики» (inosmi.ru, 08.08.2012).

Субъектами, ставящими **западню**, в медиатекстах могут быть как конфликтующие стороны («По словам палестинского политика, предложение – **западня сионистов**, которые будут использовать материалы круглосуточного видеонаблюдения, **чтобы арестовывать активистов**, заподозренных в подстрекательстве к насилию» (www.newsru.co.il, 19.03.2016)), так и неэффективные политические действия властей, в результате которых они сами оказываются в невыгодном положении («Алиев в тумане. Газета «Голос Армении» в номере от 4 февраля 2017 года пишет, что в плену оказался спецназовец, а в **западне собственной политики** – власти Азербайджана» (www.panorama.am, 04.02.2017); «Тем не менее, Запад сегодня оказался в **западне своей**

санкционной политики. Он не может отступить в этом вопросе, как и во всех остальных» (inosmi.ru, 09.06.2015).

По мнению многих аналитиков и журналистов, внешняя политика Соединенных Штатов Америки предполагает спектр активных действий, в результате которых различные страны и государства оказываются в трудном положении. Данная идея весьма активно разворачивается в контекстах: *«Мир оказался в западне денежной политики американцев, которые пытаются обесценить свою валюту, и китайцев, которые тоже не хотят идти на уступки», – высказался министр финансов Новой Зеландии Билл Инглиш* (promved.ru, 01.02.2011); *«Американские санкции в отношении России негативно сказались на деятельности Visa. Как сообщил финансовый директор компании Байрон Поллитт, ограничения уже привели к снижению объемов транзакций, а могут повлечь также замедление роста выручки в текущем квартале. «Мы оказались в западне между политикой США и России», – заявил он»* (www.banki.ru, 25.04.2014).

В результате своих неправильных действий и ошибок *в западне* политики могут оказаться различные субъекты:

А) политические объединения: *«Есть все основания заявить, что НАТО совершило стратегическую ошибку и попало в своих отношениях с Москвой в западню символической политики»* (ARMENIA Today, 02.05.2010)

Б) страны и государства: *«Украина попала в западню: ее лидеры не могут отказаться от Донбасса, не рискуя навлечь на себя гнев сограждан, и поэтому вынуждены следовать путинской повестке дня»* (newtimes.ru, 28.11.2016); *«Клименко рассказал о западне, в которую Россия попала с Керченским мостом»* (finobzor.ru, 09.08.2017); *«Европа на Украине попала в западню своих идейных ценностей»* (ria.ru, 18.11.2014);

В) политические лидеры: *«...Барак Обама ... оказался в западне своей недальновидной политики в отношении России...»* (topwar.ru, 19.02.2014); *«Мэй попала в западню на встрече с Меркель»* (utro.ru, 11.12.2018); *«Путин попал в западню пенсионной реформы»* (newdaynews.ru, 30.08.2018);

«украинский президент снова попал в ту западню, которую ему регулярно устраивает «Народный фронт» Яценюка» (ukraina.ru, 26.09.2017); *«Дональд Трамп попал в западню и удаляется от экономики»* (snob.ru, 11.04.2017);

Г) вооруженные силы государства: *«Украинская армия в западне»* (thekievtimes.ua, 20.07.2014); *««Тысячи людей остаются в западне»: как иракские военные освобождают Талль-Афар от боевиков ИГ»* (russian.rt.com, 27.08.2017).

Весьма активными в политических текстах являются расширенные конструкции, в которых зависимое слово номинирует определенную политическую или экономическую проблему: *«Украинцы попали в ипотечную западню»* (jkg-portal.com.ua, 15.04.2018); *«Польша в газовой западне»* (zn.ua, 04.09.2018); *«Финансовая западня: долгоиграющая зависимость Украины от МВФ»* (novorossia.su, 05.11.2017); *«Виктор Янукович: в западне президентства»* (www1.rfi.fr, 14.02.2010).

В политических медиатекстах подчеркивается, что логичными действиями и продуманными поступками можно избежать неприятностей и опасностей и не попасть *в западню*, подстроенную соперниками: *«Путин избежал западни Трампа»* (tsargrad.tv, 02.04.2018); *«Президент Украины [В. Янукович – Н. С.] выскользнул из западни и вновь обрел свободу маневра, которой, как считали его соперники, у него не оставалось»* (rg.ru, 22.11.2013).

Поиск выхода из политической *западни* могут осуществлять различные субъекты, при этом значимым является глагол, который указывает на интенсивность стремления выбраться из опасного положения: *«Причиной этому в основном послужили попытки ФРС [Федеральной резервной системы – Н. С.] выкарабкаться из западни политики нулевых процентных ставок»* (elitetrader.ru, 20.11.2015).

В политических медиатекстах фиксируются образы, построенные на языковой игре созвучных слов *западня* и *Запад*: *«Украина как западня для Запада»* (riafan.ru, 31.05.2018); *«Западня для Запада – Поддержка США и*

ЕС не спасет Ющенко» (Сегодня, 01.05.2009); *«Западня или западная НЕ-«цивилизация»»* (ruinformers.com, 14.01.2019). Отдельную группу с элементами языковой игры занимают графодериваты, в частности, слово **ЗАПАДня**, появившееся на просторах интернета после презентации книги латвийского журналиста и политика Николая Николаевича Кабанова: *«ЗАПАДня: латвийская политика глазами русского депутата»*.

Политическое пространство характеризуется закрытостью при несогласованности целей и направлений в политической деятельности, при отсутствии взаимопонимания и компромисса, а также при наличии иллюкативного компонента 'поймать, сделать своим в результате охоты на кого-либо'. Наиболее активно данный компонент актуализируется в сочетании с метафорическими дублетами *ловушка*, *капкан*. В лексикографических источниках ключевая единица *ловушка* определяется как «1. Приспособление или место, устроенное с тем расчетом, чтобы попавший в него оказался пойманным (напр. западня, капкан, мышеловка, волчья яма и т. п.). 2. перен. То, посредством чего можно кого-н. перехитрить, обмануть, поймать» [Толковый словарь русского языка 2006]. В словарях отмечается, что лексема *капкан* является синонимом слова *ловушка* и имеет значение «орудие для ловли крупных и мелких пушных зверей (медведей, рысей, росомых, волков, лисиц, песцов, куниц, соболей, горностаев, белок, колонков и др.), а также вредителей сельского хозяйства (сусликов, хомяков и др.)» [Толковый словарь русского языка 2006].

В медиатекстах на уровне вторичной номинации данные единицы реализуются посредством динамических глаголов *заманивать*, *расставлять*, *ставить*, действие которых направлено на различные политические реалии или на конкретных субъектов политики: *«Трамп заманивает в ловушку. Надо ли РФ возвращаться в «большую восьмерку»? Дональд Трамп предложил вернуть Россию в G8, «потому что нам нужно вместе управлять миром»* (<http://www.aif.ru>, 09.06.2018); *«СМИ: Трамп расставил коварные ловушки в мирном плане»* (Кавполит, 13.02.2015).

При реализации глаголов *попасть*, *оказаться* описывается совершенный политический маневр, опасная ситуация, которая произошла из-за действий оппонентов («Сергей Черняховский: Порошенко **попал в ловушку США**» (ЗН, 28.02.2019)) или собственных действий («Европа **затащила себя в ловушку санкций**» (ПЛ, 16.11.2015)).

Отметим, что в политических текстах актуальными являются адъективные сочетания, зависимым компонентом в которых становятся адъективы со значением национальной или территориальной принадлежности («*WP: На Украине готовится «сирийская ловушка»*» (russian.rt.com, 27.11.2017); «*Пушков посоветовал Трампу избегать «украинской ловушки»*» (tvzvezda.ru, 05.02.2017); «*Китай и Россия заманивают США в «азиатский капкан»*» (www.putin-today.ru, 07.12.2017) или языковые единицы, входящие в социально-политическую или экономическую сферы: («*Вашингтон приготовил новую санкционную ловушку*» (utro.ru, 20.12.2018); «*Ростислав Ищенко: Юридическая ловушка для Порошенко*» (oko-planet.ru, 01.09.2018); «*Киевские власти готовят своим гражданам транспортную ловушку*» (Вести, 06.08.2018); «*Как россиян заманивают в кредитный капкан. Однако порой, чтобы угодить в кредитный капкан, даже не обязательно заходить в банк*» (www.ntv.ru, 09.08.2016)).

В массмедийных текстах актуальным становится сравнение процесса поимки зверя с политическим субъектом, который представляется в следующем метафорическом сценарии: «*Как в такой ситуации разрешается проблема Минских договоренностей? Англосаксы решили сделать из них ловушку на медведя. Задача: удерживая Путина на Украине, измотать путинский режим и заставить его нести существенные потери: имиджевые, военные, финансовые. Надо понимать: уже больше года «нормандский формат» используется последовательно как средство удержания медведя в ловушке. Путин идет на уступки, надеясь, что это повлечет за собой снятие санкций, но условия выдвигаются такие, на*

которые он пойти не может, и санкции продлеваются. Медведя **поймали в капкан**: левой лапой на Украине, правой – в Сирии, и методично бьют молотком по голове. Наши действия с Западом очевидным образом согласованы, ни о каком политическом урегулировании речи не идет, речь идет о том, чтобы дальше **держат** медведя в ловушке» (inosmi.ru, 27.10.2016). Прозвище «кролик», закрепившееся за экс-премьером Украины А. Яценюком, становится источником языковой игры: «**Ловушка для боевого кролика**: Кто открыл охоту на Яценюка» (СП, 17.11.2014).

Как показал анализ медиатекстов, метафорический образ **ловушки (капкана)** транслируется на различных субъектах политики. Так, в качестве **ловушки (капкана)** могут выступать государства («**CBS News: Босния стала ловушкой**» для стремящихся в ЕС» (russian.rt.com, 13.12.2018)); политические объединения («**Евросоюз оказался ловушкой** для стран Восточной и Южной Европы») (Вести, 16.11.2012); политические соглашения («**Сделка «ЕС – Турция» оказалась ловушкой** для беженцев» (amnesty.org.ru, 24.07.2017); военные действия («**Война в Грузии – капкан** для РФ, чтобы заманить ее в Украину» (<https://onpress.info>, 09.06.2017); «**Военная операция Турции в Сирии: необходимость или ловушка?**») (НГ, 31.08.2016).

В политических медиатекстах находят отражение конструкции, построенные на деструктивных адресантно-адресатных отношениях: первый политический субъект (А) попадает в **ловушку/капкан** второго, более сильного, политического субъекта (Б). Частотность подобных примеров подчеркивает агрессивный потенциал современной политики и стремление устранить нежелательных оппонентов: «**Сергей Марков: «Единая Россия» оказалась в ловушке**» (newdaynews.ru, 18.06.2016); «**США попали в капкан Китая**» (www.mk.ru, 28.06.2018); «**Порошенко попал в капкан НКВД**» (glav.su, 12.07.2017). Особенностью метафоризации **капкана** в политических медиатекстах является тот факт, что их могут устанавливать для нежелательных политических оппонентов: «**Ющенко поставил капкан на**

Тимошенко» (zhitomir.info, 16.04.2010); «*Путин поставил капкан на Трампа, и тот в него угодила*» (inosmi.ru, 09.07.2017).

В политических текстах представлены ситуации, в которых то или иное государство или политический субъект не делают выводов, повторяя свои ошибки и вновь оказываясь в политическом *капкане*: «*«Двойной капкан»: Запад заманивает Россию в новую ловушку*» (polit-mir.ru, 09.05.2017); «*Несостоявшийся посол Бабич – очередная ловушка для Порошенко*» (НГ, 05.08.2016).

Таким образом, языковые единицы с семантикой ограничения движения в медиатекстах определяют современный политикум как двуполярных мир. Так, с одной стороны, высокая частотность глагольной группы с семантикой преодоления препятствия демонстрирует интенции политикума, направленные на толерантное построение диалога. С другой стороны, появление искусственно созданных препятствий на пути передвижения политических оппонентов определяет власть как цель, достижение которой оправдывает любые политические действия.

2.4 Когнитивная специфика целеполагания как основа организации движения

Достижение цели – главная задача любого политического субъекта, поэтому бесспорным фактом является необходимость в ориентирах, сопровождающих движение. Исследование медиатекстов позволило сделать вывод, что наиболее активно в политических СМИ на уровне вторичной номинации реализуются лексемы *маяк*, *путеводная звезда* и *компас*, представляющие мир политики как процесс передвижения к определенным политическим ориентирам. Отличаясь друг от друга периферийными компонентами, при реализации в контекстах данные единицы эксплицируют интегральные семы 'пространство', 'направление', 'движение', 'ориентир', 'цель' и функционируют преимущественно с мелиоративной коннотацией.

Маяк – составляющая не только русской, но и мировой культурной традиции. В «Словаре символов» под ред. Д. Трессидера **маяк** определяется как «символ избавления от беды, предупреждения об опасности» [Трессидер Д. Словарь символов]. Ассоциируя жизненные коллизии с образом бушующего моря, исследователи подчеркивают, что «образ маяка органично вписывается в сценарий жизни как волнующего моря, которое возможно одолеть человеку-мореплавателю, если только путь его будет освещен» [Яценко, Т. А. Каузация... с.373]. Комплексный анализ лексикографических источников позволяет говорить о широкой вариативности интерпретаций лексемы **маяк**, различном количестве ее лексико-семантических вариантов. При всем разнообразии словарных дефиниций нами были выделены интегральные семы, актуализированные при интерпретации лексемы в каждом из толковых словарей. Так, в качестве ядерных представляются семантические компоненты 'место', 'направление', 'движение', 'свет', 'водное пространство', отраженные в медиатекстах не в полном объеме. Как показал анализ, в политических СМИ семантические компоненты 'свет' и 'водное пространство' уходят на периферию, при этом ядерным становится целевой компонент. Так, в контекстах **маяк** представляется ориентиром, который может быть выражен языковыми единицами, входящими в следующие тематические группы:

- **территориально-административные объекты:** «*Европа остается маяком надежды*» (Лента, 03.10.2015); «*Давос – маяк мировой экономики*» (rus.ngo-gorak.com, 31.05.2013); «*Азербайджан – это маяк развития исламского мира*» (azertag.az/ru, 14.12.2015); «*США требуют разъяснений от своего «маяка надежды»: Израиль сегодня*» (regnum.ru, 28.04.2012).

- **социальные и политические проекты:** «*Маяк российско-германского сотрудничества*» (economy.samregion.ru, 20.10.2017); «*Свободные экономические зоны: черная дыра или маяк для инвестора?*» (zn.ua, 14.09.2017); «*Встреча в Астане как маяк надежды на мир*» (inosmi.ru, 01.02.2017).

- **политические лидеры:** *«Президент как «маяк доверия» и внешнеполитические отношения России»* (geo-politica.info, 28.07.2018).

Расширяя синтагматический потенциал, ключевая единица **маяк** образует синтагматические связи с субстантивами, несущими различные характеристики: *«Маяк независимости. Решающий шаг на пути к национальному пробуждению сделали в ту годину великих потрясений и азербайджанцы, которые вплотную подступили к судьбоносному маяку»* (regionplus.az, 01.03.2018).

Бесспорным является тот факт, что расширение метафорического потенциала ключевой единицы **маяк** относится к советскому периоду. Так, в «Словаре языка совдепии» фиксируются такие словосочетания, как «маяк социализма», «маяк коммунизма», «маяк индустриализации», «маяк комсомольских побед», «путеводный маяк»; выделяются устойчивые конструкции «свет советского маяка виден издалека»; «будь в жизни орлом, а в труде маяком» [Мокиенко, Никитина 1998, с. 330-331]. Функционирование ключевой единицы **маяк** в современном медиадискурсе существенно отличается от особенностей ее реализации в советское время. Так, зафиксированные в словаре устойчивые конструкции в современных СМИ выявлены не были, а представленные словосочетания в медиатекстах, как правило, приобретали ироничную коннотацию. По нашему убеждению, данный факт объясняется изменившимися социально-политическими реалиями, где на смену социализму и коммунизму пришла демократия, а такие социально-политические институты, как комсомол, стали признаком советского прошлого. С другой стороны, изменение ориентиров привело и к новым сочетаемым возможностям, указанным ранее.

При реализации в контекстах отмечается активность реализации структуры *А маяк (ориентир) для Б*, что обусловлено адресантно-адресатными отношениями современного политического мира: *«США хотят стать маяком демократии для всех стран современной Европы»* (mignews.com, 17.04.2017). Таким образом, взаимосвязь и взаимодействие

политических субъектов предполагают взаимную зависимость и поиск ориентиров, при котором менее успешный субъект политики стремится стать похожим на более успешного.

В массмедийных текстах наблюдается явление контаминации, в котором участвуют два компонента: устойчивая конструкция *путеводная звезда* и лексема *маяк*: «То, что происходит сегодня в объединённой Европе – *«путеводный маяк»* для развития межрегиональной интеграции в Украине»(iee.org.ua, 05.07.2017); «ЕГЭ стал неким *путеводным маяком*, который движет школой, родителями и детьми» (so-l.ru, 01.09.2017). Конструкция *путеводный маяк* в медиатекстах приобретает значение ценностного ориентира, что соотносится с денотативным значением конструкции. Так, анализ фразеологических словарей позволил выделить два основных значения устойчивой конструкции *путеводная звезда*: «руководящая, направляющая мысль, указывающая верное направление в какой-либо области жизни» и «человек, определяющий каким-либо образом чью-либо жизнь, деятельность» [Фразеологический словарь русского литературного языка, 2008, с. 172]. Образ *путеводной звезды* относится к тем временам, когда в своих путешествиях люди ориентировались на неподвижную звезду, которую позже назвали «путеводной». Эта звезда всегда находилась на севере и помогала им определить верное направление движения и стороны света.

При реализации в заголовках политических СМИ конструкция *путеводная звезда*, как правило, выступает в роли стержневого элемента при наличии зависимого субстантива: «*Путеводная звезда американской политики*» (www.logoslovo.ru, 13.04.2015); «*Путеводная звезда Януковича*» (www.nnm.me, 27.03.2014); «*Путеводная звезда альянса*» (www.gzt.md, 26.07.2015)). Такая функция конструкции связана с желанием автора привлечь внимание читателя с помощью яркого библеизма, а не раскрывать полностью тему политической статьи, что заинтригует аудиторию.

В масс-медийных текстах *путеводной звездой* номинируются различные составляющие политического мира, входящие в следующую тематическую классификацию:

1. **Политические лидеры:** *«Окончив свой земной путь, Фидель Кастро стал путеводной звездой для многих поколений»* (<https://istina.msu.ru>, 13.08.2016); *«Путеводная звезда» корейского народа Ким Чен Ир»* (<inosmi.ru>, 19.12.2011).

2. **Политические объединения:** *«Порошенко сравнил НАТО с путеводной звездой»* (<qwas.ru/ukraine>, 22.04.2016); *«ЕС или коллективный Запад не стал «путеводной звездой» для властей стран Центральной Азии»* (<www.inozpress.kg>, 10.10.2017).

3. **Государства:** *«Америка ослабила Британию, превратив Израиль в свою путеводную звезду на Ближнем и Среднем Востоке»* (<regnum.ru>, 15.12.2014).

4. Политические действия:

А) конструктивные: *«Администрация Буша называет распространение демократии путеводной звездой своей внешней политики»* (<inosmi.ru>, 22.05.2016); *«Путин в Петербурге не дал путеводную звезду экономике. Это было сделано раньше»* (<www.mk.ru>, 23.05.2014); *«Воссоединение Крыма с Россией стало путеводной звездой для всего народа Донбасса – Захарченко»* (<dan-news.info>, 20.01.2017).

Б) деструктивные: *«Все понимают, что американцы – большие не путеводная звезда, и даже звезда НАТО – не панацея»* (НТВ, 10.12.2017); *«Растущее значение Китая было путеводной звездой для глобальной экономики по меньшей мере в последние десять лет»* (<interaffairs.ru>, 13.07.2016); *«Путеводная звезда Америки горит по-прежнему ярко»* (Лига, 30.06.2009).

В) нейтральные: *«Идеал – это путеводная звезда; без нее нет твердого направления, а нет направления, нет и жизни»* (<ru.citaty.net/tsitaty>, 18.03.2016).

Для политических медиатекстов показательным является тот факт, что выбор цели, ориентира не всегда является верным, поскольку политические ориентиры с течением времени могут корректироваться: *«Путеводная звезда стала темнеть и превратилась в чёрную дыру, которая поглотила собственный свет и свет звёзд поменьше. В какой-то момент вся политическая система должна была взорваться»*(inosmi.by, 18.06.2017).

При реализации в медиатекстах ключевой единицы **компас** важным является отличие ее контекстного окружения и семантического наполнения от рассмотренных ранее единиц. Определяясь в денотативном значении как «прибор для определения стран света (сторон горизонта)» [Толковый словарь русского языка 2006], в масс-медийных текстах **компас** является ориентиром, абсолютно четко указывающим на определенный вектор в социально-политических отношениях: *«Мы твердо встали на путь европейской и евроатлантической интеграции. Путеводные звезды, которые светят нам в дороге – это звезды флага Европейского Союза. Наш компас – это тот, который нарисован на эмблеме НАТО», – заявил Порошенко* (Европейская правда, 14.09.2018); *«Испорченный компас европейской политики»* (openleft.ru, 27.11.2013); *«Компас Турции показывает на «север»»* (millifirka.org, 25.12.2016). Для современных политических текстов весьма активной является конструкция **моральный компас**, которую можно интерпретировать как систему ценностных ориентиров и приоритетов: *«Моральный компас Порошенко»* (m.euromag.ru, 08.08.2018); *«Пришло время Израилю восстановить свой моральный компас»*(mignews.com, 29.01.2019); *«Уязвимость позиции США очевидна: «моральный компас» Обамы и Керри отключается сразу, как речь заходит о зверствах боевиков»* (kr.ru, 09.09.2013).

Таким образом, при реализации в медиатекстах ценными экспликаторами целевого компонента являются языковые единицы **маяк**, **компас** и **путеводная звезда**, включающие интегральные компоненты 'пространство', 'направление', 'движение', 'ориентир' и 'цель'. Отражая

современные социополитические реалии, данные метафоры представляются как ценностные ориентиры, следование которым должно привести к конструктивному результату. Отходя от денотативных значений, языковые единицы *маяк*, *компас* и *путеводная звезда* приобретают новые коннотации, что обуславливает высокий уровень абстракции и их активное функционирование в политических медиатекстах. Новые значения коррелируют с культурным фоном носителей русского языка и образуют новые метафорические смыслы.

Выводы

Коммуникативно-прагматический подход к анализу политического текста на основе построения системы координат позволяет обозначить когнитивные механизмы его порождения и восприятия, выявить определяющие характеристики, наметить новые направления в изучении языка политики. Описание структурного содержания политического текста тесно связано с выделением когнитивных оппозиций, базовыми среди которых являются пространственные оппозиции *горизонталь/вертикаль*, *верх/низ*, *вперед/назад*, *вправо/влево*, *открытость/закрытость*. Для носителей языка механизмы реализации таких моделей настолько очевидны, что не вызывают трудностей ни при порождении, ни при восприятии текстов разных типов. Комплексный анализ бинарных оппозиций в медиадискурсе политической направленности является одним из основных способов осмысления действительности на уровне сверхтекстового моделирования. Рассмотрение политического текста как многовекторного явления раскрывает системные связи языковых единиц с семантикой пространства, которые функционируют на уровне вторичной номинации и реализуют

категориальный компонент *пространство* (см. приложение 1). Вторичные значения лексических и фразеологических единиц коррелируют в контекстах, при этом наблюдается процесс индуцирования сем и расширение валентностных возможностей слов и фразем, формирующих двучленные конструкции атрибутивного и глагольного типов.

Анализ политических медиатекстов показал, что в контекстах данные единицы являются весьма частотными и моделируют новые метафорические образы и сценарии. Так, в репрезентативном корпусе, включающем 9680 единиц, наблюдаются такие количественные соотношения: горизонталь – 3972 (41,1 %), открытость / закрытость – 2870 (29,6 %), вертикаль (низ) – 1470 (15,2 %), вертикаль (верх) – 1251 (12,9 %), иное – 117 (1,2 %) (см. График).

**Пространственные оппозиции
в политических медиатекстах (ед.)**

Горизонтальный вектор категории *пространство* строится на основе метафорической модели «политика – это дорога / путь», которая предполагает наличие целевого и признакового компонентов, выявляющихся

через единицы с локусной семантикой или атрибутивные конструкции. Метафорическая модель «политика – это дорога / путь» отражает возможность политического субъекта достичь политические или социальные цели. Средства языковой реализации целевого и признакового компонентов классифицируются на основе грамматического и семантического критериев с помощью локативов, которые дифференцируются в зависимости от их семантических особенностей и значимости в контексте. В основе моделирования метафорического образа горизонтального пространства в политическом медиатексте при реализации метафорической модели «политика – это дорога / путь» актуализируются такие доминирующие семантические признаки, как ‘движение’, ‘цель’ ‘направление’, ‘место’, ‘время’.

Исследование языковых единиц с пространственной семантикой показало, что на базе универсальной оппозиции вертикального вектора *верх/низ* формируется пространственная трехмерная оппозиция *политика – вершина – пропасть*, в которой лексемы *вершина* и *пропасть* являются конечными точками. Данная оппозиция лежит в основе категоризации политического пространства и определяет особенности реализации метафорических значений в тексте. Анализ политических контекстов позволил выделить наиболее активные для языка политики лексемы. Доминирующими вербализаторами *верха* в вертикальном векторе пространства являются лексемы *гора, вершина*; вербализаторами *низа* выступают лексемы *бездна, водоворот, воронка, дно, обрыв, ров, пропасть, пучина, трясина, яма*.

Комплексное описание функционально-семантических особенностей лексем вертикального вектора пространства с учетом их прагматического потенциала подтверждает положение о том, что коннотация зависит от контекстного окружения и коммуникативных стратегий адресанта. Вследствие этого семантика *верха* обладает двояким потенциалом коннотации. Для массмедийных текстов политической направленности типичен первый:

реализация единиц образной системы с мейоративной коннотацией. В работе доказано, что в политических контекстах проявляется тип, отражающий политическую реальность посредством языковых единиц-вербализаторов *верха* с пейоративной коннотацией. Данные факты были зафиксированы в контекстах, где объекты вертикальной плоскости функционировали в качестве преград.

Низ вертикального вектора пространства в политическом тексте имеет закрепленную пейоративную коннотацию. Данный факт определяется особенностями славянской и общеевропейской мифопоэтической картины мира, где *верх* наделяется положительными свойствами, а *низ* представляется средоточием отрицательных черт.

Метафорический образ *низа* в политических медиатекстах отражается с помощью метафорической модели «политика – это яма/пропасть», построенной на основе фреймов «яма/пропасть – движение вниз», «яма/пропасть – достижение низшей точки», «яма / пропасть – движение к цели». Изучение функционально-семантических особенностей вертикального вектора позволило сделать вывод о том, что вертикальный классификатор *низ* объединяет лексемы и словосочетания, обозначающие политические реалии, которые демонстрируют глубокие социально-политические изменения. Языковые единицы *бездна, водоворот, воронка, дно, обрыв, ров, пропасть, пучина, трясина, яма* в политическом медиапространстве функционируют на уровне аксиологически закрепленной вторичной номинации, реализуя высокую степень пейоративной коннотации.

Оппозиция *открытость / закрытость* в медиатекстах политической направленности была вербализована посредством противопоставленности префиксов при тождестве корневой морфемы. Анализ показал, что оппозиция *открытость / закрытость* пересекается с оппозицией *свой / чужой* и отражает мир через отнесение определенных субъектов, объектов, действий и ситуаций к своему или чужому пространству.

Анализ политических текстов позволяет сделать вывод, что при реализации языковых единиц, эксплицирующих когнитивную оппозицию

открытость / закрытость, наблюдается актуализация коннотативных сем, где лексемы приобретают позитивную или негативную коннотацию. Такая актуализация определяется контекстным окружением языковых единиц и их прагматическим содержанием: в политическом тексте коммуникативные ситуации с открытым пространством оцениваются положительно, в то время как закрытое пространство характеризуется отрицательно, что подчеркивает значимость ценностной составляющей в данной семиотической оппозиции. В работе было доказано, что в дискурсивных практиках при реализации когнитивной оппозиции *открытость / закрытость* характерным является образ *дома*, который очерчивает освоенное человеком замкнутое пространство.

Контекстологический анализ показал, что в политическом тексте когнитивная оппозиция *открытость / закрытость* структурируется прежде всего на основе ключевых единиц *дверь, окно, форточка, ворота, забор*. При реализации в политическом тексте данных лексем доминирующим становится префиксальный глагольный ряд *открывать – приоткрывать – прикрывать – закрывать – захлопывать*, актуализирующий в политическом тексте прагматические установки адресата сообщения. Функционирование в политическом тексте глагольного ряда сопровождается высокой степенью образности и закрепленной коннотацией, что порождает в медиатекстах политической направленности новые прагматические смыслы. Особенностью реализации данного ряда в медиатекстах политической направленности является то, что коннотация составляющих его единиц направлена от плюса к минусу (*открывать – хорошо / захлопывать – плохо*).

Таким образом, пространственный фрагмент языковой картины мира представляет собой систему разноуровневых языковых средств, репрезентирующих локативные оппозиции. Языковые единицы с пространственной семантикой функционируют в политическом тексте на уровне вторичной номинации и реализуют категориальный компонент *пространство*. Ключевые единицы, организующие пространство политического текста, характеризуются многокомпонентностью семантической

структуры и семным варьированием в политических контекстах, что определяет модификацию семантической структуры лексических и фразеологических единиц, сопровождающуюся переструктуризацией сем. Прагматическое содержание политического текста обуславливает систему индуцирования коннотативных сем, в результате чего слова и фраземы приобретают мейоративную или пейоративную коннотацию. Такие локусно ориентированные аксиологические особенности важны для осмысления человеком внешнего мира и прежде всего социально-политического пространства.

ГЛАВА 3. КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

3.1 Горизонтальное пространство как источник прецедентности в русскоязычном медиадискурсе

3.1.1 Семантико-прагматический потенциал прецедентных топонимов в русскоязычных медиатекстах

3.1.1.1 Специфика функционирования прецедентного имени *Вавилон* в текстах политических СМИ

Экономические, политические, социальные и культурные изменения на постсоветском пространстве определяют тот факт, что вторичные значения языковых единиц находят свое отражение в медиатекстах. Анализ текстов политических СМИ приводит к выводу, что важное место в ряду ключевых единиц политического дискурса занимают вторичные значения топонимов, связанные прежде всего с номинацией актуальных политических событий. Такие единицы отражают социально-политические ценности современного сообщества, его стратегии, тактики и современное состояние. Эмотивность топонимов и их образный потенциал неоднократно становились объектом лингвистических рассуждений. По утверждению В. И. Супруна, «любой носитель языка способен определить эмотивность антропонима, топонима и других имен собственных». Так, исследователь подчеркивает, что «имена собственные способны коннотировать, приобретать дополнительные значения и обладают своей специфической, онимической семантикой» [Супрун 2019, с. 200]. При этом бесспорным является тот факт, что «любой оним существует в языке как единица ряда, в котором каждый конституент объединяется с другими, но при этом обладает своими чертами, отличными от других единиц, уже на языковом уровне имея ассоциативные семы

‘известное / неиз-вестное’, ‘старое / новое’, ‘национальное / заимствованное’, ‘нейтральное / окрашенное’ и др.» [Супрун 2000].

При семантической характеристике имени собственного, как отмечают исследователи, необходимо говорить не об особой понятийности, а о допонятийном синкретичном значении особого типа. Такие синкретичные значения аккумулируются как в топонимических единицах, относящихся к определенным историческим событиям, имевшим (или предположительно имевшим) место в прошлом, так и к современным топонимическим единицам. Обратимся к анализу прецедентных топонимов, нашедших свое отражение в медиатекстах. Так, в текстах СМИ политической направленности на уровне вторичной номинации весьма активно реализуется топоним *Вавилон*.

В «Новом словаре русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой *Вавилон* определяется как «1) город, где по библейскому сказанию люди пытались построить башню до небес, но попытка не удалась, так как разгневанный их дерзостью Господь смешал все языки и строители перестали понимать друг друга. 2) употр. как символ большого города с его суетой, соблазнами и пороками» [Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный 2000].

Имя *Вавилон* становится прецедентным благодаря связанными с ним историческим и мифологическим событиям. Именно этот факт обусловил особенности создания образа *Вавилона* на страницах современных политических СМИ. Проведенный анализ показывает, что наряду с активным функционированием топонима *Вавилон* в переносном значении весьма частотными являются конструкции, отражающие связанные с ним реалии.

Реализуясь в текстах политических СМИ в свободных сочетаниях, ключевая единица *Вавилон* отражает ряд проблем внутренней и внешней политики различных регионов и государств. Именно интегральные деструктивные компоненты ‘развал’, ‘хаос’, ‘смещение’, лежащие в основе денотативного содержания лексемы *Вавилон*, становятся ядерными при ее

реализации в медиатекстах. Подчеркнем, что в контекстах образ не является закрепленным и функционирует преимущественно при экспликации следующих ситуаций:

А) источник внутренних конфликтов: *«Москва – это **современный Вавилон**, который перемолол еврейскую традицию»* (timeout, 21.03.2017); *«**Европейский Вавилон** или философия развала. Уже было высказанно множество мнений относительно миграционного кризиса в Европе..»*. (internationalstudies.ru, 27.02.2016); *«Геннадий Зюганов: Москву превратили в **новый Вавилон**»* (nr2.com.ua, 24.07.2013).

Б) изолированность от внешнего мира: *«Крым превратился в **экономический «Вавилон...»**, отрезанный от всего мира»* (ru.tsn.ua, 17.02.2015);

В) падение Вавилона: *«Так, радуясь падению одного **«глобального Вавилона»**, миллионы людей могут не заметить, как на его обломках начнётся строительство новой «вавилонской башни»»* (maxpark.com, 03.03.2017).

Г) утрата влияния, значимости (известно, что Вавилон – один из крупнейших городов в истории человечества, «первый мегаполис»): *«**Киев как Вавилон**. Как украинская столица теряет свой вековой блеск и чему Киеву стоит поучиться у Москвы»* (Украина.ру, 19.05.2016); *««**Бриллиант европейской короны**» или «**Вавилон неасфальтированный**»? Мне очень неприятен тот факт, что в горячо любимом мною городе происходят вещи, которые не позволяют отдельным людям очароваться Киевом»* (day.kyiv.ua, 24.05.2013).

Д) полилингвокультурная ситуация региона: *«Как живет **украинской «вавилон»** под Одессой с тремя региональными языками. Болградский район Одесской области прогремел на всю страну. Местные депутаты решили ввести в качестве региональных сразу три языка: болгарский, гагаузский и русский»* (vesti-ukr.com, 05.08.2013).

Данные конструкции указывают на историческую преемственность при характеристике современных внутригосударственных и внешнеполитических проблем через отсылку к образу **Вавлона**. Контексты, в которых формируется положительный образ **Вавилона**, являются единичными. При положительной оценке данного образа внимание акцентируется на его красоте и комфорте: «*Львов – это Вавилон. По версии Фокуса, Львов стал лучшим городом для жизни в Украине*» (focus.ua, 12.06.2009). Малоактивными представляются и конструкции с нейтральной коннотацией, свидетельствующие о строительстве небоскребов «высотой до небес» в разных точках земного шара: «*Башни «до небес», или Вавилон в нашей жизни*» (Политическое обозрение, 14.01.2016).

Реализуясь в медиатекстах, прецедентное имя **Вавилон** может конкретизироваться с помощью различных адъективов, которые привлекают внимание к ряду проблем, характерных для регионов (политическая изоляция, передел геополитического влияния, проблемы государственных и национальных языков и т.д.).

Ключевая единица **Вавилон** активно сочетается с адъективами с локативной семантикой или с семантикой национальной принадлежности, что определяет особенности реализации образа **Вавилона**: «*Русский Вавилон. Проблема миграции и мигрантов сегодня одна из самых актуальных*» (dialogs.org.ua, 29.01.2009). При фиксации в медиатекстах оттопонимического адъектива эксплицируется значение *путь к Вавилону*, которое интерпретируется как «система мер, которая влечет за собой проблемы»: «*На пути к кавказскому Вавилону. Процесс укрупнения регионов России, стартовавший несколько лет назад с образованием семи федеральных округов, в декабре прошлого года получил продолжение в объединении или поглощении крупными субъектами мелких автономий*» (www.ng.ru, 26.04.2010).

Первый компонент атрибутивного сочетания может быть представлен и антропонимическими адъективами, при этом в качестве антропонима

выступают имена известных политических лидеров: *«Путинский Вавилон: Украина до сих пор не подписала свои границы с Россией. А когда не подписаны границы, и есть (спорный) кусок или участок земли, это всегда будет камнем преткновения в межгосударственных отношениях»* (yablog.ru, 12.04.2014).

В текстах СМИ социально-экономического характера интерпретируются значимые для общества проблемы, в частности, вопросы строительства: *«Строительный Вавилон. Главным тормозом развития жилищного строительства на Северо-Западе России является неадекватная земельная и инвестиционная политика властей регионов»* (expert.ru, 19.09.2011). Политические проблемы, эксплицируемые в медиатекстах посредством образа **Вавилона** могут быть связаны с темой выборов, которые описываются как сумбурное и не всегда прозрачное действие: *«Рекламный Вавилон. Креативщики расшифровывают рекламу кандидатов»* (Лига.нет, 07.02.2019).

СМИ, отражающие культурные события, обращаются к образу **Вавилона** в значении 'собрание людей по интересам': *«Музыкальный Вавилон в Марокко. Сегодня на фестиваль музыки гнауа приезжают исполнители великолепного уровня, многие из них – мировые звезды»* (ru.euronews.com, 28.06.2011).

В массмедийных текстах образ **Вавилона** реализуется посредством конструкции **новый Вавилон**. В лексикографических источниках отмечается, что «в античном мире Вавилон был важным политическим, экономическим и культурным центром, одним из крупнейших городов в истории человечества, «первым мегаполисом». После его разрушения актуальным вопросом стало создание Нового Вавилона, который также мог бы стать символом власти и могущества» [Большая советская энциклопедия 1971, с. 216]. Именно поэтому с новым Вавилоном сравнивают крупные города и страны, транслирующие свое могущество на другие регионы: *«Сочи: новый*

Вавилон. *Каким языком чаще всего пользуются в столице Олимпиады?»* (radiovesti.ru, 12.02.2014).

Медиатексты, описывающие научные достижения, используют конструкцию **новый Вавилон** с иной семантикой: **Вавилон** приобретает положительную оценку, что является нетипичным при реализации данного прецедентного образа, и представляется как социально значимое научное новшество: «**Свой Вавилон. Наука создала свой Вавилон и разрушила языковой барьер**» (iz.ru, 26.10.2010). В данном контексте речь идет об универсальном электронном переводчике, благодаря которому возможность перевода на множество иностранных языков становится реальной.

В текстах СМИ социально-политической направленности активно поднимается тема строительства, что обуславливает частотное использование прецедентной конструкции **вавилонская башня**. В Библии рассказывается, что люди решили построить башню до небес. Строительство башни было прервано Богом, который создал смешал языки, из-за чего люди перестали понимать друг друга и, как следствие, не могли продолжать строительство башни (Бытие 11:1-9., с. 10, Бытие 11:1-9). Семантические компоненты 'опасность', 'разрушение', имеющие общую сему 'нежелательность', лежат и в основе реализации конструкции в медиатекстах: «**Керченский мост – вавилонская башня российской политики**» (gordonua, 28.12.2016).

Характерной приметой современных медиатекстов является расширение прецедентной конструкции. Интерпретация текстов происходит посредством лексем *разграбление, уничтожение, развал*, которые имеют интегральный компонент 'разрушение': «**Новая Вавилонская башня – не столпотворение, а интеграция**» (taipanorama.tw, 01.09.2018). Отметим, что посредством данных сем может реализовываться и положительная семантика. Данный тезис является оправданным в том случае, когда в медиатекстах идет речь о разрушении **Вавилонской башни** как средоточия

каких-либо глобальных проблем: «*«Вавилонская башня» мирового террора развалилась на части*» (www.static.vesti.ru, 28.08.2018).

Семантика уничтожения, распада наблюдается и в контекстах, связанных с языковой ситуацией в государствах: «*Вавилонская башня Украины*» – международные СМИ о языках. Пользуясь данными последней переписи населения и собственными представлениями о количестве русскоязычных граждан в своем регионе, местные власти в юго-восточных областях и Севастополе предоставили русскому языку статус регионального. Но в тех же областях свои права отстаивают болгары, венгры, румыны и крымские татары» (korrespondent.net, 21.08.2012); «*Закон о языках – политическая вавилонская башня*» (delo.ua, 21.08.2012).

В медиатекстах значение конструкции *вавилонская башня* расширяется и может интерпретироваться как «место средоточия власти»: «*Брюссель – настоящая Вавилонская башня. Здесь находится офис Европейского парламента, штаб-квартира НАТО и другие организации*» (www.tgt.ru/menu, 04.12.2016); «*Превосходно подготовленные аналитики правительства и корпораций наперебой обещали нефти великое ценовое будущее. Чиновники мечтали построить свою вавилонскую башню – здание мирового финансового центра в России*» (www.finansy.ru, 07.11.2016).

Еще одним примером реализации переносного значения прецедентной конструкции *Вавилонская башня* является метафорический сценарий, описывающий церковную реформу в Украине, проведенную в 2018 г. и вызвавшую широкий резонанс как в самом государстве, так и за его пределами: «*Создание «новой церкви» на Украине обречено на провал, как и амбициозный проект Вавилонской башни, заявил митрополит канонической Украинской православной церкви Антоний. По его мнению, «новая церковь» Украины является «Вавилонской башней» в современном исполнении, а создателей ее ждет подобная ей участь: «многочисленные разногласия и разлад*» (news.rambler.ru, 25.12.2018); «*Украинский митрополит: ПЦУ – это та же Вавилонская башня*» (rossaprimavera.ru, 25.02.2018); «*Церковная*

реформа» Петра Порошенко, или **строители Вавилонской башни**» (lifedon.com.ua, 23.04.2018).

В медиатекстах социально-экономической направленности посредством образа **вавилонской башни** описываются вопросы, связанные преимущественно с двумя сферами:

1) строительством: **«Вавилонская башня Украины: как недостроенный комбинат мог бы оживить депрессивный регион»** (finance.bigmir.net, 14.08.2015).

2) политическими решениями, обреченными на провал: **«Вавилонская башня. НАТО двинет к России войска 17-ти стран. В Прибалтике и Польше затевается «ударная» стройка. Пусть не башня – стена, но тоже с вавилонским размахом. Неприятно. А чем кончилась та стройка – напоминать надо?»** (mirnews.su, 29.10.2016).

Образ **Вавилона** в текстах политических СМИ реализуется и с помощью конструкции **вавилонское столпотворение**, апеллирующей к ситуации, связанной со строительством **вавилонской башни**. В лексикографических источниках **вавилонское столпотворение** определяется как «сутолока, суматоха, неразбериха» [Фразеологический словарь, с. 115]. В контекстах такая суматоха и неразбериха транслируется на политическую сферу, при этом реализуются новые оттенки значения: **«Американские спецслужбы: вавилонское столпотворение. Сегодня, во время перемен, – как в арабском мире, так и в официальной политике Белого дома – противоречия между ЦРУ и ФБР значительно усилились»** (utro.ru, 25.04.2011).

Под **вавилонским столпотворением** в текстах СМИ понимаются и социальные проблемы. В подобных контекстах выявляется яркая пейоративная коннотация: **«Вавилонское столпотворение на границе с Крымом: «Очереди такие, что не видно их конца»»** (КП, 09.08.2016); **«Зауралье пережило «вавилонское столпотворение» мигрантов. Пришлось даже вызвать ОМОН»** (www.uralinform.ru, 15.01.2014).

Замещение первого компонента устойчивой конструкции происходит посредством адъективов, входящих в разные тематические группы, в частности, топонимов («*Барселонское столпотворение: «Спартак» едва не набрал очки в матче с лучшей командой Европы»* (Коммерсантъ, 21.09.2012)) и эргонимов («*«Единороссовское» столпотворение. Штрихи к съезду партии власти»* (altapress.ru, 25.11.2009)).

Интересными являются контексты, в которых происходит конкретизация места *вавилонского столпотворения* посредством языковых единиц с локативной семантикой: «*Вавилонское столпотворение в бельгийском парламенте»* (mignews.com, 12.04.2017); «*«Вавилонское столпотворение» в... Винницком горисполкоме»* (www.golos.com.ua, 28.05.2012).

Образ *Вавилона* в медиатекстах раскрывается и дополняется посредством устойчивой конструкции *вавилонская блудница* (согласно данным лексикографических источников, *вавилонская блудница* – «книжн. Неодобр. Крайне развращённая, беспутная женщина. На основе библейской легенды о городе Вавилоне, полном соблазнов») [Мокиенко, Никитина 1998, с. 44].

Данная прецедентная конструкция в текстах СМИ имеет пейоративную коннотацию, обусловленную словарным значением, при этом создаются новые смыслы. *Вавилонской блудницей* в массмедийных текстах номинируются преимущественно **политические субъекты** («*Вавилонская блудница», или как Тимошенко удаётся так долго быть на «плаву»* (nashepravo.ucoz.ua, 25.01.2009)); **топонимы** («*...Москва – это вавилонская блудница. Интервью Виктора Ерофеева. Для писателя Виктора Ерофеева его родная Москва становится столицей грехов...*» (discussiya.com, 17.07.2010)); («*Вавилонскую блудницу, Америку, ждёт участь Содома и Гоморры»* (ruskline.ru, 19.05.2015)); «*Православный епископ назвал США «вавилонской блудницей» и предрек Апокалипсис»* (Экспресс газета, 19.04.2018); социально-политические и экономические проблемы

(«*Вавилонская блудница – это современная рыночная экономика*» (christianpacifism.org, 16.07.2017)).

Таким образом, в медиатекстах образ *Вавилона* актуализируется при описании политических, экономических, социальных проблем, вопросов культуры и науки. Моделирование образа происходит как посредством ключевой единицы *Вавилон*, так и через устойчивые сочетания *новый Вавилон*, *вавилонская башня*, *вавилонское столпотворение*, *вавилонская блудница*. Данные образы не являются тождественными по своей коннотации и моделируют неоднозначную картину социально-политических реалий, с одной стороны, эксплицируя семантические компоненты 'могущество', 'сила', 'значимость'; с другой, реализуя деструктивные семы 'нестабильность', 'греховность', 'суматоха'.

3.1.1.2 Ассоциативный потенциал прецедентной номинации *Чернобыль* в русскоязычных медиатекстах

Несмотря на утверждения ряда исследователей, подчеркивающих высокую степень архаизации прецедентных топонимических единиц, неоспоримым является закрепленность в языковом сознании названий мест, в которых произошли трагические события, повлиявшие на судьбу и историческое развитие народов. Так, для постсоветского пространства таким топонимом является *Чернобыль*, известный из-за аварии на Чернобыльской АЭС. Так, до аварии в городе проживало около 13 тысяч человек. Согласно данным Всеукраинской переписи 2001 года, *Чернобыль* отнесен к городам «без населения». Устойчивая ассоциация с *Чернобылем* как с местом крупнейшей экологической катастрофы позволяет экстраполировать данный образ на другие регионы и государства, где, по мнению авторов медиатекстов, возможна новая экологическая угроза. Так, в последнее десятилетие *Чернобыль* ассоциировался с *Крымом* (выброс загрязняющих

веществ с завода «Титановые инвестиции» в г. Армянске 27.08.2018): *«Крымский Чернобыль: опубликованы фото завода «Титан», видны последствия химических выбросов»* (zik, 12.09.2018); *«Крымский «чернобыль»: чем грозит Украине экологическая катастрофа на полуострове»* (УНИАН, 04.09.2018); **Екатеринбургом** (радиационная катастрофа, известная как «Кыштымская авария» на Урале 29.09.1957): *«Уральский Чернобыль. Восточно-Уральский радиоактивный след в наши дни»* (www.kramola.info, 19.04.2011); **Ираком** (использование США запрещенного оружия во время войны в Ираке): *«США устроили Чернобыль в Ираке. Каждый день в иракском городе Фаллуджа рождаются дети с врожденными дефектами от раковых заболеваний»* (beriozka-rus.livejournal.com, 09.06.2013).

Весьма активно в медиатекстах последнего десятилетия реализуются словосочетания **второй Чернобыль** (*«Украине грозит «второй Чернобыль» из-за политики Киева. Политика Порошенко может привести страну ко второму Чернобылю, заявили сегодня в Комитете спасения Украины»* (www.ntv.ru, 21.04.2016)) и **новый Чернобыль** (*«Нужно спешить, ведь уже в конце этого года власти планируют завезти в Островец ядерное топливо, а в следующем году – запустить первый энергоблок. Наше требование – остановить запуск нового Чернобыля в Беларуси», – сказал политик [П. Северинец – Н. С.]»* (politring.com, 09.04.2018)). Подобные конструкции несут в текстах СМИ резко негативную коннотацию, создающую у потенциального адресата негативный образ планируемых действий.

Как показал анализ, желание властей Украины добывать на ее территории сланец стало причиной возникновения и широкого распространения конструкции **сланцевый Чернобыль**. Добыча сланца в Украине, по мнению авторов медиатекстов, является невозможной, поскольку способна обернуться новой экологической катастрофой, опасной для всего государства: *«Власти готовят Украине «сланцевый Чернобыль».*

В то время, как в Европе все чаще дают «красный свет» добыче сланцевого газа, Украину превращают в зону экологического бедствия» (golos.ua, 19.07.2013).

При характеристике общественно-политических событий ключевая единица **Чернобыль** является символом политической катастрофы, фатальных ошибок, бедствий и разрушений. В медиатекстах ядерными становятся семы ‘разрушение’, ‘непоправимость’, ‘бесперспективность’, характеризующие политические действия и ситуации как нежелательные и опасные. Реализация данных сем определяет негативную заряженность всего контекста и, соответственно, негативную оценку событий со стороны адресанта: *«В Беларуси – общественно-политический Чернобыль» (charter97.org/ru, 27.01.2011); «Экс-президент Украины Виктор Ющенко называет события в Верховной раде ... «политическим Чернобылем»» (www.regnum.ru/news, 12.08.2013); «Геннадий Зюганов: Выборы в Приморье – это политический Чернобыль» (snob.ru, 17.09.2017); «На Украине разразился политический Чернобыль. Противостояние между действующими властями Харьковской области и ее противниками усиливается» (radiovesti.ru, 25.02.2014).*

Конструкции со стержневым компонентом **Чернобыль** могут разворачиваться в метафорические сценарии, основанные на описании чернобыльской катастрофы 1986 года и ее сравнении с политической ситуацией в определенном государстве. Бесспорно, такое сравнение эксплицирует политическую нестабильность и несостоятельность государства, обращает внимание на его политическую непредсказуемость: *«Россия опасается независимости Абхазии и Южной Осетии не меньше, чем Грузия, – по пути этих государств немедленно последуют другие республики Северного Кавказа, а за ними вполне может начаться своего рода политический Чернобыль – неконтролируемая цепная реакция полураспада в самой России, причем нынешняя жесткая вертикаль власти станет ее детонатором» (1К, 29.06.2009).*

При создании метафорических образов в медиатекстах важное место занимает слот «последствия катастрофы в Чернобыле». Как известно, авария на Чернобыльской АЭС не только стала причиной большого числа смертей, но и обусловила рождение детей с ограниченными возможностями, различными мутациями и заболеваниями. Именно данная идея экстраполируется на политические реалии, где политические субъекты характеризуются рядом отклонений, не позволяющим, по мнению автора медиатекста, говорить об их значимой роли в современном политикуме: *«Настоящая чернобыльская катастрофа... породила и **политический Чернобыль**, последствием которого стало появление на политическом небосклоне страны этих **четвероногих и четырехголовых политических мутантов, не успевающих переходить из одной партии в другую**»* (www.nm.md, 16.07.2010); *««Радиоактивные» политики: как киевская власть «мутировала» к 31 году **Чернобыля**»* (tvzvezda.ru, 26.04.2017).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что образы политических субъектов, реализуемые в контекстах с прецедентным топонимом **Чернобыль**, создаются преимущественно с опорой на интегральные компоненты 'непредсказуемость', 'спонтанность'. Подобные характеристики в мире политики являются опасными и недопустимыми, поскольку могут стать угрозой для стабильности всего государства: *«В начале 2006 года премьер-министр Украины Юрий Ехануров, давая характеристику своей предшественнице на посту главы правительства – Юлии Тимошенко, сравнил эту приму украинской политики с **Чернобылем**. Юлия Владимировна, заметил премьер, как ядерный реактор, с которым лучше быть в одной команде. Поведение Тимошенко настолько же непредсказуемо и импульсивно, как и процессы расщепления атома. В этой связи в голову приходит мысль, что и вся украинская политика в последние годы напоминает **Чернобыль**»* (stalker-gsc.ru, 09.07.2011).

Авторские наблюдения показывают, что образ **Чернобыля** может проецироваться не только на государства и политические объединения, но и

на конкретных политиков, при этом обращает на себя внимание разнообразие интегральных компонентов, лежащих в основе создания метафорических образов. Значимость прецедентного топонима *Чернобыль* и высокая частотность его реализации в текстах политических СМИ говорит о закреплённости данного образа в сознании носителей русского языка и его широком ассоциативном потенциале.

3.1.1.3 Семантика событийности как основа реализации прецедентных единиц (на примере топонимов *Майдан*, *Банковая*, *Межигорье*)

Анализ политических СМИ 2009–2019 гг. показал, что прецедентными становятся топонимы, соотносящиеся с современными политическими реалиями. Такие топонимы несут в себе культурно значимую информацию и, кроме энциклопедических данных, апеллируют к знанию социальных и политических изменений, происходящих в государстве. В данной работе рассматриваются ключевые топонимы русскоязычного медиадискурса, отражающие реалии современной Украины. События, происходящие в этом государстве, бесспорно, не могут не отразиться на его медиапортете, который, как показал анализ, включает в себя значительно больший арсенал современных топонимов, реализованных в контексте на уровне вторичной номинации, чем медиапортеты других стран СНГ. Так, основу прецедентности получают улицы и районы, на которых располагаются политически значимые объекты, например, ул. *Банковая*, где находится администрация президента Украины, *Межигорье* (частная резиденция экс-президента Украины Виктора Януковича в Киевской области), *Врадиевка* (село в Николаевской области, где в ответ на произвол милиции последовал ряд народных митингов) и, бесспорно, топоним *Майдан*, – ключевой топоним современного украинского политического дискурса. Обратимся к

анализу медиатекстов, в которых данные прецедентные единицы нашли свое отражение.

В текстах политических СМИ происходит метонимизация номинации **Банковая**, при которой **Банковая** определяется как средоточие властных структур: «**Банковая хочет проводить регулярные встречи с оппозицией**» (nbnews.com.ua/ru/news, 19. 06. 2013); «**В борьбу за МИД между Тимошенко и Януковичем Банковая вмешалась своей «темной лошадкой»**» (www.ukr.ua/digest, 12.10.2009); «**Банковая заявляет, что Янукович не имеет отношения к масштабному строительству на мысе Айя**» (korrespondent.net, 31. 07. 2013); «**Банковая хочет победы Путина ради стабильности в Украине**» (www.segodnya.ua, 2. 03. 2012); «**Банковая хочет показать, что власть простила Тимошенко и Луценко**» (news.liga.net/news, 14.09.2011).

Отметим, что при метонимическом переносе за ключевой единицей **Банковая** не закрепляется устойчивая коннотация. В текстах СМИ **Банковая** выступает как политический лидер, способный принимать политические решения и руководить другими субъектами политики. Данный тезис подтверждается глаголами, функционирующими в политических контекстах в сочетании с топонимом **Банковая**: **Банковая хочет, Банковая заявляет, Банковая решает, Банковая вмешивается, Банковая запрещает, Банковая руководит, Банковая требует, Банковая настаивает** и т. д.

В структуре глагольных единиц, сочетающихся с метонимизированным топонимом **Банковая**, эксплицитно или имплицитно реализуются семантические компоненты 'ложь', 'обман', 'неискренность' в сочетании с компонентами 'власть', 'сила'.

Такие семы актуализируются в негативно маркированных глаголах *обмануть, блефовать, играть, притворяться* и субстантивах *блеф, ложь, обман*, а также в конструкциях *делать вид, сбрасывать маски*: «**Банковая обманула избирателей**» (news.meta.ua, 26.11.2018); «**ЕС устал от блефа Банковой**» (news.liga.net, 22.10.2013); «**Банковая играет с ЕС. Власть**

пытается проводить информационно-политическую контратаку на европейцев» (glavcom.ua, 24.11.2011); «**Банковая** даже за считанные дни до Саммита Украина – ЕС привычно делает вид, что хочет двигаться и на Запад, и на Восток» (politkuhnya.net, 20.02.2013); «**Маски сброшены: Банковая признала, что Тимошенко выиграет у Януковича грядущие выборы**» (lenta-ua.net, 20.10.2013).

Несмотря на устойчивый образ лидера, сформированный в текстах политических СМИ, **Банковая** может определяться как слабый, несамостоятельный субъект, судьба которого зависит от более значимых политических структур: «...в декабре **Банковая будет пребывать в позе просителя кредитов МВФ**» (dv-gazeta.info, 30.09.2016). Отметим, что на позицию **Банковой** влияют не только политические субъекты, но и реальные или прогнозируемые политические события: «**Банковая страшится от нового майдана**» (advocat-cons.info, 06.08.2013).

В языковом сознании украинцев и россиян **Банковая** метонимизируется так же, как ранее в СССР, а позже в России, метонимизировался образ **Кремля**. В политических текстах Украины и России данные единицы активно функционируют в параллели: «**Кремль и Банковая руками радикалов готовят провокацию**» (www.from-ua.com/politic, 24.04.2013); «**Банковая-Кремлю: «Руки прочь от Украины!»**» (narodna.pravda.com.ua, 19. 09. 2011); «**Газ для Украины: если Банковая не договорится с Кремлем, будем платить на 50% больше**» (Сегодня, №74, 03.04.2016); «**В выходные Кремль и Банковая должны найти компромисс**» (www.segodnya.ua, 23.09.2011); «**Скрытый конфликт Банковой и Кремля**» (kpravda.com, 10.08.2013); «**Кремль против Банковой... Украина между молотом и наковальней**» (eastbook.eu/ru, 29.08.2013).

С закрепленной негативной коннотацией и, как правило, ироническим оттенком в текстах политических СМИ выступает топоним **Межигорье** (Межгорье), который определяется в контекстах как «элитное место, недоступное обычному гражданину Украины»: «**«Межигорье» как фактор**

новых фаворитов» (www.partinform.com/analitika, 01.09.2013); «Крымское «Межигорье» семьи Януковича размером с королевство Монако» (sensor.net.ua/p248471, 25.07.2013). *Межигорье* как символ чрезмерной роскоши, принадлежащей одним политикам, противопоставляется скромному быту других политических деятелей, определяя тем самым ценностные приоритеты властных структур (роскошь и довольствие – для одних; служение государству и народу – для других): «Гриценко предложил поехать на свое «Межигорье»: «Поезжайте и посмотрите на «Межигорье» Гриценко, там, где живут мои родители. На первом этаже пятиэтажки, где никогда не было горячей воды, где, как и везде, завышенные тарифы... А потом задайте вопрос: будучи в 3-х правительствах министром обороны... мог Гриценко построить именьице «Межигорье» для своих родителей под Киевом? Но не построил ... не все одинаковы: и среди депутатов, и среди министров. Если бы я стал президентом, у меня также не было бы «Межигорья» (gazeta.ua/ru, 18.04.2012).

Анализ русскоязычных политических СМИ позволяет охарактеризовать топоним *майдан* как центральный образ политического дискурса Украины, бесспорно, получивший статус прецедентного. Контекстологический анализ приводит к выводу, что реализация топонима *майдан* в политическом тексте сопровождается переструктуризацией ядерной зоны лексической единицы: ядерная сема 'место' уходит на периферию, замещаясь семой 'события'.

Лексикографическая интерпретация топонима *майдан* (араб. *maidan*, *tainan*) включает следующие современные значения: «1) площадь, где происходят собрания, митинги, а также в торговые дни базары (в южных областях РСФСР, на Украине); 2) археол. Древняя могила, курган, обычно раскопанные сверху» [Словарь русского языка: В 4 томах. Т.2 1999, с. 216]. Кроме этого, ряд словарей фиксирует областные и разговорно-сниженные значения данного слова: «местн. Место, площадка для выгонки дегтя,

производства поташа и т.п.»; «лесная смолокурня»; «разг-сниж. Азартная игра в карты»; «Помещение, место, где играют в азартные игры» [Толковый словарь русского языка 2006; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 6 1957]. На основе первого денотативного значения под влиянием политических событий появляется новый референциальный образ языковой единицы *майдан*, не отмеченный словарями, который можно определить как 'место для проведения народных волеизъявлений'.

Совершенно очевидно, что механизмы семантических модификаций ключевых слов в политических текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка.

Метафорический образ *майдана* как символа бескровной смены власти утратил характер окказиональности, о чем свидетельствуют широкие деривационные возможности лингвистического маркера. Словообразовательная активность языковой единицы *майдан* выражается в том, что на ее основе образуются производные в результате как морфологического, так и семантического способов словообразования. Морфологическим способом образуется ряд слов, большая часть которых является неолексемами. Необходимо отметить, что в контекстах газетного корпуса 2009–2019 гг. не только повысилась активность употребления лексемы *майдан*, но и расширились ее деривационные возможности.

Анализ современных политических текстов позволил зафиксировать более 40 производных различной частеречной принадлежности. При функционировании дериватов лексемы *майдан* обращают на себя внимание широкий коннотативный фон и высокая степень метафоричности. Как показал анализ политических текстов, наиболее частотными новообразованиями являются имена существительные (24 единицы). Данные единицы относятся к разным семантическим группам, включающим ядерный интегральный компонент 'имеющий отношение к майдану':

1) лицо, имеющее отношение к *майдану*: автомайдановец, антимайдановец, евромайдановец, майданец, майданист, майдановец,

майдановец-оранжист, майдановец-освободитель, майданостоятель, майданоустроитель, майданщик, немайдановец, псевдомайдановец, революционер-майданщик, эксмайдановец: *«Дружное голосование «антимайдановцев» в 2006-м отчасти сродни порыву «майдановцев» в 2004-м – они встали на защиту выбора, сделанного ими в позапрошлом году»* (ЗН, 07.04.2008); *«Харьковские «майданщики» уже разбивают палатки»* (Segodnya.ua, 10.11.2010); *«Нельзя сформировать новый политический ландшафт, реабилитируя по всем статьям самых одиозных майданостоятелей»* (2000, 20.09.2010); *«Сейчас в центре украинской столицы находятся примерно около тысячи человек, но на ночь тут остается не более 300. Основной костяк – опытные майдановцы, которые принимали активное участие в более масштабных и кровавых протестах в 2013-2014 годах»* (Газета.ru, 25.10.2017); *«Саакашвили уедет – майдановцы останутся»* (Газета.ru, 25.10.2017); *«По словам экс-президента, целью «майдана» было «разжечь ненависть к власти», поэтому снайперы стреляли только в невооруженных майдановцев и не стреляли в их лидеров»* (Газета.ru, 15.12.2016).

2) характеристика майдана с позиции его размера и значимости: майданчик, мини-майдан, мега-майдан: *«Майданчик» прибрали быстро и деликатно»* (www.obkom.com, 24.03.2012); *«Мини-майдан: в бой идет одна молодежь»* (АиФ, 22.03.2012); *«Оппозиция собирает мега-Майдан»* (Фраза, 19.04.2009); *«В ночь на вторник на так называемый «антитрухановский майданчик»– акции за отставку мэра Одессы Геннадия Труханова – напали неизвестные, которые разгромили лагерь и избili активистов»* (МК.RU, 26.04.2016); *«Сначала у нас был майданчик с песнями и танцами. Сейчас то, что произошло больше не называю майданчиком – из-за сотни смертей это уже Майдан. Но будет еще и Майданище»* (gazeta.ua, 03.04.2014); *«На начало «большой» ликвидации шахтеры отреагировали бунтами: за несколько лет постмайданной власти украинские горняки устраивали свой мини-майдан в центре Киева, перекрывали стратегические дороги,*

*объявляли голодовку и даже пытались совершить акты самосожжения прямо в министерстве энергетики» (Газета.ru, 12.07.2017); «Вместо обещанного Саакашвили **мега-майдана** получилось нечто вот такое» (livejournal, 29.10.2015).*

3) «ложные» *майданы*, чьи действия идут вразрез с ценностями истинного *майдана*: псевдомайдан, лжемайдан, полумайдан, недомайдан: *Когда мы выходили на Майдан, мы думали, что здесь отстаивают национальные интересы, однако, пробыв здесь неделю, мы увидели, что это «лжемайдан» (Коммерсантъ Украина, 24.07.2006); «Попытки слепить псевдомайдан на лозунгах «все разрушим, всех разгоним» во главе с сомнительными персонажами обречены» (Обозреватель, 24.11.2017); «Луценко поблагодарил украинцев, не вышедших на «псевдомайдан» Саакашвили за деньги «группировки Януковича» (Экономика сегодня, 05.12.2017); «И пусть этот лжемайдан больше похож на провокацию, он также свидетельствует о необходимости быстрых и решительных перемен» (Место Встречи – Монреаль, 03.03.2016); «Как радиоактивный изотоп, находящийся в постоянном процессе полураспада, Украина по показателям протестного настроения и так уже давно находится в состоянии перманентного и тлеющего полумайдана» (Труд, 16.03.2017); «Обращает на себя внимание, что на фоне этого «недомайдана», в американских СМИ муссируется тема «правильного голосования выборщиков» (livejournal, 12.11.2016).*

4) действия, направленные против «майдана»: антимайдан, контрмайдан, противомайдан: *«Более 60 участников «КонтрМайдана» задержаны» (Korrespondent.net, 23.11.2009); «После событий конца 2004-го на Востоке возник свой Антимайдан – как свой набор ценностей, как определенный кодекс чести, странный для противников, но логичный для сторонников» (e-news.com.ua, 03.04.2010); «Драка закончилась разрушением палаточного городка и поджогом Дома профсоюзов, в котором укрылись представители «антимайдана»» (Газета.ru, 04.05.2018);*

«Бузина называл себя одновременно и русским, и украинцем, отстаивал идеи федерализации Украины и поддерживал **Антимайдан** в 2014 году» (Газета.ru, 08.02.2018).

5) отношение к «майдану»: майданофобия, майданоцентризм, майдано-мониторинг: **Майданофобия: «Суд запретил собрания в центре Киева до 12 ноября»** (<http://pro-test.org.ua>, 27.10.2012); «На глазах всей страны, подключающейся к происходящему эмоционально, политически и физически – путем экстренного приезда новых сторонников в Киев... **Майданоцентризм стал неврозом**» (2000, 04.12.2009).

Таким образом, субстантивные дериваты получают различное семантическое наполнение и различную коннотацию. Проведенный анализ подтверждает многокомпонентность структуры производных единиц и возможность актуализации семантических компонентов в метафорических значениях. Образы, формируемые дериватами, сопровождаются различной оценкой. Изменение значений слов с появлением новых семантических признаков наблюдается не только на денотативном, но и на коннотативном и прагматическом уровне, что и помогает реализовать метафорические значения. Столкновение политических мнений и убеждений, изменение политической ситуации в стране приводит к доминированию негативной оценки *майдана*, что подтверждается высокой активностью лексем с пейоративной коннотацией.

Производные адъективы являются менее частотными и включают 14 единиц, большинство из которых входят в оппозиции *прошлое – будущее*, *старое – новое*. Значимым при определении временного промежутка являются события 2004 года (прошлое опирается на события, произошедшие до 2004 года, будущее – постреволюционные события). Так, в политических текстах активно функционируют конкурентные словообразовательные номинации *передмайданный (предмайданный) / домайданный, постмайданный (послемайданный)*, а также лексем *старомайданный, новомайданный*: «**Постмайданная** протрация оппозиции» (ua3000.info,

10.12.2010); *«Постмайданное* голосование: реальная борьба за кресло президента Украины развернется во втором туре» (gazeta.ru, 14.01.2010); *«Самым страшным кошмаром нынешней власти был и остается старомайданный лозунг «Схід і Захід разом»»* (ЗН, 17.12.2010); *«Экономические проблемы постмайданной Украины – с девальвацией гривны, ростом безработицы и тарифов ЖКХ – сделали добычу янтаря едва ли не единственным прибыльным занятием на северо-западе Украины»* (Газета.ru, 23.08.2017); *«Мы все живем при постмайданной власти»* (ЗН, 21.08.2016); *«Власть в современной России – это постмайданная власть»* (livejournal, 21.08.2016); *«Порошенко, как политик, который собирается переизбраться на следующий срок, должен представить это соглашение как большое достижение постмайданной Украины»* (Газета.ru, 13.07.2017); *«Формально на Украине действует закон о моратории на экспорт лесо- и пиломатериалов в необработанном виде, принятый постмайданной властью в 2015 году»* (Газета.ru, 14.06.2017); *«По словам Чеснакова, минские соглашения заключались не для того, «чтобы все вернуть в домайданную ситуацию, а для того, чтобы зафиксировать новые реалии»* (Газета.ru, 26.07.2017).

Подчеркивая значимый функциональный потенциал конкурентных словообразовательных моделей, Л. П. Кислюк, Н.Ф. Клименко и Е.А. Карпиловская отмечают, что «накопление в лексиконе новых дериватов с общей моделью номинации, оразными техниками ее оформления, разными образцами словообразования является одним из мощных сигналов стабилизации таких неолексем [перевод наш – Н. С.]» [Кислюк, Клименко, Карпіловська 2008, с. 93].

В политических текстах последних лет активно используются производные адъективы с семантикой принадлежности (относительные имена прилагательные), наиболее частотными среди которых являются *майданный, майданский и майдановский*: *Арабский мир захлестнули «майданные» революции* (НГ, 27.04.2011); *«Майданные поводыри*

«несогласных» (Pravda.ru, 27.03.2009); «Для изменения курса власти мало свергнуть власть по тбилисскому и **майданскому** вариантам» (Русская линия, 15.01.2005); «В **«майдановские дни»** этой партии [партии «Пора» – Н.С.] прочили светлое будущее» (<http://aktualii.org>, 18.04.2012); «Луценко также отметил, что «расследование **майдановских** делимеет положительную динамику» (Газета.ру, 02.08.2018); «Среди участников мероприятия будет и некто Сергей Захаров, украинский активист, активный участник **майдановских** митингов в Донецке, поддерживающий Киевский режим, сбежавший оттуда в 2014 году» (Газета.ру, 01.05.2018).

Единичные адъективы *внемайданный*, *псевдомайданный*, *оранжево-майданный*, *майданно-политический*, *майданно-популистский* в политических текстах имеют негативную коннотацию: «**Оранжево-майданная** агония в Украине» (www.lenta.ru, 16.09.2010); «В стране после... **псевдомайданного** «однودумства», больше похожего на тоталитаризм, – начался, в конце концов, нормальный политический процесс» (УП, 26.09.2005); «... осталась одна важная тема: **внемайданная** Украина, **внемайданный** украинец» (Д, 29.12.2010).

Глагольная и адverbиальная лексика представлена единичными лексемами *майдануть*, *майданыковать*, *по-майдановски*: ««Честные выборы» закончатся тем, что под 17 января 2010 года будет образовано несколько новых «Майданов». Будет Майдан Ющенко, Майдан Тимошенко, Майдан Януковича. Мы, как говорится **«майданем»** всю честность и всю порядочность украинского народа!» (www.grach.crimea.com, 09.12.2009); «Оранжевый развод **по-майдановски**: Ющенко расстался с Тимошенко» (www.pravda.ru, 09.09.2009); «После разгрома внешней политики России» – *пора майдануть* Россию во имя спасения Украины?» (livejournal, 25.02.2017); «Ереван **«майдануло»**. Ждет ли Армении судьба Украины?» (rusplt.ru, 23.04.2018). Низкая частотность подобных дериватов, на наш взгляд, обусловлена тем, что основой для сравнения является прежде всего именная лексика, способная передавать номинацию, признаки и характеристики.

При семантическом способе образования слова происходит метонимизация образа *майдана*: «**Майдан** решил не расходиться до пересмотра Налогового кодекса» (Подробности, 30.11.2010); «**Майдан** решил самоликвидироваться, чтобы его не использовали политики» (Д, № 222–223, 03.12.2010); «**Майдан** решил стоять «до последнего»» (Корреспондент, 13.07.2013).

Политические события, произошедшие на Украине в 2012-2019 гг. определили возникновение и особенности функционирования в медиатекстах двух равночастотных конструкций: *языковой майдан* и *газовый майдан*. Представленные сочетания характеризуются конфликтной заряженностью и, как следствие, негативной коннотацией: «Из-за принятия языкового закона летом 2012 года в Киеве несколько недель продолжались протесты, которые условно называли «языковой майдан»» (bbcnews, 28.02.2018); «**Газовый Майдан**: срыв отопительного сезона вызвал народные бунты на Украине» (рен4, 13.11.2018); «Холодомор Порошенко и газовый Майдан» (politicus.ru, 13.11.2018); ««**Газовый майдан**» в кривом роге: люди подожгли шины из-за отсутствия тепла» (деловая столица, 12.11.2018).

Сочетания *дорога/путь на Майдан, дорога/путь к Майдану, дорога/путь до Майдана* в медиатекстах характеризуются экспликацией целевого компонента, не зафиксированного в денотативном значении ключевой единицы *Майдан*. Актуализация коннотативных сем приводит к возникновению позитивной или негативной оценки, при этом *Майдан* может видеться и как нежелательный исход событий, и как цель, к которой необходимо стремиться: «**Дорога к новому Майдану, по мнению Совета Федерации, это рецепт полной изоляции для Киева**» (ФАН, 22.08.2018).

Подготовка, проведение и результаты парламентских выборов в Украине (осень 2012 г.) стали причиной возникновения и активного функционирования в медиатекстах номинаций *новый майдан, второй майдан, майдан-2, повторный майдан*, апеллирующим к выборам президента в Украине 2004 г. и подчеркивающим потенциальную

возможность повторения минувших событий. Отметим, что в медиатекстах коннотация данных номинаций не является закрепленной и зависит от прагматических установок адресата.

При позитивной коннотации в лексеме *майдан* эксплицируется компонент 'справедливость', а народ становится определяющим фактором политических трансформаций: «*Молодежь Украины всерьез думала, что готовит «новый майдан» под причитания прогрессивной общественности «они-же-дети»»* (Газета.ru, 20.08.2018); «*В Украинском государстве может разразиться новый Майдан»* (belrynok.ru, 04.11.2016); «*Яценюк: В случае победы ПР возможен новый Майдан»* (Цензор.нет, 12.09.2012).

В контекстах с негативной коннотацией имплицитными компонентами единицы *майдан* являются семы 'опасность', 'угроза', 'неуправляемость', 'стихийность', 'анархия': «*Майдан-2, или в Украине запахло «жареным»»* (vlasti.net, 31.01.2009).

Таким образом, с одной стороны, в политических контекстах *новый майдан* прогнозируется как ожидаемое, желаемое событие, с другой, – как потенциальная угроза, которую необходимо избежать любым способом.

В последние годы метафорический образ *майдана* как воплощения бескровной революции становится актуальным далеко за пределами украинского политического пространства. Так, действия в Москве организаторов акций «За честные выборы» (29 февраля 2012 г.) и «Марш миллиона» (15 сентября 2012 г.) в выступлениях политиков и текстах украинских и российских СМИ получили номинации *свой майдан*, *палаточный майдан*, *российский майдан*: «*Российский майдан будет профинансирован (на начальном этапе) российской же властью посредством антимайдана. Во главе российского майдана с самого начала окажутся непрофессиональные провокаторы, которые будут пытаться слить реальные протесты, но, будучи любителями, сделать это не смогут»* (Петр и Мазепа, 16.02.2018).

Отметим, что в украинских и российских СМИ *майдан* преимущественно не ассоциируется с физическим насилием, а представляется как народное волеизъявление, символ протеста, индикатор народной силы и национальных принципов. Данный тезис подтверждается появлением ряда сочетаний, в которых события, связанные с народными волнениями, могут интерпретироваться через языковую единицу *майдан*: «**Московский «Майдан» сдаваться не собирается**» (news.eizvestia.com, 16.05.2012); «**Питерский «майдан». Оппозиция в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других городов России готовится к акции протеста против фальсификации выборов президента**» (mywebs.su, 05.03.2012); «**Сегодня украинский Майдан здесь – у Лукьяновского СИЗО. Пока Юлия находится в тюрьме, никакие выборы не будут демократическими**» (Obozrevatel.com, 22.11.2011); «**Польский «майдан» закончится иначе, нежели украинский**» (Взгляд, 28.12.2016); «**Белорусский «майдан» был профинансирован Западом**» (km.ru, 09.03.2011); «**Накануне Александр Лукашенко сообщил, что удалось предотвратить «белорусский Майдан», спонсором которого выступили «американские и немецкие фонды»**» (Вести, 25.03.2017); «**Участники Крымского Майдана заблокировали железнодорожную ветку, связывающую подконтрольный олигарху Дмитрию Фирташу завод «Крымский Титан» с материковой Украиной**» (crimea.ua, 28.09.2015).

Акции протеста, которые проходили в январе-феврале 2011 г. в Каире, привели к возникновению сочетаний *каирский майдан, майдан на Тахрире*: «**Каирский майдан: полицию забрасывают коктейлями Молотова, протестующим отвечают дубинками**» (ТСН, 29.11.2012); «**Каирский Майдан: уже собрались 2 миллиона человек**» (ukr.net>news, 01.02.2011).

Приведенные примеры подтверждают, что прецедентный топоним *Майдан* является одной из ключевых составляющих современного политического дискурса не только в Украине, но и за ее пределами. Данная языковая единица и ее производные активно функционируют в политических

текстах последнего десятилетия на уровне вторичной номинации, закрепляясь в контекстах с позитивной или негативной коннотацией. Изменение семантики слова, экспликация новых коннотативных компонентов приводит к проявлению высокого уровня метафоричности, изменению коннотативного фона и динамике ценностных ориентиров аксиологической шкалы.

3.1.2 Семантико-прагматический потенциал прецедентных гидронимов в русскоязычных медиатекстах

3.1.2.1 Особенности реализации прецедентного гидронима *Рубикон* в политических текстах

При реализации в медиатекстах значимое место занимают прецедентные гидронимы, источником которых становятся исторические события и мифологические сюжеты. Обратимся к анализу наиболее ярких языковых единиц.

Прецедентный гидроним *Рубикон* в текстах СМИ реализуется как в свободных, так и в связанных сочетаниях. Данный гидроним занял свое место не только в русской, но и в европейской лингвокультуре, что обусловлено его ролью в мировой истории. Согласно данным лексикографических источников, именно *Рубикон* (река на Апеннинском полуострове) стал той границей между Италией и римской провинцией Цизальпинская Галлия, которую перешел Цезарь в 49 г. до н. э. со своим войском, начав тем самым гражданскую войну. Данная прецедентная ситуация стала основой для формирования устойчивой конструкции *«перейти Рубикон»* со значением «принятие бесповоротного решения» [Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. Т.2].

При характеристике субъекта-политика конструкция *перейти Рубикон* определяет принадлежность того или иного политического решения конкретному политическому деятелю. Тексты, отражающие данные характеристики, как правило, несут в себе мейоративную коннотацию, заключенную в семантическом компоненте 'успех': *«Рубикон президента Путина. 7 декабря 2003 г. Владимир Путин, подобно Юлию Цезарю, перешел свой Рубикон, что стало началом нового периода его правления»* (polit.nnov.ru, 18.12.2014). Стоит отметить, что в данном контексте происходит апелляция к историческим событиям Древнего Рима, при этом победа партии «Единая Россия» сравнивается с победой Цезаря над римским сенатом. Такого рода сравнения в политических текстах играют важную роль и обращают внимание читателя на значимость и непоколебимость решений государственного деятеля.

Как было отмечено ранее, перейдя *Рубикон*, Цезарь спровоцировал гражданскую войну. В медиатекстах данный факт транслируется на значимые для современного политикума образы, которые характеризуют различные социально-политические сферы:

1) политических лидеров: *«Порошенко перешел Рубикон еще в 2014 году»* (Новороссия, 04.10.2018); *«Путин уже перешел Рубикон»* (19.03.2018); *«Путин перешел Рубикон, который вызовет вопль озлобления»* (02.03.2018); *«Трамп готовится перейти Рубикон»* (Вести.ru, 31.07.2017).

2) государства: *«Китай перешел Рубикон в своих отношениях с Америкой»* (strana.ua, 16.04.2018); *«В отношениях с Китаем США перешли Рубикон»* (politobzor.net, 03.11.2015);

3) политические партии: *«Порошенко: Наша Украина и БЮТ перешли Рубикон»* (www.unian.net, 07.06.2010).

4) конфликтные ситуации: *«Выступление Майка Пенса – Рубикон, переступив через который, американцы сделали двусторонний конфликт не поддающимся урегулированию»* (Военное обозрение, 08.10.2018); *«Рубикон перешли. Конфликт США и Китая неизбежен?»* (Военное обозрение,

08.10.2018); «По словам эксперта, **американский глава** относится к тому типу политиков, которые «представляют большую опасность и **могут перейти Рубикон**»» (ФАН, 10.04.2018).

Кроме субстантивов с субъектным значением, компонентами именных сочетаний являются языковые единицы, номинирующие объекты, представленные топонимами-хоронимами. Данные контексты информируют читателя об отношении **Рубикона** к определенной территориально-административной единице: **Рубикон Донбасса** (sovrross.ru, 07.03.2017); **Рубикон Киева** (НГ, 09.12.2017). Весьма активно реализуются конструкции со значением сравнения или тождества: «**Киев – это Рубикон** для Путина» (yablog.ru, 29.01.2014); «**Безвизовый режим – это своего рода Рубикон, за которым жребий уже брошен и обратной дороги нет**» (rian.com.ua, 14.04.2017). **Рубикон** может номинировать определенное политическое решение, изменить которое не представляется возможным. Представленный образ расширяется посредством конструкций *жребий брошен и обратной дороги нет*, включающих интегральный компонент 'необратимость'. **Рубиконом** номинируется военно-политическая теория, при этом собственное имя **Рубикон** переходит в имя нарицательное, что, в частности, определяет его использование со строчной буквы: «**Стратегическое сдерживание и теория рубикона. Военно-политическая мысль США имеет очень много теорий... Данная теория является неотъемлемой частью военной науки США**» (geo-politica.info, 29.11.2015).

При реализации прецедентного гидронима **Рубикон** в текстах политических СМИ весьма характерным является авторское пояснение выбора прецедентного имени для описания ситуации: «**Рубикон: дипломат объяснил, что ждет Россию после заседания СБ ООН. Экстренное заседание Совета безопасности ООН в связи с химической атакой в сирийском городе Идлиб не сулит России ничего хорошего**» (www.obozrevatel.com, 05.04.2017). В подобных контекстах **Рубикон**

определяется как «точка невозврата», политическое решение, отменить которое невозможно.

Локативная семантика реализуется посредством динамических и статических глаголов и глагольных сочетаний, организующих синонимические ряды. Так, динамические глаголы (выталкивать / требовать отхода / перетаскивать и др.), имеющие общий ядерный компонент 'перемещение назад', объективируют конфликтные ситуации между государствами, организациями и политическими лидерами. Важно отметить, что в таких случаях ключевая единица **Рубикон** реализуется с интегральным компонентом 'место' и обозначает границы определенной территории: *«НАТО требует от России отхода «за Рубикон». НАТО требует от России отвода войск за «красную черту»»* (oko-planet.su, 05.12.2010). Статический глагол «находиться» определяет **Рубикон** как черту, после пересечения которой изменение политических решений является невозможным: *«Молдавия у Рубикона. Быть или не быть?»* (www.putin-today.ru, 07.04.2016).

Языковая модель **«находиться по ту сторону Рубикона»** отражает вторичную номинацию с помощью синтагмы, которая указывает на то, что принятие политических решений будет происходить в другом государстве: *«Мы, безусловно, будем работать, жизнь не кончается с первым января 2016 года. Переговоры могут вестись уже по ту сторону Рубикона»* (news.mail.ru, 21.12.2015).

Именные сочетания с зависимым компонентом-дистрибутивом образа действия в текстах политических СМИ являются малоактивными. Как правило, в подобных контекстах описывается национальная специфика политических решений, принимаемых определенным государством: *«Рубикон по-итальянски: парламент страны голосует за бюджет 2012»* (www.vestifinance.ru, 10.11.2011).

Адъективные сочетания с ключевой единицей **Рубикон** чаще всего представлены притяжательными прилагательными, образованными от

антропонимов (имен политических лидеров) и топонимов, номинирующих регионы, в которых наблюдаются военные конфликты: *«Луценковский Рубикон. Украинская политика фактически всегда была весьма безопасной вещью для представителей ее высшего эшелона»* (odnako.org, 16.01.2011). Не менее частотным является реализация в текстах СМИ притяжательных прилагательных, выраженных топонимическими дистрибутивами: *«Перейдет ли Россия сирийский «Рубикон?»»* (planet-today.ru, 11.09.2018).

Весьма частотными в текстах политических СМИ являются адъективные сочетания с ключевым компонентом *Рубикон*, характеризующие наиболее значимые политические проблемы: *«Санкционный Рубикон»* (zn.ua, 31.08.2018); *«Союзный Рубикон. Самое сложное испытание российско-белорусского альянса»* (ukraina.ru, 31.12.2018); *Украина перешла «энергетический Рубикон»* (kvshurov.livejournal.com, 25.01.2017); *«Газовый рубикон: Европа решает, как ответить США на санкции»* (www.mk.ru, 12.09.2017).

Как показал анализ медиатекстов, ключевая единица *Рубикон* активно функционирует в экономической сфере, эксплицируя интегральные компоненты *граница, черта*, отделяющая реалии прошлого от настоящего или (реже) будущего времени. Важными дистрибутивами при этом являются адъективы, номинирующие современные символы политической власти. Наиболее значимыми факторами при моделировании контекстов являются нефть и ядерное оружие: *«Россия, Украина и ЕС перешли торговый Рубикон. Трехсторонние торговые переговоры в Брюсселе закончились ничем...»* (russiapost.su, 21.12.2016); *«В 2018 году добыча нефти в США «перейдет Рубикон»»* (teknoblog.ru, 21.12.2017); *«Ядерный Рубикон: 30 лет спустя. Как погибла и частично ожила Чернобыльская зона отчуждения»* (www.liga.net, 19.04.2016).

Лексикографические источники фиксируют устойчивую конструкцию *«перейти Рубикон»* со значением «принятие бесповоротного решения»

[Фразеологический словарь русского языка 1978]. При реализации данной конструкции в медиатекстах наблюдается расширение ее семантики и коннотативного потенциала. Так, образ неудачного пересечения **Рубикона** в тестах СМИ отражает современную политическую действительность: неудачные решения власти приводят к трагедии все государство: «**Украина перешла Рубикон. Звериная жестокость, военное преступление, рецидив фашизма...** Ни одно определение не способно передать масштабы той трагедии, которая произошла и происходит на Украине» (nvspb.ru, 17.02.2016).

Интересным является факт, что в медиатекстах фиксируется значение «удачное пересечение Рубикона», посредством которого также описывается политическая реальность: «**России надо защитить свои интересы, и мы это сделаем. Подобные системы работают, причём работают очень успешно, в таких странах, как Китай и Япония. Они начинались исключительно как национальные, замкнутые на свой рынок, на свою территорию и на своё население, а сейчас приобретают всё большую популярность. Рубикон пройден!**» (<http://maxpark.com>, 16.09.2014). При развертывании контекста наблюдаем, что решение политика имеет позитивные перспективы, что подтверждается следующими языковыми единицами: «поддержал»; «мы это сделаем», «системы работают... успешно», «системы приобретают популярность».

В медиатекстах **переход Рубикона** может восприниматься как *цель*, достижение которой является политически или социально значимой: «**Пенсионный рубикон. В России активно обсуждается повышение возраста выхода на пенсию**» (www.rosensioner.ru, 12.05.2017). Целевой компонент формируется посредством замены нейтрального глагола «перейти» на другие глаголы движения, интенсивность реализации признака в которых является более высокой: «**Британия пересекает Рубикон. «Брексит» – что дальше?**» (bbc.com, 29.03.2017); «**Нефть пересекла Рубикон: дальше – только свободное падение**» (politforums.net, 20.08.2015);

«Саакашвили: Если Грузия **перешагнет** этот **Рубикон** 1 октября, Абхазия обязательно вернется» (Грузия онлайн, 27.09.2012).

Ключевая единица **Рубикон** входит в состав риторических вопросов и в структуру вопросов, предполагающих ответ: «**Перейдет ли Запад Рубикон? Вызовы, которые парижские теракты поставили перед Западом, на первый взгляд имеют простейшее решение**» (politikus.ru, 24.11.2015), так и вопрос, требующий ответа: ««**Восточное партнерство**» – **пройден ли Рубикон?**» (russiancouncil.ru, 19.05.2015).

Таким образом, в текстах политических СМИ отображается специфика прецедентного имени **Рубикон** и особенности его функционирования в контекстах. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в массмедийном дискурсе в исходном или трансформированном виде активно используются прецедентные единицы, которые отличаются сложностью взаимодействия с контекстом, различными способами воздействия на адресанта и, как следствие, значимостью при моделировании современного медийного пространства.

3.1.2.2 Особенности реализации прецедентного гидронима *Лета* в политических текстах

Языковые средства, организующие политический текст, апеллируют к знаниям, представлениям и исторической памяти каждого члена определенного сообщества. Именно память может связывать ушедшие, нынешние и грядущие поколения; моделировать представления о прошлом, настоящем и будущем. Потеря памяти влечет отрыв от собственных корней, своего рода, своей истории и является крайне нежелательной для каждого члена лингвокультурного сообщества. В силу указанных причин исследование особенностей функционирования прецедентной номинации

Лета в составе устойчивой конструкции *кануть в лету* в русскоязычном медиадискурсе представляется весьма интересным.

Согласно данным лексикографических источников, «Лета – река забвения в Аиде, подземном царстве; души умерших по прибытии в подземное царство пили из нее воду и забывали всю свою прошлую жизнь. Название реки стало символом забвения» [Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения 1978, с. 184]. Возникшее отсюда выражение *кануть в Лету* употребляется в значении «быть забытым, бесследно исчезнуть» [Фразеологический словарь русского языка, с. 194].

Подчеркнем, что в текстах СМИ данная конструкция может приобретать как положительную, так и отрицательную коннотацию. Положительная коннотация связана с репрезентацией фактов или событий, исчезновение которых приносит пользу для социально-политической или экономической сферы различных регионов или государств: «*Плохие дороги канут в лету: Донецкий асфальтобетонный завод начал работу*» (dnrpravda.ru, 04.04.2017); «*Высокие ставки канут в лето. Банкам придется снизить проценты потребительских кредитов*» (Коммерсант.ру, 10.06.2015); «*«Нефтьдоллар канет в Лету»: страны Персидского Залива планируют отказаться от доллара*» (ИноСМИ, 09.01.2016); «*Энерголимит канет в Лету? Впервые лимит на электроэнергию в Таджикистане отменен...*» (Новости Таджикистана, 19.01.2017).

При реализации прецедентной единицы *кануть в Лету* в русскоязычных медиатекстах преобладают контексты с отрицательной коннотацией. Семантика «забытья» и «бесследного исчезновения» реализуется в контекстах, описывающих различные политические факты, о которых умалчивали, проблемы, связанные с невыполненными обещаниями политических субъектов. Данные контексты являются неоднородными по описываемым реалиям и ситуациям и могут быть представлены, по нашему наблюдению, в следующей тематической классификации:

- 1) преступные действия:

- убийства на политической почве: *«Дела об убийстве Гонгадзе и отравлении Ющенко канули в Лету?»* (Таймер, 26.02.2010);

- исчезновение денежных средств: *«Миллиарды из Китая за российскую нефть канули в Лету»* (neskuchno-news.com, 28.01.2016); *«Как бюджетные деньги канули в Лету. Объекты морского торгового порта Усть-Луга не эксплуатируются с 2013 г.»* (neftegaz.ru, 30.09.2016); *«Почему чековые инвестиционные фонды канули в Лету?»* (blog.mmgr.ru, 11.07.2015); *«Банк рухнул, а с ним «кануло в лето» более 1 млрд. дол.»* (www.mzk1.ru, 14.02.2011); *«Криптовалюта Bitshares канула в лету. Ряды криптовалют сократились: BitShares и еще три альткоинов прекращают существование»* (fxtraders.info, 05.10.2017).

2) политические партии или организации: *«Канула в Лету «Партия регионов», уйдет в забвение и «Оппозиционный блок»: озвучены предварительные результаты выборов в территориальные громады Украины Украина»* (lenta.ua, 30.10.2017); *««Большая восьмерка» канула в Лету. Для России «большая восьмерка» осталась позади»* (Утро, 19.04.2016).

3) неэффективные реформы: *«Госрегулирование цен на продукты кануло в Лету – Кабмин на днях принял постановление о его окончательной отмене»* (ru.market.korupciya.com, 22.05.2016); *«С принятием реформы канет в летудосрочный выход на пенсию для многих категорий лиц. Например, для чернобыльцев»* (www.chernobyl.kh.ua, 04.10.2017).

4) невыполненные обещания: *«Азаров обещает, что вторая смена в школах скоро канет в Лету»* (www.uadaily.net, 25.05.2011); *«Обещания Евромайдана канули в Лету»* (utro.ru, 22.02.2018).

5) неоправданные политические ожидания: *«Неделя надежд Тимошенко канула в Лету. Выйти на свободу экс-премьер сейчас не может»* (Сегодня. 12.04.2013).

6) экс-премьеры или экс-президенты: *Тимошенко канула в лету и больше не сможет вернуть себе былую популярность – политологи* (ru.tsn.ua, 07.08.2013). Отметим, что в текстах политических СМИ частотными

являются сюжеты, в которых: а) субъекту не всегда удается бесследно исчезнуть: *«Януковичу не удастся безнаказанно кануть в Лету, а суд может стать процессом века»* (Главред, 27.12.2014); б) субъект боится быть забытым: *«Турчинов боится повторить судьбу Яценюка и кануть в лету»* (inshaua.com, 14.06.2017); в) субъект ожидает отставки политического лидера: *«Шуфрич дни считает, когда же Ющенко канет в Лету»* (Сегодня, 21.08.2009).

Несмотря на то, что в древнегреческой мифологии умершие души попадали в подземное царство Аида, пили воду их реки Леты и забывали всю свою прошлую жизнь, в политических текстах есть вероятность их спасения с помощью умного и сильного политического лидера: *«Спасет ли Путин канувший в лету «Южный поток»? [нереализованный международный проект газопровода – Н.С.]»* (www.pravda.ru, 29.07.2016).

Интересным для наблюдения является тот факт, что в политических текстах прецедентная конструкция *кануть в лету* может участвовать в создании кардинально новых сюжетов. Новые смыслы возникают с помощью языковой игры на основе похожего звучания названия реки *Лета* со временем года – *летом*: *«Кануть в лето подешевле. Где будут отдыхать летом белорусские туристы»* (www.belta.by, 21.03.2016); *«Янукович канет в лето, но истинные результаты украинских выборов станут известны к концу весны»* (4vlada.net, 23.03. 2009).

Таким образом, при реализации в политических текстах прецедентная номинация *кануть в Лету* приобретает новый коннотативный фон и высокий уровень экспрессии, может влиять на формирование у адресата как положительной, так и отрицательной оценки какого-либо факта политической действительности, способна отражать динамику социально-политических событий и фактов, наиболее актуальных для современной жизни.

3.2 Вертикальное пространство как источник прецедентности в русскоязычном медиадискурсе

3.2.1 Семантико-прагматический потенциал прецедентных единиц с интегральным компонентом 'защита' (на примере прецедентных единиц *Кремлевская стена*, *Берлинская стена*, *Китайская стена*)

Арсенал языковых средств, репрезентирующих вертикальное пространство в текстах политических СМИ, может быть представлен не только «нерукотворными» объектами (горами, холмами и иными возвышенностями, глубоко и полно вошедшими в сознание носителей русской лингвокультуры), но и номинациями, репрезентирующими реалии, сделанные руками самого человека. Как показал анализ медиатекстов, важное место среди таких единиц занимают прецедентные феномены, семантика которых связана с *защитой* и *дистанцированием*, поскольку именно эти действия, по нашему наблюдению, наиболее характерны при описании в современных политических текстах внешнеполитических (реже – внутривнутриполитических) реалий. При всем разнообразии сооружений, репрезентирующих вертикальный вектор на уровне вторичной номинации, обращают на себя внимание языковые единицы *Кремлевская стена*, *Берлинская стена* и *Китайская стена*. Построенные в разных концах земного шара, в разные эпохи и с разными целями, данные сооружения получили мировую известность и вошли в объем прецедентных единиц, активно функционирующих в современном медиадискурсе. В данном параграфе устанавливаются семантико-прагматические особенности реализации данных единиц в текстах политических СМИ с учетом исторической, социокультурной и лингвистической составляющих данных образов в контексте реалий начала XXI века.

Прецедентная номинация *Кремлевская стена* в русскоязычном
меиадискурсе

Для русской истории и культуры *Кремлевская стена* имеет большое стратегическое, политическое и общенациональное значение. Как сообщается в исторических источниках, данное сооружение было возведено на месте белокаменной стены Дмитрия Донского в 1485–1516 гг. итальянскими зодчими и представляло собой кирпичную стену, окружающую Московский Кремль. Масштабы стены (более 2235 м протяженность, от 5 до 19 м высота и от 3,5 до 6,5 м толщина) и ее стратегическая роль быстро сделали ее не только украшением, но и политически значимым сооружением, известным как в России, так и за ее пределами [Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. Т. 13]. Популярность данного образа в медиатекстах начала XXI века свидетельствует о том, что сегодня *Кремлевская стена* является не только приметой исторического прошлого, но и ярким источником ассоциирования.

Как показывают авторские наблюдения, образ *Кремлевской стены* строится на основе когнитивной оппозиции *свой / чужой*, ставшей центральной оппозицией при описании политического мира. Так, нахождение политического субъекта внутри *Кремлевской стены* характеризует его как носителя корректных для данного общества политических убеждений, лицо, на которое можно положиться и которому стоит довериться: «*Политика не терпит предателей. За кремлевскими стенами остаются только те, кому можно доверить государственную власть, кто готов нести ответственность и вести Россию по выбранному ею курсу*» (Ф, 19.04.2018). Тезис о том, что именно за *кремлевскими стенами* принимаются решения, способные повлиять на будущее страны, постулируется и в следующем контексте: «*Ключ от Украины лежит не на фронте, а за кремлевскими стенами*» (Завтра, 24.09.2018). В приведенном фрагменте подчеркивается, что политическая власть РФ способна принимать

решения, влияющие не только на политическую жизнь внутри страны, но и на события, происходящие в других государствах. Конструктивное решение вопроса связывается не с военными действиями, а с обсуждением и диалогом, которые должны проходить *«за кремлевскими стенами»*.

Значение *«кремлевские стены как средоточие власти»* экстраполируется не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику. В подобных контекстах посредством данной прецедентной единицы описывается борьба за власть, которая связана с предвыборными реалиями и желанием одержать победу в президентской гонке. В подобных контекстах прослеживается твердая ассоциация с историческим прошлым России, когда выбор нового царя не всегда был очевиден, а следовательно, предполагал борьбу между всеми актерами, стремящимися получить политическую власть: *«Путин не вечен: за кремлевскими стенами идет ожесточенная борьба за престол – названы имена людей, которые вскоре заменят нынешнего президента РФ»* (ukropnews.com, 05.07.2017).

Исторические события начала XX века и их последствия приводят к выводу о том, что единолично принятое политическое решение не всегда является конструктивным и гуманным и может нанести вред как отдельной личности, так и целому обществу. Одним из таких жестких и жестоких политических решений являются политические репрессии, проходившие по инициативе И. В. Сталина. При ассоциации с этим событием *Кремлевские стены*, за которыми принимались решения о ссылках и расстрелах, оцениваются резко негативно и отождествляются с местом скорби: *«Кремлевская стена и Стена скорби. Власть свой шаг уже сделала, но монумент жертвам политических репрессий должен установить народ»* (novayagazeta-vlad.ru, 08.12.2016).

Семантика дистанцирования, реализованная при объективации образа «чужого», реализуется посредством значения *«находиться за пределами Кремлевской стены»*. Данное значение представляется менее частотным и связывается преимущественно с внешнеполитическими конфликтами,

агрессией государств, предпринимающих попытку негативно повлиять на политическую жизнь России: *«Запад лоб расшибет о Кремлевскую стену. Почему повторение украинских событий в России в ближайшее время невозможно. Говоря на последнем заседании Совбеза РФ о вызовах, стоящих перед нашей страной в условиях изменившегося современного миропорядка, Владимир Путин дал понять, что украинский сценарий государственного переворота в России не сработает»* (www.pravda-tv.ru, 24.07.2014).

«Кремлевская стена» может интерпретироваться как «влияние России на территории другого государства». Так, возведение *«Кремлевской стены»* за пределами России предполагает экстраполирование власти РФ на чужую территорию, контроль над военно-политическими событиями других регионов: *«Белый дом окружат кремлевской стеной. Это самое мудрое решение в условиях политического хаоса»* (www.jobway.ru, 27.05.2017).

Таким образом, прецедентная номинация *Кремлевская стена* в политических медиатекстах выявляет особенности политического взаимодействия, построенного на когнитивной оппозиции «свой / чужой». В контекстах полисемантический образ *Кремлевской стены* представляется как средоточие политической власти РФ, защита от инокультурного влияния, источник конструктивных (реже – деструктивных) политических решений. Отнесенность к историческому прошлому России определяет тот факт, что для носителей русской лингвокультуры образ *Кремлевской стены* является понятным и не требует дополнительной авторской интерпретации и исторической справки, что облегчает задачу автора медиатекста. Комплексный анализ текстов СМИ позволяет сделать вывод о доминировании контекстов с позитивной коннотацией, что может свидетельствовать об особенностях моделирования политического мира в текстах русскоязычных СМИ и прагматических установках автора медиапродукта.

Прецедентная номинация *Берлинская стена* в русскоязычном политическом дискурсе

Западноевропейская политика исторически была предметом интереса России и россиян, поэтому связанные с ней факты и реалии находят свое отражение в русской лингвокультуре. События 1961 года, связанные со строительством *Берлинской стены* во многом обусловили развитие Германии, особенности ее взаимоотношений с различными политическими субъектами. Согласно данным энциклопедических источников, ***Берлинская стена*** – это «сооружение из бетона и колючей проволоки, возведенное на границе между Восточным и Западным Берлином 13 августа 1961 с целью предотвратить массовое бегство жителей ГДР в Западную Германию»[...]. Стена длиной 45,1 км сразу стала символом «холодной войны» [...]. 9 ноября 1989 новое правительство ГДР объявило о беспрепятственном переходе из Восточного Берлина в Западный и свободном возвращении обратно [...]. Официальный демонтаж был произведен в январе 1990, часть стены была оставлена как памятник истории» [Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. Т. 3, с. 345].

При реализации в текстах СМИ прецедентной единицы ***Берлинская стена***, как и в случае с рассмотренной выше единицей ***Кремлевская стена***, прослеживается стратегия дистанцирования, построенная на основе когнитивной оппозиции «свой / чужой». Проведенный анализ медиатекстов позволяет сделать вывод о том, что реализация образа ***Берлинской стены*** происходит на основе трех фреймов: ***возведение Берлинской стены; нахождение за Берлинской стеной; падение / разрушение Берлинской стены***. Подчеркнем, что каждый из представленных фреймов имеет контекстуально обусловленный коннотативный фон: ***возведение Берлинской стены*** характеризуется как резко негативно (определяется как ограничение свобод и отказ от диалога), так и позитивно (представляется как попытка защитить государства от угрожающих ему внешних политических

влияний); **нахождение за Берлинской стеной** характеризуется закрытостью от мира, не предполагающей взаимодействие с иными политическими субъектами; **падение / разрушение Берлинской стены** определяется как начало взаимодействия, основа компромисса и будущего сотрудничества. Подтвердим данный тезис дальнейшим анализом.

Фрейм 1. Возведение *Берлинской стены*

Возведение Берлинской стены в медиатекстах оценивается неоднозначно и характеризуется как реакция на внешнеполитические конфликты, проблемы миграции, террористические акты, при которых государство предпринимает попытку обезопасить себя и своих граждан от угроз внешнего мира.

Подчеркнем, что в контекстах может идти речь как о реально строящемся сооружении на границе государств (**«Берлинская стена против восточных соседей. На всей протяженности границы Польши, Литвы, Латвии и Эстонии с Россией и Белоруссией строится длинный забор»** (www.grandfin.ru, 06.08.2013); **«Трамп и Путин построят берлинскую стену заново. Дональд Трамп передумал строить стену на границе с Мексикой и вместо этого намерен воссоздать берлинскую стену, поделив Европу с Путиным»** (intersucks.ru, 16.01.2017)), так и о ментальном образе, способном стать препятствием на пути к политическому взаимодействию (**«США строят новую Берлинскую стену в Европе. Кризис на Украине может вызвать новый раскол уже на территории Европы»** (ru-an.info, 22.06.2014); **«Новая «Берлинская стена»: где окажется Украина? Военный эксперт Олег Жданов в своём интервью каналу Ukrlife.TV [...] рассказал о том, как фактически в мире возводится новая «Берлинская стена»»** (ruginetax.ru, 18.09.2017).

Понимание нежелательности дистанцирования, возведения новой **Берлинской стены** свойственно любому современному государству и

политическому лидеру, поэтому в медиатекстах подчеркивается нежелательность данного действия и опасение новых конфликтных ситуаций: *«Путин опасается новой Берлинской стены. Российский президент Владимир Путин в понедельник выразил озабоченность в связи с возможностью вступления Украины в Европейский союз, сравнив возникновение барьеров для свободного перемещения через украино-российскую границу с разделом Германии»* (russianboston.com, 12.04.2015). Подчеркнем, что в современном политическом мире конструктивный диалог не всегда является возможным, что в отдельных контекстах предопределяет строительство *Берлинской стены* как неизбежный политический факт, при котором политические лидеры не готовы идти на компромиссы: *«Путин и Меркель – строительство психологической «Берлинской стены». И эта «стена» физически воплотится на территории Украины»* (redaxe.media, 22.01.2015); *«Строительство Берлинской стены: почему Трамп пошёл на охлаждение отношений с Германией»* (RT, 31.05.2017).

Семантика защиты, реализованная посредством данного фрейма, характеризует современный мир как угрозу, от которой государство должно обезопасить свои регионы. В частности, одной из таких угроз является военная агрессия Украины, направленная на республику Крым после событий 2014 г.: *«Кремль боится наступления украинских войск и строит свою «Берлинскую стену» в Крыму»* (Ф, 22.07.2017).

Таким образом, Фрейм 1. «Возведение *Берлинской стены*» включает в себя образы с деструктивной и конструктивной коннотацией. Такое двойственное значение прецедентной единицы определяется, на наш взгляд, многополярностью и многовекторностью современного политикума, при которых многие политические решения, действия и ситуации не подлежат однозначной оценке, а определяются политическими ожиданиями субъекта, его целями и возможностями.

Фрейм 2. Нахождение за *Берлинской стеной*

Как показал анализ медиатекстов, реализация представленного фрейма зачастую происходит при наличии субстантивного постпозитивного конкретизатора в форме родительного падежа. Данный конкретизатор уточняет, на основе чего произошла ассоциация между определенными политическими реалиями или действиями и *Берлинской стеной*: «*Берлинская стена санкций*» (kolokolrussia.ru, 26.11.2014); «*Берлинская стена непонимания. А встречались-то зачем? Чтобы обсудить имплементацию Минских соглашений и в который раз договориться их выполнять. Вот только выполнять должна почему-то лишь Украина. Да в принципе наша страна вообще всем должна! Приблизительно так можно подвести итоги встречи глав стран «нормандской четверки», которая прошла в Берлине на прошлой неделе*» (comasscrewing.ru, 24.10.2016).

Культурно-исторические отличия жителей Западной и Восточной Германии стали причиной для модификации образа *Берлинской стены*. В контекстах подчеркивается, что при отсутствии материально выраженного сооружения в сознании людей остаются ментальные различия, которые разделяют Западную и Восточную часть государства, не дают возможности немцам считать себя единым народом: «*Незримая Берлинская стена: почему Германия по-прежнему разделена на два народа*» (zagorod.com, 21.06.2016); «*Берлинская стена не исчезла. Просто не все желают ее замечать. Жители бывшей ГДР: СССР нас бросил, а западные немцы ограбили и превратили в колонию*» (pandoraopen.ru, 21.04.2017).

Таким образом, Фрейм 2. «Нахождение за *Берлинской стеной*» объективируется преимущественно посредством адъективного или субстантивного расширения конструкции, образуя новые политические сюжеты и ассоциации.

Фрейм 3. Падение / разрушение *Берлинской стены*

Современный политический дискурс характеризуется высокой степенью конфликтности и агрессивности, что, безусловно, находит свое отражение и в текстах СМИ. Фрейм «*Падение/разрушение Берлинской стены*» эксплицирует значения 'возобновление диалога', 'начало сотрудничества', необходимые для конструктивного взаимодействия государств и политических лидеров: «*Пора разрушить Берлинскую стену между Россией и Украиной*» (Ф, 24.09.2018); «*В XXI веке политические берлинские стены должны быть разрушены*» (КП, 19.01.2018); «*Популисты создают иллюзию разрушения новой Берлинской стены*» (news.bigmir.net, 01.09.2016).

При реализации в медиатекстах был зафиксирован единичный случай ироничной коннотации, при этом в контексте акцент ставится не на интегральных компонентах диалог, сотрудничество, взаимодействие, а на третьем денотативном компоненте значения: «3. Высокая ограда из камня, кирпича и т.п.» [Толковый словарь русского языка 2006, с. 260]: «*Палестинцы разрушают свою Берлинскую стену. Палестинские активисты отметили грядущее 20-летие падения Берлинской стены атакой на заградительный барьер на Западном берегу Иордана*» (ru.euronews.com, 06.11.2009).

Таким образом, в русскоязычных медиатекстах прецедентная единица *Берлинская стена* реализуется в рамках когнитивной оппозиции «свой / чужой» на основе трех фреймов: *возведение Берлинской стены*; *нахождение за Берлинской стеной*; *падением / разрушением Берлинской стены*. При реализации в медиатекстах данная единица не имеет закрепленной коннотации и в зависимости от контекста может включать в себя как позитивные ('защита', 'взаимодействие', 'возобновление диалога', 'начало сотрудничества'), так и негативные ('дистанцирование', 'конфликт', 'непонимание') компоненты значения.

Прецедентная номинация *Китайская стена* в русскоязычном политическом дискурсе

Образ *Китайской стены*, закрепленный в русском национальном сознании, весьма активно транслируется в тексты СМИ. Обрастая новыми коннотациями, прецедентная единица *Китайская стена* активно реализуется в контекстах, характеризуя общественно-политические, экономические и культурные реалии. В лексикографических источниках *Китайская стена* (или *Великая Китайская стена*) описывается как «крепостная стена в Северном Китае, грандиозный памятник зодчества Древнего Китая», призванная защитить северо-западные границы империи от нападений кочевых народов. Именно функциональная предопределенность *Китайской стены* определила тот факт, что на всем ее протяжении были сооружены казематы для охраны и сторожевые башни, а у главных горных проходов – крепости, в значительной части сохранившиеся и до наших дней [Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. Т. 12, с. 431]. Фиксируясь в значении устойчивой конструкции, *Китайская стена* определяется как «непреодолимая преграда, изолирующая от кого-либо или чего-либо» [Толковый словарь русского языка Т. 1. с. 1361].

В медиатекстах образ *Китайской стены* как символа культуры Востока противопоставлен культуре Запада. Как показал анализ, в русскоязычных медиатекстах *Китайская стена* является хранителем традиций и моральных устоев, предпринимающим попытки сохранить культуру цивилизации: «Остановит ли великая китайская стена парад западных суверенитетов?» (gpolitika.com, 10.12.2016). Успех в противостоянии западным антиценностям становится более реальным при наличии надежных союзников и партнеров. Таким партнером становится Россия, метонимизированная образом Кремлевской стены (реже – Кремля): «Глобальный мир уперся в китайскую и кремлевскую стены» (trueinform.ru, 26.05.2016).

Конструктивное взаимодействие между Китаем и Россией находит свое отражение в активной реализации в медиатекстах контаминированного образа «российско-китайской стены», которая символизирует совместное противостояние Западным технологиям и кибератакам: *«Российско-китайская стена: как Москва и Пекин могут совместно противостоять информационным атакам Запада»* (russian.rt.com, 05.07.2016).

В медиатекстах отмечается, что *Китайская стена* как символ защиты в историческом прошлом становится востребованной и в скором будущем. Данный факт обуславливает появление синтагмы «Новая Великая Китайская стена»: *«Серьезная военная подготовка Китая: Новая Великая китайская стена. Военно-политическое руководство Поднебесной готово к «проецированию силы» в глобальном масштабе»* (blackseafleet-21.com, 20.10.2017).

Экономические и политические проблемы Китая в медиатекстах представляются как «проломы в Китайской стене», без ликвидации которых возникает опасность серьезных финансовых потерь: *«Пролом в Великой китайской стене. Что происходит в экономике Поднебесной»* (riata.ru, 15.06.2015).

Таким образом, прецедентные номинации *Берлинская стена*, *Кремлевская стена*, *Китайская стена* в политических медиатекстах представляются ценной основой для ассоциирования. Конфликтность и агрессивность современного мира, военные и политические разногласия приводят к расширению конструкций, значимое место среди которых занимают языковые единицы с интегральными компонентами 'граница', 'преграда', 'защита', 'охрана'. Данные компоненты, как показывает анализ, лежат в основе политического дискурса, апеллируя, с одной стороны, к конфликтности современного мира, с другой, – к необходимости диалога.

3.2.2 Прецедентные оронимы в русскоязычном медиадискурсе

3.2.2.1 Прецедентные оронимы со сферой-источником «древнегреческая мифология» в текстах русскоязычных СМИ

При экспликации значимых политических событий ценными для медиатекстов являются прецедентные оронимы. Комплексный анализ медиатекстов показал, что одним из наиболее ярких и полифункциональных является ороним *Олимп*.

Как известно из мифологических преданий, гора *Олимп* является резиденцией двенадцати главных олимпийских богов Древней Греции. Мифологическая основа исследуемой единицы *Олимп* дает возможность по-новому ее интерпретировать в массмедийных текстах и создавать различные символические образы, характерные для современной политической действительности. Значимость образов, возникающих на основе аллюзии с древнегреческой резиденцией *Олимпом*, в массмедийном дискурсе является бесспорной, поскольку власть чаще всего интерпретируется как влияние, авторитет, могущество, присущие как древнегреческим богам, обитателям *Олимпа*, так и современным субъектам политики – руководителям политического *Олимпа*.

В энциклопедических справочниках дается информация о том, что *Олимп* – это «самый высокий горный массив в Греции». «Словарь греческой мифологии» фиксирует значение, апеллирующее как легендам и мифам, согласно которым *Олимп* – «священная гора, место пребывания богов во главе с Зевсом» [Словарь греческой мифологии 2008, с. 13–15].

Как показал анализ русскоязычных медиатекстов, в пространстве СМИ ключевая единица *Олимп* получает новые коннотативные признаки и расширяет возможность своей контекстной реализации.

Использование прецедентного оронима *Олимп* позволяет провести параллели между уровнями и ветвями власти в различных государствах и регионах, охарактеризовать деятельность политических субъектов, описать

стратегии и тактики политических лидеров. При реализации в контекстах ключевая единица **Олимп** способна обрести новыми коннотациями, направленными на формирование нового образа. Подчеркнем, что в контекстах, как правило, происходит расширение образа и лексема **Олимп** начинает входить в синтагматические отношения с адъективами и субстантивами, номинирующими, главным образом, социально-политические реалии: «*На политическом Олимпе «Незалежной» незапланированный бунт*» (Рамблер, 03.08.2016); «*Политический Олимп Украины усмирили силой*» (Правда, 27.07.2010); «*Киевский политический Олимп тонет в компромате*» (1tv.ru, 07.10.2014); «*Как Алексей Боярчук взошел на политический Олимп Ялты*» (Крым политический, 18.10.2016).

Частотными также являются медиатексты, в которых описываются реалии, имеющие непосредственное отношение к современной Греции: «*Политический Олимп: Путин в Греции метал молнии в Порошенко и НАТО*» (riafan.ru, 28.05.2016). В данном контексте под **политическим Олимпом** понимается встреча глав государств, на которой президент РФ Владимир Путин делал громкие заявления в сторону президента Украины и стран НАТО.

В мифологическом сюжете рассказывается о том, что Зевс около 10 лет вел войну, пока Гея-Земля не предсказала победу своему внуку Зевсу над титанами. Затем он получил главенство над олимпийскими богами и господство на небе, его брат Посейдон – власть на море, Аид – царство мёртвых, лишь земля и **Олимп** остались общими [Кондрашов 2016, с. 208]. Борьба за власть присуща и современному политическому миру, однако значимость противостояния снижается, так как ключевыми фигурами являются не титаны и боги, а современные политические фигуры. Интегральный компонент 'борьба за власть' при интерпретации образа **Олимпа** реализуется в контекстах в сочетании с субстантивами *борьба, схватка, столкновение*, противостояние и др. с интегральными компонентами 'конфликт', 'борьба': «*Противостояние Порошенко –*

*Саакашвили: борьба за правду или за **политический Олимп***» (24tv.ua, 01.08.2017); *«Кровавая схватка по-украински: Порошенко и Тимошенко сцепились в битве за трон. На **политический Олимп** оба поднимались из крупного бизнеса»* (ntv.ru, 19.02.2017). Важно отметить, что использование динамического глагола *низвергнуть* дает прямую отсылку к мифу о титанах, низвергнутых в Тартар. Поэтому в медиатекстах реализуется дополнительная коннотация – абсолютная победа над политическим оппонентом: *«Порошенко официально низверг Яценюка и Шокина с **политического Олимпа**»* (regnum.ru, 22.04.2016).

Как известно, Зевс, будучи «отцом людей и богов», грозно карал непокорных его воле богов и простых смертных [Кондрашов 2016, с. 211]. Интересно, что в медиатекстах встречаются контексты о возвращении на политический **Олимп**, что противоречит мифологическому сюжету: *«Забывать и простить. **Возвращение Яценюка на политический Олимп**»* (horde.me, 14.04.2016). Еще одним примером отличия формирования образа в медиатексте от содержания мифа является отсутствие союзников на **Олимпе**: *«Порошенко практически не имеет союзников, он сам остался на **Олимпе** и непонятно, кто рядом с ним»* (radio.vesti-ukr.com, 25.09.2017).

При репрезентации прецедентной единицы **Олимп** важной является оппозиция *верх / низ*, описание и интерпретация которой относится еще к мифологическим воззрениям. В медиатекстах образ **Олимпа** формируется посредством динамических глаголов, при этом движение вверх оценивается позитивно, а движение вниз – негативно, что соответствует мифологическим представлениям.

Динамические глаголы, характеризующие движение к вершине **Олимпа** определяются как стремление к власти. В зависимости от выбора того или иного глагола можно уточнить скорость и интенсивность движения, наличие преград и сил у политического субъекта продолжать свое движение: *«Роль Юлии Тимошенко в политике Украины можно недооценивать, можно переоценивать или даже просто игнорировать, но тем не менее, она уже не*

первый год продолжает карабкаться на политический Олимп страны» (Цензор.нет, 07.05.2018); *«Прокурор Поклонская штурмует политический Олимп»* (Самиздат, 20.07.2015).

Уход с *Олимпа* определяется как потеря власти, отказ от нее либо желание лишить власти кого-то другого: *«Экономическая причина падения Януковича с Олимпа»* (Руссправда, 27.11.2018); *«Герман хочет спустить Януковича с политического Олимпа»* (Багнет, 08.04.2011). Отметим, что актуализация глаголов с семантикой потери власти / отказа от власти характеризуется отсутствием четко обозначенной цели и несогласованностью действий со стороны политических субъектов: *«Герои политического Олимпа в эпоху перемен – во времена больших опасностей и тяжёлых решений. Они поднялись на вершины власти и разбились, падая с них»* (kuban.ru, 07.12.2014).

Реализация образа *Олимпа* в сочетании с адъективом «крымский», как показал анализ медиатекстов, говорит не о специфике региональной прессы, а об особом внимании СМИ России и Украины к политическим проблемам полуострова: *«Переформатирование крымского политического олимпа стало реальностью»* (avdet.org, 11.05.2016); *«Данные РИПК говорят о том, что сам крымский политический Олимп в 2014 году стал выше, с более крутыми склонами: если в 2013 году на нем находилось 37 политиков, получивших у экспертов свыше 10 баллов из 100 возможных, то в 2014 году их стало меньше – 31»* (counter-point.org, 19.07.2014).

Таким образом, в политических медиатекстах происходит актуализация вторичной номинации ключевой единицы *Олимп*, благодаря чему в языковом сознании адресата текста формируются новые образы, значения, знаки. Сложность семантической структуры, специфика семного варьирования и широкий ассоциативный фон определяют прецедентный ороним *Олимп* как ценную составляющую политического медиадискурса.

Не менее важной прецедентной единицей, относящейся к сфере «древнегреческая мифология», является ороним *Парнас*. В словаре «Крылатые

слова» под ред. Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной *Парнас* определяется как «гора в Фессалии, местопребывание Аполлона и муз. В переносном значении: совокупность поэтов, поэзия какого-либо народа. «Парнасские сестры» – музы» [Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения 1987, с. 258].

Интересно, что ороним *Парнас* в силу своей популярности и распространённости является прагматонимом и широко представлен в сфере рекламы. Наиболее активно данная единица функционирует в следующих сферах:

1) **Клубы:** ночной клуб «Парнас», фитнес-клуб «Парнас», танцевально-спортивный клуб «Парнас».

2) **Различные комплексы:** развлекательный комплекс «Парнас»; жилой комплекс «Парнас», ЖК «Парнас Парк», метро «Парнас» в Санкт-Петербурге; автостанция «Парнас», футбольный манеж «Парнас арена».

3) **Магазины:** Интернет-магазин красок и лаков «Парнас»; торговый центр Евроавто Парнас; торговый центр «Мега Парнас», компьютерный магазин «Парнас», ООО «Парнас-продукт» по оптовые торговли пищевыми маслами и жирами.

4) **Центры по предоставлению услуг:** медицинский центр «Парнас», медицинский центр «Мир семьи Парнас», центр ледовых видов спорта «Парнас», бизнес-центр Парнас Идастриал Парк, визовый центр «Парнас», автоцентр «Парнас», Бизнес-центр «Парнас Центр», ООО «Парнас-Плюс» по строительству объектов недвижимости, автосервис «Парнас», информационно-издательский центр «ПАРНАС», служба доставка пиццы Парнас.

5) **Туризм:** туристическая компания «Парнас»; ООО ПАРНАС Туристик; горнолыжный центр «Парнас», греческий лыжный центр «Парнас», туроператор «Парнас», туристическая компания РоссТур-Парнас.

6) **Гостиницы и отели:** семейный отель «Парнас» (Липецкая область), база отдыха «Парнас», отель Апартаменты Парнас (Санкт-Петербург), гостевой дом «Парнас».

7) **Агентства и компании:** агентство недвижимости «Парнас», компания по разработке сайтов «Парнас АйТи»; автоломбард «Парнас» в Санкт-Петербурге, «Парнас-М» – мясоперерабатывающий холдинг; фирма «Парнас-Текстиль», компания по продаже бытовой химии «Парнас», строительная компания «Парнас – 2001»; компания «ПАРНАС» по продажам, ремонту и обслуживанию лифтов в Санкт-Петербурге; фабрика стульев «Парнас», мебельная фабрика «Парнас-ек, мебельная фабрика «Парнас Мебель» (Екатеринбург).

8) **Рестораны:** таверна «Парнас» («Тюмень»), ресторан «Парнас» (Воронеж), бар «Парнас» (г. Курган), PARNAS-пивной ресторан, ресторанный комплекс «Парнас», кафе-бар «Парнас» (Беларусь), кафе-клуб «Парнас» (Пермь), кафе «Парнас» (Львов, Украина), кафе-кондитерская «Парнас».

9) **Одежда и аксессуары:** практичные носки Hi-Tec PARNAS для трекинга и туризма, шарф мужской Parnas, брошь «Парнас», галстук мужской Parnas, серебряное кольцо «Парнас» (солнечный камень).

10) **Мебель:** диван еврокнижка «Парнас», диван угловой Парнас, прямой диван «Парнас», угловой диван «Парнас 3», стул Парнас, стул на металлокаркасе «Парнас», кухня «Парнас», табурет «Парнас».

11) **Продукты питания:** конфеты «Парнас», пиво «Парнас», Парнас-М – сырокопченые колбасы, печенье с шоколадом Парнас, десерт «Парнас».

12) **Творческие объединения:** Клуб «Парнас», членами которого являются писатели, художники, артисты, певцы, архитекторы; альманах «Современный Парнас», независимый альманах «Московский Парнас»; творческий портал «Парнас»; ПАРНАС.ТВ – официальный сайт ансамбля позитивной музыки; «Парнас» – группа французских поэтов, утвердившихся в литературе после выхода их сборника «Современный Парнас» (1866); литературная социальная сеть «Парнас», клуб творческой интеллигенции «Парнас», детская танцевальная студия «Парнас».

Представленный перечень подтверждает активное использование прецедентной единицы *Парнас* в переносном значении. Отметим, что в медиатекстах происходит еще большее расширение образа *Парнас*. Так, наиболее активно данный образ определяется как средоточие духа творчества или как место, где царит искусство: *«Уголок московского Парнаса. Парнас понятие не только географическое, Парнас – это прежде всего искусство, – он всюду, где обитают музы и влюблённые в них поэты»* (izi.travel, 28.03.2016); *«Ирпень – царство Парнаса, уголок тревожных муз и дум»* (www.visnuk.com.ua18.11.2011).

Несмотря на то, что в лексикографических источниках *Парнас* определяется как гора в Греции, в мифологии – место пребывания муз, в античной и европейской культуре – символ поэзии, поэтического признания, в медиатекстах *Парнас* наиболее часто встречается при номинировании политической партии (Парнас – партия народной свободы). В связи с этим в медиатекстах фиксируется множество значений, связанных с деятельностью этой партии: *«Кремль дал ПАРНАСу шанс»* (Независимая газета, 12.08.2015); *«Для «РПР-ПАРНАС» шанс на выборы угас!»* (КП, 28.07.2015); *«ПАРНАС не будет выдвигать кандидата в мэры Москвы»* (РиаНовости, 02.06.2018); *«Центризбирком вернул «Парнас» на выборы в парламент Санкт-Петербурга»* (Ведомости, 17.08.2017). В медиатекстах на основе языковой игры происходит явление прецедентной контаминации, при котором партия «Парнас» в сочетании с названием партии «Яблоко» организуют трансформированный вариант известной пословицы «яблоко от яблоньки далеко не падает»: *«Парнас от Яблока недалеко падает. В Крыму у «Яблока» нет никаких шансов получить поддержку электората»* (Крымские новости, 27.08.2016).

Известно, что *Парнас* – это место обитания муз, однако частотными являются медиатексты, где музы вдохновляют не на творческие и научные открытия, а на политические и экономические преступления: *«Пивоваров – коррупционная муза «Парнаса». Весьма интересное слово выбрали*

лидеры оппозиционного движения для названия своей политической партии. *Парнас* – священная гора в Греции, эдакое местопребывание муз. Только если в случае древнегреческой мифологии это были покровительницы искусства и науки, то в современном российском обществе – это апологеты искусства лжи и науки обмана. И каждая «муза» оппозиционной партии увязла в собственной стихии, и как саранча (именно так переводят специалисты древних языков, от др.-греч. *πάρνοπος* «саранча») обрушилась на российскую общественность. Одной из таких одиозных лир стал приспешник коррупционной ипостаси данной партии – Андрей Пивоваров...» (politpuzzle.ru, 22.08.2016).

Еще одним показательным примером языковой игры может послужить медиатекст, в котором деятельность древнегреческого бога Аполлона на горе **Парнас** сравнивается с деятельностью политического лидера партии ПАРНАС Михаила Касьянова: «Яблоко на Парнасе. В ответ на происки отдельных нерукопожатных персон, рукопожатная публика решила в очередной раз слиться в демократическом экстазе. **На Парнасе.** Почему на Парнасе? Да потому, видимо, что только там обитают креативные **политические музы.** Недавно месье Аполлон, он же Миша два процента [лидер партии ПАРНАС Михаил Касьянов – Н. С.] **приступил к закатыванию на Парнас ЯБЛОКА.** Вот все уже на Парнасе у него сидят нектары попивают, амброзией из Брюсселя закусывают, только ЯБЛОКА и не хватает» (topru.org, 31.01.2016). Отметим, что языковая игра основана на прецедентной контаминации, включающей прецедентную единицу **Парнас** и мифологический сюжет о строителе и царе Коринфа Сизифе, после смерти приговорённого богами вкатывать на гору, расположенную в Тартаре, тяжёлый камень, который, едва достигнув вершины, раз за разом скатывался вниз. В данном контексте лидер партии закатывает яблоко (предложение политического союза партии «Яблоко»), то есть выполняет «сизифов труд», или тяжёлую, бесконечную и безрезультатную работу: ««Яблоко» готово к

политсоюзу с другими партиями, включая ПАРНАС, при условии, что они поддержат Григория Явлинского на пост президента» (там же).

Ряд контекстов моделируется вокруг денотативного значения **Парнаса** как места пребывания бога Аполлона и муз, при этом в медиатекстах появляется дополнительное ироническое значение, которое расширяет значение **Парнас** и интерпретируется как «пристанище для оппозиционеров»: *«Гостеприимный ПАРНАС. Как в России появилась партия-общежитие для оппозиции. Есть в России партия с названием «Парнас», а точнее РПП-ПАРНАС. В Древней Греции на Парнасе жили музы, а в России по иронии судьбы это название получила партия, ставшая приютом для оппозиции всех мастей» (АиФ, 11.02.2014).* В медиатекстах подчеркивается, что на **Парнасе** может быть лишь один бог, то есть руководить партией ПАРНАС сможет лишь один политический лидер: *«Касьянов и Рыжков устроили битву «богов Парнаса». Касьянов и Рыжков устроили битву на ПАРНАСе» (PolitOnline.ru, 05.06.2015).* В медиатекстах подчеркивается, что партию могут возглавить не только избранные «боги», но и другие «музы»: *Парнас возглавили известные «музы». Дан официальный старт проекту «Партия народной свободы», сокращённо ПНС или Парнас, во главе которого встали четыре известных российских политика (www.sensusnovus.ru, 08.02.2011).*

Таким образом, говоря об аллюзиях к древнегреческим сюжетам в медиатекстах, можно сделать вывод, что посредством мифологического материала авторы медийных текстов обращаются к актуальным социально-политическим проблемам и осмысляют деятельность отдельных политических партий и их лидеров. Расширяя коннотативный фон медиатекстов с помощью дополнительных метафор, сравнений, аллюзий, древнегреческие мифологические сюжеты становятся для автора источником средством репрезентации экономических, политических и иных проблем современного общества и государства.

3.2.2.2 Прецедентные оронимы со сферой-источником «Библия» в русскоязычных медиатекстах

Комплексный анализ медиатекстов последнего десятилетия позволяет сделать вывод о том, что в современных реалиях Библия становится ценным источником прецедентности в медиатекстах. Как показал анализ текстов СМИ, наиболее значимым прецедентным топонимом со сферой-источником «Библия» является топоним *Голгофа*.

Как известно, у христиан *Голгофа* (холм недалеко от Иерусалима) является знаковым местом, символом мучений и страданий, поскольку, согласно данному вероучению, именно на *Голгофе* был распят Иисус Христос. Данный тезис находит свое отражение и в фразеологических словарях, где конструкция «взойти на Голгофу» фиксируется в значении «принять страдания, муки» [Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий 1993, с. 135].

Переломные моменты, характерные для любого политического субъекта, в медиатекстах сравниваются с определенными испытаниями как для самих политиков, так и для граждан страны. Такими испытаниями могут экономический или политический кризис, военные конфликты, внутригосударственные проблемы или сложности во внешней политике. Освещение подобных ситуаций в текстах СМИ происходит с помощью широкого спектра образных средств, значимое место среди которых занимает прецедентный ороним *Голгофа*, номинирующий испытания в различных сферах жизни государства и общества: «*Голгофа, через которую сейчас проходит Россия, обернется очищением*» (business-gazeta, 07.04.2018); «*Назло России Порошенко пойдет на Голгофу. Чем хуже отношения с Россией, тем выше рейтинг президента Украины*» (Свободная пресса, 25.01.2019); «*Зеленский и его путь на персональную Голгофу*» (www.liga.net, 17.02.2019).

Показательно, что в медиатекстах наблюдается явление прецедентной контаминации, при которой в контекстах совмещаются значения нескольких прецедентных библеизмов. Такой прием позволяет авторам насытить политический текст резкой экспрессией, поскольку использование данных образов усиливает образный потенциал текста и эксплицирует семантический компонент 'испытание': «*Иудина измена, **Голгофа** и Пасха Украины*» (www.mk.mk.ua, 12.04.2015); «*Сейчас многие говорят о том, что Украина проходит свой Крестный Путь и переживает свою **Голгофу***» (mk.ua, 12.04.2015).

Весьма активно прецедентный ороним **Голгофа** функционирует в медиатекстах при описании негативных последствий, к которым приводят непродуманные политические шаги. В таких случаях **Голгофа** определяется как антицель, нежелательный, но неизбежный результат: «*Два пути на украинскую **Голгофу**. К чему приводит демократизация власти*» (antifashist.com, 21.03.2016).

Отражая современные реалии, ключевая единица **Голгофа** активно функционирует с оттопонимичными адъективами, образованными от названий регионов и государств, и отражает определенный негативный аспект их нынешнего состояния: «*Американская **Голгофа** русских сирот*» (aftershock.news, 07.01.2013); «*Донецкая **Голгофа**. Как Донбасс не дал Украине превратиться в Чили*» (novorosinform.org, 08.04.2016).

В медиатекстах образ **Голгофы** расширяется и уточняется посредством зависимых субстантивов со значением территориальной или национальной принадлежности («***Голгофа России***» (evrazia.org, 02.11.2012); «***Голгофа Новороссии***» (video.ru, 16.01.2017)) и адъективов из политической, экономической, социальной или других сфер: «*Преемников называют уже сейчас, но это не те фигуры, ради которых дума готова пойти на **политическую Голгофу***» (v1.ru, 18.12.2014).

Таким образом, анализ массмедийных текстов позволил выявить контекстные особенности реализации ключевой единицы **Голгофа**.

Исследование показало, что данная лексема реализуется на уровне вторичной номинации и наиболее активно входит в тексты социально-политического характера. В текстах СМИ данная единица является символом трагедии, страданий, проблем. При реализации прецедентной единицы *Голгофа* наблюдаются резкая экспрессия, яркая образность, ироничность, наведение негативной коннотации, что представляется мощным средством воздействия на наивную картину мира читателей и позволяет сформировать определенное отношение к социально-политическим реалиям.

Выводы

Научные исследования, проводимые в русле современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, подтверждают тот факт, что знания об окружающей действительности особым образом кодируются, сохраняются и передаются посредством языка, и основным инструментом перекодирования этих знаний становится слово. Как показал анализ медиатекстов политической направленности, в качестве единиц образной системы, наиболее активно участвующих в подобной перекодировке, выступают прецедентные имена, ценные для многих народов и культур или ситуативно значимые, т.е. апеллирующие к определенной социополитической ситуации, связанной с конкретным государством или регионом.

Разграничение прецедентных единиц в соответствии со степенью их культурной закреплённости и сферами-источниками культурного знания дает возможность установить и охарактеризовать национально-культурную специфику массового адресата и прагматику адресанта политических медиатекстов. Апеллирование к социально-политическим реалиям, историческим событиям, древнегреческим мифам и текстам Библии

свидетельствует о расширяющемся диапазоне сфер-источников и большой роли прецедентных единиц, связанных с историческими фактами далекого прошлого, а также с реалиями последних десятилетий.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о широком распространении прецедентных онимов с интегральным локативным компонентом, что подтверждается фиксацией 2120 единиц, реализованных в медиатекстах на уровне вторичной номинации. Так, в политических СМИ статус прецедентных получают топонимы *Вавилон*, *Чернобыль*, *Майдан*, *Банковая*, *Межигорье*, гидронимы *Рубикон* и *Лета*, оронимы *Олимп*, *Парнас* и *Голгофа*. Подчеркнем, что прецедентные онимы, связанные с современными социально-политическими реалиями, в русскоязычных медиатекстах реализуются преимущественно с негативной коннотацией (91,5 % от общего количества контекстов), в то время, как коннотация языковых единиц, связанных с другими сферами, либо определяется их денотативным содержанием (например, ороним *Голгофа*), либо напрямую зависит от контекстного окружения (например, топоним *Вавилон* и гидроним *Лета*).

Очевидно, что прагматический потенциал прецедентных единиц заключается в широком арсенале манипулятивных средств, при помощи которых внимание адресата политического медиатекста акцентируется на конкретных действиях, стратегиях, высказываниях политического субъекта или на определенных характеристиках политического события. Так, выбирая прецедентные онимы с заведомо деструктивной коннотацией, автор медиатекста обращает внимание на бесперспективность политической ситуации, невозможность положительного исхода событий. Подтверждением данного тезиса послужил анализ прецедентного имени *Чернобыль*, закрепленного в русском (шире – постсоветском) языковом сознании как место страшной аварии на Чернобыльской АЭС, унесшей в 1986 г. жизни сотен людей и отразившейся на здоровье многих последующих поколений. При отражении общественно-политических событий ключевая единица *Чернобыль* является символом политической катастрофы, фатальных

ошибок, бедствий и разрушений, что подтверждается варьированием в медиатекстах ядерных семантических компонентов ‘разрушение’, ‘непоправимость’, ‘бесперспективность’, маркирующих политические действия и ситуации как нежелательные и опасные.

Установление внутренней динамики и исторических судеб прецедентных топонимов, соотносящихся с современными политическими реалиями, дает возможность рассмотреть значительный пласт языковых явлений в контексте современной социополитической ситуации. Анализ политических СМИ 2009–2019 гг. показал, что прецедентными становятся топонимы, знаковые для политических событий последнего десятилетия. Такие топонимы несут в себе культурно значимую информацию и, кроме энциклопедических данных, апеллируют к знанию социальных и политических изменений, происходящих в государствах. В диссертационном исследовании были рассмотрены топонимы русскоязычного медиадискурса, отражающие реалии современной Украины. События, происходящие в этой стране, бесспорно, не могут не отразиться на ее медиапортрете, который, как показал анализ, включает в себя значительно больший арсенал современных топонимов, реализованных в контексте на уровне вторичной номинации, чем медиапортреты других стран СНГ. Так, прецедентными становятся названия улиц и районов, на которых располагаются политически значимые объекты, например, ул. *Банковая*, где находится администрация президента Украины; *Межигорье*, урочище в Киевской области, где располагалась частная резиденция экс-президента Украины Виктора Януковича; *Врадиевка*, село в Николаевской области, где в ответ на произвол милиции последовал ряд народных митингов; и, бесспорно, топоним *Майдан*, – ключевой топоним современного украинского политического дискурса, связанный с широким спектром социополитических событий, связанных не только с судьбой современной Украины, но и с дальнейшим развитием других государств и регионов. Представленные топонимы и построенные на их основе оттопонимические дериваты в политических медиатекстах последнего

десятилетия активно функционируют на уровне вторичной номинации, закрепляясь в контекстах с позитивной или негативной коннотацией.

Изменение семантики слов, экспликация наведенных коннотативных компонентов приводит к проявлению высокого уровня метафоричности, трансформации коннотативного фона и динамике ценностных ориентиров аксиологической шкалы. Подчеркнем, что особенности описания и интерпретации в медиатекстах проанализированных прецедентных топонимов напрямую зависят от личности интерпретатора, его политических взглядов и убеждений, системы ценностей и нравственных ориентиров. Так, например, образ *Майдана* моделируется посредством двух взаимоисключающих позиций, отражающих бескровную смену власти и начало хаоса и политической нестабильности. Неоднозначная оценка событий приводит к разнообразию образов и сценариев, что определяет *Майдан* как одну из ключевых единиц современного политического дискурса не только в Украине, но и за ее пределами.

Значимость и ценность такой сферы-источника прецедентности, как история, подтверждается разнообразием прецедентных онимов с локативным значением, апеллирующим к определенным историческим событиям. При широком разнообразии таких единиц наиболее частотными при реализации в медиатекстах являются прецедентный гидроним *Рубикон*, а также прецедентные единицы *Китайская стена*, *Кремлевская стена*, *Берлинская стена*, отражающие в контекстах современные социальные, политические, экономические проблемы, вопросы культуры и науки. Доминирование контекстов с пейоративной коннотацией подтверждает агрессивную заряженность политических текстов и значимость дистанцирования как ценной составляющей современного политического пространства.

Анализ медиатекстов политической направленности показал постоянное динамическое варьирование прецедентных онимов, апеллирующих к сюжетам из древнегреческой мифологии. При характеристике современных социополитических фактов в текстах СМИ

широко используются такие единицы образной системы, как прецедентные оронимы *Олимп* и *Парнас* и прецедентный гидроним *Лета*. В диссертационном исследовании подчеркивается, что посредством мифологического материала авторы медиатекстов обращаются к актуальным социально-политическим проблемам и осмысливают деятельность отдельных политических партий и их лидеров. Расширяя коннотативный фон медиатекстов с помощью дополнительных метафор, сравнений, аллюзий, древнегреческие мифологические сюжеты становятся для авторов медиатекстов средством репрезентации экономических, политических и иных злободневных проблем современного общества и государства.

При дискурсивном перемещении значимых библейских образов в современную медиареальность обращает на себя внимание их смысловая трансформация, обусловленная особенностями контекстного окружения. Прецедентные единицы, апеллирующие к текстам Библии, способны к динамическому варьированию и могут отражать события, связанные с различными сферами современного общества и государства. Включение в политический текст выражений из Библии содержит подсознательную отсылку к соответствующим библейским событиям и, кроме коммуникативных намерений автора, выполняет также роль разгадки основного замысла текста.

Как показал анализ медиатекстов, наиболее значимыми прецедентными локативами со сферой-источником «Библия» являются топоним *Вавилон* и ороним *Голгофа*. Данные единицы функционируют на уровне вторичной номинации и наиболее активно входят в тексты социально-политического характера. При реализации прецедентных единиц со сферой-источником «Библия» наблюдаются резкая экспрессия, яркая образность, ироничность, наведение негативной коннотации, что представляется мощным средством воздействия на наивную картину мира читателей и позволяет сформировать определенное отношение к социально-политическим реалиям.

ГЛАВА 4 КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ *НАПРАВЛЕНИЕ И ДВИЖЕНИЕ* КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ МЕТАФОРЫ В МЕДИАТЕКСТАХ

4.1 Транспортная метафора как объект лингвистических исследований

«Языковые вкусы» современного общества регламентируют наиболее ценные источники метафоризации, актуальные сферы-доноры и сферы-мишени. Анализ медиатекстов политической направленности позволяет сделать вывод, что значимой сферой-донором метафор при характеристике социально-политических реалий является транспортный дискурс. Использование лексики и фразеологии, входящей в тематическую группу «транспорт», объясняется значимостью транспорта во всех сферах жизнедеятельности современного человека, высокой скоростью транспорта, соотносимой с интенсивным темпом развития общества, корреляцией транспортного дискурса с экстралингвистическими факторами.

По убеждению лингвистов, лексико-семантическое поле «транспорт» обладает автономностью, самостоятельностью в лексико-семантической системе языка, что проявляется в общих свойствах его элементов. Именно данный факт обуславливает широкий метафорический потенциал языковых единиц, являющихся фрагментами данного поля.

Транспортная лексика в современных лингвистических разработках, бесспорно, исследована недостаточно полно. Так, при описании лексико-семантического потенциала единиц, входящих в транспортный дискурс, как правило, исследуется специфика историко-этимологического потенциала языковых единиц с выделением ключевых тематических групп. Изучая особенности реализации транспортной лексики в художественном дискурсе (на материале книги В.А. Гиляровского «Москва и Москвичи»), Г. А. Камлевич предлагает разделить лексику на следующие лексико-тематические группы: названия транспортных средств, название отдельных

элементов и деталей транспортных средств, наименования людей, имеющих отношение к транспорту, место стоянки транспорта [Камлевич 2015, с. 23–28]. Как показал анализ масс-медийных текстов, при описании языкового пространства современных СМИ используется большее количество тематических групп, что обусловлено более развитой транспортной системой в современном мире и, как следствие, более широким ассоциативно-образным потенциалом ключевых единиц, входящих в лексико-семантическое поле «транспорт»

В немногочисленных лингвистических исследованиях, посвященных изучению транспортной метафоры (работы Н. Ю. Бородулиной, А. И. Звягиной, И. Э. Коротаевой, Р. Д. Керимова), транспортный дискурс представляется, «во-первых, как почва, дающая многочисленные источники формирования транспортных метафор.... Во-вторых, транспортный дискурс представляет собой мощную сферу притяжения метафор практически из всех существующих типов дискурса» [Бородулина 2010, с. 14].

Изучая метафорический потенциал немецкой политической метафоры, Р.Д. Керимов приходит к выводу о том, что «транспортная метафора оперирует традиционными образами поезда, корабля, автомобиля, объектов инфраструктуры (мост, дорога и пр.), когда основным объектом описания выступает ситуация и выбор пути развития государства, следование определённым курсом» [Керимов 2013, с. 159].

Анализ русскоязычных СМИ России и Украины позволил сделать вывод, что в русскоязычном масс-медийном дискурсе происходит расширение метафорического потенциала и наряду с традиционными образами, входящими в лексико-семантическое поле «транспорт», используются национально-ориентированные языковые единицы, отражающие историко-культурные особенности русского народа.

Метафоры со сферой-источником *транспорт* активно функционирует в политических текстах и является одним из основных источников реализации семантической парадигмы *дорога/путь*. Это обусловлено, с одной стороны,

прагматическими установками адресата, с другой, – широким образным потенциалом лексики, входящей в тематическую группу *транспорт*. В контекстах политической направленности транспортные метафоры призваны отобразить динамику политических событий и явлений, достижение политическим субъектом определённой цели, наличие препятствия на пути к ней, стремление преодолеть его или невозможность достичь желаемого результата.

Как показал анализ, в медиатекстах находят отражение языковые единицы, входящие в следующие лексико-семантические группы с интегральным компонентом 'транспорт': *наземный транспорт* (железнодорожный транспорт, автотранспорт, велотранспорт, гусеничный транспорт, гужевой транспорт), *водный транспорт*, *воздушный транспорт*. В политических текстах данные единицы реализованы на уровне вторичной номинации и формируют метафорическую модель «политика – это транспортная система».

4.2 *Наземный транспорт* как источник метафорического моделирования в политическом тексте

Метафорический образ железнодорожного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ

Появление в 1837 г. в России первой железной дороги предопределило возникновение новых социально-экономических, политических и культурных планов, ценных для государства. Возможность быстрого перемещения на огромные расстояния позволила не только прокладывать значимые маршруты, но и достигать различные туристические и познавательные цели. Бесспорным является факт, что отношение общественности к появлению данного вида транспорта было неоднозначным

– от восхищения до панического ужаса. Как отмечают исследователи, в числе первых на появление нового «чуда техники» отреагировали живописцы, графики, литераторы. Именно в их творчестве рождаются новые для искусства образы и идеи [Мальцева 2014, с. 283].

В литературе железная дорога стала не просто символом движения по жизни, но и олицетворением интенсивности передвижения и безоглядной скорости. Н. А. Непомнящих отмечает, что в художественных текстах XIX века формируется негативный образ железной дороги, при этом авторы в первую очередь обращаются к нескольким «обязательным» для данной темы текстам: «Железная дорога» Н. А. Некрасова, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «На железной дороге» А. Блока. В последние годы в связи с темой железной дороги изучается творчество Б. Пастернака и А. Платонова. Именно с негативным восприятием железной дороги многими авторами связываются и ее символические значения в русской традиции: «разрушение природы и патриархального уклада жизни»; «неизбежность гибели»; «дорога на костях»; «катастрофа на железной дороге»; «обобщенное олицетворение зла технического прогресса» [Непомнящих 2012, с. 93]. Размышляя над необходимостью железной дороги, К. Леонтьев, писатель и философ второй половины XIX века, писал: «Опасно, как бы земля не стала скоро походить на всемирный паутинник, который опутывает весь земной шар, в котором плавают только отощавший всеядный человек, как голодный паук, не имый кого и что поглотити, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности всей земли. Эти железнодорожные линии не похожи ль на нити всемирной паутины?» [Леонтьев 2007, с. 677.].

Динамический характер передвижения, быстрая смена картин лежали и в основе зарождавшегося в конце XIX века кинематографа; не случайно первый в истории фильм братьев Люмьер, появившийся в 1895 г., – это «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота».

Как справедливо отмечает Е. П. Пьяных, значимость железной дороги в русской и мировой традиции обусловлена прежде всего следующим фактом:

«там, где проложен железнодорожный путь, существует контроль пространства: оно открылось, покорилось и подчинено человеку, оно им осмыслено, освоено, обжито. Это пространство – живое (чего нельзя сказать о воздухе и воде, которые остаются неуправляемыми стихиями)» [Пьяных 2017, с. 98-106].

Контроль пространства в России имел особую значимость: размещенная на огромных территориях страна становилась целостным организмом, а перемещение из одного отдаленного региона в другой представлялось не просто возможным, но быстрым и увлекательным. Как показал анализ лексикографических источников, именно для русской языковой традиции ключевая единица *поезд* и ее синонимы имеют значимую роль, являются стержневым компонентом устойчивых сочетаний (автомобильный поезд, глайдерный поезд, дачный поезд, дембельский поезд, курьерский поезд, пассажирский поезд, поезд дальнего следования, поезд метро, санный поезд, свадебный поезд, скорый поезд, товарный поезд, трамвайный поезд, туристский поезд; поезд дружбы, поезд ушёл и др.) и основой метафоризации.

Значимость железной дороги в русской культуре, закреплённость ее образов-экспликаторов в языковой картине мира определила востребованность связанных с ней метафор в современных медиатекстах. Ключевые единицы, входящие в группу «железнодорожный транспорт» (лексемы *поезд*, *паровоз*, *тепловоз*, *бронепоезд* и *локомотив*), образуют новые метафорические образы и сценарии, формируя тем самым новый фрагмент языковой картины мира. В политическом тексте лексемы-репрезентанты характеризуются вариативностью коннотации, а также различной интерпретацией.

Лексическая единица *поезд* реализуется в переносном значении активнее других единиц, связанных с железной дорогой. Данный факт определяется тем, что в политическом тексте *поезд* может анализироваться как лексема-гипероним, вмещающая семантику любого вида

железнодорожного транспорта. Образ *поезда* универсален: поезд может быть скоростным и медленным, громоздким и объёмным, но он всегда движется по определенному маршруту. В связи с этим образ *поезда* наиболее часто соотносим с образом государства: «**Украинский поезд, набравший ход в 2014 году, после Крыма и Донбасса, неудержимо мчится в заданном направлении – подальше от России**» (politua.org, 29.12.2017).

Исследование политических контекстов позволило определить наиболее активные образы, формируемые с помощью лексической единицы *поезд*, концептуальное содержание которой проходит метафорическое переосмысление. Так, в политических СМИ активно функционируют конструкции *поезд тронулся...* / *поезд начал движение...* / *поезд набирает ход...*; *поезд движется...* / *поезд идет...*; *поезд не остановить....* Реализуясь в контекстах, данные конструкции, как правило, приобретают позитивную коннотацию, что связано с основными компонентами 'движение', 'вперед'. При реализации метафорического образа в контекстах происходит актуализация трех смежных и взаимообусловленных компонентов: *движение субъекта, обозначение направления и движение к цели*: «...Олег Пономарь: **наш поезд движется по пути стран Балтии – в НАТО и ЕС**» (replyua.net, 25.09.2014); «**Политические паровозы уходят в «депо». Пять человек, возглавлявшие партийные списки на выборах в Совет народных депутатов города Владимира, официально отказались от мандатов**» (forum-msk.org, 23.07.2015).

Отметим, что в политическом мире *движение* оценивается конструктивно, поскольку является основой любых социально-политических изменений. Движение во время принятия важных политических решений и трансформаций происходит в определённом заданном направлении, что приводит политического субъекта к достижению поставленной цели или приближению к ней. Начало движения выражает прогресс, раскрывающий для движущегося объекта ряд возможностей: «**Этот поезд обратно не едет. Он способен пробуксовывать в зависимости от массы факторов,**

начиная от времени года и погоды, заканчивая экономическим кризисом. Но новое качество состоялось, оно может развиваться крайне медленно, тем не менее, движение началось» (www.rbc.ru, 29.10.2012). Отметим, что «движение поезда» должно быть строго контролируемым и регламентируемым наличием правил и инициатив, безопасным переездом, четким видением пункта назначения.

В текстах политических СМИ активной является конструкция *«поезд нелегко остановить»*, которая может быть интерпретирована как с положительной, так и с отрицательной коннотацией. Позитивный образ создается совокупностью следующих аргументов: правительство сумело мобилизовать усилия на развитие государства, определиться с контролем власти и направить приоритеты и целевые ориентиры на социальные сферы. Таким образом, *«невозможность остановить поезд»* – это фиксация политической ситуации в определенный промежуток времени, предполагающий дальнейшее развитие: *«Паровоз реформ разогнался, и вернуть прежнюю систему невозможно»* (aqqarat.info, 04.04.2018).

При реализации конструкции *«поезд не остановить»* в контекстах социально-политической направленности со значением сравнения выявляется негативная коннотация, которая определяется экспликацией ядерных семантических компонентов ‘неуправляемость’, ‘стихийность’: *«Демографический взрыв похож на уносящийся поезд. Знание того, что заставило поезд рвануть с места, не объясняет нам того, как его остановить, и существуют ли вообще способы сделать это?»* (Ф, № 43 (255), 27.10.2011).

Сочетания *«догонять поезд»* и *«пытаться вскочить в поезд»* («в последний вагон уходящего / уносящегося поезда», «на подножку уходящего поезда») в медиатекстах являются весьма частотными и реализуются с негативной коннотацией. Эффективный механизм управления государством характеризуется быстрым реагированием на изменяющиеся социально-политические реалии, корректировкой стратегий и тактик в условиях

нестабильных обстоятельств. Если контроль упущен, государство и политические лидеры могут отстать от новых технологий, проектов, методик и, как следствие, сдать свои политические позиции: *«Сейчас на избирательных пунктах аврал. Многие по привычке «проснулись» в последний момент и спешат вскочить на подножку уходящего поезда»* (Без формата, 06.02.2013); *«... Нужно ли использовать политические форумы для создания имиджа? Как не отстать от уходящего «поезда» и грамотно использовать появившиеся возможности»* (АиФ, 16.05.2018).

В словосочетании «уносящийся поезд» актуализируются компоненты 'невозможность', 'возвращения', 'к пройденному', 'этапу'. Реализуясь в политических текстах, данная конструкция приобретает исключительно негативную коннотацию: *«В уходящий поезд «ВТО-2005» Украина не успела. Не страшно, поезд не последний»* (Диалог.ua, 15.11.2009). Наименее активными в политических текстах являются конструкции *поезд остановился, поезд не сдвинулся* с отсутствием динамического компонента у предикатов, что объясняется внеязыковым фактором.

Для политической сферы отсутствие движения или остановка является недопустимой и может привести к непоправимым последствиям: *«Несмотря на реальное улучшение климата в сотрудничестве с Евросоюзом, наш евроинтеграционный поезд не сдвинулся ни на миллиметр»* (Диалог.ua, 27.02.2010).

Закрепленная в русском языковом сознании конструкция «запрыгнуть (вскочить) в последний вагон уходящего поезда» функционирует с медиатексте в значении «воспользоваться последним шансом»: *«Вскочить в последний вагон уходящего поезда – это, оказывается, родиться в первом полугодии 1959 года (мужчины) и 1964 года (женщины) – они последние, кто уйдет на пенсию по нынешним правилам, действующим с 1930-х годов»* (Спутник, 31.08.2018).

В денотативном значении лексическая единица *локомотив* определяется как «машина (тепловоз, электровоз, паровоз, моторный вагон), движущаяся

по рельсам и предназначенная для передвижения поездов». Особенностью реализации в политическом тексте лексемы *локомотив* является тот факт, что *локомотив* репрезентирует движущую силу, способную вывести на новый уровень политические партии, государства или другие политические субъекты: «*Термоядерный локомотив набирает ход*» (Аргументы недели, 15.03.2012); «*Британия: экономический локомотив набирает скорость*» (ru.euronews.com, 31.03.2015).

При реализации в политическом тексте лексемы *паровоз* доминирующими становятся семы 'движение', 'скорость', 'мощь', 'цель'. Такая семная комбинация актуализируется прежде всего в ключевой единице *поезд*. Лексема *паровоз*, как и языковая единица *поезд*, в широких контекстных иллюстрациях имеет современное значение, которое выявляется на уровне контекстных сравнений.

Паровоз представляет собой транспорт, четко следующий заявленному маршруту, несмотря на существующие на пути препятствия: «*Порошенко пересаживает украинцев на американский паровоз*» (dni.ru, 27.02.2018); «... *Президент Болгарии в ходе недавней встречи попытался поднять тему реанимации «Южного потока», но поезд, как говорится, ушел далеко, и настолько далеко, что даже дым из трубы паровоза уже не виден*» (КП, 13.06.2018).

Кроме того, в политических текстах образ *паровоза* способен метонимизироваться. Номинацию «паровоз» получают субъекты политики, имеющие большое влияние и силу: «*Политики всеми силами пытаются внести элемент интриги в предстоящие думские выборы. И делают это с помощью так называемых «паровозов», то есть известных людей, на которых должны правильно отреагировать избиратели*» (newizv.ru/news, 17.09.2017); «*Без пропорциональной избирательной системы надежды Вакарчука, и тех, кто делает из певца «электоральный паровоз», тают, как дым*» (news-front.info, 06.02.2019). Мейоративная коннотация, проявляющаяся

в ряде контекстов, обусловлена такими семами, как ‘надежность’, ‘сила’, ‘безопасность’.

В сопоставлении с лексемой *тепловоз* языковая единица *паровоз* в политическом тексте может приобретать иной лексический смысл. В таких случаях доминирующими становятся семы ‘низкая’, ‘скорость’, ‘несовременность’: «...если Польша и Чехия ехали в Европу на **современном тепловозе**, то Украина – на **паровозе первой половины XX века**» (РиаНовости, 07.12.2009). Сопоставление *тепловоз* – *паровоз* происходит за счет актуализации полярных сем ‘современный’ / ‘устаревший’, которые поддерживаются контекстным окружением.

В объем образных средств, объективирующих метафорическую модель «политика – это транспортная система», кроме названий транспортных средств, входят языковые единицы, относящиеся к тематическим группам «составляющие транспортных средств», «организация движения», «субъекты транспорта». Такие образы реализуются не только посредством слов, но и с помощью устойчивых сочетаний. Так, для медиатекстов политической направленности характерно использование фраземы «переводить стрелки».

В речи железнодорожников конструкция «переводить стрелки» имеет значение «изменять маршрут движения поезда, возможность переходить с главного пути на одну из двух (или более) дополнительных веток». В медиатекстах фразема «переводить стрелки» преимущественно на основе второго значения, зафиксированного в современных фразеологических словарях: «2. на кого. Сваливать свою или чью-л. вину на другого». В контекстах обращается внимание на парадоксальность ситуации, а фразема «переводить стрелки» реализуется в значении ‘перекладывать ответственность за случившуюся или предполагаемую негативную ситуацию с одного субъекта политики на другого’: «президент Порошенко **перевел стрелки на своего премьера**» (ukraina, 08.02.2019); «**Киев перевел стрелки на Москву в ракетном скандале**» (Утро, 15.08.2017); «**Яценюк перевел «стрелки» на министра энергетики Демчишина**» (Правда.ру, 11.12.2015). С

подобной семантикой в медиатекстах функционирует фраза «стрелочник виноват», закрепленная в фразеологических словарях в значении «разг. ирон. О перекладывании вины за что-либо на исполнителя самого низкого ранга»: «Новая стратегия США: «стрелочник» Порошенко и президент Азаров» (Экономика сегодня, 12.11.2015); «Президент-стрелочник: Порошенко назвал причину конфликта в Азовском море» (Акценты, 19.02.2017).

Конструкции «вставлять/ставить/становиться/возвращаться на рельсы» обозначают начало нового политического этапа, изменение политического курса, при этом глаголы реализуются как в активном, так и в пассивном залоге. При фиксации в медиатекстах данных конструкций, как правило, наблюдается мейоративная коннотация: «Сумеют ли крупнейшие центральные банки **поставить** мировую экономику **на рельсы**» (Финновости, 21.08.2014); «Владимир Путин намерен **поставить** экономику **на военные рельсы**» (mosved.ru, 23.11.2017); «Миллер: экономика Китая **встает на «газовые рельсы»**» (vestifinance.ru, 01.11.2017); «Мировую экономику пытаются **поставить на «зеленые» рельсы**» (НТБ, 21.06.2012); «Узбекистан хочет **поставить транзит на рельсы**» (Коммерсантъ, 20.09.2018); «Россия хочет **поставить белорусскую экономику на рыночные рельсы**» (Регнум, 15.03.2013); «Импортозамещение **встало на военные рельсы**» (expert.ru, 28.04.2014); «Ельцин сломал существовавшую политическую систему и создал условия для того, чтобы государство **встало на демократические рельсы развития**» (Известия, 03.09.2009).

Модель *перевести* + *Subst.* (существительное в форме винительного падежа) *на рельсы* в медиатекстах является весьма активной и обозначает изменение политических стратегий: «Письмо Медведеву – **попытка перевести «газовый» вопрос с политических рельс на рыночные**» (kr.ua/politics, 21.11.2009); «Нурсултан Назарбаев заявил о намерении **перевести экономику Казахстана на рыночные рельсы**» (vestikavkaza.ru, 23.10.2015). В подобном значении реализуется и конструкция *перейти на рельсы*: «Хиллари Клинтон – давний сторонник бесполетных зон над Сирией.

Она заявляет, что намерена настаивать на этой точке зрения, чтобы, во-первых, «защитить сирийцев и остановить постоянный отток беженцев» из страны, а во-вторых, «добиться преимущества и перед сирийским правительством, и перед Россией, чтобы, возможно, провести серьезные переговоры, которые помогут завершить конфликт и **перейти на политические рельсы**»» (news-front.info, 27.10.2016).

В текстах политических СМИ конструкция «ложиться на рельсы» приобретает значение «прикладывать максимум усилий для выполнения обещаний, достижения поставленной цели»: «Недовольных ценами на бензин приглашают лечь на рельсы» (pravda.ru, 08.06.2018).

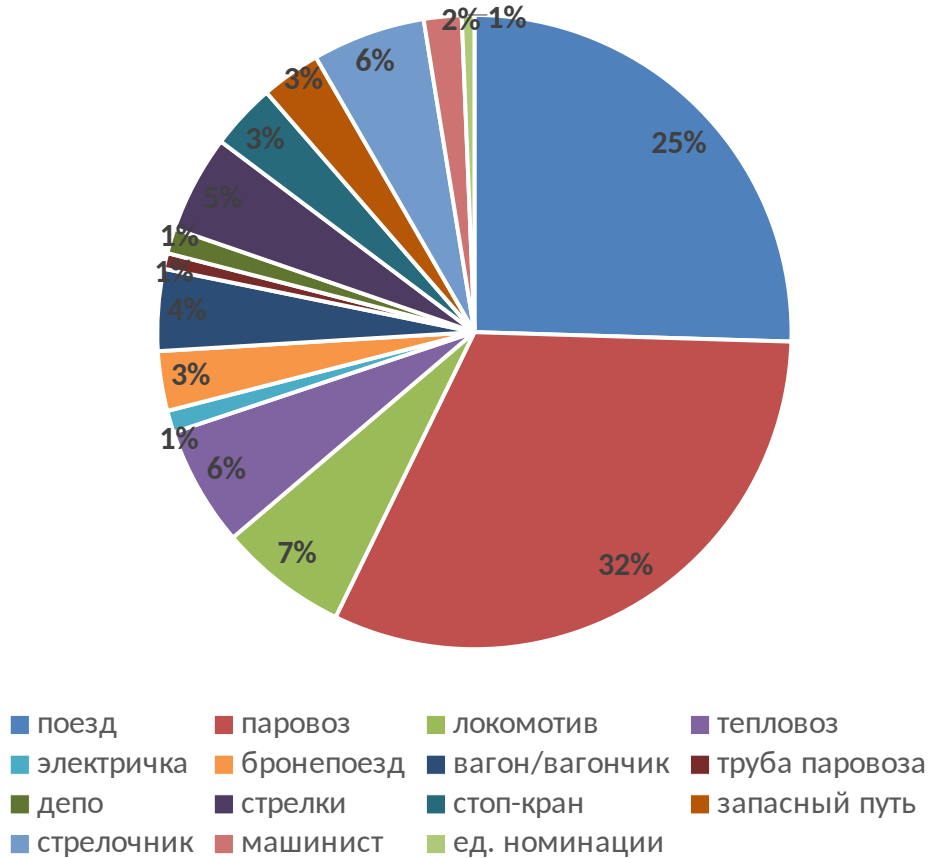
Метафорические образы в медиатекстах строятся также с опорой на стержневой компонент **стоп-кран**. В денотативном значении **стоп-кран** (кран экстренного торможения) – это компонент системы тормозного оборудования железнодорожного вагона, предназначенный для приведения тормозов в действие в случае крайней необходимости с целью экстренного торможения поезда. В текстах СМИ реализуются такие компоненты значения, как 'остановка', 'принуждение'. Таким образом, в медиатекстах **стоп-кран** становится тем ограничителем, точкой невозврата, который пресекает определенные политические действия или решения: «**Стоп-кран для Белого дома**» (НГ, 27.09.2012); «**Кремлевский «стоп-кран»**» (maxpark.com, 17.09.2016); «**Евромайдан: украинский стоп-кран**» (windowrussia.ruvr.ru, 06.02.2014); «**Кишинев и Тирасполь: стоп-кран в переговорах по железной дороге**» (ru.sputnik.md/politics, 22.08.2016); «**«Вотум недоверия» Яценюку или стоп-кран для Саакашвили**» (odessitua.com, 17.02.2016).

Не закреплённая в лексикографических источниках, но значимая для русского языкового сознания конструкция **сорвать стоп-кран** имеет значение «насильственно остановить определенные политические действия». В таких конструкциях значимым является политический субъект (политический лидер или государство), активные действия которого

приводят к остановке: *«Назарбаев срывает стоп-кран»* (МК, 25.10.2013); *«Политики «сорвали стоп-кран»»* (rus.delfi.lv, 15.08.2014); *«Порошенко пытается «дёргнуть стоп-кран с целью сохранения власти»»* (newinform.com, 12.12.2018); *«Украина сорвала стоп-кран. В российских СМИ активно обсуждают Евромайдан и отсрочку ассоциации Украины с ЕС»* (<http://news24ua.com>, 12.12.2015); *«Стоп-кран Евросоюза сорвали страны-друзья Тимошенко»* (КП, 30.11.2016). Еще одной активной конструкцией в массмедийных текстах является конструкция *дёргнуть стоп-кран*, которая функционирует со значением «приостановить сотрудничество с государством-партнером, которое повлечёт убытки»: *«Украина приготовилась дёргнуть стоп-кран. Украина приготовилась закрыть железнодорожное сообщение с Россией»* (Утро, 10.08.2018); *«Уловки Порошенко: Россия в любой момент может дёргнуть стоп-кран»* (uianp.org.ua, 12.03.2018); *«Везель считает, что Европа должна «дёргнуть стоп-кран» в отношениях с Эрдоганом»* (Антифашист, 14.05.2016).

Количественный анализ языковых единиц, моделирующий метафорический образ железнодорожного транспорта в русскоязычных медиатекстах, представлен, на следующем рисунке:

Метафорический образ железнодорожного транспорта в русскоязычных медиатекстах, %

Анализ политических медиатекстов позволяет отнести наиболее частотные языковые вербализаторы метафорического образа железнодорожного транспорта к следующим тематическим группам: *транспортные средства*: паровоз (198 ед.), поезд (159 ед.), локомотив (41 ед.), тепловоз (38 ед.), бронепоезд (19 ед.), электричка (7 ед.); *составляющие транспортных средств*: вагон/вагончик (26 ед.), труба паровоза (5 ед.) *организация движения*: стрелки (31 ед.), стоп-кран (21 ед.), запасный путь (19 ед.) рельсы (9 ед.), депо (8 ед.); *субъекты транспорта*: стрелочник (36 ед.), машинист (12 ед.). Кроме этого, в медиатекстах были выявлены единичные метафоры, зафиксированные в политических СМИ менее 5-ти раз. При реализации в политических медиатекстах языковых единиц, организующих метафорический образ **железнодорожного транспорта**, ядерными

становятся семантические компоненты 'движение', 'скорость', 'мощь', 'цель'. Широкий ассоциативный фон и особенности семного варьирования языковых единиц, объективирующих образ **железнодорожного транспорта**, позволяет говорить о важном месте данного образа при репрезентации метафорической модели «политика – это транспортная система».

Метафорический образ автомобильного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ

В политических медиатекстах контексты, репрезентирующие языковые единицы, входящие в группу «автомобильный транспорт», насыщены широким спектром сравнений и развернутых метафор. Как показал анализ, наиболее характерным для политических СМИ является сравнение государства с автомобилем, движение которого затруднено из-за несогласованности действий сменяющихся водителей: «*В годы своей независимости Украина напоминала мощный автомобиль, который не мог тронуться с места, так как слишком много политиков считали себя водителем и по-разному видели направление движения. Сегодня водитель один. И направление движения одно – на политический прагматизм и экономическую модернизацию*» (МН, 07.09.2012). Образ **неисправного автомобиля** эксплицирует социальные и политические изъяны, опасные для государства: «*Мы унаследовали неисправный автомобиль без тормозов, который катился в пропасть, но нам удалось починить его и вернуть на европейский путь*» (vedomosti.md, 27.09.2015); «*Первые дебаты: политический автомобиль в кювете*» (7 дней, 10.03.2017).

В масс-медийных текстах широким источником метафоризации является **общественный транспорт**. В политическом медиадискурсе посредством транспортной метафоры характеризуются не только субъекты и действия, но

и политические документы. Так, отчет правительства в контекстах описывается через метафорический образ **маршрутки**, которая ездит по традиционному маршруту, возит ворчащих и пассивных пассажиров: *«Отчет правительства чем-то сродни одному дню в таком **автобусе**, наша **«политическая маршрутка»** из года в год колесит по необъятным просторам родины, ухабам и бездорожью. И да, конечно, вести ее можно было и по-другому. И, конечно, выглядеть она могла тоже иначе и ехать по-другому. Но когда ее нужно было завести на ухабах экономической турбулентности, посреди кризиса – делать хоть что-то стали только несколько людей»* (mk.ru, 28.04.2011).

Не менее ярким в медиатекстах представляется образ **автобуса**, который сопоставляется с образом государства. Подчеркнем, что при таком сопоставлении действия государства оцениваются резко негативно: *«Россия сегодня напоминает автобус без тормозов, который катится под гору по серпантину с пассажирами, радостно поющими разудалые песни»* (МК, 02.10.2014); *«Украина – автобус, который движется к пропасти»* (mmr.ua/show, 28.10.2016).

Устойчивая конструкция **бросать / толкать под автобус**, являющаяся метафорическим дублетом конструкции **бросать на рельсы/бросать под поезд** в текстах СМИ приобретает значение **ставить в затруднительное положение**. Как правило, в такую ситуацию попадают государства: *«Трамп бросил Украину под автобус?»* (glavk.info, 10.01.2017); *«Джон Керри обещал «бросить Азербайджан под автобус»»* (old.noev-kovcheg.ru, 13.02.2018); *«Президент Обама бросает своих союзников, в том числе Израиль, под автобус»* (jewish.ru, 31.08.2012) или политические лидеры: *«Обама и Нетаньяху под колесами иранского автобуса. Самого себя Обама бросил под колеса автобуса»* (mmr.ua, 10.09.2012), а также иные политические реалии: *«Демократия на Украине брошена под автобус Порошенко, – американское издание»* (Русская вестна, 31.07.2017).

Ключевая единица **броневик** (вооруженный бронированный автомобиль) реализуется в массмедийных политических текстах в значении, отличном от денотативного. Так, в контекстах **броневик** – это прежде всего не опасное оружие, а средство защиты. Отметим, что под **броневиком** понимается не машина, а политические силы, способные организовать такую защиту: *«имея за собой поддержку административного госаппарата, «Единая Россия», личный политический броневик Владимира Путина, грубо проехала по своим разобщенным и дезорганизованным противникам»* (gazeta.ru, 04.12.2014).

При реализации образов, связанных с автомобильным транспортом, активным является образ **гонок**. Данный образ эксплицирует значения 'высокая скорость', 'соревновательность', 'стремление к победе'.

Использование метафорического образа **гонок** представляется обоснованным и, бесспорно, связано с особенностями современного социально-политического устройства. Так, частая смена политических лидеров, динамика политической системы предполагает моделирование соответствующих метафорических образов: *«Менее удачливым участникам избирательной гонки деньги не вернут, они будут зачислены в государственный бюджет Украины»* (www.unian.net, 31.12.2018); *«Порошенко и Тимошенко остаются лидерами выборной гонки»* (news.liga.net, 16.05.2014); *«На Украине началась президентская гонка»* (riafan.ru, 13.12.2018); *«Юлия Тимошенко – нынешний лидер предвыборной гонки»* (Свобода, 24.06.2018); *«Путин заявил о незаинтересованности России в гонке вооружений»* (www.rbc.ru, 16.01.2019); *«Коваленко о гонках и политике: и там, и там можно вылететь с трассы, если допустишь ошибки»* (www.sotsid.ee, 13.06.2018).

Усиление агрессивности политического противостояния в массмедийных текстах реализуется посредством использования конструкции **гонки на выживание**. Появление данной конструкции в ее денотативном значении связано с развитием компьютерных игр. Так, в среде любителей

гоночных компьютерных игр под **гонками на выживание** понимаются гонки, где задачей игрока, управляющего транспортным средством, является уничтожение одного или нескольких аналогичных противников. При этом сам игрок также может быть уничтожен противниками. В масс-медийных текстах под **гонками на выживание** понимается попытка использования последних возможностей для улучшения положения того или иного политического субъекта: «**Гонки на выживание: кто поборется за пост президента Украины**» (арн-nn.ru, 28.01.2016); «**гонки за Путиным на выживание**» (Новая газета, 13.02.2012).

Трехступенчатый процесс метафоризации наблюдается при функционировании в медиатекстах устойчивого словосочетания **подушка безопасности**. Так, в автотранспортной терминологии **подушка безопасности** интерпретируется как «эластичная оболочка, которая наполняется воздухом либо другим газом для смягчения удара в случае столкновения». Интегральные семантические компоненты 'смягчение' 'удара' становятся ядерными при транслировании номинации **подушка безопасности** в экономическую сферу, где данный образ реализуется в контекстах как с позитивной, так и с негативной коннотацией. Так, в экономических текстах под **подушкой безопасности** понимаются **золотовалютные резервы Банка России** («**Банк России набивает финансовую подушку безопасности**» (Политикус, 12.04.2016)); **теневая экономика** («**Клименко считает теневую экономику «подушкой безопасности» для бюджета**» (archive.politica.com.ua, 10.02.2013)); **нефтяные и газовые резервы** («**Минфин наполняет «подушку безопасности» дополнительными нефтегазовыми доходами...**» (Техноблог, 05.08.2018)); «**объем «подушки безопасности» России в случае падения цен на нефть является достаточно низким**» (Вести, 01.10.2012)); **вклады** («**банковский вклад – подушка безопасности инвестора**» fortrader.org, 11.11.2013)).

В последнее десятилетие устойчивое сочетание *подушка безопасности* **переходит** из сферы экономики в политическую сферу, сохраняя при этом интегральные компоненты 'смягчение' 'удара': «...ЕАЭС оказался *подушкой безопасности* для стран-участниц союза (Ритм Евразии, 14.04.2017); *ФНБ должен сохраниться в качестве «подушки безопасности» для российской экономики – Путин*» (Тасс, 06.11.2013). Реализуясь в политических контекстах, конструкция «подушка безопасности» сочетается с адъективами *политический* и *социально-политический*, что приводит к изменению семантики конструкции.

Важно отметить, что при реализации метафорического образа *автомобильной дороги* при описании в медиатекстах характерна та же система правил дорожного движения, что и в традиционной автотранспортной сфере. Так, дорога с двусторонним движением предполагает систему одинаковых возможностей для каждого политического субъекта, независимо от его социального статуса или политических приоритетов: «*Торговля РФ и КНР: требуется дорога с двусторонним движением*» (www.notum.info, 11.04.2014).

Несоблюдение *правил дорожного движения* зачастую приводит к аварийными ситуациями, образ которых ярко продемонстрирован в политических медиатекстах: «*Это как на дорогах. Есть страны с правосторонним движением транспорта, и есть – с левосторонним. А у нас получается, что все едут по правой стороне, а представители Секретариата Президента – по левой, и каждый их выезд сопровождается авариями*» (for-ua.com/comments, 11.07.2009).

Метафорический образ *дороги с односторонним движением* в медиатекстах приобретает негативную коннотацию, поскольку предполагает не взаимодействие и компромисс, а отношения, выгодные только одной из сторон: «*Запад хотел, чтобы Россия и дальше продолжала «двигаться по дороге с односторонним движением» – исполнять обязательства по первому требованию без каких-либо встречных действий со стороны*

Запада» (discred.ru, 12.08.2016); «...соглашение об ассоциации – это **дорога с односторонним движением**: ЕС может продавать на Украине что сам захочет, а Украина в ЕС – только то, что ей позволят» (nk.org.ua, 27.05.2016).

В русскоязычных медиатекстах политической направленности весьма активно реализуется оппозиция *набирать скорость* и *тормозить*. Динамический характер современного политикума и целевая установка каждого политического субъекта определяют тот факт, что в политических текстах конструкция *набирать скорость* всегда оценивается положительно, в то время как значение *тормозить* имеет негативную коннотацию: «НАТО: Украина **тормозит** с реформами» (ukraina.ru, 11.10.2018); «Украина **тормозит** с добычей газа» (Рамблер, 28.11.2018). С отрицательной коннотацией в масс-медийных текстах реализуется и устойчивая конструкция *задний ход*: «Украина дала **задний ход**. Компания «Нафтогаз Украины», которая ранее обратилась к «Газпрому» с предложением возобновить поставки голубого топлива, отказался покупать газ по предложенной цене» (actualcomment.ru, 10.06.2016).

Языковая единица *мотор*, в денотативном значении определяемая как механизм, в масс-медийных текстах интерпретируется как двигающая сила, источник активных конструктивных действий с субъектным значением: «Германия и Франция действуют в одной связке, потому что они являются **мотором** европейской интеграции» (russian.rt.com, 18.05.2018); «Путинское перераспределение финансов направлено на **запуск заглохшего мотора** российской экономики» (Россия сегодня, 14.08.2018); «... Кнайсль и заняла пост руководителя внешнеполитического ведомства, собственно, и является **мотором** многих изменений в подходах к миграционной и экономической политике в стране» (life.ru, 16.08.2018). В медиатекстах метафорическим синонимом лексемы *мотор* является языковая единица *двигатель*, что подтверждается следующим контекстом: «... Цены на нефть – **двигатель** российской экономики...» (mk.ru, 18.06.2018).

Характерный для политических текстов образ *регулюровщика* оценивается с мейоративной коннотацией. В медиатекстах под *регулюровщиком* понимается политический субъект, способный решить проблемы государства и общества: «Путин заменил *«регулюровщика» кризиса на Донбассе*» (www.ostro.org, 27.04.2015); «Греция. *«Левые регулюровщики» капитализма*» (kprf.ru, 18.02.2016).

Дорожное движение регулируется с помощью дорожной разметки и дорожных знаков. Соблюдение правил дорожного движения является необходимым, как бы они ни затрудняли отдельные политические или социально-экономические решения: «У западных журналистов есть свои табу для публикаций, своя *«двойная сплошная»*, считает медиаменеджер и экс-глава издательского дома Axel Springer Russia Регина фон Флемминг. *Это как немецкий многополосный автобан, когда вы знаете, что двойную сплошную пересекать нельзя, как бы этого ни хотелось*» (m.dw.com/ru, 12.07.2016).

Подчеркнем, что в отличие от ситуации на автомобильной дороге, в политике несоблюдение правил дорожного движения может стать единственным конструктивным выходом: «*Разворот за двойной сплошной: РБК может получить нового владельца и радикально изменить редакционную политику*» (novayagazeta.ru/articles, 13.04.2017).

Двойная сплошная в медиатекстах может быть охарактеризована как основание для запрета определенных политических действий и отношений, что сопоставимо с запретом маневров на автобане: «*Двойная сплошная для Эрдогана. Можно ли играть по правилам демократии со странами, которые эти правила не соблюдают? Турецким министрам на территории ЕС не дают общаться с потенциальными избирателями Эрдогана*» (echo.msk.ru/blog, 17.03.2017).

Из системы дорожных знаков в медиатекстах используется дорожный знак «стоп», который в среде автомобилистов интерпретируется как знак приоритета, предписывающий водителям совершить обязательную

кратковременную остановку перед ним, прежде чем продолжать движение, уступив дорогу всем транспортным средствам и пешеходам. В медиатекстах **знак «стоп»** обозначает полную остановку политических действий: «*Конгресс США показывает знак «СТОП» Путину и Трампу*» (Главпост, 25.07.2017); «*Россия ставит не знак «стоп», а знак «внимание»*» (rus.delfi.lv, 29.07.2017).

Таким образом, установление особенностей автотранспортной метафоры предполагает исследование языковых единиц на уровне вторичной номинации с выявлением позитивной и негативной коннотации, закреплённой в значениях лексем и фразем. Комплексный анализ позволяет не только установить особенности языка политики, но и выделить центральные ассоциативные образы, реализованные ключевыми единицами тематической группы «автомобильный транспорт». Ряд образов, эксплицирующих автомобильный транспорт, построен на антитезах: *тормозить – гнать на полной скорости, открывать – закрывать шлагбаум, тормозить – набирать скорость*, что, на наш взгляд, характеризует современный политикум как двуполярный мир, построенный на контрастах и противоречиях. Языковые единицы, моделирующие в медиатекстах образ **автомобильного транспорта**, являются частотными (320 словоупотреблений) и входят в следующие тематические группы: *транспортные средства* (автомобиль (11), броневик (9), маршрутка (6), гоночная машина (6), автобус (5)); *составляющие транспортных средств* (подушка безопасности (31), тормоз (25), двигатель (24); колеса (14), мотор (9)); *организация движения*: шлагбаум (36), мост (30), поворот (27), светофор (19), одностороннее движение (9), знак «стоп» (7), двустороннее движение (6), двойная сплошная (5), кювет (5); *субъекты транспорта*: регулировщик (21), водитель (9); *единичные номинации* (6). Процентная соотнесенность единиц-репрезентантов представлена на графике:

компонент 'движение', соотносящийся в контекстах с компонентами 'пространство', 'направление', 'время', 'скорость', 'безопасность'.

Метафорический образ гужевого транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ

В силу малой функциональности *гужевого транспорта* в современном мире соответствующие метафорические образы не представляются частотными. Под *гужевым* понимается как грузовой, так и пассажирский транспорт, в котором транспортные средства приводятся в движение животными (в славянской традиции такими животными чаще всего были лошади). Как показал анализ, именно образ лошади является центральным при формировании метафорического образа *гужевого транспорта*.

Данный образ раскрывается в системе метафорических сценариев, включающих несоответствие реальных и желательных параметров. Расширение образной специфики контекста происходит за счет развернутых рассуждений, эпитетов и сравнительных оборотов, которые позволяют интерпретировать образ наиболее детально. Яркий образ приводится в контексте, включающем речевой парадокс: запряженную в телегу мертвую лошадь: «Самое главное – заставить неработающую часть платить. Это как заставить мертвую лошадь возить телегу. Но мертвые лошади не возят телеги. Их самих возят на телегах» (Общественное мнение, 11.11.2016). Подобное сравнение показывает всю необоснованность принятого политиками решения и невозможность достижения позитивных результатов.

В наивной картине мира *телега*, безусловно, является элементом ушедшей эпохи, поэтому обращение к данной единице акцентирует внимание на отсталости, отсутствии актуальности, невозможности обращения к пройденному сценарию: «Куда едет Россия на старой телеге

режима?» (arhsvoboda.ru, 15.10.2015). Использование конструкции «первое колесо в телеге» апеллирует к устойчивой конструкции «первая скрипка» и приобретает значение «играть ведущую роль», при этом образ *телеги* подчеркивает несовершенство политической системы: «*Дума ведь далеко не первое колесо в российской политической телеге*» (svoboda.org, 14.09.2016).

Для масс-медийных политических текстов характерным представляется образ *брички*. В русский язык данное слово попало из украинского, который заимствовал его из польского, где *bryczka* через немецкий и итальянский языки восходит к латинскому *birota*, что буквально значит «двухколесный экипаж» (*bis* – «дважды», *rota* – «колесо»). В медиатекстах ключевая единица *бричка* реализуется с интегральными компонентами ‘отсталость’, ‘бедность’, ‘несовременность’, ‘отсутствие четкого видения перспектив’: «*Российская бричка на бездорожье взяточничества и коррупции*» (webcache.googleusercontent.com, 18.05.2015). В сопоставлении с современным транспортом выделенные интегральные компоненты еще более усиливаются, а коннотация становится еще более ироничной: «*Недавно в Дурбане (ЮАР) закончился очередной Саммит БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), время поговорить об итогах. Что ждать Кыргызстану от развития этой организации? Начнем с притчи. Если вы долго-долго голосуете на пустой дороге, вам практически не важно, кто вас подвезет. А если будет альтернатива: гоночная машина или бричка, запряженная ишаком?»* (for.kg/news, 03.04.2013).

В контекстах наблюдается контаминация образа. В рассмотренном ниже медиатексте происходит совмещение значений *воза с поклажей* из басни И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука» и *брички*, при этом происходит усиление ироничной коннотации: «*Я убеждён, что никакого особого стратегического плана с далеко идущими выгодами от «филиппинского ИГИЛ и его разоблачения» в Пентагоне нет. Там сейчас просто проводят реактивную политику. А те, кто сам пожар запалил, сидят в ведомстве по*

соседству, но как будто на другой планете. В итоге эти деятельные раки и игривые щуки просто могут разорвать американскую бричку» (politobzor.net/show, 09.08.2017).

Образ государства в масс-медийных политических текстах объективируется посредством развернутой метафоры *лошади с извозчиком*. Являясь зависимой от лица, которое ею управляет, лошадь подчиняется его воле и идет на любые действия: *«Издавна извозчики использовали проверенный способ увеличить «ресурс» лошади: вешали перед её мордой пучок сена. Животное шло резвее, не требовался даже кнут. И так же действует Международный валютный фонд (Фонд) по отношению к Украине. МВФ выступает в качестве извозчика, Украина – в роли лошади. Лошадь истощена, но кучер овса ей не даёт, а «стимулирует» с помощью «сена». Под овсом надо понимать займы, а под сеном – обещания этих займов [...]. Для того чтобы на лошадь можно было надеть хомут, ей вначале щедро предложили хорошую порцию овса. Лошадь начала голодать и слабеть. Попав в «хомут» программы финансирования Фонда, Украина добровольно лишила себя многих других источников финансирования и валютных доходов»* (fondsk.ru, 09.06.2016).

Подчеркнем, что задачи, которые ставит извозчик, для лошади являются деструктивными и могут привести ее к гибели. Интересным представляется противопоставление образов *овса* и *сена*, которое построено на соотношении качества корма: *овес* характеризуется как приоритетный, в то время как *сено* – наиболее простой дешевый и, как следствие, нежелательный тип питания.

В роли *извозчика* в масс-медийных текстах могут выступать политические лидеры, а в роли *повозки* – государство. В текстах подчеркивается, что без политического лидера (извозчика) существование государства является невозможным: *«Локомотив Путина и турецко-иранская повозка»* (inosmi.ru, 12.12.2017).

В метафорический арсенал со сферой-источником «гужевого транспорт» входят составляющие транспортных средств. Так, образ *колеса* является частотным не только в структуре развернутой метафоры, но и при функционировании устойчивой конструкции *пятое колесо*. Лексикографические источники определяют *пятое колесо* так: «разг. Неодобр. Только ед. Ненужный, лишний, бесполезный в каком-либо деле (говорится пренебрежительно о том, кто является помехой чему-л.). С сущ. со знач. лица: помощник, знакомый... пятое колесо в телеге; быть, казаться, стать, чувствовать себя [...] пятым колесом в телеге» [Учебный фразеологический словарь 1997]. В масс-медийных текстах происходит расширение перечня объектов, объективированных посредством данной конструкции. Так, под *пятым колесом* в масс-медийных текстах представляются единицы, входящие в следующие лексико-семантические парадигмы:

1. **Политики:** «*Александр Ионов* [президент Антиглобалистского движения России – Н. С.]: *пятое колесо «автомайдана»*» (rodina.ru, 10.04.2015).

2. **Политические организации:** «*Госдума как самостоятельный орган – пятое колесо в колеснице российского государства*» (bbc.com, 12.03.2017); «*Компартия – пятое колесо Китая*» (epochtimes.ru, 28.01.2010).

3. **Политические документы:** «*Украинская Конституция – пятое колесо в телеге*» (nakanune.ru, 29.06.2016).

4. **Государства и регионы:** «*Украина – пятое колесо в ЕС*» (politobzor.net, 29.06.2015); «*Порошенко прижали в угол: Донбасс как пятое колесо в его телеге*» (newinform.com, 24.08.2016); «*Прибалтика Путину нужна как телеге пятое колесо*» (ru.bb.vesti.lv, 08.02.2016); «*США – пятое колесов машине минских переговоров*» (gosnovosti.com, 22.05.2016); «*Америка – «пятое колесо» в решении украинского кризиса*»

(novostimira.net, 10.03.2015); «*США – «пятое колесо» для «нормандского формата»*» (ukraina.ru/news, 09.03.2015).

5. **Направления развития государства: «У Путина экономика – пятое колесо»** (elise.com.ua, 15.06.2015).

Такое расширение парадигм обусловлено спецификой социально-политических реалий, где помехой могут стать самые разнообразные факторы.

При моделировании образа *гузевого транспорта* важными являются метафоры, эксплицирующие образ насильственного ограничения свободы. Исследуя данный образ на материале текстов А. И. Герцена, Т. А. Яценко выделяет метафорические единицы, формирующие образ насильственного ограничения воли и, в частности, фиксирует лексему *хомут*. Данную единицу исследователь относит к семантической подгруппе, в которой в своём прямом значении лексемы связаны с управлением животными. Будучи включёнными в контекст человеческой жизни, по убеждению исследователя, данные единицы приобретают метафорическое значение «сдерживания свободы» и являются общеупотребительными [Яценко 2002, с. 76-79].

Рассматриваемая метафора является весьма активной и при реализации в современных медиатекстах. Согласно данным лексикографических источников, *хомут* – это «надеваемая на шею лошади часть упряжи в виде деревянного остова, покрытого мягким валиком». В контекстах данная метафора реализуется в значении обуза, при этом в СМИ происходит конкретизация образа. Такая конкретизация может происходить двумя способами:

1) **с помощью адъективного конкретизатора:** «*Шойгу сдал служебный хомут*» (mk.ru/politics, 22.05.2012); «*Украина не позволит одеть на себя кремлевский хомут*» (livejournal.com, 23.02.2017); «*Враг должен убедиться, что пока он попирает своими копытами нашу землю, от санкционного хомута ему не избавиться ничем*» (1vib.co.ua, 19.03.2016).

2) с помощью субстантивного конкретизатора: «*Москва-хомут, или, когда Калининград повернет нос к Западу*» (politolog.net/analytics, 31.01.2017); «*Шойгу надел на нового главу МЧС России «хомут министра»*» (ria.ru/society, 22.05.2012).

Глагольные конструкции формируют ряд образов, где **хомут** является обюзой, ограничением самостоятельности. Попасть в хомут может либо более слабый политический субъект («*Делается грубая попытка расколоть стратегическое партнёрство Россия-Китай, оттянуть на себя Индию, используя её трения с Китаем. Накинуть хомут строптивому Вьетнаму*» (stoletie.ru/rossiya, 03.02.2017)), либо субъект, принимающий неверные политические решения («*Для Германии Украина – проблема. И то лишь потому, что они сами раздували из искры пламя, а потом надели на себя хомут посредника*» (ria.ru/accents, 16.04.2016)).

Конструкция **вешать себе хомут на шею** в медиатекстах интерпретируется в значении «брать на себя ненужные, политически невыгодные обязательства» и характеризует современную политику как систему стратегически выверенных действий: «*Путину Донбасс не нужен – это дотационный регион, который надо не просто тянуть на себе, а еще и восстанавливать. Сейчас для России Донбасс – это чемодан без ручки. И не только Донбасс, но и Абхазия с Северной Осетией. Россияне не собираются вешать на шею себе этот хомут*» (apostrophe.ua/article, 20.04.2017).

В медиатекстах находит свое отражение идея **освобождения от хомута**, которая интерпретируется как получение свободы мнений и действий: «*Несмотря на облегчение и ликование большинства нормальных людей по всему миру, необходимо помнить о том, что Трамп – не святой и идеалистический контрреволюционер, как об этом мечтают некоторые консервативные круги, которые полагают, что буквально за ночь он освободит заключённое в хомуты население США и Европы*» (parlamentnilisty.cz/ru/politics, 17.11.2016).

Ключевая единица **колесница** (в денотативном значении – «большая двухколёсная повозка (двуколка), использующая как движущую силу скаковых животных») в масс-медийных политических текстах приобретает коннотативные семы ‘высокая скорость’, ‘мощность’, ‘отсутствие направления’: *«Интрига с «Квадригой», или куда несет Путина немецкая колесница?»* (inosmi.ru, 17.07.2011); *«Запущенная США колесница террора мчит по головам европейцев»* (maxpark.com, 18.04.2013).

Конструкция **судебная колесница** в медиатекстах интерпретируется как система судебных решений, которые могут быть оперативными или замедленными, конструктивными или разрушительными: *«С первым иском женщина обратилась в Новооскольский районный суд в 95-м году, но судебная колесница, как известно, движется со скоростью черепахи»* (КП, 19.09.2014).

Метафорический образ **кареты** наиболее активно используется с аллюзией на известный фрагмент из сказки «Золушка», где карета в полночь должна была превратиться в тыкву: *«Крымская «каре́та» превращается в тыкву прямо на ходу. Недельный обзор важных новостей о Крыме»* (crimeaukr.wordpress.com, 11.01.2017); *««Карета» Тимошенко рискует превратиться в тыкву»* (ntv.ru, 18.10.2015); *«Карета снова сделалась тыквой, лошади – мышами..., а Дед Мороз опять стал обычным углегорским парнем»* (uglegorsk.news, 12.01.2016). В масс-медийном тексте в отличие от сказки, где героиня была предупреждена о подобного вида трансформациях, такое превращение чревато крушением надежд и разочарованием.

Другим частотным сочетанием в текстах СМИ является конструкция **каре́та прошлого**. Впервые данная единица была зафиксирована в пьесе М. Горького «На дне» (1902 г.) в конструкции «В карете прошлого никуда не уедешь». В коммуникации конструкция используется, когда необходимо показать, что новому времени должны соответствовать новые формы жизни, способы действия. В медиатекстах использование данного атрибутивного

компонента апеллирует к характеристике ушедших эпох, обращает внимание на положительные факторы, которые были в прошлом и должны быть актуальны для настоящего и будущего: *«Миграция: в карете прошлого издалека не приедешь. Невозможность обеспечить в обозримом будущем положительный естественный прирост населения России, а тем более восполнить за счет внутренних ресурсов значительную убыль трудовых ресурсов в ближайшие годы, резко повышает значение для страны притока людских ресурсов извне, иммиграции»* (demoscope.ru, 17.04.2010); *««Карета прошлого» становится наиболее востребованным транспортным средством и в России, и в США, и много где еще»* (grey-dolphin, 18.05.2016); *«В карете прошлого – капитализма – от кризиса избавиться невозможно»* (cprfspb.ru/703.html, 11.04.2009); *«В карете прошлого. Если не внести изменения в Трудовой кодекс, он станет тормозом для экономического развития страны российской экономики»* (profile.ru, 23.05.2011).

В медиатекстах находит отражение и полный вариант конструкции *в карете прошлого далеко не уедешь*. Данная конструкция реализуется в своем исходном (*«Большинство людей отдают себе отчет в том, что «в карете прошлого далеко не уедешь»*), но почему-то как только речь заходит об обществе в целом, то эта карета оказывается для многих россиян даже не то что главным, а чуть ли не единственным транспортным средством» (republic.ru/russia, 28.01.2013)) или трансформированном (*Миграция: в карете прошлого издалека не приедешь»* (demoscope.ru/weekly, 18.04.2010); *«В карете прошлого в будущее не въедешь»* (babruysk.by/v, 01.03.2017)) виде. Подчеркнем, что трансформация конструкции приводит к усилению иронического оттенка, определяющего общую модальность текста.

Таким образом, несмотря на малую функциональность *гужевого транспорта* в современном обществе, данный вид транспорта при метафорической экспансии является ценным источником метафорического моделирования. В медиатекстах языковые единицы, объективирующие образ

гузевого транспорта, являются весьма активными (278 единиц), однако менее частотными, чем репрезентанты железнодорожного и автомобильного транспорта. Языковые единицы, объективирующие метафорический образ *гузевого транспорта*, представлены на графике.

Метафорический образ гужевого транспорта в русскоязычных медиатекстах %

Как показал анализ медиатекстов, единицы-репрезентанты могут быть распределены на следующие группы: *транспортные средства* (птица-тройка (38), бричка (29), карета (29), колесница (25), лошадь с телегой (23), телега (18), повозка (16), сани (15)); *составляющие транспортных средств* (хомут (24), колеса (7)); *организация движения* (шлагбаум (32)); *субъекты транспорта*: извозчик (19); *единичные номинации* (3).

Образы, формируемые языковыми единицами, входящими в лексико-семантическое поле «гужевой транспорт» указывают на отсталость,

отсутствие актуальности, невозможность обращения к пройденному сценарию, что характеризует определенные социально-политические ситуации.

Метафорический образ гусеничного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ

В масс-медийных политических текстах все чаще реализуются языковые единицы, эксплицирующие *гусеничный транспорт*. Гусеничные машины представляют собой транспортные средства, которые передвигаются на гусеницах вместо колес. Основные преимущества передвижения на гусеницах перед колесными транспортными средствами заключаются в том, что они пригодны для использования в труднопроходимых местах (грязь, лед и снег), где невозможно передвижение другого вида наземного транспорта. Использование языковых единиц, входящих в тематическую группу *гусеничный транспорт*, связано с мощностью, низкой мобильностью и широким функционалом данных транспортных средств, что коррелирует с состоянием современного политикума: высоким уровнем агрессии, локальными конфликтами, сложностями на межгосударственном уровне и во внутренней политике. Перечисленные факты предполагают использование образных средств, организующих конфликтную заряженность текстов.

Наиболее активной при реализации гусеничного транспорта в масс-медийных политических текстах является лексема *танк*, в денотативном значении определяемая как «бронированная самоходная боевая машина на гусеничном ходу с мощным вооружением».

В контекстах происходит трансформация значения данной единицы с выдвиганием на передний план семантических компонентов 'сила', 'мощь', 'агрессия': «Клинтон – *женщина-танк*, который раскидает всех республиканцев на своем пути» (lenta.ru, 02.07.2015); «Америка – *танк*,

который стремится к мировому господству невзирая ни на политические, ни на экономические препятствия» (m.mignews.com.ua, 11.12.2014).

Образ *танка* в политических текстах реализуется посредством развернутых метафор: *«У Ангелы Меркель предрасположенность к успеху была заложена с самого начала. Она как танк в цветочках. Но это очень маневренный и умный танк, избегающий самоубийственных лобовых атак и непродуманных решений»* (newizv.ru, 23.11.2012). Метафорический образ формируется с помощью наложения коннотативных сем, наведенных контекстным окружением. В данном контексте в ядро значения переходит семантический компонент 'упорство', а атрибутивные конкретизаторы *маневренный, избегающий самоубийственных лобовых атак и непродуманных решений* указывают на позитивную коннотацию конструкции. Другой элемент развернутой метафоры *танк в цветочках* акцентирует внимание на гендерных особенностях и мнимой мягкости действий Канцлера Германии.

Ключевая единица *танк* входит в состав сравнительных оборотов, в которых также реализуются компоненты 'мощь', 'сила': *«Президент катит, как танк»* (ekonomika, 19.08.2015). При описании предвыборной кампании в США (осень 2016 года) в ядро значения включаются компоненты 'упорство', 'мощь', 'сила', подчеркивающие конфликтность при проведении предвыборного процесса в США: *«Кандидат Дональд Трамп мощно ведет дебаты, как танк. Под такой танк лучше не попадать»* (vzglyad-rossiyskih-politikov, 09.11.2016); *«...предвыборная кампания Хиллари Клинтон катится как танк, подминая под себя оппонентов и фабрикуя статистику социологических опросов»* (liveinternet.ru, 17.11.2016).

Весьма характерным для масс-медийных политических текстов является использование устойчивых конструкций с ключевым компонентом *танк*, наиболее активной из которых является конструкция *лечь под танк*. В

денотативном значении ядерным компонентом конструкции является сема 'жертвенность'.

При реализации в контекстах происходит сохранение денотативного значения с наведением ироничной коннотации: «*Тимошенко – единственный политик в Украине, готовый «лечь под танки»*» (m.mignews.com.ua, 19.01.2014); «*Риторика Александра Лукашенко о готовности белорусов **лечь под танки НАТО** давно стала предметом иронии*» (naviny.by, 13.01.2017); «*Минск выставил Москве новый счет за готовность «лечь под танки НАТО»*» (haradok.info, 03.11.2016). Устойчивая конструкция **бросить под танк (танки)** в масс-медийных текстах функционирует в значении «пожертвовать кем-либо наименее значимым для достижения результата». Такие конструкции функционируют в безличных («*Украинцев **хотят бросить под танки***» (old.atn.ua, 02.08.2012) или личных предложениях («*Луганчане **хотят бросить под танки «золотую молодежь»***» (joinfo.ua, 29.01.2015)); «*Президент **бросил** российских олигархов **под танки «Новороссии»***» (svpressa.ru, 05.02.2015); «*Коммунисты решили **бросить под танк Зюганова***» (regnum.ru, 17.12.2013). В масс-медийных текстах происходит расширение конструкции за счет включения адъективов, указывающих на принадлежность «танков»: «*Обаму **бросили под арабские танки***» (izvestia.ru, 25.12.2012).

В медиатекстах происходит сопоставление **танка** как символа военной агрессии и **трактора** как показателя мирных, бесконфликтных политических отношений: «*Лукашенко в Киеве: **на танке или на тракторе?** Одной из ключевых тем переговоров президентов Беларуси и Украины в Киеве станет урегулирование конфликта на Донбассе*» (bbc.com/ukrainian, 20.07.2017).

Сопоставление данных метафорических образов указывает на возможность выбора при принятии политических решений, тонкую грань между началом военных действий и сохранением мира.

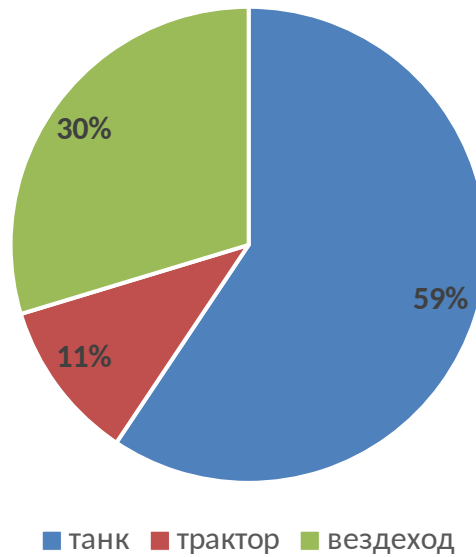
Языковая единица *вездеход*, в денотативном значении определяемая как «автомобиль для передвижения по труднопроходимой местности, по бездорожью», в медиатекстах реализуется в составе сложных слов и устойчивых конструкций.

Первым компонентом сложных слов, в состав которых входит составляющая *вездеход*, являются слова из социально-политической сферы, номинирующие различных субъектов власти: «*Екатерина Курбангалеева: Яблоко – это партия-вездеход, потому что имеет льготы на всех уровнях*» (Актуальные тенденции региональной политики в 2016-2017 гг., 09.12.2016); «*Жириновский – политик-вездеход, который может существовать на политическом Олимпе дольше любых политических лидеров*» (МН, 10.08.2009).

Устойчивая конструкция *зеленый вездеход* в «Словаре современного жаргона российских политиков и журналистов» определяется как «то же, что доллар США» [Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов, 2003] и весьма активно реализуется в медиатекстах: «*Доллар проседает на фоне роста рубля. Зелёный вездеход буксует несмотря на все лелейные условия, которые ему предоставлены*» (economicsandwe.com/today, 18.08.2017).

В масс-медийных текстах языковые единицы, репрезентирующие *гусеничный транспорт*, реализуются на уровне вторичной номинации и несут семантику агрессии, настойчивости, конфликта. Как показал анализ медиатекстов, данные единицы не являются частотными (64 словоупотребления) и включают только названия транспортных средств (см. График).

Метафорический образ гусеничного транспорта в русскоязычных медиатекстах, %

Конфликтность современного общества, возрастающий уровень напряженности приводят к усилению роли языковых единиц, объективирующих гусеничный транспорт и возникновению новых метафорических образов.

Метафорический образ велотранспорта в текстах русскоязычных политических СМИ

Метафорический образ *велотранспорта* в масс-медийных текстах формируется как с помощью свободных конструкций, эксплицирующих образ *велосипеда*, так и через устойчивые конструкции, представленные в контекстах в исходном или трансформированном виде.

В масс-медийных политических текстах *двухместный велосипед* определяется как способ конструктивного взаимодействия, при котором движение может быть успешным только при взаимодействии обоих велосипедистов: «Состояние *двуглавого символа* нашей нынешней власти все

больше тревожит своей полной неясностью, пишет Иван Родин. Ведь всегда считалось, что **тандем – это такой велосипед, который хорошо едет лишь тогда, когда педали старательно крутят оба седока**. Однако в последние дни выкладывается только один из политиков. Президент активно занимается экономикой, причем и текущей, и глобально-перспективной. И политикой, как оперативной, так и очевидно направленной на следующую президентскую легислатуру. Чем только не занимается Премьер, да еще успевает все это комментировать в интернете. А где же в это время находится Президент? **Каков его вклад в работу тандема?** С виду он уже даже **педали вроде как крутить перестал**. Но раз **велосипед едет** и Премьер пока не выдохся, то это значит одно из двух. Или где-то хорошо **запрятан моторчик**, или Президент, **сидя на заднем седле**, вдохновляет Премьера какими-то совсем уж проникновенными словами» (kprf.ru, 19.08.2014).

Политические реалии сравниваются с **движением на велосипеде**, что связано с динамичностью происходящих событий и высоким уровнем концентрации главных действующих лиц: **«Политика чем-то напоминает велосипедную гонку. Нужно все время крутить педали – иначе упадешь, окажешься на обочине и сойдешь с дистанции»** (kommersant.ru, 01.06.2013). При потере внимания **движение на велосипеде** может быть затруднено или закончиться падением: **«Сейчас украинский народ – победитель. Но это как езда на велосипеде, если ты не поддерживаешь скорости при движении вперед – ты падаешь. Так что продолжайте крутить педали, а мы будем помогать, – резюмировал Пайетт»** (obozrevatel.com, 04.09.2015)

В медиатекстах активно реализуется одна из разновидностей велосипеда – **тандем**. В лексикографических источниках тандем определяется как «двухместный двухколесный велосипед». В текстах СМИ участниками тандема являются **политические лидеры** («**Политический тандем Медведев-Володин в действии**» (nstarikov.ru/blog, 26.01.2017);

«Порошенко: **военно-политический тандем Полторака и Климкина** доказал свою эффективность» (unian.net/politics, 14.04.2016); «**Путин и Кадыров – новый правящий тандем?** Рамзан Кадыров начинает играть ведущую роль в политической жизни России» (dw.com, 21.01.2016); «**Прагматика с русским размахом – чем обернется тандем Путина и Трампа для мира**» (riafan.ru, 15.11.2016)); **государства** (*Матвиенко: политический тандем РФ и КНР* вышел на лидирующие позиции в мире (vestikavkaza.ru/news, 19.04.2017); «**Иран-Россия: тандем политический или экономический?**» (МН, 19.10.2016); **субъекты власти** («**Сладкие обещания и горькая правда: тандем власти и оппозиции в Армении**» (eadaily.com/ru/news, 18.03.2017)); **последствия политических действий** («**Разрушительный тандем: цветная революция – гибридная война**» (nvo.ng.ru/concepts/, 24.07.2015)).

Конструкция **крутить педали** в масс-медийном тексте формирует значение ‘упорно работать, чтобы в дальнейшем достичь желаемой цели’: «**Надо еще долго крутить педали, чтоб изменить народ.** Успешные страны прошли долгий путь модернизации, в ходе которого народ трансформировался и принял те ценности, которые раньше ему были не свойственны» (moshekam, 21.09.2016); «**В ближайшие 20 лет России придется постоянно «крутить педали», чтоб не потерять устойчивость, предупреждают эксперты**» (gazeta.ru, 19.02.2012). В отдельных контекстах данная конструкция обозначает определенный вектор движения, приоритетный для развития государства: «**Концепция Путина, или Туда ли крутит педали Украина**» (nosmi.ru, 18.10.2014).

Наиболее активно в масс-медийных текстах реализуется фразема **изобретать велосипед**, определяемая фразеологическими источниками в значении «пытаться придумать новое решение в том случае, когда уже имеется надёжное, проверенное существующее». В тождественном значении происходит реализация данной конструкции и в текстах современных СМИ: «**Система государственного обеспечения лекарственными средствами:**

зачем изобретать велосипед?» (apteka.ua, 18.03.2016); *«Никто не изобретает велосипед, стране сейчас не нужны эксперименты, внедряется уже проверенный успешный европейский опыт»* (fakty.ua, 10.07.2014).

В масс-медийных текстах происходит расширение конструкции за счет следующих компонентов:

1. Включение распространителей-атрибутивов:

1) **Адъективы:** *«Все равно нам придется изобретать свой «велосипед!» Ждать, что европейцы или еще кто-то предложит рецепт, который подойдет именно для Украины, все же бессмысленно»* (svoboda.org, 19.04.2013); *«В Мексике не изобретают аграрный велосипед, а потому много чего импортируют»* (agroportal.ua, 10.01.2013).

2) **Субстантивные сочетания:** *«Не нужно изобретать велосипед с квадратными колесами. Как открыть украинцам доступ к политике, рассказывает замглавы ЦВК Андрей Магера»* (nv.ua, 19.09.2015).

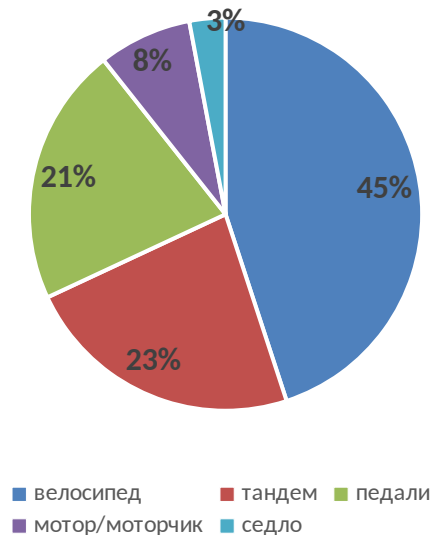
2. **Включение зависимых компонентов с обстоятельственным значением:** *«Зачем Украине изобретать велосипед в информационной войне»* (hvylyua.net, 10.08.2014); *«Изучать опыт других стран нужно, ведь изобретать велосипед смешно. Но невозможно механически применить его к нам. Надеяться на то, что вот то, что получилось у Польши, Чехии, Румынии, обязательно даст позитивный результат у нас, – не стоит»* (delo.ua, 21.04.2015).

Метафорический образ **велотранспорта** не является частотным и включает узкое количество репрезентантов (169 словоупотреблений). Такие единицы формируют пространство политического текста, насыщая его новыми коннотативными особенностями.

Как показал анализ, слова и словосочетания, объективирующие метафорический образ **велотранспорта**, представлены двумя тематическими группами: *транспортные средства* (велосипед (76), тандем (39)) и *составляющие транспортных средств* (педали (36), мотор/моторчик

(13), седло (5)). Степень частотности данных единиц представлена на следующем рисунке:

Метафорический образ велотранспорта в русскоязычных медиатекстах, %

Таким образом, исследование метафорического и метонимического потенциала языковых единиц можно определить как перспективное направление в современной политической лингвистики. Изменение семантики слов и конструкций со сферой-источником *наземный транспорт*, функционирующих в масс-медийных политических текстах, экспликация новых коннотативных компонентов в структуре ключевых единиц приводит к проявлению высокого уровня метафоричности, изменению коннотативного фона и динамике ценностных ориентиров аксиологической шкалы, характерных для современного политического дискурса.

Сфера *наземного транспорта* является ценным источником ассоциирования и представлена языковыми единицами, номинирующими *железнодорожный, автомобильный, гужевой, гусеничный* и *велотранспорт*. Как показал анализ масс-медийных текстов, данная сфера

реализуется в медиатекстах глубоко и полно и представлена широким спектром языковых единиц (более 100 различных номинаций, зафиксированных в более чем 1800 контекстах).

Слова и устойчивые конструкции реализуют свое значение по отношению к политическим событиям, личностям, действиям и ситуациям, государствам и отдельным территориям, недостаткам социально-политического строя. В медиатекстах происходит изменение значений языковых единиц, формирующих новые образы и сценарии. Стилистическая окраска, экспрессивность, метафоричность и полисемантичность слов и конструкций со сферой-источником *наземный транспорт* являются мощным средством влияния на политическую картину мира и дают возможность выявлять ключевые параметры для ассоциирования, формировать в сознании носителя языка необходимое отношение к политической жизни государства и общества.

4.3 Метафорический образ водного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ

Явление метафоризации слов и фразем, репрезентирующих образ «водного транспорта», имеет свою давнюю историю. Ценность и значимость образа *корабля* наблюдается еще в античной культуре и литературе, поскольку именно благодаря кораблестроению были осуществлены географические открытия и территориальные завоевания, налажены торговые и культурные отношения между государствами. Роль *корабля* в античной истории предопределила особенности его художественного воплощения в текстах Библии и древнегреческих мифах. Позитивная коннотация данного образа в культурной традиции определила и особенности фиксации

конструктивных характеристик при моделировании образа *корабля* в медиатекстах. Положительный коннотативный фон образа *корабля*, сформированный в текстах политических СМИ, четко демонстрирует мощь и силу, уверенность в конструктивных перспективах, возможность достигнуть поставленных целей: «ЕС: *корабль конституции смог обойти все опасные рифы*» (www.dw.com, 11.07.2013).

В политическом дискурсе широко реализуются метафоры, отображающие действия, связанные с *управлением кораблем*, что в метафорическом осмыслении означает управление каким-либо государством или регионом. В контекстах не только описывается образ самого *корабля*, но и характеризуется система метафор, представляющая властные структуры в виде иерархии, принятой в морском флоте.

Как правило, в текстах политических СМИ капитаном *корабля* выступает президент, который ведет свой *корабль* к успеху, а пассажирами становятся граждане страны. Ключевая единица *корабль* чаще всего употребляется в словосочетании *государственный корабль*, что в метафорическом осмыслении означает государственный механизм управления во всех сферах жизни общества, некий «механизм» для поддержания власти главы государства.

Подчеркнем, что в медиатекстах с положительной коннотацией данная конструкция является малоактивной. Очевидно, это связано с широким спектром нерешенных проблем в государствах и регионах, нестабильной социально-политической ситуацией, сложностями в налаживании внешнеэкономических отношений. Как правило, словосочетание используется с ироническим оттенком и имеет негативную коннотацию. Особенности фиксации данной конструкции в медиатекстах позволяют выделить доминирующие ассоциативные группы: 1) успешное управление государством в сложных социально-экономических условиях: «*Путин как капитан, ведущий государственный корабль через зону шторма*» (mk.ru, 23.02.2016); 2) попытки решить неразрешимые проблемы государства или

общества: *«Внутриполитический шторм, при котором Путин идёт на выборы. Экономiku штормит, государственный корабль изо всех сил борется с волнами и пассажиров укачивает»* (zavtra.ru, 03.01.2018). Подчеркнем, что в данном контексте под **пассажирами** понимаются граждане страны, которая претерпевает экономические трудности; **шторм** ассоциируется со сложными социально-экономическими условиями, в которых оказалась страна.

Политический дискурс характеризуется многополярностью и многовекторностью, доминированием дискредитирующих характеристик. Как показал анализ медиатекстов, наиболее активно в политических контекстах реализуется образ **тонущего корабля**, который может метафорически объективировать следующие социально-политические объекты:

1) государства: *«Порошенко, который пребывает в состоянии шока после попытки Яценюка покинуть тонущий корабль под названием «Украина», прикладывает все усилия, чтобы вернуть нерадивого премьера»* (Политикус, 24.08.2014); *«Германия – корабль, идущий ко дну»* (rus.delfi.ee, 19.12.2016);

2) политические партии и организации: *«Я [В. Янукович – Н. С.] помню те времена, когда наши оппоненты считали, что мы уже не поднимемся, и решили, что тот корабль, название которого было Партия регионов, уже потихоньку тонет, и кое-кто даже начал с него убегать»* (vssemi.ru, 09.09.2017).

Образ **тонущего корабля** является основой при моделировании метафорических ситуаций. Так, в контекстах фиксируются этапы затопления судна, подчеркивается, что это не одномоментный, а длительный процесс, сопряженный с непониманием на различных уровнях командного состава. Именно этот факт позволяет провести ассоциативную параллель с образом государства, управление которым должно быть согласованным на всех уровнях власти: *«Украина – тонущий корабль с 40 миллионами человек на*

*борту. Правительство Украины не может взять на себя ответственность за положение дел в стране и уже переходит под внешнее управление. Пустые и лживые обещания о построении Европы в Украине более чем за год так и остались витать в воздухе. На практике же ситуация напоминает **наполовину затонувший корабль**, который с каждым новым днем все быстрее погружается в воду, а внутри более 40 миллионов пассажиров, которых власть бросила на произвол судьбы»* (Новороссия.ру, 12.07.2016).

Интегральные компоненты 'направление' и 'движение', характерные для глагольных конструкций с ключевым компонентом **корабль**, характеризуют особенности взаимодействия тех или иных политических субъектов, стремление к сотрудничеству или, наоборот, нежелание конструктивного взаимодействия. При интерпретации образа **корабля** для политического текста характерным является использование глагольных сочетаний *делать разворот, совершать разворот* и лексемы *дрейфовать*. Если первые две конструкции могут иметь как позитивную, так и негативную коннотацию, то лексема *дрейфовать* в медиатекстах имеет только негативную коннотацию. Это связано, на наш взгляд, с особенностями современного политикума: активные действия могут быть оценены по-разному, тогда как пассивность в политике всегда оценивается резко отрицательно: «...*Почему Украина дрейфует от России все дальше*» (newzz.in.ua, 10.05.2013); «*Куда дрейфует корабль именуемый «Украина». Куда ведет нас...*» (Правда, 09.08.2017); «*Политический корабль Европы стал быстро разворачиваться в сторону России*» (gazetaprotestant.ru, 01.03.2016).

Весьма активно в политических текстах реализуется прецедентное высказывание *бегут, как крысы с тонущего корабля*. Источником выражения является старинное морское поверье, согласно которому корабельные крысы предчувствуют кораблекрушение и заранее покидают морское судно [Серов 2005]. В медиатекстах данная конструкция реализуется

в усеченном виде и имеет негативную коннотацию: *«Началось бегство высокопоставленных крыс с тонущего корабля»* (tehnovar.ru, 03.07.2016). В текстах политических СМИ зооним *крыса* весьма активно замещается другими зоонимами: а) грызунами: *«Мыши разбежались! Соратники Порошенко покидают тонущий корабль»* (слово.net, 21.03.2018); б) другими видами животных: *«Кролики бегут с тонущего корабля: Яценюк заявил в Раде, что подает в отставку»* (rusvesna.su/news, 24.07.2014). Отметим, что данное сравнение связано с ироничным прозвищем экс-премьера Украина Арсения Яценюка; в) номинацией группы лиц, объединенной политическими или территориальными характеристиками: *«Украинцы бегут из страны как крысы с тонущего корабля»* (www.politnavigator.net, 31.08.2015); *«Харьковские крысы бегут с тонущего корабля Порошенко. Причем некоторые из них пытаются запрыгнуть на другой корабль, с которого в свое время тоже сбежали, то есть на корабль тимошенковский»* (fraza.ua, 28.01.2019); *«Соратники Порошенко бегут с тонущего корабля»* (Утро, 20.11.2018); *«Когда уходит с корабля крысе, если она капитан?»* (Стена, 07.08.2018).

Для текстов политических СМИ характерно употребление единственного числа ключевого компонента конструкции *крысы бегут с корабля*, не характерного для ее денотативного значения. Важно подчеркнуть, что с изменением числа меняется и семантика выражения, которое становится более персональным: *«Еще одна крыса покинула тонущий корабль [о Надежде Савченко – народном депутате Украины – Н.С.]»* (vchasnik.ua, 28.08.2015); *«Украинская власть «тонет», но народ не даст ни одной «крысе» уйти с корабля»* (obozrevatel.com, 27.09.2016). Становясь основой метафорических сценариев, данная конструкция формирует вокруг себя контекстное окружение и воспринимается не как сиюминутное действие, а как длительный процесс: *«Западные крысы бегут с тонущего американского корабля. В прошлом, во время надвигающегося шторма, флотилии кораблей часто расходились в разные стороны, чтобы*

бороться со стихией один на один. Если конечная точка маршрута была известна, то корабли, те, что выходили из шторма, собирались там. Сейчас страны «западного флота», точно так же расходятся в стороны, не желая отправиться на дно, раздавленными килем американского линкора, который потеряв управление, будет носиться под грохочущем небом мирового политического кризиса. Этот процесс можно назвать и более точно – западные крысы бегут с тонущего американского корабля» (Госновости, 25.07.2016).

Устойчивая конструкция *бунт на корабле*, определяемая в лексикографических источниках как «удивление, выражение несогласия, недовольства со стороны собеседника» [Белянин, Бутенко 1993], в медиатекстах подвергается структурно-семантической трансформации. Так, весьма активно происходит расширение конструкции за счет согласованного или несогласованного определения, характеризующего принадлежность корабля или его название: «*Бунт на корабле НАТО? МИД Германии подготовит новую стратегию отношений с США*» (Пресс, 27.08.2018); «*Терпение лопнуло: Европа подняла «бунт на корабле»*» (Репортер, 31.08.2018); «*...миграционный бунт на корабле Европы: беспорядки в Кале*» (katehon.com, 19.01.2017); «*Бунт на корабле «Европа»*» (Взгляд, 28.08.2018). В медиатекстах происходит интерпретация конструкции: пояснение причины бунта или его содержание: «*Бунт на корабле: политики ведущих стран ЕС требуют отмены антироссийских санкций*» (Русская правда, 11.02.2018); «*Бунт на корабле: ЕС и ЛАГ объединились против США и Израиля. Политика изоляционизма*» (Конт, 19.05.2018).

Другим источником метафоризации в медиатекстах стала известная фраза из манифеста «Пощечина общественному вкусу» (18 декабря 1912 г.). Предложение кубофутуристов «Сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности» давно закрепились в сознании носителей русского языка и стало крылатым. В медиатекстах имена известных писателей XIX века заменяются номинациями, входящими в

различные лексико-семантические группы: а) политические лидеры: «**Сброс либералами Медведева с «корабля современности» сделал приход Путина на третий срок почти неизбежным**» (Газета.ру, 17.10.2011); «**Сбросим Зюганова с корабля современности?**» (Правда, 17.01.2012); «**Для Тимошенко встает вопрос – как сбросить Саакашвили с корабля современности**» (Констант, 13.09.2017); б) политические организации: «**Как Украина решила сбросить Госдуму с корабля современности, но не в реальности**» (Политикус, 20.09.2016); в) государства и их столицы: «**Киев сбросили с корабля истории**» (КП, 21.07.2017); г) денежные единицы: «**Пора уже сбросить гривну с корабля современности**» (16.05.2016, r1afan.ru); «**Доллар скинут с корабля современности. Почти в каждой части света придумали свой путь валютного объединения**» (Утро.ру, 04.02.2009).

Таким образом, слова и устойчивые конструкции, эксплицирующие в медиатекстах образ корабля, реализуют свое значение по отношению к политическим событиям, личностям, политическим действиям и ситуациям, государствам и отдельным территориям, недостаткам социально-политического строя государств.

В медиатекстах происходит изменение значений языковых единиц, формирующих новые образы и сценарии. Стилистическая окраска, экспрессивность, метафоричность и полисеманτικότητα слов и конструкций с ключевой единицей **корабль** являются мощным средством влияния на политическую картину мира и дают возможность выявлять ключевые параметры для ассоциирования, формировать в сознании носителя языка необходимое отношение к политической жизни государства и общества.

При создании конструктивного образа **корабля** активно используется лексическая единица **ледокол**. В политических текстах актуализируются такие семантические компоненты лексемы, как ‘движущая сила’, ‘способность преодолевать сложные препятствия’, ‘мощь’, ‘лидерство’: «**Куда же в действительности отправится ледокол Трамп и кто будет им**

управлять» (Апостроф, 28.01.2017); «Куда плывет Пекинский «ледокол»? О роли Китая в арктической политико-экономической игре» (Столетие, 11.02.2019).

В масс-медийных политических текстах **капитан** представляется лидером, несущим ответственность за вверенное ему судно. При несоблюдении своих обязанностей он подвергает риску всех тех, кто находится на корабле: «**Капитан никогда не покидает тонущий корабль. На прошлой неделе я дважды столкнулся с ситуацией, когда председатель правления уволился из банка за одну ночь**» (ria.ru, 18.05.2015); «**Яценюк похож на капитана тонущего корабля, который перекладывает вину на команду, – нардеп**» (112.ua, 02.06.2015); «**Владимир Литвин: новый капитан тонущего политического корабля**» (pravda.ru, 18.12.2010). Как показывает следующий контекст, социально-политической реальности государство может осуществлять определенные действия без руководства капитана: «**Россия вступает в полосу экономического шторма без капитана за штурвалом**» (oko-planet.su, 17.10.2014).

При реализации в политических текстах лексема **броненосец** (в конце 19 – начале 20 в.: крупный бронированный военный корабль) также приобретает новые оттенки значения и становится символом крепости, нерушимости: «**Министр Обороны Эштон Картер в четверг назвал союз Филиппин со Штатами «крепким как броненосец», чем только породил шутки со стороны американских публицистов на тему «корабля, который пошел ко дну**» (cont.ws, 10.09.2015).

Активными для политического текста являются конструкции **держать курс на..., закрепить курс, менять курс, сбиваться с курса**: «**Киреев: Порошенко, игнорируя Минск, держит курс на войну в Донбассе**» (ФАН, 09.05.2017); «**По словам Петра Порошенко, Украина держит курс на евроатлантическую интеграцию**» (Версия, 01.12.2017); «**Порошенко держит курс на Запад: украинцы выбирают другое направление**» (www.politik.su, 25.08.2018); «**Украина закрепит курс на НАТО и ЕС в**

следующем году – Порошенко» (news.liga.net, 22.11.2018); «Государственный корабль России **меняет курс**» (topcor.ru, 30.05.2018); «Трамп **меняет курс** по Украине. Новый план США» (Корреспондент, 29.05.2017); «Путин: Россия не должна **сбиться с избранного курса**» (Взгляд, 19.12.2017).

Сочетание **быть в фарватере** (кого-, чего-л.) получает в политическом тексте резко негативную коннотацию. Такая коннотация, на наш взгляд, связана с тем, что для демократического общества важным является способность и возможность государства свободно принимать решения и самостоятельно продумывать политические действия. **Фарватер** в политическом тексте представляется не безопасным местом для прохода судна, а сферой влияния более сильного политического субъекта: «Европа по-прежнему плывет **в фарватере** американской политики, как это было в минувшие после Второй мировой войны 70 лет» (eadaily.com, 15.11.2018); «Украина следует **в фарватере** политики США» (UKRLIFE.TV, 10.10.2017); «Реакция стран ЕС подтвердила точку зрения американского президента о безвольной Европе, послушно двигающейся **в фарватере** политики Вашингтона, даже если она явно противоречит их интересам» (spbvedomosti.ru, 12.02.2019).

Конструкция **быть у руля/штурвала** обычно сочетается с лексемами *власть* или *страна*. Как правило, **у руля/штурвала** в политическом тексте находится президент или лицо, возглавляющее значимое политическое подразделение: «Смольный хочет встать **у штурвала**. Власти Петербурга просят у правительства РФ контроль над реками и каналами» (Фонтанка.ру, 23.08.2018); «Олигархи с Уолл-стрит **у штурвала** Минфина» (Крамола, 31.05.2018); «Меркель удержалась **у штурвала**, а Шульца никто больше не видел...» (Лента, 21.11.2018); «Лидер ЛДПР снова **у руля** партии и опять идет в президенты» (КВ, 04.02.2017); «Обама снова встанет **у руля** экономики» (Политика, 08.11.2012); «Тимошенко снова **у руля**» (Сегодня, 19.12.2018).

Метафорический образ *водного транспорта* формируется с помощью ключевой единицы *буксир* (специального каната для транспортировки судов). С помощью такого *каната* политические субъекты, имеющие большую власть, ставят в зависимость от себя более слабых политических субъектов: «*Джордж Буш берет автопром на буксир*» (Лига, 15.12.2010); «*Сечин берет Венесуэлу на буксир*» (svpressa.ru, 18.12.2017); «*Чечня берет Сирию «на буксир»*» (Политобзор, 24.01.2017); «*США: автопром на буксире*» (Новости, 28.04.2009).

Ключевая единица *абордаж*, определяемая как атака корабля противника при непосредственном сближении с ним для рукопашного боя в эпоху гребного и парусного флотов, в медиатекстах реализуется в значении 'атаковать', 'становиться источником конфликта': «*Украинский «shit»: США берут на абордаж армию Украины*» (Военные материалы, 09.02.2017); «*Кресло мэра Калининграда берут на абордаж*» (googleusercontent.com, 04.12.2015); «*Караван мигрантов берет Америку на абордаж*» (mir24.tv, 03.11.2018); «*Жириновский берет на абордаж разрыв Договора о дружбе*» (ik.arhano.ru , 11.09.2018).

Образ *якоря*, активно функционирующий в масс-медийных текстах, прочно вошел в наивную картину мира и является объектом ассоциирования не только в русской, но и в европейской традиций. Так, в «Словаре символов» под ред. Д. Трессидера *якорь* определяется как «надежда, спасение, безопасность, прочность, преданность и осторожность. Христианский символизм якоря произошел как от его формы, так и от его функции» [Трессидер 2008].

Современные лексикографические источники определяют *якорь* в двух значениях: «1. Металлический стержень с лапами, укрепленный на цепи и опускаемый на дно для удержания на месте судна, бакена, плавучего маяка. 2. Часть электрической машины, несущая на себе обмотку (спец.)» [Толковый словарь русского языка 2006], причем образным потенциалом обладает первое значение. Как показал контекстный анализ, метафоризация

происходит с опорой именно на функциональные особенности **якоря**. Так, являясь предметом реальной действительности, **якорь** предназначен для удержания судна на одном месте. В масс-медийных текстах **якорь** прежде всего должен удерживать экономику: *«Привязка курса рубля к корзине валют сыграла роль номинального якоря...»* (tass.ru, 18.02.2015); *«ФРС снимет рубль с якоря»* (Финмаркет, 17.12.2017). Образ, создаваемый посредством ключевой единицы **якорь**, в политических текстах может расширяться с помощью адъективов, что влечет семантические сдвиги: *«Зюганов предложил посадить рубль на «золотой якорь»»* (Правда, 12.12.2016); *«Эффект «кредитного якоря» укрепления рубля»* (economics.studio, 21.10.2010); *«У российского корабля отвалился импортный якорь»* (rg.ru, 16.12.2018); *«Продовольственные якоря держат торговлю»* (www.belmarket.by, 12.03.2017).

Являясь стержневым компонентом конструкции **якорь из будущего**, на уровне вторичной номинации языковая единица **якорь** контаминирует семантические компоненты, входящие в структуру лексем **якорь** (способ удержания наплаву) и **маяк** (вектор конструктивного развития): *«Якорь из будущего. Главная задача российской политической элиты на сегодняшнем очевидном перепутье: попытаться нащупать приемлемый для себя и для страны образ «завтра», который и должен стать тем якорем, который будет удерживать общество от провалов в духе начала 1990-х»* (izvestia.ru, 19.08.2016). Такая контаминированная структура определяет ориентиры современного политикума, основные направления развития государства и общества.

Конструкция **якорь всплыл** в масс-медийных текстах приобретает значение «начало активных действий»: *«Капитан, якорь всплыл! Пока северный сосед бряцает новым железом, готовясь к очередной демонстрации грубой силы, в недрах Министерства обороны созрел гениальный план»* (politics.dirty.ru, 04.05.2016). При реализации данной конструкции обращает на себя внимание значимая функция **якоря** как

символа активных конструктивных действий, направленных против деструктивных решений оппонента.

В масс-медийных текстах *якорь* не только представляется символом стабильности, но и характеризуется как обуза, ограничитель мобильности: «Когда паруса превращаются в якорь, или китайская демографическая ловушка» (geopolitika.lt, 22.04.2013). В некоторых контекстах *якорь* ассоциируется с камнем и представляет собой смертельную опасность: «США – якорь на шее Евросоюза» (ipolk.ru, 12.06.2015).

Конструкция *якорь на шее* апеллирует к устойчивой конструкции «камень на шее», которая интерпретируется как «непреодолимое препятствие, помеха, тяжёлая забота» [Фразеологический словарь русского литературного языка, 2008]. Так, в масс-медийных политических текстах под таким препятствием понимаются социально-политические катаклизмы и непродуманные решения.

Для масс-медийных текстов характерно активное использование конструкции «бросить якорь». Как отмечает Б. Л. Богородицкий, «словосочетание «бросать (бросить) якорь» издавна означает самую привычную для водников операцию, каждое слово в нем имеет свое обычное прямое значение. Но в истории языка словосочетание подверглось переосмыслению, ослабло конкретное значение компонентов, возникло вторичное метафорическое значение – 'обосноваться, остаться постоянно жить на выбранном месте'. При этом переосмысление произошло все в том же профессиональном языке моряков» [Богородицкий 1969, с. 339]. В «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Федорова данный фразеологизм интерпретируется так: «Разг. Шутл. Останавливаться где-либо, устраиваться на постоянное жительство» [Фразеологический словарь русского литературного языка 2008].

В масс-медийных текстах происходит расширение значения конструкции. Так, *бросить якорь* могут конкретные субъекты политики (политические лидеры, партии, государства). При этом происходит

акцентирование внимания не на месте постоянного жительства, а на временной остановке с определенной целью: «Он [бывший сотрудник КГБ – Н. С.] *бросил якорь в Гаване, чтобы шпионить за США*» (ИноТВ); «*Абрамович бросил якорь в Нью-Йорке. Но не для общения с ФБР*» (ria.ru, 26.03.2013); «*Российская оппозиционерка «бросила якорь» в тихой Финляндии «Борец с Кремлем» Васильева запросила политическое убежище в Суоми*» (kompravda.eu, 01.02.2017). Расширение значения устойчивой конструкции *бросить якорь* приводит к появлению семантического компонента 'стабилизация', эксплицированного в следующем контексте: *Рубль может бросить якорь* (hlamer.ru, 12.10.2016). Менее активными являются конструкции с динамичным глаголом «*кинуть якорь*», что в метафорическом значении может интерпретироваться как «временное политическое решение, которое подвергается сомнениям»: «*«Газпром нефть» кинет якорь в портах*» (www.gazprom-neft.ru, 12.03.2016).

Таким образом, в масс-медийных текстах ключевая единица *якорь* реализуется в свободных и связанных сочетаниях, при этом происходит наведение коннотативных сем, участвующих в формировании новых метафорических образов.

В политических текстах активно функционирует языковая единица паруса, как правило, реализуется в составе глагольных конструкций *поднимать паруса, дуть в паруса, надувать паруса, разворачивать паруса*: «*Ветер истории дует в паруса ЕАЭС*» (zonakz.net, 26.10.2017); «*Ветер истории уже не дует в паруса НАТО*» (https://vz.ru, 18.06.2018); «*Янн Зоммер: «Ветер дует в паруса сборной Швейцарии»*» (cont.ws, 25.07.2016); «*Киев поднимает паруса*» (Экономические новости, 12.07.2013); «*«Газпром» поднимает паруса*» (www.fontanka.ru, 02.08.2017). Реже встречается метафорический образ каюты. «*Представление, что «мы в каюте» будем жить хорошо, а корабль, на котором находится эта каюта, пусть тонет», – это иллюзия*» (НГ, 18.11.2009).

В политических текстах активно функционируют конструкции, построенные на основе устойчивых сочетаний *раскачивать лодку, быть в одной лодке, быть за бортом, корабль современности*: «Лидер «УДАРа» может остаться за бортом избирательной кампании» (Факты, 14.09.2013); ««Народный фронт» может остаться за бортом» (www.tvc.ru, 12.11.2014); «Крымские татары могут остаться за бортом Верховной Рады» (blackseafleet-21.com, 23.07.2012); «Коллега Яценюка сообщил, почему Украина должна остаться за бортом ЕС» (ЗН, 31.03.2016); «Президент Украины Петр Порошенко заявил, что не позволит своим противникам «раскачивать лодку»» (tvzvezda.ru, 03.03.2017); «Администрация Порошенко потребовала не раскачивать лодку» (www.politnavigator.net, 13.02.2017); «Гройсман «раскачивает лодку», требуя расширения полномочий перед выборами» (golos.ua, 14.05.2018); «Яценюк об отношениях с Порошенко: Мы плывем в одной лодке и не собираемся тонуть» (gordonua.com, 29.03.2015); «Сядет ли Порошенко в одну лодку с Обамой» (3tv.ru, 29.07.2014); «Россия и Китай снова оказались в одной лодке» (expert.ru, 02.04.2015).

В медиатекстах находят свое отражение конструкции, построенные на основе прецедентного текста «Трое в лодке, не считая собаки» (источник – юмористическая повесть Джерома К. Джерома, 1889 г.): ««Трое в лодке, не считая Парубия». Порошенко хочет объединить БПП и «Народный фронт» перед угрозой урагана «МишЮля»» (Антифашист, 13.09.2017); «Трое в лодке, не считая Порошенко» (newsland.com, 27.08.2014); «Трое в лодке, не считая массовки: кто претендует на пост президента Украины» (РИА Новости, 05.02.2019). Анализ показал, что частотными являются трансформированные контексты «Трое в лодке, не считая собаки» с расширением конструкции и заменой числительного: «Двое в президентской лодке, не считая Зеленского» (Лига.нет, 03.02.2019); «Двое в лодке, не считая Саакашвили» (asn.in.ua, 18.01.2016); «Двое в лодке, не

считая Газпрома: президент Эстонии сделала странное заявление об Украине» (m.znaj.ua, 23.05.2018).

При анализе масс-медийных текстом последних лет интересным представляется метафорический образ *гавани*, которая определяется в лексикографических источниках как «прибрежная часть водного пространства, используемая для стоянки, причала и ремонта судов, а также часть порта как транспортное предприятие» [Толковый словарь русского языка 2006]. В контекстах происходит нивелирование денотативного значения и наведение новых коннотативных сем, формирующих устойчивый метафорический образ. Т. А. Яценко подчеркивает, что «берег, пристань, гавань, маяк – это образное представление спасения, которое и в обыденном житейском, и в духовном жизненном понимании является главной целью человеческих устремлений» [Яценко 2006, с. 373].

Различия в интерпретации и широкий коннотативный фон ключевой единицы *гавань* лежат в основе формирования новых значений, в которых реализуются следующие семантические компоненты:

1. Семантический компонент 'убежище' формирует как пейоративный, так и мейоративный коннотативный фон. Так, с одной стороны, *гавань* представляется местом, где безнаказанно проводятся криминальные действия: «*Кипр давно считается налоговой гаванью для российских бизнесменов*» (www.vegaslex.ru, 03.05.2013); с другой, – становится символом спокойствия политических лидеров, партий, организаций, государств: «*Мэт Ромни ищет в России «тихую гавань»*» (Газета, 03.02.2019); «*На фоне маленькой мировой войны в Сирии и новой холодной войны за Украину Евросоюз выглядит как тихая гавань*» (www.dw.com, 28.10.2015); «*Тихая гавань и гарантия безопасности: экономист оценил «избавление России от диктата доллара»*» (zen.yandex.ru, 26.08.2018); с третьей, – местом для временного комфортного пребывания беженцев: «*Тель-Авив оккупировали беженцы из Южного Судана. Тель-Авив*

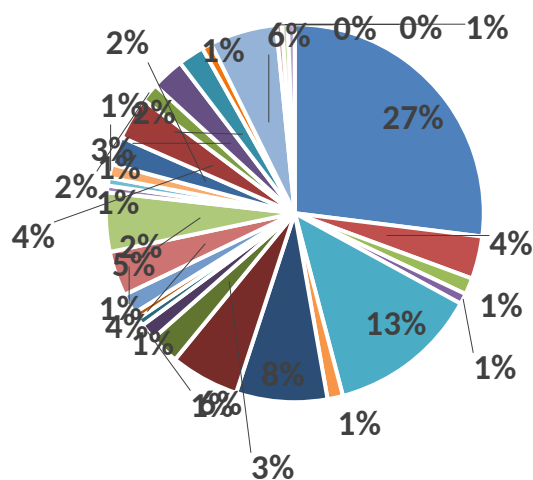
для них **тихая гавань**» (www.vesti.ru, 05.06.2012); «**Англия – тоже тихая гавань, спасение для беженцев**» (tvkultura.ru, 02.07.2016).

2. Семантический компонент 'стабильность', как правило, реализуется в текстах экономического характера и формирует позитивный коннотативный образ: «**Латвия – тихая гавань для НАТО**» (politrussia.com, 25.04.2018); «**Россия – тихая гавань для инвесторов**» (Клерк.ру, 07.07.2018); «**Валюты «тихой гавани» – доллар США, японская иена и швейцарский франк**» (Финновости, 09.08.2017).

Социально-политические и экономические тенденции, характерные для современного общества, определяются совершением активных действий, что обуславливает негативное отношение политических субъектов к бездействию, пассивности, отсутствию динамики. Данный тезис обусловил тот факт, что в масс-медийных текстах ключевая единица **гавань** интерпретируется как **остановка**, нежелательная для экономического или политического развития государства: «**Доллар: «тихая гавань» или уже нет?**» (yurasumy.livejournal.com, 27.09.2015); «**Мир отказывается от золота как актива «тихой гавани»**» (1prime.ru, 19.10.2018).

Анализ политических медиатекстов позволяет говорить как о высокой частотности языковых единиц, составляющих метафорический образ **водного транспорта** (1205 единиц), так и об их широком разнообразии (см. График):

Метафорический образ водного транспорта в русскоязычных медиатекстах, %

■ корабль	■ ледокол	■ ковчег	■ судно
■ лодка	■ шлюпка	■ Титаник	■ Ноев Ковчег
■ летучий голландец	■ ветрило	■ барометр	■ маршрутная карта
■ руль	■ штурвал	■ якорь	■ каюта
■ палуба	■ парус	■ рифы	■ маяк
■ путеводная звезда	■ гавань	■ айсберг	■ пассажиры
■ капитан	■ штурман	■ командный состав	■ ед. номинации

Как показал анализ политических медиатекстов, широкий арсенал языковых единиц, представляющих метафорический образ *водного транспорта*, включает в себя следующие группы: *транспортные средства* (корабль (325), лодка (156), Титаник (94), Ноев Ковчег (71), ледокол (44), Летучий голландец (31), ковчег (17), шлюпка (16), судно (11)); *составляющие транспортных средств* (якорь (61), штурвал (46), руль (21), ветрило (17), парус (14), барометр (8), палуба (8), маршрутная карта (7),

каюта (7)); *организация движения* (маяк (44), гавань (34), рифы (29), айсберг (27), путеводная звезда (19)); *субъекты транспорта* (капитан (69), пассажиры (10), штурман (6), командный состав (6)); *единичные номинации* (7).

Таким образом, метафорический образ ***водного транспорта*** организуется с опорой на большое количество ассоциаций, лежащих в основе наивной картины мира носителей русского языка. Именно данный тезис определяет тот факт, что в процессе метафоризации принимают участие названия транспортных средств («Титаник», «Ноев Ковчег», «Летучий голландец»), специфика функционирования которых будет описана в Главе 5.

4.4 *Воздушный транспорт* как источник метафорического моделирования в политическом тексте

Особенности метафоризации ***воздушного транспорта*** в масс-медийных текстах существенно отличаются от особенностей метафоризации всех других видов транспорта. Так, как показал анализ текстов политических СМИ, названия воздушных транспортных средств на уровне вторичной номинации являются малоактивными и представлены единичными лексемами в единичных контекстах. Данный факт, на наш взгляд, может быть обусловлен следующими причинами:

1. Отсутствием видимых препятствий во время движения.
2. Отсутствием необходимости специально проложенной дороги.
3. Высокой скоростью и, как следствие, быстрым достижением цели.
4. Невозможностью остановки, выхода или изменения маршрута на любом этапе движения.

В современной интерпретации ***воздушный транспорт*** – это понятие, включающее как собственно воздушные суда, так и необходимую для их эксплуатации инфраструктуру: аэропорты, диспетчерские и технические службы и т.д. При описании особенностей языковой реализации ***воздушного***

транспорта в масс-медийных текстах нами были выделены следующие составляющие: *воздушные транспортные средства, составляющие воздушных транспортных средств, авиатранспортные артефакты, субъекты воздушного транспорта, действия и локативы*. Данные единицы представлены в медиатекстах с разной частотностью и отражают реалии современного социополитического устройства.

При описании **воздушного транспорта** обращает на себя внимание низкая активность метафорического использования названий **воздушных транспортных средств** и их функционирование в составе развернутых метафорических образов: *«Американская политика – как самолет, который летит на автопилоте, который был поставлен 30 лет назад»* (КП, 01.04.2016). Подчеркнем, что реализованные языковые единицы номинируют не реальный, а вымышленный воздушный транспорт, изначально относящийся к текстам сказок.

Единицы-репрезентанты сказочного мира организуют яркие и многоаспектные образы, отражающие особенности современного социально-политического устройства. Наиболее характерным для масс-медийных текстов является образ **ковра-самолета** (волшебного ковра, на котором герои сказок перелетают по воздуху в любое место), который транслируется на описание социальных и политических реалий. Так, профессиональные занятия В. Путина спортом стали основой для развертывания следующего метафорического сценария: *«Ковер-самолет. Качества, полученные Путиным в самбо, позволили ему так высоко взлететь»* (novayagazeta.ru, 19.07.2011). В данном контексте происходит игра слов, связанная с трансформацией значения глагола **взлететь** за счет его контекстного окружения. Наложение денотативного значения лексемы **взлететь** (поднявшись, полететь) на значение конструкции **высоко взлететь** (достичь серьезных успехов в карьере) формируют не семантику перемещения в пространстве, а возможность достижения высоких результатов, продвижения по карьерной лестнице.

Невостребованность **ковра-самолета** в современном мире обусловлена невозможностью его адаптации к окружающей действительности, зависимости от большого количества факторов. Данная ситуация транслируется на социально-политическую систему, где достижение высоких результатов зависит от многих факторов: *«Выстроенная система не может ничего. Это как ковер-самолет, беда которого в том, что он летает лишь тогда, когда есть ветер. А система, выстроенная политиком, паразитирует на цене на нефть»* (sobesednik.ru, 13.04.2016).

Обращает на себя внимание национально-культурная специфика **ковра-самолета**, который является приметой восточной сказки. В медиатекстах **ковер-самолет** формирует образ Востока и восточных идеалов: *«Евроигры: ковер-самолет и ножки красавиц. В Баку открылись Первые Европейские игры»* (vesti.ru, 13.06.2015); *«От ковров до самолетов: как американские санкции повлияли на экономику Ирана»* (www.vesty.co.il, 08.08.2018).

Еще одним ярким сказочным образом является образ **Конька-Горбунка**, героя сказки Петра Ершова, который в масс-медийных текстах описывается не как существо, способное быстро передвигаться, а как персонаж, с легкостью исполняющий любые желания: *«Украинская элита принципиально не хочет играть по правилам, ей куда приятнее играть с правилами. При этом от элиты не отстают и украинский народ, который мечтает, чтобы вместо правил ему обеспечили высокий уровень жизни, образования и лечения. Бесплатно. Потому что так записано в Конституции. Вот так и живем – без правил и в ожидании. Вдруг появится Конек-Горбунок и выполнит заветные желания?»* (3rm.info, 19.09.2014).

При описании образа **Конька-Горбунка** характерна и иная интерпретация. Так, внимание акцентируется на его востребованности, уме, способности помочь и посоветовать: *«Если с местом и временем для совершения чуда у нового губернатора [М. Саакашвили – Н.С.] полный порядок, то остается понять, а действительно ли наш герой способен сделать то, чего от него все так ждут? В праздничном наборе героя всегда*

должны быть какие нибудь волшебные вещи. Подойдет и меч-кладенец, и шапка-невидимка, и скатерть-самобранка. На худой конец – **конек-горбунок в качестве хорошего советчика**» (РБК, 15.06.2015). Интересными в массмедийных текстах являются трансформированные контексты, в которых первый компонент сложной номинации **Конек-Горбунок** замещается другим зоонимом **Кролик** (на основе языковой игры, апеллирующей к прозвищу экс-премьера Украины Арсения Яценюка): *«Преддверие Супермайдаана, или Почему убежал Кролик-горбунок»* (Наш век, 26.07.2014). Также языковая игра происходит на основе ассоциации с фамилией губернатора Ивановской области Павла Конькова, назначившего на должность областного депутата Виталия Ильюшкина, который попадает под уголовное преследование: *«Коррупционный конек-горбунок в лесах Ивановской области»* (Компромат, 27.07.2017).

Ключевая единица **автопилот**, входящая в группу *составляющие воздушных транспортных средств*, в денотативном значении определяется как устройство или программно-аппаратный комплекс, ведущий транспортное средство по определенной, заданной ему траектории.

В медиатекстах данная единица реализуется в составе глагольных конструкций, формируя при этом новые образы. Так, конструкция **поставить на автопилот** реализуется в значении «оставить без внимания». Бесспорным при этом является факт, что подобное отношение к политической жизни государства и общества является недопустимым: *«США поставили внешнюю политику «на автопилот»*. Трамп с первых дней своего президентства был вынужден сконцентрироваться на внутренней политике» (aa.com.tr.ru, 29.03.2017); *«Политика безопасности на автопилоте. Имеет ли Норвегия возможность в данной ситуации проводить политику безопасности на автопилоте?»* (inosmi.ru, 25.06.2018).

Глагольные конструкции, в состав которых входят глаголы движения (*лететь на автопилоте, двигаться на автопилоте*), определяют

политические реалии как заранее запрограммированные факты, которые не нуждаются в корректировке: *«Американская политика летит на автопилоте»* (radiovesti.ru, 24.10.2016); *«Ангела Меркель на посту канцлера практически не занималась экономической политикой, предоставив этой сфере развиваться «на автопилоте», однако её преемнику придётся что-то менять»* (russian.rt.com, 07.11.2018).

Расширение глагольной конструкции происходит за счет включения в нее семантических конкретизаторов, выраженных субстантивно-адъективными сочетаниями. При наличии таких конкретизаторов реализуется значение «продолжение бессмысленных действий»: *«Эксполитики призвали Россию и США выключить «автопилот холодной войны». Бывшие дипломаты и военные эксперты призвали обе страны сконцентрироваться на улучшении отношений»* (dw.com/ru, 03.04.2013).

Авиатранспортные артефакты представляют широкий спектр языковых единиц, номинирующих сферу предметов и атрибутов, связанных с воздушным транспортом: *««Титаник» на автопилоте: путь к имиджу Украины лежит через кошельки США. Это, в первую очередь, идея демократов. Они надеются остаться в Белом Доме (неважно, будет это Хиллари Клинтон или Берни Сандерс) и поэтому хотят включить для украинского «Титаника» своего рода автопилот: занимаясь преимущественно избирательной кампанией внутри США, демократы продолжают поддерживать мнение, что Украина идет заявленным путем демократизации, либерализации и западной ориентации. Единственный же кандидат, кто настроен критически по отношению к Украине, – Дональд Трамп»* (https://riafan.ru.26.02.2016).

Наиболее активной лексемой, эксплицирующей *авиатранспортные артефакты* в политических контекстах, является лексема *парашиют*: *«решение политика – это своего рода политический парашиют для мягкого катапультирования из министерского кресла на запасной аэродром»* (Ф, 15.04.2011). В масс-медийных политических текстах *парашиют*

интерпретируется как последний шанс, единственная возможность, упущение которой является необратимой ошибкой: *«Депутаты цепляются за парашют. Экс-парламентарии не отказались от выплат из-за переноса выборов»* (www.rbc.ru, 20.10.2016).

В политических текстах высокой частотностью обладает устойчивое сочетание «золотой парашют» (с англ. – golden parachutes), которое стало применяться в английском языке с 1980-х годов в экономической сфере, обозначая договор с топ-менеджерами компании, которым была предусмотрена выплата значительной компенсации в случае прекращения трудовых отношений по инициативе работодателя.

В политическом тексте в ядерной зоне реализуются семантические компоненты ‘безопасность’, ‘защищенность’: *««Золотой парашют» для Януковича? Если оппонент Януковича во втором туре президентских выборов хотя намекнет на какие-то гарантии, на некий «золотой парашют», он банально потеряет свой электорат – люди просто не придут на избирательные участки»* (3republic.org.ua, 01.07.2013). Отметим, в политических текстах под **золотыми парашютами** понимаются дополнительные материальные блага, ожидаемые современными политиками во время действия их политических полномочий или после завершения политической деятельности: *«Обама готовит себе «золотой парашют». Президент США Барак Обама выступил с инициативой повысить уровень ежемесячных выплат бывшим главам государства. Примечательно, что озаботился этим вопросом политик незадолго до ухода на пенсию»* (dni.ru, 18.03.2016); *«Путин запретил «золотые парашюты» для региональных чиновников. Президент РФ Владимир Путин подписал закон, который ограничивает выплату региональным чиновникам так называемых «золотых парашютов», передает ТАСС»* (mk.ru, 30.12.2015); *«Исламисты в Сирии выдадут Вашингтону «золотой парашют»»* (www.ng.ru/economics, 22.01.2019).

В политических медиатекстах весьма активно реализуется ключевая единица *турбулентность*, в денотативном значении определяемая как «колебания самолета, вызванные вихревыми потоками ветра». В текстах СМИ происходит наведение сем 'беспокойство', 'нестабильность', не зафиксированных на уровне словарных дефиниций: «*Существующее положение дел*» политик связывает с новым витком цивилизационного развития, который *носит характер «турбулентности»*» (hakamada.ru, 25.01.2017); «*Восточная политика ЕС на фоне турбулентности в системе международных отношений*» (minskdialogue.by, 28.02.2017); «*Победа Макрона. Мир ждет сильная турбулентность*» (rian.com.ua, 09.05.2017).

При расширении конструкции за счет адъектива *политическая* наблюдается усиление негативной коннотации и наведение семантического компонента 'опасность'. На наш взгляд, данный факт связан с большой силой политических решений и их ключевой ролью в современном миропорядке: «*Политическая турбулентность в соседних с РФ странах вызывает обеспокоенность*» (tass.ru/politika, 18.07.2016); «*Петр Порошенко: туманное будущее на фоне роста политической турбулентности*» (eadaily.com/ru/news, 21.07.2017); «*Присутствие НАТО в Черном море вызвало политическую турбулентность в Софии*» (bnr.bg/ru/post, 26.02.2017).

При реализации в медиатекстах на уровне вторичной номинации обращает на себя внимание конструкция *мертвая петля*, которая в авиации определяется как фигура высшего пилотажа (полёт по кривой в вертикальной плоскости), впервые осуществлённая русским лётчиком Нестеровым. Такую фигуру способен сделать только высококвалифицированный и смелый лётчик, поскольку, с одной стороны, ее выполнение требует большого профессионализма, с другой, – готовности рисковать. В медиатекстах под *мертвой петлей* понимается серьезный риск, который, в отличие от военных действий и авиационных учений, не всегда является оправданным: «*Мертвая петля российской политики: от Крыма до Сирии*»

(khersonci.com.ua, 19.10.2015); *«Мертвая петля: почему Киев не выполняет парижские обещания по Донбассу»* (politrussia.com/world, 13.10.2015); *««Мертвая петля» российской экономики: что остановит самоликвидацию системы»* (finobzor.ru/show, 29.04.2016).

Весьма активной в политических текстах является конструкция *сбитый летчик* в значении «политик, безвозвратно теряющий или уже потерявший свой статус»: *«Неудачный поход Ройзмана в губернаторы обернулся антипиаром, закрепляющим за политиком имидж сбитого лётчика»* (МН, 27.06.2017); *«Возращение «сбитых летчиков»: зачем Порошенко союз с Тарутой и Тигипко»* (vesti-ukr.com/politika, 30.05.2017); *«Яценюк после отставки. Сбитый летчик или переиграл всех?»* (vesti-ukr.com, 23.05.2016).

Тематическая группа *действия* представлена глаголами *катапультироваться, приземляться, набирать высоту, сбрасывать балласт, сходиться с орбиты*.

Глагол *катапультироваться*, в денотативном значении определяемый в значении «выбрасываться из летательного аппарата с помощью катапульты», в политическом тексте приобретает резко негативную коннотацию и имеет значение «покинуть определенный политический пост под воздействием нежелательных внешних факторов»: *«Вызовы для президента, катапультирование генпрокурора и капризная коалиция»* (unian.net, 04.04.2016); *«Петр Порошенко экстренно «катапультировал» Михаила Саакашвили из Киева в Варшаву»* (Вести недели, 18.02.2018).

В медиатекстах конструкция *набирать высоту* приобретает значение «становиться более ценным» и фиксируется, как правило, в контекстах экономической направленности: *«Биржа: евро продолжает набирать высоту»* (naviny.by/new, 01.08.2017); *«Доллар набирает высоту»* (interfax.ru/business, 01.06.2010); *«Цена на золото набирает высоту»* (news.eizvestia.com, 06.07.2012); *«Цена нефти вновь набирает высоту»* (neftegaz.ru/new, 19.01.2010).

Менее активно данная конструкция реализуется при описании ценности и значимости определенных социально-политических фактов: *«Отечественное авиастроение набирает высоту. Россия интересна миру не только как поставщик сырья»* (ng.ru/economics, 25.12.2012); *««Мотор Сич» набирает высоту: российско-китайское спасение для украинской компании»* (informburo.dn.ua, 14.02.2017).

Современное воздухоплавание, как и много десятилетий назад, активно использует такое средство перемещения, как *воздушный шар*. Если в конце XVIII – XIX веках он использовался как ценное средство перемещения по воздуху, то сегодня *воздушный шар* является прежде всего туристическим развлечением, возможностью интересно провести время. О каком бы этапе развития воздухоплавания ни шла речь, необходимым атрибутом воздушного шара является *балласт* – «дополнительный груз, предназначенный для достижения лучшей устойчивости». При этом «в качестве балласта могут выступать мешки с песком, камни».

В политических текстах данная единица используется в составе конструкции *сбросить балласт* в значении «избавиться от всего лишнего, ненужного». В качестве *балласта* могут выступать *государства* (*«Сбросить балласт: президент Трамп откажется от Прибалтики»* (rubaltic.ru/article, 09.11.2016); *«Сбросив балласт Британии, ЕС может укрепить евроинтеграцию»* (theins.ru/opinions, 24.06.2016)); *элементы экономики* (*«Минфин пытается сбросить балласт в виде долговой нагрузки регионов»* (yktimes.ru/новости, 07.02.2017)); *политические лидеры и организации* (*«...если в следующем году не найдется поводов, возможности хотя бы сбросить балласт в лице Верховной Рады или президента, то тогда возникнет вопрос к концу этого года не о том, что нужно менять власть одного на другого, а вопрос, который назревает и звучит так: «Украина была, есть – но может не быть»»* (liga.net/news, 31.12.2016)); *неактуальные политические решения* (*«Гройсман в Брюсселе: реформа ВР*

позволит сбросить балласт советского прошлого» (rian.com.ua/video, 01.03.2016)).

Конструкция *сойти с орбиты*, характерная при описании космоса, весьма активно реализуется в медиатекстах. Лексикографические источники в первом значении определяют *орбиту* как «путь движения небесного тела или космического корабля». В медиатекстах конструкция *сойти с орбиты* представляется в двух значениях: 1) единственно верный политический путь, отходя от которого политический субъект выбирает заведомо деструктивный вариант развития событий: «*Киргизско-Российские отношения: невозможно сойти с орбиты»* (russkiivopros.com/ruskii, 01.01.2012); 2) уход из-под тотального контроля: «*Сойти с орбиты Кремля. 10 сильных действий в арсенале Лукашенко»* (finobzor.ru/show, 09.03.2017); «*если введут общую валюту, то Россия приобретет новые рычаги, ведь в ее руках окажутся ресурсы РБ и Казахстана. Она и сейчас имеет достаточно влияния, чтобы удерживать эти республики при себе, а при общей валюте и подавно. Так что сойти с этой орбиты станет невозможным»* (belaruspartisan.org/economic, 20.03.2015).

Ключевым локативом, моделирующим метафорический образ «воздушного транспорта», является субстантив *аэродром*, чаще реализуемый в составе устойчивой конструкции *запасной аэродром*.

Запасной аэродром в политических медиатекстах – это альтернативный вариант, которым можно воспользоваться при провале основного: «*«Запасного аэродрома» не будет. О запрете на двойное гражданство»* (news.tj/politics, 06.12.2016); «*власть готовит запасной аэродром во время саммита ЕС»* (news.liga.net, 24.11.2011).

При реализации в текстах СМИ конструкция *запасной аэродром*, как правило, теряет локативную семантику и расширяется субстантивом или адъективом с атрибутивной семантикой, в частности, с семантикой принадлежности. Данные семантические признаки реализуются посредством языковых единиц, входящих в различные парадигмы:

1) Политические лидеры:

А) Имена конкретных политических деятелей: *«Запасной аэродром для Порошенко: прежде всего он бизнесмен, а не чиновник»* (ЗН, 11.11.2012).

Б) Номинации политических статусов и должностей: *«Реформа выборов главы Конституционного суда готовит запасной аэродром для президента»* (yug.svpressa.ru, 19.05.2009).

2) Политические партии: *«Эли Ишай стал «запасным аэродромом» ШАСа. На фоне нового скандала, в эпицентре которого оказался глава министерства внутренних дел Израиля Арье Дери, его партия ШАС начала переговоры с кандидатом на место лидера, а именно – предшественником опального министра Эли Ишаем»* (mignews.com/news, 01.06.2017).

3) Властные структуры: *«Запасной аэродром для власти»* (maxpark.com, 17.05.2012).

4) Государства: *«Запасной аэродром для Украины еще не построен»* (ЗН, 19.09.2016); *«Запасной аэродром Армении: Ереван возобновил переговоры с ЕС об ассоциации»* (КП, 10.02.2016); *«Запасной аэродром Балтийских стран: Дискуссии о грядущем развале Евросоюза заставляют экспертов Балтийских стран искать варианты новых альянсов для своих государств»* (baltic-course.com, 29.11.2010).

5) Политические действия и процессы: *«Референдум – запасной аэродром выборов»* (КП, 16.07.2011).

Языковая единица *курс*, в первом денотативном значении определяемая как «направление движения, путь (корабля, самолёта и т. п.)» реализуется в составе глагольных и номинативных конструкций, при этом в контекстах наблюдается нейтрализация архисемы «средство передвижения».

Глагольный ряд представлен лексемами различного семантического наполнения. Так, функционирование групп глаголов со значением начала действия и его протекания реализуется с сохранением целевого конкретизатора:

1) Глагольный ряд со значением **начала действия** (брать, взять): «*Национальная энергетическая и горная политика Турции **взяла курс на энергобезопасность***» (trt.net.tr/russian, 05.07.2017); «*В Госдуме **берут курс на возобновление контактов с Европарламентом***» (tass.ru/politika, 23.06.2017); «*Трамп устал бояться и **взял курс на Москву**. Президент США начал выполнять свое обещание наладить отношения с Россией*» (svpressa.ru/politic, 07.06.2017).

2) Глагольный ряд со значением **протекания действия** (держат, проводить, сохранять): «*Армия России **держит курс на север***» (radiopolsha.pl/6, 15.01.2015); «*Трамп **проводит более жесткий внешнеполитический курс, чем его предшественник***» (tass.ru/politika, 07.08.2017); «*Гагаузия **сохранит антиевропейский курс***» (jurnal.md/ru, 23.03.2015).

Глагольный ряд со значением **изменения действия** предполагает наличие не целевого конкретизатора, а каузатора, обуславливающего причины и факторы изменения политической ситуации: «*«Ковбойский наскок» Дональда Трампа: президент США **меняет курс из-за отсутствия перспектив***» (mk.ru/politics, 27.04.2017); «*МИД: Россия **не изменит курс под давлением санкций***» (tass.ru/politika, 02.08.2016).

Номинативные конструкции с ключевым компонентом **курс** характеризуют направления политических действий и решений, перспективы современного политикума: «*Политика безопасности: **курс на север***» (old.aartyk.ru/expert, 30.10.2011); «***Курс на север: о чем договорились президент России и премьер Индии***» (rusvesna.su/news, 05.06.2017); «***Курс на север: почему от разногласий США с Мексикой и Китаем страдает Канада***» (repeatme.ru/novosti, 14.04.2017); «***Смена курса: какой должна быть внешняя политика нового президента России***» (rbc.ru/opinions, 22.05.2017); «*В Кремле резко высказались **относительно курса Украины на членство в НАТО***» (tsn.ua/politika, 08.06.2017); «*Единственная реальная политика Кишинева – это **курс на уничтожение ПМР***» (novostipmr.com/ru,

16.05.2017); *«Курс на НАТО: приблизит ли Украину к Альянсу законодательное закрепление стремлений?»* (glavred.info/politika, 12.06.2017).

Знаковые события эпохи формируют новые источники ассоциирования, иные аспекты метафорического моделирования. Так, развитие в СССР космонавтики, полет в космос первого советского космонавта Юрия Гагарина стали одними из ключевых событий XX века, не утратившими своей значимости и в XXI веке. Данный факт при реализации в русскоязычных СМИ подтверждается широким ассоциативным потенциалом языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле «космонавтика». Ключевая единица *космонавт* в денотативном значении определяется как «специалист, совершающий полет в космическом пространстве» [Толковый словарь русского языка 2006, с. 383], «человек, совершающий полет в космос с целью испытания космической техники и ведения научных наблюдений» [Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный, с. 319]. В текстах политических СМИ данная единица реализуется в составе различных конструкций, создавая при этом не совпадающие с лексикографической репрезентацией метафорические образы.

Как показал анализ медиатекстов, наиболее характерным является включение ключевой единицы в состав глагольных конструкций. Так, словосочетание *принимать в космонавты* в политическом контексте реализуется в значении «заключать договор о сотрудничестве между двумя политическими субъектами»: *«Как Порошенко принимал в космонавты Лукашенко»* (ok.ru, 19.08.2017). Подчеркнем, что лексема *космонавт* в свободных сочетаниях является малоактивной, зачастую имеет контекстное окружение, связанное со сферой «космос»: *«Запуск космонавта: новая орбита Яценюка. 2 преля, в день Космонавтики, премьер Украины Арсений Яценюк уйдет в отставку. Он сказал: «Поехали!» и взмахнул рукой. Символично. В воскресенье, в своей традиционной программе «10 минут с премьер-министром» Арсений Петрович вместо того, чтобы рассказывать*

о том, *«как наши корабли бороздят просторы Вселенной», вдруг объявил, что номинируется в президенты Галактики»* (voskhodinfo.su, 11.04.2016). В данном контексте конструкция *запуск космонавта* номинирует планы Арсения Яценюка баллотироваться на пост президента. В этом же контексте лексема *орбита*, определяемая в словарях как «путь движения небесного тела» [Толковый словарь русского языка 2006], интерпретируется как «новая деятельность». Символичной является строка из песни Н. Добронравова и А. Пахмутовой *«Он сказал: «Поехали!» и взмахнул рукой»*, которая в контексте реализуется в значении «отойти от своих обязанностей и обещаний о развитии космонавтики в стране». Под *президентом Галактики* понимается президент страны, которая является авиакосмической державой.

Примечательно, что в текстах политических СМИ именно Арсений Яценюк представляется в образе космонавта: *«Сделав все для стабильности и преемственности курса, заявляю о решении передать обязанности и ответственность руководителя правительства Украины», – сообщил «космонавт» Яценюк»* (voskhodinfo.su, 11.04.2016). Данный факт связан с тем, что именно в День космонавтики А. Яценюк объявил об отставке с поста премьер-министра Украины, что с ироничным оттенком подчеркивается в следующем примере: *«Неужели дата внесения в Раду предложения об отставке [А. Яценюка – Н. С.] – 12 апреля – выбрана неслучайно, и земные широты стали узки председателю правительства Украины Арсению Яценюку, решившему поставить перед собой задачи космического масштаба?»* (www.mk.ru, 10.04.2016). Именно этот праздник определяет выбор контекстного окружения для описания событий, связанных с отставкой премьер-министра: *«Он улетел. Но обещал вернуться. Что ждет Украину без Яценюка. Завтра на Украине появится еще один космонавт – после экс-мэра Леонида Черновецкого, о своем выходе на новую орбиту заявил и премьер Яценюк. «Я принял решение сложить полномочия премьер-министра Украины»»* (www.xx-centure.com.ua, 11.04.2016). Фраза из мультфильма о Карлсоне «он улетел, но обещал

вернуться» в ироническом смысле говорит об отставке премьер-министра, который планирует вернуться в политику, но в другой должности.

В современных медиатекстах **космонавтами** номинируются и другие политические субъекты, что отражено в авторской тематической классификации:

1) сравнения, основанные на внешнем сходстве с космонавтами: *«**Космонавты**» остановили марш сторонников Тимошенко. Из подворотен появляются «космонавты», так на Украине из-за их шлемов прозвали бойцов подразделения «Беркут»»* (www.ntv.ru, 24.08.2011).

2) обещания развивать космические технологии: *«**Космонавт** Порошенко. Порошенко, пытаясь привлечь внимание инвесторов, заявил следующее: «на Украине имеются большие возможности для развития ... авиации, энергетики, космических технологий». Порошенко не сегодня-завтра наверняка объявит, что именно Украина запустила в космос первый спутник и первого космонавта»* (maxpark.com, 01.06.2015); *«**Космонавт** Порошенко и Нобелевская премия мира. Порошенко – космонавт и сверхчеловек»* (<https://www.discred.ru>, 01.06.2015).

3) намерение отправиться на Марс: *«Только в ВИП-зоне: «космонавт»-Жириновский согласился лететь на Марс. Лидер ЛДПР Владимир Жириновский заявил, что готов среди других депутатов при необходимости отправиться в полёт на Марс»* (www.obozrevatel.com, 06.03.2016).

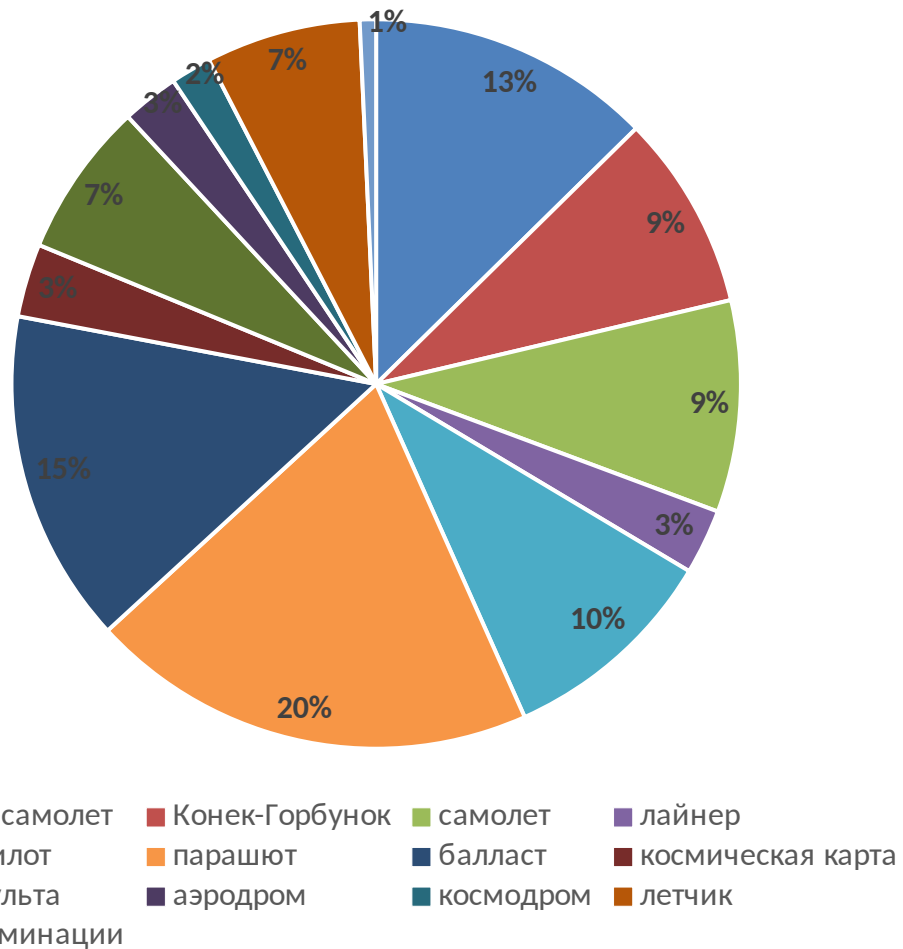
Таким образом, как показывает анализ, ключевая единица **космонавт** в современных медиатекстах реализуется в свободных и связанных конструкциях с изменением своего денотативного потенциала. Образы, формируемые в контекстах, номинируют политических лидеров и иных субъектов, связанных с социальной, культурной и спортивной сферой. В контекстах лексема **космонавт** приобретает мелиоративную или пейоративную коннотацию и участвует в создании новых образов и сценариев, иносказательно отражающих современные реалии.

Языковые единицы, входящие в сферу воздушного транспорта, не являются частотными, что связано с особенностями функционирования данных транспортных средств. Отсутствие препятствий, постоянная высокая скорость, нехарактерные для воздушного транспорта остановки приводят к ограничению использования метафорического образа авиатранспорта в масс-медийных текстах и появлению закрепленных метафорических образов.

Как показал анализ масс-медийных текстов, метафорический потенциал воздушного транспорта является более ограниченным, чем потенциал наземного и водного транспорта (277 словоупотреблений), и имеет свою специфику. С другой стороны, весьма частотными представляются слова и словосочетания, номинирующие составляющие воздушных транспортных средств, авиатранспортные артефакты, субъекты воздушного транспорта, действия и локативы.

Анализ метафорического образа *воздушного транспорта* позволил выделить следующие тематические группы: *транспортные средства* (ковер-самолет (35), самолет (26), Конек-Горбунок (24), лайнер (8)); *составляющие транспортных средств* (парашют (55), балласт (41), автопилот (27), космическая карта (9), катапульта (19)); *организация движения* (аэродром (7), космодром (5)); *субъекты транспорта* (летчик (19)); *единичные номинации* (2). Процентная соотнесенность единиц-репрезентантов отражена на Графике:

Метафорический образ воздушного транспорта в русскоязычных медиатекстах, %

Авторские наблюдения показывают, что языковые единицы, моделирующие метафорический образ *воздушного транспорта*, приобретают позитивную и негативную коннотацию, не связанную с ассоциативным фоном носителя русской лингвокультуры. Являясь самым молодым видом транспорта, *воздушный транспорт* не связан с мифологическими или сакральными представлениями и не апеллирует к мифологизированным событиям. Таким образом, коннотация единиц-репрезентантов напрямую зависит от контекстного окружения и прагматических установок автора медиатекста.

Функционально-прагматические особенности современной публицистики в значительной степени зависят от авторских стратегий и целевой аудитории. Проанализированный нами материал свидетельствует, что чаще всего языковые единицы используются для пародирования атрибутов современной реальности, при этом активно используется их прагматический, парольный, эстетический, экспрессивный, репрезентативный потенциал, а также возможности языковой игры и дополнительной информативности.

Многие из названных функций основываются на оценочности и противоречивости прямого и переносного значений слов, входящих в состав масс-медийных текстов. Проанализированные метафорические образы отражают переосмысление массовой культурой политических реалий, авторитетов, эталонов, формирование образов прошлого, настоящего и будущего. Данный факт формирует образную составляющую масс-медийных текстов и прагматический потенциал газетных статей, представляя политический мир через языковые единицы, входящие в сферу *воздушного транспорта*.

Выводы

В современных масс-медийных текстах наблюдается тенденция к использованию метафор, входящих в лексико-семантическое поле *транспорт*. В данном факте есть определенная закономерность: лексика, используемая в сфере политики, находит свое отражение в ассоциативно-синонимическом ряду слов из сферы, связанной с транспортом, вследствие чего происходит процесс ее переосмысления. Высокая продуктивность

рассматриваемой сферы-источника обусловлена наличием интегрального компонента 'движение', характерного как для транспортной лексики, так и для политических субъектов. Мир политики представляется не только иерархической, но и динамической системой: государства развиваются с определенной скоростью, сталкиваются с различными препятствиями; политические деятели сходят с дистанции или проигрывают в политических гонках; лидеры государств уподобляются мощным и маневренным транспортным средствам, способным перегнать или уничтожить соперников. Эти и многие другие аналогии позволяют описывать политические события через языковые единицы, входящие в транспортную сферу.

Присущие транспортной метафоре синтагматические и парадигматические особенности влияют на широкое распространение описываемого феномена, выступающего в качестве неотъемлемой составляющей коммуникативного процесса в корпусе политических СМИ. Коннотация, детерминированная контекстным окружением и прагматическими установками автора текста, служит своеобразным маркером национального языкового сознания и системы социально-политических ценностей. Образно-ассоциативные механизмы, лежащие в основе коннотации, становятся определяющими при структуризации медиатекста с помощью системы метафор.

В последнее десятилетие в масс-медийных текстах наблюдается расширение арсенала образных средств, несущих негативную коннотацию, что отражает реалии современной социально-политической системы. В объем таких языковых единиц входят, в частности, номинации транспортных средств, обладающих разрушительной силой (танк, бронетранспортер, каток, экскаватор и многие другие). Значимая роль подобных единиц в политических текстах формирует негативный образ современного политикума, подчеркивает несовершенство современной политической

системы. Характерной особенностью медиатекстов является то, что подобные метафоры выполняют оценочно-характеризующую функцию, придают теме текста такую аксиологическую значимость, которая соответствует прагматической установке журналиста.

С помощью семантико-прагматического аспекта исследования были выделены ключевые метафорические образы, характеризующие специфику метафорического смыслообразования и стоящих за ним национального менталитета и особенностей современной политической системы. Метафорические образы, источниками которых являются языковые единицы, входящие в тематическую группу *транспорт*, в данном исследовании были распределены посредством выявления интегральных и дифференциальных компонентов и установления их ассоциативно-образного потенциала.

Анализ языковых единиц, организующих метафорическую модель «политика – это транспортная система», позволил сделать вывод о количественном доминировании метафорических образов, связанных с наземным и водным транспортом (1455 и 1205 единиц соответственно, см. Таблицу):

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ТРАНСПОРТНУЮ МЕТАФОРУ					КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ И ПРОЦЕНТНОЕ СООТНОШЕНИЕ ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА ТРАНСПОРТНЫХ МЕТАФОР	
НАЗЕМНЫЙ ТРАНСПОРТ					1455	49,54
железнодорожный	автомобильный	гуzejой	гусеничный	велосипедный		
624	320	278	64	169		
ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ					1205	41,02
ВОЗДУШНЫЙ ТРАНСПОРТ					277	9,44
ИТОГО					2937	100

Данный факт определяется рядом экстралингвистических факторов. Так, достижение политических целей сопряжено с препятствиями, преодоление которых требует изменения маршрута, дополнительных решений и действий. Семантика «препятствия», значимая для *наземного* (тупик, шлагбаум и др.) и *водного* (рифь, айсберг и др.) видов транспорта, не актуализируется в *воздушном* транспорте, при перемещении которого характерно отсутствие преград. Другой особенностью воздушного транспорта является высокая скорость передвижения, не типичная для современного политикума. Поспешное принятие политических решений может быть деструктивным и привести к политическим столкновениям. Как показали результаты исследования, мелиоративная коннотация в контекстах,

эксплицирующих высокую скорость, является редкой (менее 5 % от общего числа контекстов, эксплицирующих скорость передвижения) и, как правило, реализуется в медиатекстах посредством метафорического образа *ракеты* как символа стремительных изменений и внедрения новых технологий.

Важным является тот факт, что *наземный* и *водный* транспорт могут делать остановки и, как результат, избегать негативных последствий и столкновений. Для конструктивного принятия решений необходима динамика, которая предполагает возможность определенных пауз при обдумывании решений. Безостановочное движение становится причиной достижения «точки невозврата», после которой изменение политических решений будет невозможным.

Одной из важных причин доминирования метафорических образов *наземного* и *водного* транспорта является и тот факт, что *воздушный* транспорт получил свое развитие значительно позже других видов транспортных средств и менее глубоко вошел в мифологический и ассоциативный фонды носителей русской лингвокультуры.

Как показал анализ, при реализации в политических медиатекстах на уровне вторичной номинации наиболее активными являются лексемы *корабль* (325 единиц) и *паровоз* (198 единиц), что связано с разнообразием метафорических сценариев, включающих данные единицы, и глубокими метафорическими и мифологическими корнями образов *корабля* и *паровоза* не только в русской, но и в мировой культурной традиции. Комплексный анализ частотности языковых единиц, объективирующих транспортную метафору в медиатекстах, представлен в Приложении 2 диссертационного исследования. На рисунке размер шрифта коррелирует со степенью частотности языковых единиц в медиатексте.

Вариативность единиц образной системы, репрезентирующих в политических медиатекстах 2009-2019 гг. *транспортную метафору* (127 единиц), и их высокая частотность (2937 словоупотреблений) определяют транспортную метафору как ценный фрагмент в создании современной политической картины мира и позволяют обозначить перспективы исследования политической метафорики в русле когнитивно-прагматической парадигмы.

ГЛАВА 5. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ТРАНСПОРТ» КАК НОСИТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА В МЕДИАДИСКУРСЕ

5.1 Названия транспортных средств как источник прецедентности в масс-медийных текстах

В текстах политических СМИ находят отражение названия транспортных средств, ставших частью языкового и культурного сознания носителей русского языка. Как показал анализ, сферами-источниками таких единиц могут быть исторические факты, художественная литература, библейские и мифологические тексты. В Главе 5 диссертационного исследования проводится комплексное описание прецедентных единиц со сферой-источником «транспорт» как составляющих русскоязычного медиадискурса.

5.1.1 Исторические факты как источник прецедентных номинаций (на примере прецедентного имени «Титаник»)

Одним из ярких примеров употребления прецедентного имени в масс-медийных текстах является оним *Титаник*, апеллирующий к названию британского лайнера «Титаник», крушение которого из-за столкновения с айсбергом стало величайшей трагедией начала XX века. Данная ситуация сохранилась и укрепилась в «культурной памяти» современного общества благодаря выходу ряда художественных и документальных фильмов, наиболее известным из которых стала лента «Титаник» (реж. Дж. Кэмерон), удостоенная самых высоких наград мирового кинематографа. Полнота восприятия и интерпретации данной катастрофы подтверждается тем, что в масс-медийных текстах реализуется не только прецедентное имя *Титаник*,

но и единицы, входящие в прецедентную ситуацию, описывающую его столкновение с айсбергом. Анализ корпуса текстов позволил сделать вывод, что при реализации в масс-медийных текстах наиболее значимыми являются следующие составляющие прецедентной ситуации:

- билет на «Титаник»;
- строительство «Титаника»;
- движение «Титаника» к айсбергу;
- столкновение «Титаника» с айсбергом;
- затопление «Титаника»;
- управление «Титаником»;
- спасение с «Титаника»;
- оркестр на «Титанике».

Представленные фрагменты транслируются на корпус масс-медийных политических текстов и отражают особенности современной социально-политической ситуации.

Конструкция *билет на «Титаник»* реализуется в контекстах в значении «мнимый шанс», «возможность», которая в итоге станет роковой: «Россия – это человек, который покупает билет на Титаник» (uainfo.org, 04.09.2018); «Украина купила билет на «Титаник ЕС»» (www.nakanune.ru, 21.10.2013); «Стариков: Европейский союз для Молдовы – билет на «Титаник»» (noi.md, 06.12.2015). Усиление воздействия происходит за счет включения компонента *последний*, который подчеркивает изначальную несостоятельность покупки билета: «Некоторые утверждали, что Латвия покупает последний билет на «Титаник», другие сомневались в том, что расширение еврозоны происходит своевременно» (www.press.lv, 07.01.2019).

Строительство «Титаника» апеллирует не к историческому факту (в современном массовом сознании нет актуализированной информации о подготовке настоящего лайнера к кризису), а к пониманию перспективы крушения любых действий, связанных со строительством политического «Титаника»: «Порошенко и Яценюк строят политический

«Титаник». Грядущие местные выборы могут принести много сюрпризов» (monavista.ru, 02.07.2015).

Движение «Титаника» к айсбергу показывает обреченность на неминуемое столкновение. Политические лидеры и метонимизированные образы государств, как и капитаны настоящего корабля, долгое время остаются в неведении и не предпринимают попыток к изменению курса: *«Украина – это «Титаник», который идет на айсберг, и теперь главный вопрос: «рванет или нет»* (ЗН, 07.07.2013).

Столкновение «Титаника» с айсбергом, описываемое как уже свершившийся факт, обращает внимание адресата на неминуемые последствия катастрофы. Отметим, что под образом «Титаника» может подразумеваться абстрактная ситуация, государство или политический лидер, а под образом айсберга – социально-политические катаклизмы или опасные политические субъекты: *«Затопит ли «Айсберг» олимпийский «титаник»?»* (www.kpravda.ru, 29.07.2010); *«Россия, как «Титаник», движется прямо на айсберг»* (www.infox.ru, 09.01.2019); *«Нынешний Нацбанк – это Титаник перед столкновением с айсбергом»* (www.economics-progok.com, 09.09.2018).

Образ идущего ко дну «Титаника» в масс-медийных текстах является наиболее частотным и отражает несостоятельность политических решений и действий, приведших к социально-политической или экономической катастрофе: *«Погрузится ли Украинский «Титаник» в бездну?»* (regnum.ru, 29.01.2017); *««Титаник» Порошенко стремительно идет ко дну»* (Политнавигатор, 20.03.2017); *««Титаник» украинской государственности идет ко дну»* (nv.ua, 18.03.2017); *«Блок Порошенко – «Титаник», идущий на дно»* (macfound.ru, 23.10.2015); *«Режим Януковича утонет, как Титаник»* (newsland.com, 09.04.2012).

Капитаном «Титаника», как правило, представляется политический лидер, взявший на себя ответственную в заранее обреченной на неудачу ситуации: *«Капитан тонущего «Титаника»: Главу МИД Украины*

высмеяли за нелепый костюм. Политолог написала, что именно так и должен быть одет **капитан тонущего «Титаника»** – плохо сидящий костюм должен смягчить реакцию народа на то, что корабль идет ко дну, но в аналогии Дьяченко кораблем можно считать Украину» (www.vladtime.ru, 12.06.2018); «**«Евросказки» капитана тонущего партийного «Титаника»**– лидера ПКРМ Владимира Воронина» (actualitati.md, 25.05.2015).

Катастрофа «Титаника» явилась основой для развёртывания метафорического сценария, в основе которого прослеживается отношение политических лидеров к управлению страной, безответственность некоторых политиков и обеспокоенность только своей собственной судьбой: *«Чем дальше, тем больше Украина вызывает аналогий с тонущим «Титаником». То, что украинский корабль **идет ко дну**, увидели многие из его еще недавних **рулевых**. Они потихоньку готовят запасные варианты и запасные аэродромы. Между тем и в **каютах третьего класса** началась паника, и народ массово кинулся к **иллюпкам**. А на **верхней палубе** продолжает играть оркестр и «джентльмены» пьют шампанское»* (russianpulse.ru, 12.04.2018).

Спасение с «Титаника» отражает конфликты современного политикума, прекращение политических или экономических отношений: *«Украина – тонущий «Титаник», а Крым – первая **отчаливающая от него иллюпка с нефтью и газом...**»* (www.panorama.am, 13.03.2014); *«Элита делится на тех, кто **прикован к кремлевскому «Титанику»** и пойдет ко дну вместе с ним – и тех, кто имеет возможность в час **X** **вскочить в спасательную иллюпку и отчалить от борта тонущего корабля**»* (www.1bankrot-59.ru, 06.12.2012); *«Елена Лукаш: Украинская свита **готовится покинуть панамский «Титаник»**»* (Политцентр, 28.09.2018).

В масс-медийных текстах политические организации сравниваются с *оркестром на «Титанике»*, который, как известно, до полного затопления лайнера играл на палубе привычные композиции. Данная ситуация с

положительной коннотацией может отражаться и в политических текстах: *«Я выражаю глубокое уважение тем, кто, несмотря на всю сложность и неопределенность последних событий на Украине, подобно оркестру на тонущем «Титанике», не бежит прочь, а продолжает играть мелодию нетлеющей надежды»* (Ф, 03.03.2014).

Сравнение с *оркестром на «Титанике»* расширяет смысловую функцию в восприятии данного сообщения адресатом, где преобладает отрицательная коннотация: *«ЕС – это оркестр на тонущем «Титанике»»* (Телезвезда, 10.02.2016); *«Украина напоминает «Титаник», который тонет. Зато оркестр играет 75% украинской музыки»* (www.kharkovforum.com, 06.06.2016).

В текстах СМИ коридоры политических организаций могут сравниваться с *палубой на «Титанике»*: *«По словам Александра Вилкула, «коридоры и кабинеты Кабмина и Верховной Рады превратились в палубу «Титаника»»* (Вечерний Харьков, 25.05.2018). Развертывание контекста объясняет подобное сравнение тем, что *«бывшие партнеры строят козни друг другу и поливают «соратников» грязью. Готовы на любую ложь, на любую подлость, чтобы их не смыло волной новых выборов и не пришлось отвечать за содеянное»* (там же).

На основе метафорического переноса «политический субъект – это Титаник» оформляются различные метафорические модели, построенные на сравнении с Титаником политических процессов и государств: *«Россия атакует Запад и «Титаник» начинает тонуть... Ситуация в мире меняется и вовсе не в пользу тех, кто долго считал себя привилегированной частью цивилизации. На «Титанике» пока нет паники, лишь команда бьет тревогу и ведет борьбу за корабль. Играет оркестр и высокомерные пассажиры вовсю веселятся. Но в борту уже зияет пробоина, а вокруг грозно гудит океан...»* (x-true.info, 25.01.2015).

Таким образом, в структуре и семантике прецедентного имени «Титаник» нивелируется денотативный ядерный компонент 'корабль' и

объективируется коннотативная сема 'катастрофа', обусловленная аллюзией к историческому факту. Глубокое проникновение данного образа в национальное сознание и широкий ассоциативный фон связаны, среди прочего, с мировым кинематографом, сохранившим память о крушении лайнера в русской языковой картине мира.

5.1.2 Художественная литература как источник прецедентных номинаций (на примере прецедентного имени «Птица-тройка»)

В художественном тексте (поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»), отраженном в языковом опыте носителя русского языкового сознания, *птица-тройка* символизирует Россию, при этом в медиатекст данный образ транслируется с новыми коннотациями, расширяя спектр своих значений: в отдельных контекстах нивелируется сема 'стремительность движения' и актуализируются компоненты 'власть', 'движущая сила'. Кроме этого, зачастую денотативный аспект при текстовой реализации нивелируется и доминантой конструкции становится числовой компонент. Подчеркнем, что все образы, формируемые рассматриваемой единицей, являются трехкомпонентными, и именно наличие трех составляющих в тексте предполагает ассоциирование с гоголевским образом.

Бесспорно, *птица-тройка* в текстах политических СМИ – это не повозка с лошадьми, а три политических субъекта (реже – объекта), объединенных определенными действиями. Данные субъекты не являются однородными и входят в различные парадигмы:

1) **Политические лидеры:** «*«Птица-тройка» рвется в Елисейский дворец. На минувшей неделе три кандидата в президенты Франции защищали интересы Кремля*» (ovayagazeta.ru/articles, 27.03.2017); «*Асанж, Трамп и Путин: Птица-тройка нашего мира*» (obzor.press/press, 01.08.2016); «*Птица-тройка и «тройка» Евросоюза. Россияне склоняются к*

большему прагматизму и отказу от иллюзий в отношении Евросоюза. Еще не отметившему первые «сто дней» на посту министра иностранных дел РФ Сергею Лаврову, прибывающему сегодня вечером в Дублин на встречу с «тройкой» лидеров Евросоюза, едва ли предстоит сугубо ознакомительная, «пристрелочная» беседа» (trud.ru/article, 13.04.2014).

2) **Политические партии:** *«Птица-тройка: Но только три из них – «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР – примут участие практически во всех выборах»* (samarade.biz, 09.02.2006); *««Птица-тройка» обогнала губернатора. «Единая Россия» определилась с тремя кандидатами, которые будут представлять партию на выборах в Госдуму»* (47news.ru, 24.09.2011); *«Птица-тройка: – «Единая Россия» определилась с первой тройкой на выборы в Госдуму Ижевска»* (Сусанин, 27.05.2015).

3) **Государства:** *«Россия как «птица-тройка»* (Наблюдатель, 25.10.2013).

4) **Политические документы:** *«Птица-тройка. Как известно, на столе у президента – три документа. Один написан в правительстве, как утверждают, главным образом, в Минэкономразвития и в Минфине; второй – в Центре стратегических разработок Алексея Кудрина; третий – в Столыпинском клубе Бориса Титова»* (mk.ru/economics, 06.06.2017).

5) **Национальная символика:** *«Флаг России: Русская Птица-Тройка против западного беса»* (ЗН, 14.03.2012).

6) **Источники политической нестабильности:** *«Если посмотреть многочисленные ток-шоу на российском ТВ, то можно подумать, что Россия граничит с Сирией, Украина – внутренняя российская территория, а Президентом нашей страны стал Дональд Трамп. Сирия, Украина, Трамп – вот «птица-тройка», на которой катает российских телезрителей российское начальство»* (echo.msk.ru, 02.02.2017). Подчеркнем, что в данном контексте в один ряд поставлены две страны и президент третьей. Данный факт обусловлен тем, что, по мнению автора медиатекста, в первых двух случаях источником политической нестабильности являются социально-

политические и военные конфликты в Сирии и Украине, а в третьем – особенности правления президента США.

Ряд метафорических конструкций построен по модели тождества, где под первым компонентом понимается определенный объект, отождествляемый с *птицей-тройкой*: *«Будущее мировой экономики – это русская «птица-тройка»»* (newsland.com, 23.03.2017).

В медиатекстах *птица-тройка* представляется символом не России, а русского народа, который наделяется определенными национально-специфическими характеристиками. Так, прецедентное высказывание «русские долго запрягают, но быстро едут» в медиатекстах контаминируется с образом *птицы-тройки*, формируя новый ассоциативно-прагматический образ: *«Русский народ долго терпит и долго запрягает, но никому не стоит оказываться на пути у «птицы-тройки». Почему-то наши враги все время забывают, что у русских есть хорошая традиции заканчивать войны в столицах своих противников»* (ria.ru/interview, 02.06.2014). Русский народ в данном контексте представляется терпеливым, но решительным, способным к активным действиям при определенных ситуациях. В таких случаях движение к цели происходит без учета находящихся на пути препятствий: *«Впереди бетонная стена, на которую летит «птица-тройка»»* (argumentua.com, 04.01.2015).

В масс-медийных текстах *птица-тройка* входит в состав риторического вопроса *Куда несёшься (мчишься) ты, птица-тройка?* (отрывок из 11-ой части поэмы «Мертвые души»: «... Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? [...]. Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься?»).

Данный фрагмент контаминирует риторические вопросы из лирического отступления в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». Такой вопрос, как правило, ставится в сильную позицию текста – заголовочную зону, при этом в контексте статьи проводится рассуждение на заданную тему: *«Куда ты мчишься, птица-тройка? Сейчас новые союзники*

прилагают все усилия, чтоб убедить Тегеран одобрить план Москвы и Анкары. Если это им удастся, то уже на Старый Новый год переговорщиков примет Астана... И вот уже мчится птица-тройка из трех Сирий – Сирией вороной, Сирией гнедой и Сирией каурой – с кучером-Асадом да с лихими ездоками: Путиным, Эрдоганом и аятоллой Хаменеи» (fakeoff.org, 29.12.2016); «*«Гуманитарная помощь» США Грузии – «Птица-тройка, куда несешься...»*» (Форум, 19.08.2008); «*Экономический путь России: куда несешься ты, «птица-тройка?»*» (Омск, 25.04.2012). Менее активно происходит расширение данной конструкции за счет конкретизаторов: «*Куда несешься ты, «птица-тройка» Украина?»*» (politiko.ua, 22.03.2014).

Данный метафорический образ в масс-медийных текстах является настолько ярким и глубоким, что способен трансформироваться в метафорические сценарии. Подобные сценарии представляют собой контаминированный текст, построенный на основе сопоставления гоголевского текста и интерпретации автора медийной статьи: «*Россия как «птица-тройка». Великий русский писатель Н.В.Гоголь сравнил Россию (Русь) с птицей-тройкой, «бойкой, необгонимой», которая несётся неведомо куда, не давая ответа. Мне тоже представилась современная Россия в виде тройки лошадей, и при этом возникли вопросы, сравнимые с теми, которые мучили Гоголя в середине 19-го века. Тройка «лошадей» возникла в моём воображении в виде Государственной думы, Совета Федерации и Правительства, а на место возницы я посадил Президента. В санях или, точнее, в четырёхколёсной телеге, я представил российский народ, который от долговременной езды на этом транспорте изрядно подустал – уж слишком много на жизненной дороге ухабов и неожиданных поворотов»*» (nabludatel.ru/news, 25.10.2013).

Таким образом, комплексный анализ медиатекстов позволяет представить динамичную организацию ассоциативного поля *птица-тройка* и выявить его семантико-грамматические и функциональные особенности.

Проанализированный метафорический образ отражает переосмысление массовой культурой политических реалий, авторитетов, эталонов, формирование образов прошлого, настоящего и будущего. Данный факт формирует образную составляющую масс-медийных текстов и прагматический потенциал газетных статей, представляя политический мир через национально-специфические языковые единицы.

5.1.3 Номинации мифических кораблей как источник прецедентности (на примере прецедентного имени «Летучий голландец»)

В основе образа *«Летучего голландца»* лежит голландская легенда о моряке, который в страшную бурю дал себе слово обогнуть мыс даже в том случае, если для этого ему потребуется целая вечность. Легенда гласит, что небеса услышали его и наказали за гордыню тем, что моряк был обречен на вечные скитания по морям на своем корабле в поисках берега, к которому никогда не сможет причалить.

Первое упоминание о *«Летучем голландце»* появилось в книге «Путешествие к Ботаническому заливу» (1795), приписываемой известному в то время лондонскому вору-карманнику Джорджу Баррингтону. Более широкую известность легенда получила благодаря немецкому поэту Генриху Гейне, который впервые упомянул о *Летучем голландце* в «Путевых картинах» («Северное море, остров Нордерней», 1826), а затем в повести «Из мемуаров господина фон Шнабелевского» (1834), который обработал легенду в иронической манере. Легенда о *Летучем голландце* популярна и в художественной литературе, которая описана такими знаменитыми авторами, как: Фредерик Марриет в романе «Корабль-призрак» (1839), Николай Гумилёв «Но в мире есть иные области...» из цикла «Капитаны», IV (1909), Александр Грин «Капитан Дюк» и др.

В качестве аллюзии устойчивое выражение *«Летучий голландец»* часто использовалось в кинематографе. Данное название носили такие известные киноленты, как фильм Владимира Вардунаса, снятый на ялтинской киностудии «Фора-фильм» (1990), картина голландского режиссёра Йоса Стеллинга «Корабль-призрак» (1995). Кроме этого, образ *летучего голландца* представлен в американском фэнтезийном фильме «Пираты Карибского Моря: Сундук мертвеца» (2006).

Широкая известность легенды привела к тому, что название *«Летучий голландец»* стало именем нарицательным. Во время американской гражданской войны *«летучим голландцем»* прозвали XI корпус Поттомаской армии за его бегство в сражении при Чанселорсвилле. Еще одним примером могут послужить прозвища известных футболистов: «Летучим голландцем» называли нападающего сборной Голландии Йохана Кройфа за его скорость или Денниса Бергкамп, которого называли «Нелетучий голландец» из-за его аэрофобии.

В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» под ред. В. В. Серова *летучими голландцами* иносказательно и с ироничным оттенком называют непосед-путешественников [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений 2005, с. 302]. В словаре «Крылатые слова» под ред. Н. С. Ашукина *летучими голландцами* называют непоседливых людей – «летунов», а также постоянных скитальцев [Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения 1987, с. 186].

Интересным представляется ироническое сравнение номинации *летучий голландец* с названием яхт или других судов, принадлежащих чиновникам или политическим лидерам: *««Летучий Голландец» Виктора Януковича. На Рублевке одной из самых обсуждаемых тем последнего времени является судьба яхты экс-президента Украины Виктора Януковича. После того, как Янукович обосновался в Барвихе в поместье за 40 миллионов долларов, в одном из водоемов была замечена и его шикарная яхта»* (rutelegraf.com,13.04.2018). В данном контексте иронический оттенок

достигается посредством актуализации семантического компонента 'внезапное появление', характерного для мифологического образа корабля и неожиданно появившейся яхты экс-президента Украины.

Еще одной характеристикой **корабля-призрака** является его способность не только появляться, но и внезапно исчезать, что также широко представлено в текстах СМИ: *«Вспомнить все, или Летучий Голландец ИГИЛ. Итак, на повестке дня ИГИЛ! Когда мы впервые узнали о нем? Почему на протяжении периода, прошедшего с момента его появления в информационном поле, а это уже более полутора лет, он напоминал «Летучего Голландца»: то возникал, то снова исчезал? И каким образом его возникновение и исчезновение были связаны со страной, которая, казалось бы, никоим боком к ИГИЛу в частности и к Ближнему Востоку в целом не относилась – с Украиной?»* (politikus.ru, 15.09.2015). Другим примером аллюзии, связанной с появлением и исчезновением **летучего голландца** может послужить контекст, в котором выражено опасение появления военных кораблей: *««Летучие голландцы» у сирийских берегов. В последнее время, с подачи арабских СМИ, курсировал устойчивый слух о каких-то трёх российских военных кораблях у берегов Сирии, на базе в Тартусе. Китайский репортер Ли Мингбо решил проверить и опубликовал статью о российской военно-морской базе Тартус в Сирии, сообщив, что не обнаружил ни одного российского военного корабля»* (stlynx.livejournal.com, 11.06.2017). Отметим, что в данном примере номинация **летучий голландец** употребляется во множественном числе, что меняет восприятие денотативного значения конструкции **летучий голландец** – корабль из морской пучины, обладающий способностью появляться и исчезать. В контексте под **«Летучим голландцем»** понимаются корабли, появление которых ставится под большое сомнение.

Как известно, в русском языковом сознании **Летучий голландец** закреплен как потерпевшее крушение судно, плавающее без экипажа. В связи с этим в массмедийных текстах частотными являются примеры, в которых

похожая ситуация описана с оттенком иронии. Иронический эффект достигается за счет сравнения *летучего голландца*, который, как известно, был огромным величественным кораблем-призраком с черными парусами, поднятыми даже в самую страшную бурю, с обычной надувной лодкой или кораблем, который очень долго дрейфует на месте: «*В Херсоне объявился «летучий голландец»*. К здешнему причалу № 3 прибило надувную лодку с мотором, но без людей на борту» (www.t.ks.ua, 28.08.2017); «*«Летучий Голландец» украинского оборонзаказа. В водах Персидского залива около шести месяцев дрейфует корабль, на борту которого находятся около полусотни бронетранспортеров, которые должна была поставить в Ирак Украина»* (Новости мира, 02.10.2013). Не менее частотными являются примеры, в которых актуализируется семантический компонент 'отсутствие экипажа'. Данная идея также апеллирует к мифу о корабле-призраке, который плавал без экипажа: «*В Киеве по Днепру плавал неуправляемый «Летучий голландец» без экипажа. На Днепре вблизи острова Жуков село на мель судно «Капитан Остапенко»»* (Вести, 20.11.2013): «*У берегов Балтийска обнаружили «Летучий голландец»*. В акватории Балтийского моря недалеко от города Балтийск корабль Минобороны перехватил подозрительную яхту без людей на борту» (Взгляд, 11.10.2017).

Интересным для наблюдения является описание выражения *летучий голландец* как двухкомпонентной конструкции (адъектив + субстантив, где в денотативном содержании адъектива «*летучий*» уже заложена вторичная номинация – «способный быстро перемещаться, передвигаться» [Толковый словарь русского языка 2006, с. 412]. Отметим, что в массмедийных текстах образ *летучего голландца* зачастую представлен в значении, определяемом как «способный летать, носиться в воздухе» [Толковый словарь русского языка, с. 412]. Такое значение характерно для номинации *летучий голландец* не в качестве морского, а в качестве воздушного транспорта: «*Летучий голландец из ЦРУ. Неудобные факты крушения малазийского*

Боинга» (<https://pandoraopen.ru>, 03.10.2014). Данный пример представляет собой аллюзию на таинственность исчезновения *Летучего голландца*, с которым сопоставляется загадочное крушение малазийского Боинга, о причинах которого эксперты спорят до сих пор. Другими примерами использования номинации *Летучий голландец* в качестве обозначения воздушного транспорта могут послужить следующие контексты: *«Летучий голландец в российском небе. В воздушном пространстве Тюменской области возникла нештатная ситуация»* (www.mk.ru, 02.09.2009); *««Летучий Голландец» уникальный случай в авиации. С голландской базы Сустерберг перехват попыталась осуществить пара американских истребителей F-15»* (НГ, 18.09.2015). В данных случаях названия определяются местом расположения авиационной базы – голландская база. Отсылка к месту описываемых действий представлена также следующими примерами: *«Летучий голландец. Кто и зачем организовал антиукраинскую кампанию перед референдумом в Нидерландах»* (zerkalo.mk.ua, 12.09.2016); *««Летучий голландец» в степях Украины: странности украино-голландской «дружбы». Визит премьер-министра Украины Николая Азарова в Нидерланды в середине сентября этого года закончился довольно неожиданной договоренностью о сотрудничестве украинских и голландских судостроителей»* (Око планеты, 24.09.2013).

Несмотря на то, что в культурной традиции под *летучим голландцем* понимается корабль, в медиатекстах он может быть представлен и автотранспортом: *««Летучий Голландец» с задержанными на борту обреченно кружит по Петербургу. Больше трех часов бороздит просторы Петербурга автобус с задержанными на Марсовом поле и не может найти пристанище. Во всех отделах полиции ему отказывают в гостеприимстве»* (www.fontanka.ru, 12.06.2017). Ироническое название, вероятно, автобус получил в связи с длительными блужданиями в поисках вакантного отдела полиции, в котором приняли бы протестующих.

Известно, что украинская постановка оперы Р. Вагнера «Летучий голландец» стала уникальным международным проектом. Премьера спектакля состоялась 8 декабря 2012 года в Донецком оперном театре в честь юбилейной годовщины композитора. В связи с этим фактом актуальным стало сравнение потерпевшего крушение малазийского Боинга с нашумевшим спектаклем: «*«Летучий голландец» в степях Украины. Почему именно «голландец», а не «малазиец» я постараюсь объяснить в рамках своей версии. История с малазийским Боингом все больше и больше начинает напоминать хорошо режиссированный спектакль»* (alternate-politics.info, 24.07.2014). Выход спектакля вызвал интерес СМИ, что активно отражается в массмедийных текстах: «*«Летучий голландец» вызвал бурю. В Донецке поставили оперу Рихарда Вагнера»* (Коммерсант, 17.12.2012); «*«Летучий Голландец» под украинским флагом. Гастрольное турне Донбасс Оперы выходит на финишную прямую»* (НГ, 26.09.2013). В следующем контексте происходит трансформация первого компонента конструкции *летучий голландец* (замена другим адъективом) с целью подчеркнуть место, в котором состоялась премьера оперы, а именно – Донецкий оперный театр: «*«Донецкий «Голландец». Большие деньги и высокие ноты. Во Львове, Одессе и Киеве прошли гастроли «Донбасс Оперы» (художественный руководитель Вадим Писарев) с амбициозным международным проектом – оперой «Летучий Голландец»»* (zn.ua, 04.10.2013).

Интересным является факт, что выражение *летучий голландец* стало нарицательным именем для универсальных десантных кораблей типа «Мистраль»: «*Мистраль – Летучий голландец глобальной политики. Отношения России и Франции в обход НАТО»* (public.wikireading.ru, 06.08.2016). Считается, что корабли этого типа способны выполнять несколько задач: десантировать на сушу моторизованные воинские части, принимать и обслуживать боевые вертолёты, быть командным центром и плавучим госпиталем.

В массмедийных текстах происходит переосмысление образа *Летучего голландца* в зависимости от описываемых актуальных событий. Так, как известно из легенды, *Летучий голландец* ходил по морскому дну и редко выныривал из морской пучины. Именно этот факт и стал причиной ассоциирования: *«Летучий голландец по-украински. Секретное казино скрывают в море»* (ubr.ua, 01.04.2010).

Пребывание на «Летучем голландце» политического лидера отражает веру в новую реформу, надежду на возрождение боевого потенциала флота, возобновление финансирования: *«Порошенко на «Летучем голландце»: каким станет украинский флот после реформы»* (rueconomics.ru, 03.07.2016). В медиатекстах фиксируется не только пребывание президента на борту *«Летучего голландца»*, но и умение политического лидера самому «превращаться» в *Летучий голландец*, что объясняется такой же способностью исчезать: *«Мы понимаем, что Виктор Андреевич [В.А. Ющенко – экс-президент Украины – Н.С.] превратился в такого себе летучего голландца в море, который уже потерял всякую репутацию в рядах демсил и поэтому сейчас и начинаются такие переговоры, чтобы объединиться под крылом одного блока всем демсилам, – резюмировал В.Писаренко»* (sensor.net.ua, 12.09.2014).

Таким образом, метафорический потенциал образа *Летучего голландца* при его репрезентации в текстах СМИ расширяет и дополняет систему образных средств, влияющих на прагматический потенциал медиатекстов. Медиатексты транслируют образ *летучего голландца* не только в значении, закрепленном в русском языковом сознании, но и на уровне вторичной номинации, включающей семантические компоненты 'внезапное появление', 'внезапное исчезновение', значимые как при характеристике корабля-призрака, так и при актуализации различных политических действий или событий.

Ассоциативный потенциал номинации *Летучий голландец* экстраполируется на различные культурные и политические реалии, что

позволяет данному образу получить высокую степень распространенности в массмедийных текстах. Подобного рода взаимопроникновение культурной и политической сфер позволяет выявить семантико-прагматический и ассоциативный фон прецедентной номинации *Летучий голландец* в русскоязычном медиадискурсе, привлечь внимание к значимым социально-политическим реалиям и культурным событиям.

5.2 Песенный дискурс как источник метафоризации транспортной лексики в русскоязычных политических СМИ

Песенный дискурс, аккумулирующий общественно-исторический опыт, систему ценностей определенного народа, а также события, значимые для мира в целом, является ценным источником метафоризации и имеет свою национально-культурную специфику. Особое внимание в диссертационном исследовании уделяется образу потенциалу русскоязычного песенного дискурса, в частности, корпусу текстов, прямо или косвенно связанному с лексико-семантическом полем *транспорт* и включенному в контексты медиадискурса.

Как показал анализ медиатекстов политической направленности, наиболее активно в текстах СМИ реализуются фрагменты песен, связанных с воздушным транспортом. Выход в открытый космос для всего цивилизованного мира и, в частности, СССР, был таким значимым событием, что нашел отражение в большом количестве советских песен.

Интересным примером активного использования песен о космосе в медиатекстах служит песня В. Войновича *«Заправлены в планшеты космические карты»* (слова – В. Войнович, музыка – О. Фельцман), которую также считают гимном космонавтов. Второе название песни «14 минут до старта», которая вносит разъяснение в смысл текста. Благодаря широкой

популярности композиции, активной в медиатестах становится и строка «Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды...».

Так, конструкция «**Заправлены в планшеты космические карты**» в медиатекстах реализуется при характеристике следующих ситуаций:

1) описании космической техники: «**Заправлены в планшеты космические карты...60-ые коды, первые шаги в космосе, человечество ещё думает, что космонавты будущего будут пользоваться бумажными картами и тем самым, не электронными, планшетами**» (www.gamedev.ru, 06.06.2015);

2) характеристике техники в целом: «**Заправлены в планшеты космические карты. Защищенные планшеты и панельные компьютеры российского производства не уступают зарубежным образцам ни по качеству, ни по цене**» (Новости ВПК, 18.05.2016).

3) размышлениях об освоении космоса: «**Заправлены в планшеты космические карты...**». Вернёмся ли мы на Луну? Сейчас это зависит от такого большого количества совершенно непредсказуемых обстоятельств и сил, что контролировать этот процесс решительно невозможно. Проще научить кошек пастись стадами...» (Наука и жизнь, 09.09.2017); «**Заправлены в планшеты космические карты**». Освоение космоса, – безусловно, самое грандиозное приключение, в самом начале пути которого находится человечество» (yaplakal.com, 05.02.2017).

4) комментарии запуска ракет или космических кораблей: «**Заправлены в планшеты космические карты. Сегодня утром специалисты космодрома Байконур вывезли из Монтажно-испытательного комплекса пл. 112 и установили на «гагаринском старте» ракетно-космическую систему – ракета «Союз-ФГ» с пилотируемым кораблем «Союз МС-04»**» (yvision.kz, 17.04.2017).

5) праздновании Дня космонавтики или юбилейных дат, связанных с освоением космоса: «**Заправлены в планшеты космические карты. Как**

телеканалы отметят 50-летие со дня полета Юрия Гагарина» (КП, 07.04.2011).

Строка из этой же песни **«Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды...»** реализуется в сокращенном и развернутом виде. Наиболее часто в медиатекстах данная строка реализуется при отражении прежде всего следующих ситуаций:

1) комментариях запуска ракет или космических кораблей: **«Я верю, друзья – караваны ракет... Запуски с мыса Канаверал приостановлены из-за короткого замыкания, повредившего радар»** (Ящик Пандоры, 17.04.2014).

2) характеристике космической эры (данная группа представлена контекстами, которые означают новое время в развитии космических технологий): **«Караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды...»**. *Вчера NASA был успешно запущен с космодрома на мысе Канаверал зонд «Паркер», аппарат для изучения Солнца»* (www.nn.ru, 13.08.2018); **«Я верю, друзья, в караваны ракет. Наступила космическая эра в эволюции жизни на Земле. Впереди человечество ожидают еще более интересные, светлые и счастливые горизонты»** (Завтра, 04.04.2015).

Данная конструкция расширяется с помощью предлога **в**, благодаря которому акцентируется внимание на вере в лучшее будущее для развития космических технологий.

3) описании политических и военно-политических конфликтов: **«В. Воронов: Не верьте, друзья, в караваны ракет! Год после аннексии Крыма и развязывания войны в Донбассе Кремль провел в состоянии милитаристского угара»** (vchasnik.ua, 30.06.2015). Данная конструкция расширяется с помощью отрицательной частицы **не** и предлога **в**, которая означает отрицание, сомнения в лучшем будущем для политического устройства региона. Активность подобных конструкций обусловлена тем, что в современном мире не всегда когда можно быть уверенными в действиях других политических субъектов и корректности их политических шагов.

Подчеркнем, что конструкции с негацией фиксируются и в экономической сфере, при этом внимание также акцентируется на обмане, отсутствии доверия: *«Не верьте, друзья, в караваны ракет. Генеральный конструктор РКК «Энергия» Виталий Лопота спроектировал новую финансовую пирамиду»* (polit.in.ua, 13.09.2012).

Как показал анализ, в развернутом виде строка из песни реализуется в единичных случаях, номинирующих лишь космическую сферу: *««Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды...».* Недавно пятеро студентов БГТУ им. В.Г. Шухова возвратились с легендарной строительной площадки космодрома Восточный» (www.bstuold.fitdev.ru, 10.11.2015).

В политических медиатекстах весьма активно реализуется название песни группы «Земляне» «Трава у дома» (слова – В. Мигуля, музыка – А. Поперечный). В тексте были переданы чувства космонавтов, которые скучают и ждут возвращения к близким и для которых трава является символом дома. В медиатекстах рассматриваемая конструкция фиксируется прежде всего на основании следующих свойств и параметров:

1) при обозначении *газона*: *«Трава у дома: киевские власти обещают восстановить 50 тысяч газонов»* (Корреспондент.net, 20.03. 2013); *«Трава у дома: зачем петербургские умельцы кладут асфальт прямо на газон»* (ФАН, 25.07. 2016); *«Трава у дома. Работники стадиона «Металлург» всю неделю готовят поле к матчу с «Краснодаром»»* (Волжская коммуна, 14.04.2011).

2) при обозначении *наркотических веществ*: *«Трава у дома. Как легальная марихуана превращается в многомиллионный бизнес»* (Лента.ру, 18.04.2016); *«Трава у дома, таблетки у порога. Кто и зачем взамен «уличных» наркотиков подсовывает россиянам американские таблетки с метадоном»* (КП, 06.04.2017).

В текстах политических СМИ активной является строка из песни Н. Добронравова *«Знаете, каким он парнем был»*(1971). «Поехали!» – фраза, произнесённая первым космонавтом Юрием Гагариным во время старта

первого пилотируемого космического корабля «Восток» 12 апреля 1961 года. Она стала своеобразным символом новой, космической эры развития человечества.

Строка из песни «Он сказал: «Поехали!»» имеет широкий трансформационный потенциал в текстах политических СМИ, и реализуется в следующей классификации:

1) изменение семантики конструкции (применительно к президенту В. В. Путину): *«Он сказал: «Поехали!»: Путин назначил выборы-2016»* (ok.ru, 18.09.2016); *«Он сказал – поехали: Владимир Путин открыл туристический сезон в Турции»* (Коммерсант.ру, 30.06.2016); *«Он сказал: «Поехали!». Президент России Владимир Путин в Анапе дал старт строительству газопровода «Южный поток», который пройдет по дну Черного моря до юга Европы»* (moi-goda.ru, 10.12.2012); *«Он сказал: «Поехали!». Вот и дождались. Владимир Путин наказал чиновникам пересесть на авто, сработанные в Едином экономическом пространстве – в России, Казахстане и Белоруссии»* (Без формата, 09.04.2012). В приведенном выше контексте используется языковая игра, которая реализуется посредством наложения на денотативное содержание глагола *поехали* метафорического смысла «пересесть на другие авто». *«Путин не Гагарин. Он сказал: «Пока не поехали!»»* (Ф, 19.04.2011). В данном контексте используется сравнение Путина с Гагариным, который еще думает над принятием решения.

2) изменение структуры и семантики конструкции (замена первого компонента конструкции местоимения *он* на существительное *Трамп*): *«Трамп сказал: «Поехали!»». Эта площадка была задумана вчера в великий праздник богоявления Господа нашего Иешуа из Назарета, а всплыла здесь в день инаугурации президента Трампа»* (bestiarius.d3.ru, 20.01.2017).

3) изменение структуры и семантики конструкции (замена первого компонента конструкции на существительное *Трамп* и второго компонента конструкции на глагол *посмотрим*): *«Трамп сказал «посмотрим».*

Президент США фактически не исключил применения военной силы против КНДР» (Euronews, 03.09.2017).

4) языковая игра: *«Он сказал: поехали! И взмахнул рукой...»*. А Яценюк подумал, что его оскорбили. Уволенный замкомандира отряда «Кобра», подполковник милиции Алексей Кожа изложил свою версию «ДТП» с Яценюком» (www.kramatorsk.info, 20.02.2009). Данный контекст в ироническом смысле отражает ситуацию ДТП, в которой Аресений Яценюк принял взмах руки за непристойный жест.

Используемые в медиатекстах фрагменты песен, в которые входят номинации, входящие в лексико-семантическую группу воздушный транспорт, апеллируют не только к сфере космоса. Так, в контекстах в исходном и трансформированном виде широко используется фрагмент из песни *«Первым делом самолеты»* из к/ф *«Небесный тихоход»* (1946). Данная конструкция реализуется применительно к политическим вопросам, связанным с авиацией различных государств, при этом наиболее частотными представляются следующие ситуации:

1) реализация ключевой единицы «самолет» в прямом значении: *«Первым делом самолеты. Минобороны отчиталось о миллиардных закупках»* (news.bigmir.net, 19.05.2015);

2) реализация ключевой единицы «самолет» в переносном значении:

а) международное сотрудничество по самолетостроению: *«Китай и США: первым делом самолеты – а торговая война может подождать? Последние новости о состоянии американо-китайского сотрудничества в области гражданского самолетостроения как бы опровергают такую «однозначную» картину противостояния двух стран»* (regnum.ru, 26.12.2018);

б) крушение самолета: *««Первым делом, первым делом – самолеты...». Связано ли это с крушением самолета в Египте?»* (Правда, 13.11.2017);

в) авиация в целом: *«Первым делом самолеты. В России отмечается День гражданской авиации»* (russian.rt.com, 09.02.2018); *«Первым делом самолеты? Насколько «Боинг» обогнал «Туполева» и «Илюшина»»* (Новые известия, 26.07.2018); *«Первым делом самолеты: ЕС вновь обсудит квоты для авиации»* (vestifinance.ru, 28.02.2012); *«Первым делом самолеты? Как в Литве опасаются активизации военной авиации России»* (baltnews.lt, 27.11.2018);

г) жалобы на отмену льгот авиапроизводителям: *«Первым делом – самолеты. Rogozin расчистит небо для российских самолетов»* (www.gazeta.ru, 07.08.2017);

д) соглашения о поставке самолетов: *«Первым делом – американские самолеты. А российские SSJ 100 – потом. Иран начал оформлять первые твердые договоренности с крупнейшими мировыми авиапроизводителями»* (Коммерсант, 12.12.2016);

е) слежка по программе «Тихие небеса»: *«Первым делом – самолеты: в США тайно следили за поведением людей на лайнерах»* (www.vesti.ru, 30.07.2018).

В политических медиатекстах весьма активно происходит трансформация рассматриваемой конструкции. Так, в текстах СМИ наблюдается расширение конструкции за счет глаголов активного действия (*«Первым делом мы находим самолеты: как работают авиационные поисковые отряды России»* (Тасс, 30.06.2017)) или происходит замена первого субстантива конструкции на компонент *вертолеты*, который также относится к сфере авиации (*«Первым делом вертолеты: начальник ГУВД Ташкента рассказал о готовящейся закупке крылатых машин»* (podrobno.uz, 15.01.2019); *«Первым делом – вертолеты: в Новой Москве оборудуют вертолетные площадки для экстренных служб»* (voms.ru, 05.02.2019)).

Характерно, что возможной, но малоактивной является и другая трансформация конструкции: добавление отрицательной частицы **не**, которая в современных реалиях снижает ценность и значимость самолетов и

привлекает внимание к более важным социальным и политическим проблемам: *«Первым делом – не самолеты, а качество подготовки авиационного персонала»* (transportrussia.ru, 14.02.2014).

В тестах политических СМИ активным является использование не только сокращенного, но и полного варианта строчки песни *«Первым делом, первым делом самолеты, ну а девушки, а девушки потом»*. Характерно, что в исходном виде данная конструкция не реализуется: в медиатекстах происходит трансформация второй части конструкции и, как правило, субстантив «девушки» замещается на субстантив с новой семантикой, характерной для сферы политики. Новые семантические оттенки реализуются посредством языковых единиц, входящих в различные тематические группы:

1. Политика в целом: *США: «Барак: Первым делом, первым делом – самолеты, а политика, политика – потом. Министр обороны Эхуд Барак сказал сегодня в интервью израильскому радио, что премьер-министр Биньямин Нетаниягу достиг «существенного успеха», когда – цитата - «добился от американцев получения 20 важных самолетов взамен на всего лишь 90-дневное замораживание»* (9tv.co.il, 15.11.2010). Данный контекст характеризует действия политиков с иронической коннотацией посредством лексемы *самолеты* в прямом значении, так как именно самолеты становятся источником большой прибыли.

2. Летчики: *«Первым делом самолеты, ну а летчики потом. Полковники Виктор Баранец и Михаил Тимошенко в подкасте «Военное ревью» Радио «Комсомольская правда» обсуждают, хватает ли пилотов для новых видов летательных аппаратов»* (www.kp.ru, 11.02.2018). Данная конструкция характеризует отношение политиков к субъектам воздушного транспорта. Их основная задача – производить перевозку пассажиров, при этом самолет является главным средством транспортировки как для гражданских, так и для военных структур. Данный тезис подтверждается еще одним примером: *«Первым делом самолеты. Ну а пешие? А пешие –*

потом! Сирийский конфликт в отчетах» (НГ, 19.10.2015). Так, в данном контексте подчеркивается, что в военных конфликтах воздушная пехота является основной силой.

3. Социально-политические проблемы: *«Первым делом самолеты, ну а рейтинги, а рейтинги потом!»* (alfa24.online, 23.11.2014); *«Первым делом – самолёты, но лес и транспорт не оставим на «потом»»* (toz.su, 26.02.2012); *«Первым делом – самолеты, а потом уже назначение руководителей предприятий»* (ftp.nkau.gov.ua, 05.09.2015); *«Рынок труда в Украине: первым делом самолёты, ну а офисы потом»* (sd.net.ua, 14.02.2016); *«Первым делом – самолеты, потом – газ»* (www.ng.ru, 06.08.2013); *«Первым делом – самолёты, экология – потом»* (radiovesti.ru, 12.03.2012);

Как показал анализ, при реализации в медиатекстах активной является фраза из песни группы Любэ *«Летят самолеты и танки горят»*, которая в контекстах приобретает значение «участие в военных конфликтах» и, соответственно, фиксируется в текстах военной направленности: *«Летят самолеты и танки горят, а Порошенко уже командует»* (Корреспондент, 27.05.2014); *«Летят самолеты, и танки горят: как устроен экспорт российского оружия»* (www.forbes.ru, 04.03.2014).

Менее активно данная конструкция функционирует при описании социальных фактов: *«Летят самолеты, и танки горят... Коротко на тему участившихся случаев гибели украинской боевой техники»* (www.liveinternet.ru, 22.03.2014); *«Летят самолеты и танки горят» ... Подведены итоги седьмого городского конкурса объемных конструкций и макетов «И помнит мир спасенный...», посвященный Дню Победы»* (oniddtdm.blogspot.ru, 11.05.2016).

Интересным для ассоциирования является название марша авиаторов *«Все выше, и выше, и выше»*, которое в медиатекстах становится предметом языковой игры. Это связано с наложением денотативного значения лексемы *выше* («за пределами, вне, сверх чего-нибудь») [Ожегов, С. И., Шведова, Н.

Ю. Толковый словарь русского языка ... с.157) на значение *дороже, больше, лучше* (в контекстах о подорожании тарифов, увеличении доходов, повышении экспорта, росте прогресса), что отражает не перемещение в пространстве, а социально-политические изменения. Подчеркнем, что такие изменения могут быть как конструктивными, так и деструктивными: **«Все выше и выше и выше: цены на топливо в Севастополе итурмуют новые высоты»** (ruinforme.com, 03.12.2018); **«Все выше, и выше, и выше. За неделю с 23 по 29 июня потребительские цены на автомобильный бензин в России выросли на 0,9%»** (www.eg-online.ru, 08.07.2018); **«Явка на выборы: все выше, и выше, и выше»** (www.fontanka.ru, 20.02.2018); **«Все выше, и ниже, и ниже. Как Россия стала родиной непродуцируемого труда»** (sportfm.ru/news, 28.03.2016); **«Все выше и выше... За счет чего «растет» украинская экономика»** (kr.ua, 18.08.2018).

Интересным для наблюдения в медиатестах становится название песни А. Герман *«Надежда – мой компас земной»* (слова Н. Добронравов, музыка – А. Пахмутова). Ключевая единица *«надежда»* в тексте песни реализуется в значении, зафиксированном в «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова первым: «1. Вера в возможность осуществления чего-н. радостного, благоприятного». Примечательно, что в текстах политических СМИ данная конструкция в денотативном значении является малоактивной: **«Мой компас земной... Даже когда кажется, что просвета в жизни нет, надежда должна жить, а не умирать последней»** (Открытая, 21.08.2013). Также малоактивными являются конструкции, которые в метафорическом смысле номинируют вид имен собственных как название организаций: **««Надежда» – мой компас земной. Журналисты «Доброго Хабаровска» побывали в центре социальной адаптации «Надежда» и узнали, как живут люди, которые попали в трудную жизненную ситуацию и хотят вернуться в общество»** (Добрый Хабаровск, 04.09.2017).

В свою очередь активными являются конструкции, относящиеся к имени собственному – Надежда, которое находит отражение в контекстах,

связанных с политической деятельностью Надежды Савченко, депутата Верховной Рады Украины. Реализация конструкций в медиатекстах происходит по следующим моделям:

1) без трансформации конструкции (Надежда Савченко выступает гарантом, на нее надеются ее соратники): «*«Надежда, мой компас земной». Московский районный суд отпустил задержанных на акции в день рождения Надежды Савченко»* (03.04.2015); «*«Надежда, мой компас земной». Активисты пикетируют в честь дня рождения Надежды Савченко у здания ФСБ России»* (Настоящее время, 13.05.2015).

2) с трансформацией конструкции: «*Надежда – больше не земной компас. Когда слов больше нет – Надежда Савченко в новом промо-ролике о политических событиях в Украине»* (Апостроф, 25.07.2017). В приведенном выше примере подчеркивается утрата веры соратников в ее политическую власть. В следующем контексте наблюдается языковая игра, которая актуализируется посредством наложения переносного значения компонента «компас» – «тот, кто определяет направление чьей-либо жизни, деятельности и т.п.» на имя собственное Надежда Савченко, от политических решений которой зависят украино-российские отношения: «*Компас земной. Куда заведет россиян Надежда Савченко»* (www.dsnews.ua, 23.12.2016).

3) замена местоимения *мой* на местоимения *ваши, их, наши* что характерно для конструкций, авторами которых являются оппоненты Н. Савченко (Надежда Савченко не может быть гарантом, так как сама является нарушителем): «*Надежда – ваш компас земной. Чем аукнется Киеву освобождение Савченко»* (lenta.ru, 26.05.2016); «*Про Савченко. Надежда – их компас земной»* (Ф, 21.01.2017); «*«Наши компас земной»: Захарова объяснила, почему Савченко исключили из ПАСЕ»* (Труд, 02.12.2016).

Интересным для анализа в текстах политических СМИ является более развернутый вариант строки из песни: «*Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость...*». В политических контекстах метафорически отражается ситуация, при которой активисты в поддержку Н. Савченко

организовали незаконную акцию, таким образом, проявили смелость, а в награду получили арест: *««Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость...»*. Перед зданием ФСБ на Лубянке в день рождения Надежды Савченко прошла акция в поддержку заложницы. 6 активистов развернули флаги Украины и зажгли файеры. Всех участников акции задержали» (МН, 11.05.2015).

Использование фрагментов известных песен является актуальным и при экспликации метафорического образа железнодорожного транспорта. Так, в текстах СМИ стихотворное прецедентное высказывание включается в прозаический контекст. Как показал анализ, в медиатекстах активно функционирует конструкция из русской народной песни «Постой, паровоз», получившей особую популярность после ее исполнения в фильме «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (режиссер – Л. Гайдай, 1965 г.). Всенародная любовь к фильму и прозвучавшей в нем песне стала причиной ее широкого использования в медиадискурсе, в частности, при описании попытки использования последней возможности, единственного шанса: *«Постой, паровоз. Не стучите колеса. Не вся ещё оппозиция запрыгнула»* (topwar.ru/topic, 07.06.2016); *«Постой паровоз, не стучите колёса. Лидер Справедливой России Сергей Миронов может упустить последний шанс»* (wek.ru, 18.12.2016).

Другой песней из кинофильма, получившей свою интерпретацию в масс-медийных текстах, является песня «На Тихорецкую», написанная для кинофильма «Ирония судьбы или с легким паром» (режиссер – Э. Рязанов, 1975 г.; слова М. Львовского, музыка М. Таривердиева). В контекстах реализуется не название песни, а трансформированная строчка из нее. Так, в песне звучит фраза: «Вагончик тронется, перрон останется», которая в газетных текстах фиксируется в новом значении и измененной форме. Лексема перрон в масс-медийных текстах замещается единицами из социально-политической сферы: *«Вагончик тронется, а бандит останется»* (КП, 03.08.2014); *«Вагончик тронется, а долг останется»*.

Правительство Чувашии и РЖД обсуждают вопросы финансирования пригородных перевозок» (Коммерсант, 20.06.2012); *«Вагончик тронется, тариф останется?»* (stolica-s.su, 12.02.2015); *««Вагончик тронется – закон останется». С российских рельсов исчезнут старые локомотивы и вагоны»* (Экономика, 04.08.2014).

По нашим наблюдениям, в текстах СМИ находят отражение не только песни из кинофильмов, но и эстрадные песни советского и постсоветского периода. В частности, ключевая единица *электричка* в медиатекстах не реализуется в свободных конструкциях, а входит в состав фрагментов песенного дискурса.

Так, метафоризация образа *электрички* связана с известной фразой «Опять от меня сбежала последняя электричка» из советской песни «Последняя электричка» (слова М. Ножкина, музыка Д. Тухманова) и реализует ядерную сему ‘последняя возможность’: *«От РЖД убегает последняя электричка?»* (pravda.ru, 06.02.2015); *«Опять от меня сбежала последняя электричка...»*. *ОАО РЖД отменило в различных регионах России еще 144 маршрута пригородных поездов»* (Завтра, 13.02.2014). Фраза из песни «Электричка» (слова А. Славоросова, музыка О. Молчанова), попавшей на первые строчки хит-парадов стран СНГ в 1997 г., формирует ироничный образ современных политиков, что отражено в следующих контекстах: *«Он уедет прочь на ночной электричке? Матч с ЦСКА может стать последним для машиниста «Локомотива» Юрия Семина»* (spb.kp.ru/daily, 11.09.2010); *«Он уедет прочь на ночной электричке. Сборная России отправилась делать работу над ошибками, чтобы вновь выйти на первый план»* (Рамблер, 11.09.2010).

Номинация *голубой вагон*, восходящая к известной «Песенке крокодила Гены» из мультфильма «Чебурашка» (слова – А. Тимофеевский, музыка – В. Шаинский, 1971 г.), в масс-медийных текстах номинирует социально-политические действия и объекты: *««Голубой вагон бежит*

качается»: *председатель горсовета Калининграда провел трамвайную экскурсию для ветеранов»* (kaliningradfirst.ru, 02.09.2015); *««Голубой вагон» власти. Речь вице-преьера России Дмитрия Козака о запрете пропаганды гомосексуализма вызвала большой скандал»* (www.moscow-post.com, 12.07.2016); *«Никуда не катится голубой вагон. Проблемы с транспортным сообщением в нашем крае не редкость»* (Спутник, 20.01.2019).

Кроме этого, в СМИ начала 2014 года происходит ироническое (а иногда и саркастическое) переосмысление устойчивого сочетания «поезд дружбы», которое в советском газетном дискурсе интерпретировалось с позитивной коннотацией. Так, в медиатекстах февраля-марта 2014 г. «поездом дружбы» номинировался поезд, который, по мнению некоторых источников, должен был быть отправлен в Крым с агрессивными намерениями. В

контекстах происходит замещение данной номинации на исследуемую нами конструкцию *голубой вагон* с сохранением ироничной коннотации: *«Катится, катится голубой вагон. Правый сектор хочет отправить в Крым «Поезд дружбы»»* (politics.dirty.ru, 22.02.2014).

Лексическая единица *бронепоезд* реализуется, как правило, в прецедентных текстах, построенных на известной фразе из советской песни «Песня о Каховке», написанной на стихи М. А. Светлова: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». При реализации в политических контекстах наблюдается ироничная коннотация лексемы *бронепоезд*: *«Валютный бронепоезд на запасном пути»* (Коммерсант, 08.11.2017); *««Бронепоезд на запасном пути» – как дело Януковича поможет генпрокурору Луценко возглавить страну»* (naspravdi.info, 17.08.2018); *«Бронепоезд Партии Регионов тронулся с запасного пути....»* (Корреспондент, 30.10.2018).

При реализации в медиатекстах лексема *бронепоезд* может заменяться синонимичными единицами: *««Паровоз» с запасного пути»* (Новые

известия, 16.06.2011). Отметим, что трансформация конструкции происходит также при замещении лексемы *бронепоезд* номинациями, носящими политический характер: *«Настоящая проблема – в том, что этот локомотив [Партию регионов – Н.С.] загнали на запасные пути и не хотят оттуда его выводить. Только успокаивают общество, что он «находится под всеми парами». И периодически этот пар выпускают...»* (Апостроф, 29.09.2016).

Таким образом, широкий ассоциативно-прагматический потенциал текстов песен, узнаваемость и воспроизводимость делают их для авторов медиатекстов ценным источником манипуляции. Отражая социально-политические, экономические и культурные реалии современного общества, фрагменты песен различных временных эпох весьма активно реализуются в современных медиатекстах как в исходном, так и в трансформированном виде. Как показал анализ, наиболее активными при реализации в текстах СМИ являются фрагменты песен, связанных с *воздушным транспортом*, что обусловлено, в частности, высокой ценностью и быстрым развитием данного вида транспорта в XX веке и, как следствие, его отражением в текстах песен.

Важно подчеркнуть, что при использовании в медиатекстах метафорического образа языковых единиц, входящих в сферу *«воздушный транспорт»* в свободных сочетаниях (см. Глава 4), проявляется их низкая активность, что обусловлено особенностью современного политикума и, как следствие, его языкового отражения.

Выводы

Характер и специфика подачи информации в современном медиапространстве в значительной степени зависят от авторских стратегий и

особенностей целевой аудитории. Восприятие медиатекста как семантически, эмоционально и композиционно целостного единства, адресованного представителям определенной лингвокультуры, обуславливает тот факт, что в современной информационной реальности находят отражение прецедентные единицы, известные носителям русского языка из истории, классической художественной литературы, мифологии. Широкое использование прецедентных единиц, связанных с историей и литературой, обусловлено преимущественно их трансферным характером, которое определяется наличием большого количества экранизаций, инсталляций, театральных постановок как определенных исторических фактов, так и художественно осмысленных.

В Главе 5 диссертационного исследования были исследованы семантика, прагматика и особенности функционирования прецедентных единиц со сферой-источником «транспорт», посредством которых осуществляется политическая категоризация мира в медиадискурсе.

Как показали результаты исследования, одним из ярких примеров употребления прецедентного имени в массмедийных текстах является оним *Титаник*. Полнота восприятия и интерпретации данного образа подтверждается тем, что в медиапространстве реализуется не только прецедентное имя *Титаник*, но и единицы, которые входят в прецедентную ситуацию, отражающую его столкновение с айсбергом. Анализ корпуса контекстов позволил сделать вывод, что при реализации в контекстах наиболее значимыми являются следующие составляющие прецедентной ситуации: билет на «Титаник»; строительство «Титаника»; движение «Титаника» к айсбергу; столкновение «Титаника» с айсбергом; затопление «Титаника»; управление «Титаником»; спасение с «Титаника»; оркестр на «Титанике».

Представленные ситуации транслируются на корпус массмедийных политических текстов и отражают особенности современной социально-политической реальности. Катастрофа «Титаника» в политическом

медиапространстве стала основой для развёртывания метафорического сценария, в основе которого прослеживается отношение политических лидеров к управлению страной, безответственность некоторых политиков или, наоборот, их желание идти вопреки собственной выгоде ради спасения государства. Взаимодействие широкого спектра ситуаций, лежащих в основе моделирования образа Титаника, позволяет провести комплексный анализ социополитических событий и явлений, учитывающий семантико-прагматические особенности прецедентных единиц и их аксиологические доминанты.

Анализ языковых единиц, апеллирующих к сфере-источнику «художественная литература», показал главенствующую роль художественных текстов первой половины XIX как источников прецедентности в современном русскоязычном медиадискурсе. Изменившиеся социополитические реалии и нравственные установки массового читателя начала XXI века практически исключили из источников прецедентности идеологически маркированные произведения первой половины XX века, древнерусскую литературу и целый пласт малоизвестных сегодня произведений XVII-XVIII веков.

Одним из наиболее ценных источников прецедентности является поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души», которая стала источником значимого для диссертационного исследования образа *птицы-тройки*. Прецедентное имя *птица-тройка*, в денотативном значении ассоциирующееся с образом России, в политические медиатексты транслируется с новыми коннотациями, расширяя и углубляя спектр своих коннотативных значений. Так, при реализации в отдельных политических контекстах в семантической структуре данной единицы нивелируются семы 'стремительность движения' и актуализируются компоненты 'власть', 'движущая сила'. Значимым при этом предстает тот факт, что все образы, формируемые на основе прецедентного имени, являются трехкомпонентными, наличие которых и предполагает ассоциирование с гоголевским образом.

Анализ русскоязычных медиатекстов показал, что под *птицей-тройкой* в политических СМИ, как правило, понимаются три политических субъекта (реже – объекта), объединенных определенными действиями. Характеристики *птицы-тройки* не являются постоянными и могут быть закреплены за политическими лидерами, политическими партиями, политическими документами, национальной символикой, источниками политической нестабильности. Проанализированный материал свидетельствует о том, что наиболее активно метафорический образ *птицы-тройки* используется для пародирования атрибутов современной реальности, при этом, как правило, используется их прагматический, парольный, эстетический, экспрессивный, репрезентативный потенциал, а также возможности языковой игры и дополнительной информативности. Многие из названных функций основываются на оценочности и противоречивости прямого и переносного значений слов, входящих в состав масс-медийных текстов.

Представленная в медиатекстах прецедентная единица *птица-тройка* отражает переосмысление массовой культурой политических реалий, авторитетов, эталонов, участвует в моделировании образов прошлого, настоящего и будущего. Данный факт формирует образную составляющую масс-медийных текстов и прагматический потенциал газетных статей, представляя политический мир через национально-специфические языковые единицы.

При репрезентации в текстах СМИ семантико-прагматического и ассоциативного потенциала образа *Летучий голландец* наблюдается необходимость развертывания широкого контекста и / или детальной интерпретации выбора образа. Данный факт связан с возможностью коммуникативных барьеров, обусловленных неподготовленностью массового читателя к адекватному восприятию образа *Летучий голландец*, отсутствием достаточных фоновых знаний.

Медиатексты транслируют образ *Летучего голландца* как в значении, закрепленном в русском языковом сознании, так и на уровне вторичной номинации, включающем семантические компоненты 'внезапное появление', 'внезапное исчезновение', значимые не только при характеристике корабля-призрака, но и при актуализации различных политических действий или событий. При реализации в медиапространстве номинация *Летучий голландец* участвует в метафорическом отражении различных культурных, научных, социальных и политических факты, что и позволяет говорить о высокой степени ее распространенности в массмедийных текстах различной направленности.

Современный медиадискурс аккумулирует и организует систему образных средств, заимствованных из песенного дискурса. Данный тезис подтверждает факт о том, что известные в определенной культуре песни отражают общественно-исторический опыт, реалии социально-политического устройства конкретной страны или региона; события, значимые для мира в целом. В медиадискурсе единицы образной системы, входящие в песенный фонд и объективирующие категориальный компонент *транспорт*, могут быть основой для создания ярких эффектов, передающих особенности социально-политической ситуации той или иной страны в целом или ее отдельных субъектов. Как показали результаты проведенного исследования, наиболее активно прецедентными становятся народные песни, песни, посвященные Великой Отечественной войне, советские песни (прежде всего песни из советских кинофильмов), а также популярные песни 1990-х годов. В исследовании было отмечено, что песенный дискурс является ценным источником метафоризации транспортной лексики в русскоязычных политических СМИ, поскольку аккумулирует в себе наиболее значимые для русского языкового сознания смыслы, общие для всех представителей данного лингвокультурного сообщества.

Таким образом, при моделировании политических событий прецедентные единицы со сферой-источником *транспорт* являются ценной

составляющей современной медиареальности. Конфликтность современного политического мира обуславливает частотность обращения к прецедентным единицам, символизирующим катастрофы и спасение. Широкий коннотативный фон, появление новых образов, сценариев и ассоциаций позволяют авторам масс-медийных текстов формировать мнение адресата и воздействовать на принятие общественно-политических решений.

ГЛАВА 6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА МЕТАФОРИЧЕСКИМ ОБРАЗОМ КРЫМА В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

6.1 Медийный образ Крыма 2014-2019 гг. как объект лингвистических исследований

Как показал обзор научной литературы и авторские наблюдения, референдум в Крыму можно назвать не только значимым историческим, но и лингвистическим событием, поскольку данная ситуация значительно повлияла на языковую ситуацию региона, повлекла возникновение новых слов, конструкций, ассоциативных образов.

Необходимость моделирования устойчивого и непротиворечивого портрета Крыма в учебниках и учебных пособиях отмечается Г. Ю. Богданович и Т. Ю. Новиковой в исследовании «Межкультурная коммуникация: Крым как имя собственное». Ученые подчеркивают, что, с одной стороны, крымские события февраля-марта 2014 г. затронули все мировое информационное пространство и до сих пор являются объектом дискуссий политологов, социологов, историков, журналистов и других участников медиадIALOGОВ; с другой стороны, именно крымчане должны ощущать себя непосредственными участниками событий, изменяющих ход истории, а значит, понимать логику исторического события, всколыхнувшего мир в 2014 году, справедливость «возвращения Крыма в родную гавань» [Богданович, Новикова 2018].

В исследовании Т. А. Валиулиной «Опыт оценки влияния медиа-пропаганды на содержание интернет-дискуссий (на примере анализа полемики о присоединении Крыма)» используется междисциплинарный подход на стыке социологии и лингвистики, призванный дать оценку манипулятивным особенностям медиадискурса с учетом его влияния на блоги политической

направленности, характеризующих события марта 2014 г. Проведенный анализ позволил автору сделать вывод о частоте использования терминов «аннексия», «присоединение», «пропаганда», «режим», «родина», «санкции», неологизма «крымнаш», синонимического ряда слова «патриот» и блогах, отражающих крымские реалии [Валиулина 2015, с. 158–166].

Исследователь А. А. Алексеева в работе «Образы референдумов в Крыму и Шотландии (на материале британских и российских СМИ)» рассматривает особенности языковой репрезентации в британских и российских СМИ референдумов 2014 г., проведенных в Крыму и Шотландии. Методом дискурсивного анализа в исследовании устанавливаются и сопоставляются признаки данных образов, подчеркивается, что в британских СМИ образ Крымского референдума создается с помощью антитезы, а также образных средств (прежде всего метафор и фразеологизмов), выражающих негативную нормативную и этическую оценку. В результате этого, по утверждению А. А. Алексеевой, и возникает негативный образ крымского референдума, интерпретируемый как «незаконное политическое действие, инициированное Россией – агрессивно настроенным государством во главе с президентом, имеющим амбиции захватчика» [Алексеева 2015, с. 164–170].

Особенности метафорического описания перехода Крыма в состав РФ были выявлены в статье А. П. Чудинова и И. А. Серegiной «Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма». Авторы определяют доминирующие метафорические модели, объективирующие образ референдума в Крыму, и отмечают, что среди них базовыми являются домашняя метафора, характеризующая Россию как родной дом для бывших граждан СССР, и метафора пути, определяющая присоединение Крыма и Севастополя РФ как дорогу из «негостеприимной чужбины в родные края» [Чудинов 2014, с. 89–94].

«Крымский референдум» стал объектом лингвистических исследований не только для российских, но и для зарубежных авторов. Так, Йозеф Сипко (Словакия) в статье «События в Крыму в начале 2014 г. в

русско-словацких лингвокультурных ассоциациях» описывает особенности отражения в словацких СМИ референдума в Крыму [Сипко 2014, с. 69]. Автор отмечает, что при оценке событий, произошедших в Крыму и на Украине в начале 2014 г. можно выделить две основные тенденции: «первую представляют словацкие политики и СМИ, которые в основном придерживались и придерживаются в той или иной степени прозападных позиций, в рамках которых присоединение Крыма к России считается нарушением международного права и суверенитета Украины. В таких представлениях чувствуется несвобода и мало пространства для выражения личной позиции. В них явно доминируют давние политические предубеждения по отношению к России и априорные оценки [...]. Вторую тенденцию представляют отдельные авторы и простые жители, среди которых гораздо чаще встречается поддержка присоединения Крыма к России» [Сипко 2014, с. 78].

Описание «крымских событий» начала 2014 года и современной социополитической ситуации в регионе до сих пор остается сферой дискуссий представителей различных областей гуманитарных знаний. Предлагаемая глава посвящена выявлению языковых особенностей медийного образа Крыма. В качестве источника анализируемого материала были выбраны русскоязычные медиатексты, разносторонне отражающие политические взгляды и идеологические установки представителей разных государств и организаций, дающие возможность представить наиболее объективную картину политических событий. Период исследуемого материала ограничен 2014-2019 гг., временем активных социально-политических преобразований, связанных с переходом Крыма в состав Российской Федерации. Представленный в главе диссертации корпус примеров не означает солидарность авторов с контентом проанализированных примеров, а призван продемонстрировать особенности реализаций метафорического образа Крыма в русскоязычном медиадискурсе.

Разнородность рассматриваемого материала объясняется необходимостью комплексного анализа событий данного периода, формирующих метафорический образ рассматриваемых политических реалий на страницах политических СМИ. Подчеркнем, что описанные события в массмедийных текстах весьма активно отражаются через ассоциативные образы из библейских текстов, древнегреческих мифов, различные языковые единицы, входящие в ядро языковой картины мира представителей русской линвокультуры.

6.2 Социокультурные реалии как источник формирования медийного образа Крыма

Фрейм 1. Переход Крыма в состав РФ – это возвращение домой

Социально-политические изменения последних лет, бесспорно, открыли страницу новейшей истории. Роль Крыма в политических событиях начала XXI века недооценить невозможно: переход Республики Крым в состав Российской Федерации повлиял не только на административно-политическое устройство России, но и на внешнюю политику государства, расстановку сил в мировом сообществе. Данная ситуация нашла свое отражение в текстах российских СМИ 2014-2019 гг. и наиболее активно стала описываться через систему образных средств.

Актуальность данного образа связана прежде всего с проведенным общекрымским референдумом, результатом которого стала федерализация Крыма и его переход в состав РФ в марте 2014 года. В российских и региональных СМИ данная ситуация находит широкое освещение, закрепляясь в системе метафор, исследованию которых будет посвящена данная глава диссертационного исследования.

Метафоризация **дома** в политических текстах рассматриваемого периода реализуется прежде всего в моделях N_1V_3 в (Adj) N_4 или N_1V_3 из (Adj) N_2 , в структуру которых входит субстантив **Крым** и динамический однонаправленный глагол, обозначающий либо *движение из старого дома*, либо *движение в новый дом*: Крым *уходит* / *рвется* / *отправляется из дома* (в таких контекстах под **домом** понимается Украина); Крым *возвращается* / *идет* / *желает домой* (в подобных контекстах под **домом** понимается Россия). Отметим, что выбор метафоры зависит от прагматических установок адресата текста и его оценки происходящих событий.

Возвращение Крыма **домой** в текстах политических СМИ объективируется и интерпретируется неодинаково как с позиции коннотации, так и на уровне модальности. При реализации *реальной модальности* наиболее частотными являются динамические глаголы: *идет*, *движется*, *направляется*, *возвращается*, *мчится*, *рвется*, которые используются в настоящем (реже – в прошедшем) времени: «Крым **возвращается** домой. Кто бы мог подумать о таком повороте в истории? Наверное, никто. Нет, крымчане об этом постоянно мечтали!» (КП, 17.03.2014); «Крым **возвращается** в Россию. Не получилось у Пентагона и НАТО добиться цели – закатать полуостров в бетон, разместить свой контингент, флот и установить свои ПРО на территории Крыма» (НГ, 17.03.2014); «Крым **рвётся** домой. Все хотят домой, а Крым уже больше двадцати лет как об этом мечтал. Хорошо Крыму в России» (krim-nash-russia.ru, 19.03.2014); «Крым **идет** домой. Крым голосует» (liveinternet.ru, 16.03.2014); «Крым **идёт** домой... 96,7 процента жителей украинской автономии на референдуме 16 апреля проголосовали за присоединение к России» (КП, 18.03.2014).

Отметим, что глагольный ряд представлен как нейтральными, так и коннотированными единицами (глаголы *мчатся*, *рваться*). Так, в лексикографических источниках лексема «*рваться*» в четвертом значении определяется так: «стремиться с помощью силы, рывком освободиться,

вырваться // Стремиться к куда-л., к кому-л., чему-л.» [Словарь русского языка : в 4 томах Т. 3 ... с. 688]. Именно эта лексема включает в себя семантические компоненты *желание, стремление, цель* и характеризует переход Крыма в «новый *дом*» не просто как факт, но и как желаемое достижение. Таким образом, возвращение Крыма *домой* представляется прежде всего в реальной модальности, с утверждением данного факта – Крым возвращается *домой*.

Как показал контекстный анализ, при объективации ирреальной модальности весьма активно функционируют глаголы *хотеть, желать, мечтать*, которые характеризуют переход Крыма в состав РФ как желаемый факт: «Крым как никогда *хочет* домой. В ту Россию, которую он, может быть, плохо себе представляет, в которой он никогда не жил, но которая кажется ему ближе и понятней, чем неисповедимые пути запутавшихся украинских политиков» (zatulin.ru, 08.03.2014); «Крым, конечно, *мечтает* домой. По его словам, это может стать решением украинско-российских проблем» (korrespondent.net, 19.02.2014).

При описании перехода Крыма в состав РФ в текстах политических СМИ активно используется лексема *гавань*, являющаяся контекстным синонимом лексемы *дом* с интегральным признаком 'надежное место, где любят и ждут'. Образ *гавани* при реализации метафорического образа Крыма не утратил своей актуальности и через пять лет после проведения референдума. Ссылаясь на исследования украинского философа Г. Сковороды, Т. А. Яценко подчеркивает, что *гавань* сближается с *центром*, а тем самым – с Богом как символом спасения человека. Так, *гаванью* в православной литературе именуется, прежде всего, Библия, противопоставленная светской бездуховной литературе [Яценко 2016, с. 356]. Частотность метафорического образа *гавани* при описании Крыма в медиатекстах 2014-2019 гг. связана прежде всего с выступлением президента РФ В. В. Путина от 18 марта 2014 года, в котором он сравнил Крым с кораблем, вернувшимся в родную гавань: «После тяжелого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную

гавань – в Россию, к *родным берегам*, порт постоянной приписки» (ria.ru, 18.03.2014). В данном контексте актуализируются ядерные семы: “надежное место”, “покой”, “родство”. Это доказывает и позитивный коннотативный фон метафоры. Адъектив *родной* подчеркивает радушие и положительное восприятие со стороны *исторического дома*, России, принимающего Крым к своим берегам. Детальный анализ данного контекста обращает внимание на полярность использованных адъективов. Так, противопоставленными становятся конструкции *временный дом* // *постоянный дом*, построенные на оппозиции «свой» / «чужой». Контекст подчеркивает, что временный *дом* не является родным, а значит, не проявляет заботу о своих жителях. Таким образом, *дом* представляет собой многоаспектное и полифункциональное пространство, способное реализовываться через пространственные оппозиции и синонимичные единицы.

Фраза В. В. Путина как в своем исходном, так и в трансформированном виде неоднократно повторялась и самим президентом, и другими политиками, что стало основой появления большого количества контекстов, обыгрывающих данный образ: «*Вернулся Крым в родную гавань, он на чужбине тосковал!*»; (rbc.ru, 18.03.2014); «*Вернулся Крым в родную гавань, теперь на очереди Минск*» (belaruspartisan.by, 24.03.2014). Важно отметить, что за последние пять лет активизация использования метафорического образа *гавани* в медиатекстах происходила дважды. Так, бесспорно, в марте 2014 г. в российской и региональной прессе данная метафора была яркой и у многих ассоциировалась с речью президента РФ. В период с апреля 2014 г. по февраль 2019 г. метафорический образ *гавани* экстраполировался преимущественно на политические события, не связанные с ситуацией в Крыму (см. Глава 4.3. диссертационного исследования).

Интерес журналистов и политиков к актуализации метафорического образа *гавани* усилился в марте 2019 г., когда в прессе появились метафорические образы, построенные на конструкции «*пять лет в родной гавани*». Широкое распространение данного метафорического образа в марте

2019 г. говорит о закреплённости ассоциации в языковом сознании крымчан. Так, фраза «Крым вернулся в родную гавань» утрачивает свою связь с произнесшим ее политическим лидером, а становится символом перехода Крыма в состав РФ: *«5 лет в родной гавани. С момента возвращения Крымского полуострова в состав России исполняется пять лет. Годовщину отпразднуют 18 марта – в этот день в 2014 году был подписан договор о вхождении в состав страны Республики Крым и Севастополя»* (ugra-news.ru, 14.03.2019); *«Крым: 5 лет в России. Каких результатов достиг полуостров в родной гавани?»* (1tvcrimea.ru, 14.03.2019); *«5 лет в родной гавани: как отпразднуют «Крымскую весну» в музеях Керчи»* (kerchinfo.com, 13.03.2019).

В синонимичном значении в политических текстах рассматриваемого периода функционирует лексема *«гнездо»* со сходным набором интегральных компонентов. Отметим, что субстантив *гнездо* в политических текстах реализуется в сочетании с адъективами *российский* и *родной*, что формирует однозначное восприятие данного образа: *«Крым вернулся в родное гнездо. Причём вернулся мирно, без кровопролития и в соответствии с нормами»* (geopolitica.ru, 28.03.2016).

При исследовании политических контекстов обращают на себя внимание особенности реализации ключевой единицы *лоно*: *«Мечта о возвращении Крыма в лоно России»* (uainfo.org, 07.03.2014); *«Крым вернулся в лоно России-Матушки»* (geopolitica.ru, 20.03.2014); *«Вернуться домой, в лоно своего истинного Отечества, было волей жителей, населяющих Крым. На всенародном референдуме, прошедшем 16 марта, воссоединение с РФ поддержали более 96 % крымчан»* (gorodskoyportal.ru, 07.11.2017). *Лоно* в приведенных контекстах рассматривается в двух значениях: в прямом («материнское, историческое») и переносном («то, что является прибежищем для кого-либо, чего-либо»). Именно такая семантическая многоплановость является характерным признаком формирования образа Крыма в политических текстах рассматриваемого периода.

Образ *дома* при переходе Крыма в состав РФ эксплицируется языковыми единицами с интегральными компонентами 'уют', 'комфорт', формирующими в восприятии носителей языка устойчивое видение произошедшего события как позитивной ситуации: «*Возвращение Крыма в родные стены*» (КТ, 29.03.2014); «*Крым вернулся к родному очагу. Это справедливо, что бы ни говорили*» (ИТВ, 02.03.2015).

Политические контексты акцентируют внимание не только на «новом *доме*» – России, но и на «старом *доме*» – Украине, который Крым покидает. Подобные контексты включают в себя глаголы *уходить*, *убегать*: «*Крым уходит от Украины*» (КП, 11.04.2014); «*Крым убегает из Украины*» (К, 19.03.2014).

Возвращение Крыма сопряжено с определенными трудностями, наличием препятствий и сдерживающих факторов. Данный тезис подтверждает использование лексем *дорога* / *путь* и их сочетание с адъективами *долгий* / *трудный*: «*Крым: Долгая дорога домой*» (КП, 18.09.2015); «*Крым: Долгий путь домой*» (inosmi.ru/politic, 17.12.2015).

Контекст «*Крым пришел домой! Встречай его, Родина!*» (ok.ru, 18.03.2014) наводит на устойчивые ассоциации с возвратившимся *домой* солдатом, которого с нетерпением ждут в родном доме. Важно отметить, что контексты *Крым вернулся домой*; *Крым идет домой*; *Крым пришел домой* являются короткими и легко запоминаются, представляют собой своего рода лозунги, которые выполняют манипулятивную функцию.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает многокомпонентность структуры ключевых единиц и специфику актуализации компонентов в метафорических значениях. Образы, формируемые через ключевую единицу *дом*, сопровождаются различной оценкой. Изменение семантики слов проходит не только на денотативном, но и на коннотативном и прагматическом уровнях, где лексемы приобретают новые семантические признаки. Эти признаки и открывают метафорические значения. Приоритеты Российской Федерации и Республики Крым

объясняют преимущественно позитивную оценку современных реалий, что подтверждается доминированием лексем с мелиоративной коннотацией (более 70 % примеров).

Фрейм 2. Переход Крыма в состав РФ – это возвращение в семью

Реализация метафорического образа *семьи* при переходе Крыма в состав Российской Федерации происходит как через ключевую единицу *семья* и ее производные, так и через лексемы, входящие в лексико-семантическое поле *семья*.

Образ *семьи* в русской ментальности является закрепленным, наделен положительными характеристиками и описывается как через определение каждого члена семьи отдельно, так и интерпретацией *семьи* как единого целого. *Семья* в лексикографической традиции представляется как неразрывная целостность, которая включает группу людей, связанных родством. В таком значении *семья* реализуется и в рассмотренных контекстах: «В. В. Путин: Крым и Севастополь **вернулись** в этом году в **родную семью**» (www.bfm.ru/news, 26.12.2014); «**Действительно, вернулись в семью: в Крыму рассказали, как отличается отношение России и Украины к полуострову**» (riafan.ru, 26.10.2018).

При описании образа *семьи* через ключевые единицы, входящие в лексико-семантическое поле *семья*, доминирующей является лексема *мать*. Денотативное содержание «женщина по отношению к ее детям» уходит на периферию, при этом ядерными становятся коннотативные семы 'любовь', 'забота', 'опека', что подтверждается функционированием адъективов *родной, свой, любящий*: «**Крым возвращается сегодня к своей любящей матери-России**» (veshyi-oleg.info, 25.05.2015).

Лексема *мачеха* реализуется в политических текстах вторым лексико-семантическим вариантом: «перен. Кто-л. или что-л., являющиеся враждебными, жестокими», зафиксированном в «Толковом

словаре русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой. В политических контекстах при описании образа Крыма, как правило, лексема *мачеха* реализуется в оппозиции лексеме *мать*. Данная оппозиция строится на основе оппозиций *свой – чужой, добрый – злой, любящий – безразличный*: «Сергей Аксенов: *Россия – мама, Украина – мачеха. Крым и вся Россия в эти дни отмечают пятую годовщину воссоединения Крымского полуострова с Российской Федерацией*» (tass.ru/interviews, 18.03.2019).

Таким образом, в текстах современных политических СМИ образ *семьи* является активным и показывает специфику внутригосударственных, межнациональных и международных отношений. Данный образ формируется как посредством ключевой единицы *семья*, так и через языковые единицы, входящие в лексико-семантическое поле *семья*. Языковые единицы, реализующие образ *семьи*, функционируют в политическом тексте на уровне вторичной номинации и реализуют современные социально-политические тенденции.

6.3 Гастрономическая метафора как источник формирования медийного образа Крыма

При формировании медийного образа Крыма и прежде всего при описании перехода республики в состав Российской Федерации значимое место занимает гастрономический (глуттонический) дискурс, который становится источником ярких и разнообразных метафор. Гастрономическая языковая картина мира формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания в процессе когнитивного освоения действительности. Как отмечают исследователи (П. П. Буркова, Н. П. Головницкая, А. Ю. Земскова, Л. Р. Ермакова, А. В. Олянич, Е. А. Чередникова и др.), образы, которые формируются благодаря языковым

единицам гастрономической лексики, оказывают серьезное воздействие на адресатов.

Гастрономический (или глуттонический) дискурс создается благодаря языковой личности, стремящейся удовлетворить свои базовые потребности и осуществляется на основе глуттонических компонентов. Языковая картина мира включает в себя следующий ряд компонентов: вкусовые ощущения, глуттонические понятия, гастрономические номинации. Данные обобщающие единицы формируют сложную смысловую систему, которая воплощается в языке гастрономии. В свою очередь, язык гастрономии тесно связан с национальным менталитетом, поскольку глуттоническая картина мира формируется под влиянием культурной картины мира и находит свое яркое воплощение в дискурсе.

В своих исследованиях А. В. Олянич определяет гастрономический дискурс как тип массово-информационного дискурса и включает в объем его составляющих пищевой процесс, в который входят добыча, обработку, этапы приготовления и поглощения пищи [Олянич 2003, с. 180]. При многообразии работ, в рамках которых происходит исследование гастрономического дискурса, до сих пор малоизученными остаются особенности реализации гастрономической лексики на уровне вторичной номинации в масс-медийных политических текстах.

Гастрономическая картина мира выражает специфику человеческого бытия и его отношения к пище. Культура питания в русской ментальности является неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Русской национальности характерна позитивная картина мира, в которой доминируют эмоциональные параметры. Глуттонический дискурс носит индивидуальный характер, имеет свою специфику и выражает систему ценностей, которые отражаются в гастрономических номинациях. Они формируются и находят свое воплощение в метафорах, в пословичном и фразеологическом фондах русского языка.

Как показал анализ масс-медийных текстов, гастрономическая лексика весьма активно используется для описания современных политических реалий. Переход Крыма в состав Российской Федерации послужил началом для активного использования гастрономических метафор в масс-медийных политических текстах. Наиболее активно такие метафоры реализуются при описании политических объектов и субъектов, находящихся на территории Крыма, а также комплексной характеристики самого полуострова.

Весьма активно в политических медиатекстах употребляется устойчивая конструкция ***аппетит приходит во время еды***, интерпретируемая в лексикографических источниках как «ситуация, в процессе совершения которой появляется мотивация к продолжению работы» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с. 31]. Данное значение лежит в основе метафорического переноса: в политическом тексте происходит реструктуризация сем, и в ядро переходит семантический компонент ‘политические действия, ведущие к получению государственной либо личной выгоды’: «***Крым** – начало, **аппетит приходит во время еды***» (liga.net, 12.03.2018); «***Аппетит приходит во время еды: Россия только начала обустривать Крым***» (politexpert.net, 24.07.2018); «*Россия в Крыму начинала довольно осторожно, но **аппетит пришел во время еды***» (24tv.ua/ru, 29.01.2018).

Фразеологическая конструкция ***молочные реки и кисельные берега*** на денотативном уровне определяется как «сказочное изобилие; символ достатка и благополучия; символ несбыточного, невероятного» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с. 389]. В медиатекстах в ядро значения конструкции переходят семантические компоненты ‘достаток’, ‘благополучие’, при этом возникает новое значение: «благополучие, достаток в государстве»: «*Нам обещают **молочные реки и кисельные берега в Крыму***» (mixnews.lv, 04.05.2018); «*в Крыму будут – **молочные реки и кисельные берега...***» (ok.ru, 05.07.2016); «*Международные*

связи Республики Крым. Двигаться в сторону Европы – не значит без труда обеспечить себе **молочные реки и кисельные берега**» (politika-crimea.ru, 23.11.2014).

Конструкция **лакомый кусочек (кусок)** зафиксирована во фразеологическом словаре в значении «что-либо заманчивое, привлекательное, соблазнительное» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с. 218]. Закрепленное словарное значение реализуется в политических контекстах: «Сегодня **полуостров – «лакомый кусочек» для инвесторов**» (politexpert.net, 13.10.2018); «**Крым – лакомый кусочек: «Таврида» заинтересовала западных инвесторов**» (politexpert.net, 21.11.2018); «**Севастополь может стать лакомым куском для инвесторов**» (sevastopol.su, 30.05.2018); «**Минобороны готовится освободить лакомый кусок земли в Севастополе**» (sevastopol.su, 30.05.2018); «**Лакомый кусочек: британцы нацелились на Крым**» (utro.ru, 05.02.2019); «**Крым – «лакомый кусочек» для любителей парусного спорта. Туристический сезон в Крыму ещё не закончен, а на полуострове уже обсуждают планы на следующий год**» (demouu1, 26.09.2016); «**Ялта: Ялтинский заповедник – лакомый кусочек Крыма**» (ekomir.crimea.ua, 02.04.2015); «**Для любого вида туризма крымский полуостров представляет собой лакомый кусочек**» (2chang.ru, 26.12.2017).

Еще одной особенностью реализации данной конструкции является то, что ее значение в политических текстах объясняется посредством образования множественного числа: «**Таких лакомых кусочков на территории полуострова – сотни. Желаящие угоститься – пусть даже придется пустить в ход грубую силу – всегда найдутся. Что, впрочем, не удивительно: корнями российско-украинские имущественные споры уходят в лихие 90-е, а цивилизованное решение проблем продвигается черепашьими темпами**» (politexpert.net, 10.01.2019).

Одной из наиболее часто употребляемых конструкций в политическом дискурсе является устойчивая конструкция **вишенка на торте**, которая не

зафиксирована в лексикографических источниках, однако закреплена в сознании русскоязычных носителей в значении «что-либо главное, ценное; обладающее определенной важностью»: *Крымский торт* и украинская *вишенка*. «*Полеты на воздушном шаре – «вишенка на торте» российского Крыма* (goodspider.livejournal.com, 23.06.2017); «*Прошло каких-то три года, и что мы видим? Крым преобразился до неузнаваемости. Сначала там отремонтировали дороги, санатории, жилой фонд. Теперь дошла очередь и до «вишенки на торте». Крым – зона туризма, надо же гостей полуострова удивлять и радовать*» (КП, 17.06.2017).

Активно в политических текстах с единицей «**Крым**» употребляется языковая единица *изюминка*. В медиатекстах данная единица реализуется на основе второго словарного (переносного) значения «то, что придает кому-либо, чему-либо привлекательность, остроту, своеобразие» [Толковый словарь русского языка 2006], однако в политических контекстах значение трансформируется и характеризуется как «что-то особенное, лучшее; выгодное для политического мира»: «*Фарид Мухаметшин: «Крым – это изюминка нашей России, и по-другому быть не может*» (tatar-inform.ru, 22.09.2018); «*Андрей Рюмин: Крым – это изюминка*» (vsesmi.ru, 03.05.2018); «*Член «Христианско-демократического союза Германии», бывший депутат Бундестага Вилли Виммер сообщил, что Крым – «хорошее место» и «изюминка» России*» (rueconomics.ru, 26.04.2017); «*По мнению Виммера, Крым – это изюминка РФ. Поэтому он будет советовать и другим европейским политикам приезжать на российский полуостров*» (vashinovosty.mediasole.ru, 27.06.2017).

При характеристике образа Крыма ключевая единица *соль* реализуется в составе конструкции *не сыпь мне соль на рану* (фраза из одноименной песни В. Добрынина): «*Крым насыпал соли на рану Украине*» (youtube.com, 14.11.2015). «*Соль на раны Киева: в Крыму было два референдума по воссоединению с Россией...*» (politexpert.net, 24.07.2018). В данном контексте конструкция расширяет свое значение и интерпретируется

как «слова, действия, поступки, которые наносят боль, вред определенному субъекту политики».

Еще одним устойчивым выражением, объективирующим образ Крыма, является единица *бутерброд упал маслом вниз*, которая в медиатекстах приобретает значение «*политическая неудача*». В конкстах происходит трансформация конструкции, при этом наблюдается замещение компонента *маслом* на компонент *Крымом*, который при неблагоприятном исходе и может стать политической неудачи: «*Чтобы бутерброд не упал Крымом вниз, было решено спрятать его поглубже*» (apostrophe.ua, 29.08.2017).

Активно употребляемая лексема *вкус* в лексикографических источниках интерпретируется как «ощущение, возникающее в результате раздражения слизистой оболочки языка различными веществами; способность к восприятию подобного ощущения – одно из пяти внешних чувств» [Толковый словарь русского языка 2006]. В политических контекстах языковая единица *вкус* приобретает зависимые компоненты, входящие в объем общественно-политической лексики: «*Крым наш ощущает вкус российской демократии: симферопольский рынок молча сносят под протесты продавцов*» (joinfo.ua, 30.08.2017); «*Именно после Крыма Россия почувствовала свою возвращающуюся к ней силу и вкус к победам*» (www.crimea.kp.ru, 17.03.2018).

Ключевая единица *хлебатъ*, определяемая в лексикографических источниках в значении «просторечное, есть (жидкое), черпая ложкой» [Толковый словарь русского языка 2006], определяется в контексте в значении «получать выгоду»: «*Он [С. Манн – Н. С.] отметил, что, как и все свиньи, крымские сепаратисты, похоже, мечтали хлебатъ из двух корыт*» (vchasnik.ua, 10.12.2013). Использование политическим блогером лексики сниженного стиля подчеркивает его резко негативную оценку действий субъектов текста, которая транслируется на весь дальнейший контекст.

Языковая единица *мед* встречается в контекстах в составе трансформированной устойчивой конструкции: «*Устами Путина, или три ложки дегтя в бочке крымского меда*» (news.rambler.ru, 28.04.2016); «*Украинские националисты называют крымчан шелупонью, а Крым – ложкой дегтя в бочке меда*» (www.sevastopol.ws, 10.19.2015); «*Ложка дёгтя в бочке крымского меда. Опросы общественного мнения подтверждают: подавляющее большинство россиян приветствуют возвращение Крыма*» (www.tula.aif.ru, 21.03.2014). Выражение *три ложки дегтя в бочке крымского меда* образовано от пословицы «Ложка дегтя портит бочку меда», которая была преобразована в крылатое выражение «*ложка дегтя в бочке меду*». Оно обозначает «небольшое зло, недостаток, которые могут испортить все». Именно это значение представлено и в данном контексте: под «*тремя ложками дегтя*» подразумеваются три типа ошибок, которые, по мнению автора медиатекста, совершил В. В. Путин в своей речи, а под «*крымским медом*» – то, что президент России хотел помочь Крыму.

Таким образом, анализ масс-медийных политических текстов дает возможность убедиться в широком образном потенциале языковых единиц, входящих в объем гастрономической лексики и фразеологии. На уровне вторичной номинации в контекстах могут быть реализованы как ключевые единицы, входящие в объем гастрономической лексики, так и устойчивые конструкции с интегральным компонентом 'еда'. Проанализированные языковые единицы реализуются в политических текстах, насыщая их новыми компонентами значений и создавая новые образы.

6.4 Вегетативная метафора как источник формирования медийного образа Крыма

В языковой картине мира любого народа вегетативные метафоры играют важную роль. Данный факт определяется, в частности, тем, что основные этапы человеческой жизни номинируются так же, как и ключевые этапы вегетативного цикла (рост, цветение, созревание, увядание и т.д.). Данный тезис можно в значительной степени экстраполировать на сферу политики и, в частности, на метафорическое описание крымских реалий.

Как показал анализ медиатекстов 2014-2019 гг., моделирование образа Крыма посредством вегетативных метафор происходит на основе метафорической триады *расцветать* – *созревать* – *увядать* и их производных, устойчивых конструкций со стержневым вегетативным компонентом и ключевых слов *росток, поросль, корни, зерно, плоды* и т.д. В диссертационном исследовании мы остановимся на описании каждой из представленных групп.

Как показал анализ медиатекстов, метафорическая триада *расцветать* – *созревать* – *увядать* номинирует различные социально-политические реалии, характеризуя как положительные, так и отрицательные стороны определенных действий, явлений, процессов и ситуаций. Подчеркнем, что глаголы *расцветать*, *созревать* и *увядать* имеют переносные значения, закрепленные в словарях, однако в медиатекстах приобретают новую коннотацию и оттенки значений. Так, в лексикографических источниках словарная статья *расцветать* включает от двух до четырех значений. Наиболее полный спектр представлен следующими лексико-семантическими вариантами: «1. Действие по значению гл. расцветать; образование цветков из бутонов растений. 2. Результат такого действия; также временной период появления цветков; цветение. 3. *перен.* Наивысшая степень развития, подъёма чего-либо, лучшая или очень благоприятная пора в развитии кого-

либо, чего-либо. 4. Расцвет каких-либо исторических событий» [Толковый словарь русского языка 2006].

«Крымская весна» сыграла большую роль для метафорического использования глагола *расцветать*. Корреляция весны и цветения, с одной стороны, и создание позитивного образа Крыма после его вхождения в состав РФ, с другой, сделали данную метафору одним из наиболее частотных экспликаторов образа Крыма 2014-2019 гг. Данный образ отражает различные аспекты развития Крыма, а также последствия Крымского референдума как для самого Крыма, так и для России, Украины и других государств. Анализ показал, что наиболее значимыми сферами метафорической реализации данного глагола и его производных можно считать следующие:

1. Экономический прогресс Крыма: *«Крымская весна расцвела в России»* (Утро.ру, 18.03.2016); *«Расцвет Крыма: доходы бюджета полуострова выросли почти на 25%»* (newinform.com, 28.01.2018); *«Крыму предрекли экономический расцвет к 2020 году»* (Правда.ру, 14.06.2017).

2. Развитие курортной сферы Крыма: *«Крым сегодня: как расцветает главный курорт полуострова»* (Полит Россия, 14.03.2017); *«В последние годы полуостров переживает свой расцвет, благодаря чему туристический поток стабильно растет»* (Тонкости.ру, 14.06.2018).

3. Развитие информационных технологий: *«Цифровая долина» в Крыму «расцветет» к 2020 году»* (Бизнес газета, 14.07.2017).

4. Развитие игорного бизнеса: *«Крым расцветает за счет казино. Владимир Путин внес в Госдуму законопроект о создании на территории полуострова игорной зоны»* (Утро.ру, 21.04.2014); *«В центре Ялты процветает игорный бизнес»* (crimea-news.com, 12.07.2017).

5. Развитие строительства: *«Крым переживает **расцвет** строительства мини-отелей с хорошим сервисом и разумными ценами»* (finance.bigmir.net, 07.09.2015).

6. Развитие рыболовецкого хозяйства: *«**Расцвет** переживает крымское рыболовецкое хозяйство. Вылов рыбы в 2016 году вырос более чем в 2 раза»* (29palms.ru, 13.05.2016).

7. Конструктивные результаты развития Крыма, представленные одновременно в различных кластерах: *«Крым ждёт **расцвета** в экономике, энергетике, туризме»* (regnum.ru, 07.03.2017); *«Украина после неудачного американского путча идет навстречу беде. Крым **расцветает»*** (Ритм Евразии, 23.05.2018).

Интерпретация событий марта 2014 года в Крыму зависит от прагматических установок автора медиатекстов и, соответственно, отличается в украинских и российских СМИ. В связи с этим частотными становятся контексты, транслирующие результаты референдума в Крыму с разными (зачастую, полярными) оценками и коннотациями:

1) Русскоязычные СМИ Украины: *«После аннексии некогда **цветущий** Крым стал стремительно превращаться в пустыню. Оккупационные власти оказались бессильными перед надвигающейся на украинский полуостров экологической катастрофой»* (ukrainianwall.com, 15.03.2017); *«Россия убила Крым! При Украине Крым **расцвел**, а Путин разрушил набережные»* (Новостной фронт, 31.05.2018).

2) Русскоязычные СМИ России: *«Введение санкций и ответные меры Москвы: Крым переживает бурный **расцвет»*** (Южный федеральный, 14.11.2016); *«Пока националистическая киевская власть оставляет после себя на Украине одни руины, Крым, став частью России, **расцветает** на глазах»* (Взгляд, 16.03.2016); *«Российский Крым **расцветает** на глазах: Какие «сюрпризы» готовит полуостров к 2018 году, помимо сдачи керченского моста»* (Взгляд, 25.12.2017); *«Пять лет прошло, и, спешно правя карты, Крым вспоминает новые стандарты. **Расцвел** аэропорт,*

дороги оживают, инвесторы спешат, Крым планы воплощает» (monetoss.ru, 15.03.2019).

В лексикографических источниках глагол **созревать** фиксируется в значении «То же, что зреть (1. Становиться зрелым (в 1 и 2 знач.). 2. (1 и 2 л. не употр.). Наступать, приближаться» [Толковый словарь русского языка 2006. с. 974]. Подчеркнем, что в политических медиатекстах происходит расширение синтагматического потенциала глаголов **зреть/созревать**. Так, с одной стороны в медиатекстах политической направленности фиксируются контексты с закрепленными в словарях компонентами: «*В Крыму зреет напряжение: Люди требуют присоединения к России. Ситуация в центре Симферополя стремительно накаляется, люди, собравшиеся на Антимайдан, стоят на главной площади возле Верховного совета, а напротив них уже выстроились колонны крымских татар, поддерживающих курс Украины в Европу»* (dni24.com, 01.03.2014); «*В Крыму зреет церковный переворот»* (vnews.agency/exclusive, 13.09.2016); «*У Украины созрел план по «освобождению» Крыма»* (<https://politklubok.ru>, 07.05.2018). С другой стороны, в текстах политических СМИ фиксируются и новые сочетаемостные возможности глаголов **зреть/созревать**: («*От УССР до «Крымской весны»: как «созревала» независимость полуострова»* (РИА Крым, 19.02.2019); «*Созревают условия для появления оппозиции в Крыму»* (primechaniya.ru, 06.09.2018); «*В Крыму созрели все условия: за последние три года здесь создан комфортный инвестиционный климат, а также образовалась свободная экономическая зона»* (ridus.ru/news, 22.04.2017).

Метафорический образ **увядания** в медиатекстах реализуется как посредством свободных, так и с помощью синтаксически связанных и фразеологически обусловленных конструкций. В лексикографических источниках глагол **увядать** фиксируется в значении «То же, что вянуть (Терять свежесть, сохнуть)» [Толковый словарь русского языка 2006, с. 1077].

При реализации в медиатекстах данный глагол функционирует в значении «ослабевать в своем проявлении», при этом причиной развития негативной ситуации становятся различные социально-экономические факторы:

1) Экологические проблемы региона: *«Крым «завял» после химических выбросов: страшные снимки»* (znaj.ua, 24.08.2018);

2) Западные санкции и экономические проблемы: *«Крым ждет увядание. Запад продолжает ужесточать санкции против России»* (thekievtimes.ua, 03.03.2016); *«Рубль обрек Крым на увядание – экономист»* (inforesist.org, 18.03.2015).

Подчеркнем, что при реализации в русскоязычных СМИ Украины ключевая единица *увядание* расширяется зависимыми адъективами с семантикой степени интенсивности признака: *«Крым обречен на медленное увядание»* (ru.krymr.com, 12.03.2015); *««Русская весна» принесла в Крым полное увядание»* (vchasnik.ua, 14.03.2016). В русскоязычных СМИ Украины частотным представляется словосочетание *увядающий Крым*, характеризующее переход Крыма в состав РФ как политический шаг, приведший Крым к регрессу и отсутствию перспектив: *«Увядающий Крым. После присоединения Крыма к Украине в 1954 году, Украина электрифицировала, газифицировала и пустила воду в засушливый Крым. И только после этого полуостров начал развиваться. Похоже, что сейчас, после отсоединения от Украины, начался обратный процесс – деградация. Воды нет, поезда не ездят, порты стоят, туристов нет, так ещё и предприятия закрываются»* (stormwarrior.murpage.ru, 12.08.2015).

При метафоризации процесса *увядания* в медиатекстах активно используется конструкция *прошла любовь, завяли помидоры*, которая, по утверждению Л. П. Дядечко, апеллирует к выражению «La pomme de l'amour» («яблоко любви») [Дядечко...]. В денотативном значении данная конструкция определяется как «охлаждение любовных чувств». В политических медиатекстах данная фраза в полном или усеченном виде

свидетельствует о прекращении социально-экономических отношений, договоренностей между государствами или иными политическими субъектами: *«Завяли помидоры. Евросоюз все больше отворачивается от Украины и все больше склоняется к отмене санкций против России, пишет украинское издание РИА Крым»* (crimea.ria.ru, 14.08.2018); *«Прошла любовь, завяли помидоры. Турция не будет принимать корабли, прибывающие из портов Крыма»* (Ф, 13.10.2018); *«Завяли помидоры: Корпорация развития Севастополя не подписала ни одного соглашения»* (crimea.kz, 05.07.2017).

Отражение метафорического образа Крыма и связанных с ним реалий в медиатекстах происходит и с помощью устойчивых конструкций, не относящихся к метафорической триаде *расцветать – созреть – увядать*.

Так, отражение социально-политических реалий происходит при помощи фразеологической единицы *как об (в) стенку (стену) горох (горохом)* и ее дублета *как горох от стены*, определяемых в лексикографических источниках в следующем значении: «Разг. Неодобр. Не воздействует, не оказывает никакого влияния на кого-либо (что-либо сказанное)» [Фразеологический словарь русского литературного языка 2008]. При реализации в медиатекстах реализуются интегральные компоненты 'бесполезный труд', 'невыполнимая задача': *«Об стену горох: Киев создал госслужбу по возвращению Крыма»* (politpuzzle.ru, 21.01.2016); *«Как об стенку горохом: украинские корабли опять попытаются пройти через Керченский пролив»* (crimea-news.com, 19.12.2018); *«Все попытки властей Крыма привлечь китайский бизнес отскакивают как горох от стены. За этой стеной – обида за пропавшие после 2014 года немалые инвестиции, сделанные еще при Януковиче»* (www.infpol.ru, 16.05.2016).

Развитие инфраструктуры региона в медиапространстве описывается с помощью конструкции *при царе горохе*, в денотативном значении определяемой как «Шутл. Очень давно, в незапамятные времена» [Фразеологический словарь русского литературного языка 2008]. При реализации в контекстах фиксируются интегральные компоненты

‘отсталость’, ‘устарелость’, которые лежат в основе иронического потенциала текста: *«В Крыму начали делать то, что должно было быть сделано еще 20 лет назад – устанавливать современные туристические указатели, как это принято во всех странах мира. Или указатели, установленные еще **при царе горохе**»* (КП, 17.01.2015); *«Российская мобильная связь входила в Крым трудно – оборудование было частично разграблено, частично испорчено удирающими из Крыма хунтовскими мародерами. А больше всего было устаревшей еще **при царе Горохе аппаратуры**»* (politnavigator.net, 06.01.2017).

Специфика политических отношений реализуется посредством конструкции **вершки и корешки**, происхождение которой связано с названием одноименной русской народной сказки. Так, при реализации в медиатекстах эксплицируются семантический компонент ‘справедливость’. Подчеркнем, что в подавляющем большинстве контекстов при этом фиксируется ироничная коннотация: *«**Кому – вершки, кому – корешки. Нижняя палата парламента вчера приняла во втором чтении проект федерального бюджета на 2016 год. По сравнению с первым чтением главный финансовый документ страны претерпел существенные изменения: дополнительные средства были выделены на кредитование регионов, решение проблем Крыма и патриотическое воспитание молодежи**»* (newizv.ru, 03.12.2015); *«**Газовые поставки: кому вершки, а кому – корешки. Не только Крым, но и Донбасс сброшен со счетов украинской экономики**»* (riafan.ru, 01.08.2018).

Посредством устойчивых конструкций с вегетативным компонентом описываются условия жизни в Крыму. Так, конструкция **не жизнь, а малина**, определяемая в лексикографических источниках как «Прост. Экспрес. Одно удовольствие (о беззаботном, радостном существовании)» [Фразеологический словарь русского литературного языка 2008] реализуется при описании перспектив Крыма после проведения Крымского референдума:

«Референдум о статусе Крыма запланирован на 16 марта. ... И будет у них *не жизнь, амалина*» (www.city-n.ru, 07.03.2014).

Конструкция *остаться на бобах* («Разг. Без того, на что надеялся, рассчитывал» [Фразеологический словарь русского литературного языка 2008]) характеризует политическую неудачу, при которой субъекты политики не достигают желаемого результата: «*После референдума в Крыму в середине марта полуостров был присоединен к России. США и НАТО остались на бобах*» (inosmi.ru, 06.09.2017).

Весьма активно в медиатекстах реализуется библейское выражение *отделить зерна от плевел*, в денотативном значении восходящее к Новому Завету (Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 24–30). Данная конструкция лежит в основе притчи и определяется в значении «отделить хорошее от дурного, вредное от полезного». Интересно, что *зернами и плевелами* в медиатекстах могут выступать различные социально-политические факторы: *причины и риски* («*Пора отделить зерна от плевел. Период интеграции Крыма в Россию назван переходным, на него отпущено очень мало времени. Чтобы он не растянулся надолго, как затяжная болезнь, не лучше ли сразу отсечь обнажившиеся причины и риски?*» (Взгляд, 13.04.2014); *реальные факты и политические домыслы* («*Американские спецслужбы очень внимательно следят за тем, что происходит у нас, и очень четко отделяют зерна от плевел, реальность от политических криков*») (rusnewstoday24.ru, 12.08.2018); *правда и пропаганда* («*Со многих телеканалов идет вражеская пропаганда, и простому маленькому крымчанину очень трудно отделить зерна от плевел*» (kafanews.com, 07.03.2018); *истинные и ложные причины* политических решений: «*Открытие национальных классов на крымскотатарском языке связывают с признанием Меджлисом присоединения Крыма к России. В результате в какой-то мере от этого мы не смогли найти общий язык. Мы предложили – отделить зерна от плевел и попытаться договориться на благо крымского общества. Не получилось пока*» (www.golos-ameriki.ru, 22.09.2014).

Такое разнообразие образов еще раз свидетельствует о широком ассоциативном фоне библейской лексики и фразеологии, представляющейся значимой частью метафорического моделирования не только образа Крыма, но и всей политической картины мира.

Спектр лексем, лежащий в основе вегетативных метафор, моделирующих метафорический образ Крыма, включает субстантивы **корни**, **росток**, **поросль**, **плоды**.

Как показал анализ, языковая единица **корни** при описании образа Крыма на уровне вторичной номинации реализуется только в форме множественного числа. В контекстах метафорическое значение строится на третьем ЛСВ полисеманта корень, зафиксированном в «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова: «3. перен. Начало, источник, истоки чего-н.». Так, в медиатекстах эксплицируется интегральный компонент 'родство', причем говорится не о генетической связи определенного субъекта или народа, а о родстве с Россией всего полиэтничного региона: «*Крым вернулся в большую русскую семью и вновь обрел свои настоящие корни*» (stockinfofocus.ru, 20.09.2016); «Русский Крым: *историко-цивилизационные корни*» (sevastopol.su, 15.05.2014).

Ключевая единица **росток** в медиатекстах реализуется с опорой на третий ЛСВ, зафиксированный в «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова: «3. перен., обычно мн; чего. Проявление начинающегося развития чего-н.», в сочетании с субстантивным компонентом **демократия**: «*Первые ростки демократии: в Крыму будет выходить украиноязычная газета*» (politinform.net/ukraine, 06.04.2018). Лексема **поросль**, зафиксированная в «Толковом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова в значении «молодые побеги растений от корней, пней или из семян», в медиатекстах номинирует молодых политиков, предпринимающих попытку построить карьеру: «*Поросль на полит-поляне. Как делают карьеры в крымских партиях и движениях*» (КП, 19.04.2017).

При реализации ключевой единицы **плоды** в контекстах, моделирующих метафорический портрет Крыма, наблюдается использование только множественного числа. Образ строится на третьем значении лексемы («3. перен., чего. Порождение, результат чего-н.»), зафиксированном в «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова. В медиатекстах эксплицируется интегральный компонент 'результат', причем данный результат может быть актуален не только для политической, но и для любой другой сферы, связанной с развитием региона: «*«Русская Весна» в Крыму принесла неожиданные плоды*» (pr.rusnext.ru. 24.03.2015); «*Плоды «Крымской весны». Жители республики ощущают эти плоды в разных сферах, в том числе и в культурной жизни, которая испытывает небывалый за последние двадцать с лишним лет подъем*» (Ритм Евразии, 14.09.2016).

Таким образом, вегетативная метафора является важной составляющей метафорического образа Крыма. Актуализируя тесную взаимосвязь человека и природы, метафорические образы, связанные с вегетативной метафорой, символизируют этапы развития региона, его социальные, политические и культурные проблемы, достижения и перспективы.

6.5 Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма

История исследования библейских выражений берет свое начало в IX веке с первых переводов Константином и Мефодием Библии на славянский язык. Библейские тексты остаются важным источником языковых единиц и в XXI веке, а именно фразеологизмов, которые приносят в речь живость и меткость, вызывают сложные эмоциональные ассоциации, способствуют оживлению современного художественного и публицистического текста. Библеизмы имеют отличительные характеристики и функции в тексте. На современном этапе развития науки и общества образность и экспрессивность библеизмов обуславливает их частое использование в различных видах

дискурса, в том числе в политическом. Именно в XXI веке библейские мотивы становятся действенным и сильным инструментом политического воздействия на массы, что достигается не только с помощью семантики фразеологических единиц библейского происхождения, но и способностью библеизмов привлечь внимание аудитории, усилить экспрессивность текста, отразить авторское мнение. Журналисты, политики, общественные и культурные деятели активно обращаются к ярким библейским сюжетам. Неоднозначность интерпретации библейской лексики, разнообразие библейских мотивов объясняют причину выбора журналистами данных образов как источников ассоциирования. Авторы публицистических текстов стремятся привлечь внимание аудитории, просветить и воспитать ее, убедить в определенных истинах с помощью языковых единиц, имеющих в своей основе назидательный, нравственно-дидактический характер.

Библеизмы отличаются семантикой оценочности качеств, свойств, эмоций человека, а также различных явлений и событий. Особенностью библейской фразеологии является назидательный характер, нравственно-этическая тематика, различные наставления, заповеди, предостережения, советы и т.д.

Вышеуказанные характеристики библеизмов становятся весьма востребованными в публицистике. Образные средства со сферой-источником «Библия» весьма активно реализуют себя и в политическом тексте.

Несмотря на многообразие исследований посвященных библейской лексике и фразеологии (работы А. Берих, В.Г. Гака, Ю.А. Гвоздарева, Л.М. Грановской, К.Н. Дубровиной, Н.В. Климович, Н.Б. Мечковской, Е.С. Худяковой), данный языковой пласт требует своего дальнейшего изучения.

Бесспорным является тот факт, что ветхозаветные и новозаветные выражения придают речи образность и вызывают сложные ассоциации, что приводит не только к украшению современного публицистического текста, но и к достижению определенных прагматических целей. Комплексный

анализ особенностей реализации библейской лексики и фразеологии в медиатекстах позволяет выделить следующие функции: 1) обобщающая: библеизмы могут выражать сущность сложных явлений, подводить итог сказанному; 2) оценочная (характеризующая): библеизмы могут служить характеристикой персонажа, поскольку они часто имеют образный характер.

Для выражения собственного отношения к тем или иным политическим событиям авторы текстов весьма активно используют библеизмы и в политических СМИ. Изменение семантики и появление коннотации, которую несет в себе каждый библеизм, использование мотивов и образов, знакомых многим независимо от вероисповедания, служат для сближения автора с аудиторией. Так, в политических СМИ библеизмы реализуют свое значение по отношению к политическим событиям, личностям, объединениям, системам, к государствам и отдельным территориям, а также к документам государственной значимости, при этом следует отметить десакрализацию значений и появление новых коннотативных элементов.

Широкое поле для ассоциирования в русскоязычных СМИ дал переход Крыма в состав Российской Федерации и следующие за этим события. Преобладающее число библейских выражений в текстах СМИ объясняется желанием современных авторов привлечь внимание читателя к событиям и изменениям, происходящим в обществе посредством конструкций, которые глубоко вошли в языковое и культурное сознание людей. Закрепленный за каждым библеизмом образ помогает масс-медийному тексту быстрее и эффективнее достичь своей коммуникативной, а главное суггестивной цели.

Актуализация крымской тематики в СМИ при помощи библеизмов еще раз подтверждает желание авторов медиатекстов привлечь внимание к поднятым в тексте вопросам, а стилистическая окраска, экспрессивность, метафоричность и полисемантность библейских конструкций является мощным орудием влияния на картину мира людей и дает возможность формировать в сознании человека определенное отношение к политической жизни мира в целом и Крыма в частности.

Ассоциативно-прагматический потенциал библеизмов с локативным значением при объективации медийного образа Крыма

Анализ медиатекстов показал, что наиболее активно метафорический образ Крыма реализуется при объективации библеизмов с локативным значением. Данная группа библеизмов представлена в медиатекстах конструкциями *земля обетованная*, *райский сад*, *Содом и Гоморра*, определяемыми на денотативном уровне как с позитивной (*земля обетованная*, *райский сад*), так и с негативной (*Содом и Гоморра*) коннотацией. Так, в фразеологических источниках выражение *земля обетованная* имеет три значения: «1. Место, куда кто-либо страстно мечтает, стремится попасть; 2. Предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.д.; 3. Место, где царит довольство, изобилие, счастье» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с.173]. Конструкция берет свое начало в Библии, согласно тексту которой означает «обещанную землю» (Палестину), а именно землю, которую Бог обещал евреям, выводя их из египетского плена, землю «хорошую и просторную, где течет молоко и мед» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с. 173]. В политическом тексте денотативные значения трансформируются и зачастую теряют религиозный компонент. В условиях контекстной реализации происходит контаминация значений с наведением новых коннотативных компонентов. Необходимо отметить, что в политическом тексте конструкция теряет свое денотативное, религиозное значение и реализует 1-е или 3-е словарное значение. В связи с этим можно разделить контексты на две группы.

1) реализация библеизма с опорой на первое значение, представленное в словаре. В таких контекстах речь идет о территории полуострова, которая стала предметом мечтаний и стремлений побывать там («*Крым – земля*

обетованная» (www.argumenti.ru, 30.07.2015); *«Земля обетованная: В Крыму снят мораторий на выдачу земли и приватизацию госсобственности»* (www.rosinform.ru, 21.05.2014)); *«Крым – это русская земля обетованная. Крым – это гораздо больше, чем заявленное «русское Средиземноморье в миниатюре». Крым по своей миссии в России и своему потенциалу гораздо больше, чем просто южные курорты»* (evpatori.ru, 02.04.2010); *«Безусловно, Крым – земля обетованная»* (tltgorod.ru, 02.10.2010); *«Одним из наиболее предпочтительных вариантов на роль земли обетованной рассматривался Крым»* (sovsojuz.mirtesen.ru, 02.06.2017).

2) реализация библеизма с опорой на третье словарное значение. Следует отметить, что в данных контекстах наблюдается замещение стержневого компонента субстантивом, что характеризует Республику Крым, усиливает ее значимость в общественном сознании (*«Обетованный полуостров»* (www.kandagar.com, 23.09.2015); *«Битва обкомов за обетованный Крым»* (www.ukrainia.ru, 12.01.2016).

Таким образом, в медиатекстах Крым представляется территорией, которая является предметом мечтаний и стремлений (*«Крым – земля обетованная»* (www.argumenti.ru, 30.07.2015)). Примечательным является факт реализации данной конструкции в контекстах с негацией, при этом Крым становится территорией, внутривнутриполитические сложности которой формируют негативное отношение к региону: *«Крым не был землей обетованной»* (www.vedomosti.ru, 17.06.2015); *«Земля не обетованная: почему бегут из Крыма?»* (www.hvylya.net, 11.04.2014). Использование данной конструкции при постановке альтернативного вопроса в заголовочной зоне дает читателю возможность сделать собственный выбор и лишь потом познакомиться с мнением автора-журналиста: *«Крым – земля обетованная или всеобщий концлагерь?»* (www.cont.ws, 21.07.2015).

Интересно отметить расширение конструкции за счет адъективов *крымский* и *русский*, акцентирующих внимание на особенностях реализации

данной конструкции при экспликации анализируемого региона: «*Крымская земля обетованная*» (nvspb.ru, 28.09.2012); «*Крым – это русская Земля Обетованная*» (www.evpori.ru, 10.08.2017).

Не менее частотной при реализации в медиатекстах является конструкция *райский сад*. В Библии под *райским садом* (Эдемом) понимается место первоначального обитания людей (Быт. 2:8). Из-за грехопадения первых людей Бог закрыл для них Рай, поставив на страже Херувима с пламенным мечом (Быт. 3:24). В медиатекстах под *райским садом* понимаются уникальные уголки Крыма. Подчеркнем, что данная конструкция в отличие от предыдущей актуальна для медиатекстов ознакомительно-развлекательной направленности и призвана популяризировать различные регионы Крыма среди потенциальных туристов: «*Словно райский сад эдемский, «Тайган» раскинул владения свои!*» (ok.ru, 18.01.2018); «*Райский сад в парке «Парадиз»*» (ftkimmeriya.ru, 03.09.2015); «Путешествие по Крыму: Бахчисарай – *райский сад*» (polzavred.info, 18.09.2017).

В заголовках политических статей находит отражение библеизм *Содом и Гоморра*. Лексикографические источники указывают, что «конструкция образовалась от названия городов Древней Палестины – Содома и Гоморры, которые, по библейской легенде, были разрушены землетрясением и огненным дождем за грехи их жителей» [Молотков 1978, с. 445]. В лексикографических источниках данный фразеологизм имеет два значения: «1. Крайний беспорядок, суматоха, неразбериха, сильный шум и гам. 2. Разврат и пьянство, царящие где-либо» [Молотков 1978, с. 445]. В заголовках реализуется компонент первого значения фразеологизма, которое сужается до компонента 'беспорядок' по отношению к политике крымских властей: «*Содом и Гоморра в крымской власти*» (КП, 10.09.2017); «*Украинскую политику ожидает «Содом и Гоморра»*» (c-in.ru, 30.01.2017).

Таким образом, библеизмы-локативы формируют как позитивный, так и негативный образ Крыма, направленный на дискредитацию существующих

социально-политических реалий. Доминирование контекстов с позитивной коннотацией обуславливается, в частности, тем фактом, что библеизмы-локативы в медиатекстах эксплицируют образ Крыма не только как геополитического, но и как туристического объекта, который, бесспорно, является весьма привлекательным.

Ассоциативно-прагматический потенциал библеизмов с субъектным значением при объективации медийного образа Крыма

Разнообразие стратегий и тактик, реализуемых в медиатекстах, расширяет список библеизмов с субъектным значением и позволяет разделить их на две группы:

- 1) библеизмы-антропонимы;
- 2) библеизмы-устойчивые конструкции.

Рассмотрим особенности реализации языковых единиц, входящих в данные группы. Наиболее активно в медиатекстах реализуются антропонимы **Иуда** и **Моисей**. В христианстве Иуда – один из двенадцати апостолов, учеников Иисуса Христа, который предал его, выдав первосвященникам за 30 сребреников. В медиатекстах сохраняется денотативный компонент 'предатель', при этом в роли предателя выступают известные в регионе политики: «*Крымский депутат Резун всегда будет носить клеймо «Иуда»*» (Гуру, 31.03.2018). Образ **Иуды** в медиатекстах конкретизируется посредством адъективов, меняющих прагматическую установку контекстов и адресующих их крымским реалиям: «*Кто он – «крымский Иуда» или «патриот»?*» (ru.krymr.com, 07.11.2016); «*Бесславный путь крымского Иуды – от предателя республики до лжегероя Русской весны*» (Конт, 07.09.2016); «*Кто он [Ю. А. Мешков – Н. С.] – «крымский Иуда» или «патриот»?*» (ru.krymr.com, 18.03.2016). При характеристике социополитической ситуации в Крыму используется фразама **Иудин**

поцелуй, закреплённая в лексикографических источниках в значении «предательский поступок, лицемерно прикрываемый проявлением любви, дружбы. Восходит к Евангелию» [Фразеологический словарь, с. 468]. В медиатекстах «иудин поцелуй» определяется как предательство союзника РФ, публично заявившего о своем непризнании Крыма частью России: *«Иудин поцелуй: Крым – украинский, так считает «союзник» Москвы в Риге. Если таков «союзник» Москвы в Риге, то Иуда – лучший апостол»* (regnum.ru; 18.04.2017). В синонимичном значении, как показал анализ медиатекстов, реализуется конструкция объятья Иуды: *«Объятия Иуды: в сети ажиотаж вокруг архивного фото Путина с Кучмой в Крыму»* (apostrophe.ua, 26.06. 2017).

Моисей в Пятикнижии – еврейский пророк и законодатель, который организовал Исход евреев из Древнего Египта. Через Моисея, согласно Библии, Бог показывал беглецам дорогу: он шёл перед ними днём в столпе облачном, а ночью в столпе огненном, освещая путь (Исх. 13:21-22). В медиатекстах антропоним Моисей также используется при характеристике субъекта, обладающего лидерскими качествами и способного стать политическим предводителем: *«Моисей крымских татар»* (Карта мира: Крым, 12.11.2015).

Весьма активно в политических СМИ используется фразеологизм **блудный сын**. Это выражение происходит из библейского сюжета. «В Евангелии есть притча, в которой повествуется о сыне, покинувшем отцовский дом и прокутившем все свое состояние. Возвратившись обратно в свою семью ни с чем, он падает на колени перед своим родителем, который, проявив милосердие и доброту, прощает нерадивого отпрыска» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с. 205]. В «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова отмечается, что устойчивое сочетание имеет несколько значений: «1. Ушедший – по евангельской притче – из родительского дома, а после скитаний и беспутной жизни с раскаянием вернувшийся. 2. перен.

Покинувший какое-л. содружество людей, привычные занятия и т.п. в поисках новой среды и новых занятий, а позднее – обычно после неудач – вернувшийся к прежнему» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с. 205]. В словаре «*Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения*» **блудный сын** определяется как «сын, вышедший из повиновения отцу; употребляется в значении: человек беспутный, нравственно нестойкий, но чаще в значении: раскаявшийся в своих заблуждениях» [Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения 1978].

При частичном сохранении денотативного значения в свете современных политических реалий данная конструкция обрастает новыми коннотациями: «*Всё это действительно напоминает воссоединение семьи, возвращение блудного сына к домашнему очагу*» (gosindex.ru/opinion, 19.02.2015). В политических текстах подчеркивается значимость возвращения **блудного сына**, которая выше материальных или геополитических благ: «*Да, Россия от присоединения Крыма пострадала, но блудный сын вернулся – и это главное*» (newsonline24, 19.01.2016).

Контексты, в которых представлен данный библеизм, можно разделить на две группы. В первой группе **блудным сыном** номинируются политики, принимавшие участие в Крымском референдуме: «*Мустафа Джемилев – блудный непутевый сын Крыма*» (newstes.ru, 21.11.2015). Такие политики, по мнению авторов медиатекста, заняли в марте 2014 года неправильную позицию, что подтверждается расширением конструкции посредством адъектива «непутевый». В контекстах второй группы под **блудным сыном** понимается сам Крым, при этом обращает на себя внимание различие в политических позициях авторов медиатекстов: провластные СМИ рассматривают переход Крыма в состав РФ как «возвращение домой» и апеллируют к прошедшему или настоящему времени: «*Крым, как блудный сын, вернулся к российскому порогу*» (Крымская правда, 24.03.2014); «*Возвращение блудного Крыма. Возвращение состоялось. Что бы кто ни*

говорил о сепаратизме и аннексии, на самом деле это было именно возвращение» (proza.ru, 22.03.2014); «Крым не по своей воле был отделен от России. Крым не грешил и не проматывал свое хозяйство, как **блудный сын** в евангельской истории» (proza.ru, 20.03.2014); «**Возвращение блудного Крыма**. Спустя 60 лет полуостров вновь становится российским – что дальше?» (ok.ru, 16.10.2014). Оппозиционные СМИ ориентируются на возвращение Крыма в состав Украины и апеллируют к будущему времени: «**Крым вернется в Украину, как блудный сын**» (www.hronika.info, 16.12.2015); «Крым, как **блудный сын**, вернется назад. Завтра же» (КП, 30.05.2017).

В медиатекстах происходит замещение субстантива языковыми единицами из социальной, политической, экономической или культурной сфер: «**Блудные депутаты** возвращаются в Крым» (Крым. Реалии, 23.09.2014); «Возвращение **«блудного» гектара**» (Крымская газета, 17.05.2015); «Возвращение **блудного KaZантипа**: быть ли фестивалю в Крыму?» (ru.krymr.com, 28.04.2017); «Возвращение **блудного туриста**. Российские власти предпринимают все большие усилия, чтобы туристы смогли отдохнуть летом в Крыму» (Российский туризм, 18.03.2014); «Возвращение **блудных денег**. Что будет с вкладами Ощадбанка в Крыму?» (KreditorPro.ru, 12.03.2017).

Таким образом, библеизмы с субъектным значением при объективации медийного образа Крыма апеллируют к базовым ценностям носителей русской лингвокультуры и служат основой для полной и глубокой интерпретации языковых единиц, вербализующих образ Крыма в политических текстах. Трансформационный потенциал данных единиц служит индикатором изменений, происходящих в современном мире политики, и активно используется в масс-медийных текстах 2014-2019 гг. при репрезентации метафорического образа Крыма.

Ассоциативно-прагматический потенциал библеизмов с артефактным значением при объективации медийного образа Крыма

Как показал анализ, наиболее активно в медиатекстах реализуются библеизмы *запретный плод, камень преткновения, манна небесная, тридцать сребреников.*

В медиатекстах фразеологизм-библеизм *запретный плод* является ярким выразителем семантики «недозволенности». Устойчивое сочетание берет свое начало в библейском мифе о древе познания добра и зла, плоды которого Бог запретил есть Адаму и Еве [Грановская 1998, с. 325]. В лексикографических источниках *запретный плод* определяется как «что-либо заманчивое, желанное, но недозволенное и запрещенное» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с. 325].

В контекстах наблюдается представление фразеологизма как самостоятельного синтаксического элемента, реализующего свое денотативное, а не религиозное значение («*Запретный плод. Ограничения для российских авиакомпаний и блокада Крыма – удар по Украине*» (www.rishonim.info, 27.09.2015); «*Чем любопытен футбольным фанатам санкционный Крым: запретный плод*» (posylkin.ru.com, 02.07.2018)).

В контекстах, где *запретным плодом* выступают регионы или государства, отмечаются приемы трансформации данного библеизма с помощью замены второго компонента конструкции элементом, указывающим на территории государственного значения («*В «запретный» Крым едут иностранцы*» (www.politobzor.net, 19.06.2015), «*«Запретный» Крым сладок*» (НГ, 26.01.2016)).

Запретный плод – желаемая, но недостижимая цель, которая, как показал анализ, может быть связана с социально-политическими реалиями, имевшими место в последние пять лет. Так, одним из наиболее существенных ограничений представляются затруднения во взаимодействии между Крымом и Украиной, что связано с появлением контрольно-

пропускных служб, приграничных конфликтов, запретов на пересечение украинско-крымской и крымско-украинской границ: «**Запретный плод**, как известно, сладок. Если так пойдет и дальше, то поездка в Крым для украинцев станет более желанной, чем безвизовый режим с ЕС» (aif.ru, 05.03.2016); «Крымский мост заставляет украинцев нарушать законы и унижать своего президента. Этот **запретный плод** настолько сладок для граждан Украины, что ни антироссийская политика Порошенко, ни принадлежность полуострова России не в состоянии оградить их от путешествия через Керченский пролив» (vistanews.ru, 18.08.2018).

Таким образом, фразеологизм библейского происхождения **запретный плод** номинирует различные социально-политические реалии, претерпевая при этом различные трансформации структуры и существенно расширяя сферу своего приложения. В политической сфере те или иные политические объекты, связи, отношения могут стать не просто предметом желаний, а необходимостью, которой следует достичь.

Яркая образность в контексте достигается и с помощью устойчивых конструкций. Так, в политическом тексте активно функционирует конструкция **манна небесная**. Согласно библейскому мифу, **манна небесная** – это пища, которую Бог посылал иудейскому народу каждое утро с неба, когда «сыны Израиля» шли пустыней в страну обетованную.

Анализ показал, что в контекстах данный библеизм, как правило, не претерпевает трансформаций, преимущественно реализуется в заголовках политических текстов и требует обращения к тексту самой статьи во избежание двусмысленного толкования: «Крымчане думали, что сразу после присоединения к России на них **прольется манна небесная**» (www.business-gazeta.ru, 12.07.2014) или «**Манна небесная** от МВФ. Как и с чем ее едят» (news24ua.com, 13.03.2015). Нередко данным устойчивым сочетанием называют государственные явления («Санкции как **манна небесная**» (www.compromat.ru, 09.10.2014)) или социально-политических субъектов («Экс-посол США в РФ Макфол назвал Сноудена **манной небесной** для

Путин и объяснил, зачем тот забрал Крым» (www.newsru.com, 03.07.2014)). В лексикографических источниках *манна небесная* интерпретируется как «определение чего-либо конкретным желаемым и крайне необходимым». Таким образом, представленные политические явления и субъекты характеризуются как желательные для развития того или иного государства или укрепления позиций того или иного политического субъекта.

В первоначальном значении устойчивое сочетание *камень преткновения* встречается в Ветхом Завете в Книге пророка Исаии. Согласно Библии, под *камнем преткновения* понимается «камень, положенный Богом на Сионе, о который «претыкаются» неверующие или те, которые не покоряются строгим законам». Современные лексикографические источники интерпретируют данную конструкцию как «препятствие на пути к достижению какой-то цели или решению какой-либо задачи» [Фразеологический словарь русского языка 1978, с. 192].

В религиозном значении языковая единица *камень преткновения* в медиатекстах не находит своего отражения. При этом ядерными становятся семантические компоненты 'препятствие' и 'непреодолимость', которые формируют данный образ в политических контекстах. Реализуясь в политических контекстах, конструкция *камень преткновения* претерпевает различные трансформации и характеризует как ситуации, связанные с внутренней политикой Крыма и РФ, так и внешнюю политику государства. Как показал анализ масс-медийных текстов, при характеристике внутренней политики *камнем преткновения* может быть как сам Крым, так и внутривнутриполитические проблемы и ситуации: «*Крым – это камень преткновения для нашей оппозиции*» (КП, 21.02.2016); «*Главным камнем преткновения в Крыму стала недвижимость*» (rg.ru, 11.11.2014); «*Паспорт России стал камнем преткновения для крымчан*» (an-crimea.ru, 04.06.2014).

При описании крымских реалий менее частотным представляется использование фразеологизма «подводный камень», определяемого в лексикографических источниках как «подвох, скрытая опасность в данном направлении» [Фразеологический словарь русского языка 1978]. Так, как показывает анализ медиатекстов, актуальная для Крыма проблемой по-прежнему остается языковая политика, характеризующаяся наличием трех широко употребляемых языков: «Крым: *Подводные камни государственного трехязычия*» (eadaily.com; 26.05.2015). В контексте описываются трудности, которые могут возникнуть во многих сферах жизнедеятельности при постановлении официально закрепить за Крымом три государственных языка.

Конструкция *тридцать сребреников* в денотативном значении определяется как «плата за предательство, которую получил Иуда Искариот, согласившись выдать Иисуса Христа первосвященникам», и упоминаются в Евангелии от Матфея (Мф. 26:14–16 и Мф. 27:3–10), Евангелии от Марка (Мк. 14:10–10) и Евангелии от Луки (Лк. 22:1–6). В медиатекстах под *тридцатью сребрениками* в оппозиционных СМИ понимается плата украинским властям за переход Крыма в состав РФ: «Отказ от Крыма за *тридцать сребреников*» (infoline.ua, 01.05.2018); «Платный патриотизм. Крым продается за *30 сребреников*» (video-zona.press, 31.12.2017).

Таким образом, вторичные значения фразеологических единиц с артефактным значением коррелируют в контекстах, при этом наблюдается процесс индуцирования сем и расширение валентностных возможностей устойчивых конструкций, формирующих образ Крыма в языке СМИ 2014–2019 гг.

Ассоциативно-прагматический потенциал библеизмов с семантикой наказания в русскоязычных медиатекстах

Переход Крыма в состав РФ до сих пор остается предметом дискуссий, внутригосударственных и внешнеполитических конфликтов. Политики и политологи, журналисты и обыватели по-разному оценивают данное событие, давая ему полярную характеристику: от абсолютного блага и исторически обоснованной ситуации до военной агрессии со стороны России и предательства крымчан. Именно вторая точка зрения стала причиной появления и широкого распространения в медиатекстах фразеологизмов-библеизмов с семантикой наказания.

Как показал анализ, в текстах СМИ, объективирующих образ региона, данные единицы апеллируют к 10 египетским казням – страшным наказаниям, постигшим египтян за отказ фараона отпустить евреев из египетского плена. События, описанные в Ветхом Завете (Исх. 7-12), транслируются на современную социополитическую ситуацию в Крыму, показывая деструктивную позицию определенных политических субъектов по отношению к региону: *«Геноцид Крыма: египетская казнь от Украины»* (politrussia.com, 06.02.2018).

При моделировании метафорического образа Крыма посредством отсылки к египетским казням обращает внимание возможность реализации развернутых метафорических сценариев, ярким примером которых является статья *«"Казни египетские" и другие крымские итоги. Реплика Андрея Норкина»*, в которой дается оценка действиям, проведенным против крымского региона: *«...Критики и противники воссоединения предрекали крымчанам скорую гибель от "казней египетских", которые должны были обрушиться на полуостров. Частично они оказались правы. ...был и внешний фактор: отключение водоснабжения, продовольственная блокада, диверсии на линиях электропередачи... Это было прямое и явное желание уничтожить своего врага. Однако ООН уже абсолютно недвусмысленно*

высказалась относительно организаторов разнообразных блокад Крыма. Так что и с "казнями" для Крыма тоже как-то не сложилось» (www.vesti.ru, 18.03.2016).

Важно отметить, что в моделировании метафорического образа Крыма задействовано описание только двух из десяти казней (8 казнь – нашествие саранчи и 9 казнь – тьма), что связано со спецификой событий, произошедших в регионе за последние пять лет.

Так, в июле 2017 года в Крыму было зафиксировано небывалое для региона количество саранчи, прилетевшей из Краснодарского края. Данный факт стал поводом для устойчивой ассоциации, репрезентируемой, в частности, в следующем контексте: *«Казни египетские. Крым оккупировала саранча. В Крым саранча попала из близлежащего Краснодарского края России, где саранча накапливается годами»* (leg0ner.livejournal.com, 18.07.2017). Создание антироссийскими журналистами устойчивого образа Крыма как региона, избегаемого туристами, стало причиной появления следующего примера: *«Казни египетские или туристы наконец-то прилетели? Крым атаковали полчища саранчи. В Крыму наблюдается нашествие полчищ саранчи, которые попали на оккупированный Россией полуостров с территории РФ»* (v-n-zb.livejournal.com, 19.07.2017).

Не менее значимой при отражении крымских реалий 2014-2019 гг. является конструкция *тьма египетская*. В денотативном значении *тьма египетская* в Библии – это «темнота, составлявшая одну из египетских казней и бывшая осязаемой» (Исх. 10:21). В масс-медийных текстах при объективации образа Крыма *тьма египетская* в значении «темнота, отсутствие света» реализуется при описании так называемого «крымского блэкаута» (ноябрь 2015 г. – январь 2016 г.), когда из-за энергетической блокады Крыма путём повреждения на территории Херсонской области опор линий электропередачи, связывающих полуостров с континентальной Украиной, регион остался без электричества: *«Севастополь: тьма египетская отступила, но в головах без просветления»*

(www.webcache.googleusercontent.com, 30.12.2015); «*Севастополь тьмой египетской не напугать. В Крыму готовы к внезапным вывертам государственной воли Украины*» (www.contextap.ru, 02.10.2015).

В медиатекстах большинство конструкций претерпевает структурные изменения, вследствие которых адъектив *египетская* замещается адъективом *крымская*: «*Тьма крымская: прокурор обещает карать, а энергетиков не пускают к подорванным ЛЭП*» (www.donbass.ua, 22.11.2015); «*Иными словами, тьма крымская сгущается. Возможно, не только для Крыма*» (www.enovosty.com, 01.12.2015); «*Тьма крымская. В ночь на 22 ноября прекратилась подача электроэнергии из Херсонской области Украины в Крым*» (kolokolrussia.ru, 25.11.2015); «*Тьма крымская. Кто ответит за диверсию на ЛЭП?*» (rusnord.ru, 29.10.2015).

Таким образом, реализация конструкции *тьма египетская* в медиатекстах связана преимущественно с конкретным политическим фактом. Как показал анализ, при отражении других событий в регионе конструкция не была востребованной и не фиксировалась на уровне вторичной номинации.

При создании метафорического образа Крыма фразеологизмы-библейзмы с семантикой наказания играют важную роль, подчеркивая и образно раскрывая позицию отдельных журналистов и политиков по отношению к региону.

Ассоциативно-прагматический потенциал библейзмов-зоонимов при объективации медийного образа Крыма

Зоонимичная лексика со сферой-источником «Библия» выразительнее, чем многие другие тематические группы, отображает особенности осмысления внеязыковой действительности. Отличительной чертой переносных значений, формируемых на основе данного пласта лексики,

является социально-оценочный характер производных единиц. Широкий ассоциативный потенциал зоонимичных образов не определяется как признак именно современной эпохи, а относится к глубокой древности. Как показал анализ, наиболее частотными библеизмами-зоонимами, эксплицирующими крымские реалии, являются следующие: ***волк в овечьей шкуре, голубь мира, козел отпущения и заблудшая овца.***

Известная характерологическая конструкция *волк в овечьей шкуре* фиксируется в Библии, в Евангелии от Матфея (гл. 7, ст. 15), в следующем контексте: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». В текстах Библии *волки* символизируют врагов, которые выступают против христианского учения и его приверженцев. Так, согласно Евангелию от Луки, Апостолы уподобляются ягнтям, находящимся среди *волков*, то есть врагов: «Я посылаю вас, как агнцев среди волков» (Лук. 10:3). В других библейских контекстах *волк* аллегорически символизирует собой расхитителя и опустошителя: «Волк пустынный опустошит их» (Иер. 5:6). В Ветхом Завете за свою жестокость гонители евреев сравниваются с волками лютыми.

Таким образом, можно сделать вывод, что на начальном этапе развития христианства с образом *волка* связывались негативные характеристики, присущие наиболее деструктивным лицам и персонажам. Данный факт и определяет широту использования образа *волка* и устойчивую негативную коннотацию при функционировании данной единицы в контекстах.

Сравнивая лжепророков с *волками*, в приведенном фрагменте Евангелия от Матфея Иисус указывает на то, что их кротость и невинность являются притворными, тогда как их истинные характеристики – лицемерие и жестокость.

В современной русской языковой картине мира конструкция *волк в овечьей шкуре* является весьма активной и в лексикографических источниках фиксируется в значении «злой, свирепый человек, притворяющийся кротким

и безобидным, опасный лицемер» [Фразеологический словарь русского литературного языка 2008].

В текстах политических СМИ, моделирующих метафорический образ Крыма, данная конструкция активно функционирует, приобретая новые семантические оттенки. Так, фразеологизм-библеизм *волк в овечьей шкуре* используется авторами-журналистами для характеристики ряда политических субъектов и объектов, злоупотребляющих своими полномочиями или проявляющих коварство, лицемерие под маской порядочности и добродушия. При этом контекстное окружение устойчивой конструкции объясняет значение контекста: «**Волк в овечьей шкуре: Мустафа Джемилев** [председатель Меджлиса и один из лидеров крымских татар до марта 2014 г. – Н.С.] *призывает к миру, а сам готовится к войне*» (КП, 05.05.2016). В данном контексте показаны хитрость и лукавство политического деятеля, которые характеризуют Мустафу Джемилева как двуличного, лицемерного человека, который ведет непоследовательную и выгодную для себя политику; говорит одно, а делает другое.

Для усиления денотативного значения и придания иронической стилистической окраски устойчивой конструкции в текстах СМИ наблюдается использование антитезы: «*На прощание уже бывший замполит Кузнецов при встрече с еле передвигающим ноги Кудусовым с досады бросил: «Я думал, что ты овца, а ты оказался волком в овечьей шкуре»*» (Москва-Крым, 12.06.2018). В данном контексте противопоставление *овцы* и *волка в овечьей шкуре* подчеркивает умело сыгранную политиком роль, важную для его политической карьеры.

Важно отметить, что в политических медиатекстах, освещающих крымские реалии, конструкция *волк в овечьей шкуре* расширяет свой синтагматический и парадигматический потенциал и активно реализуется во множественном числе, характеризуя не конкретного субъекта, а совокупность субъектов, совершивших лицемерный поступок. Наиболее часто таких субъектов можно отнести к следующим тематическим группам:

1. **Организации или органы политической власти:** *«Волки в овечьей шкуре»* пытаются править бал. Полпред президента в Крымском федеральном округе Олег Белавенцев сообщил, что «шокирован уровнем коррупции в регионе» [...] многие годы коррупция на Крымском полуострове процветала под прикрытием правоохранительных органов, отдельные работники которых принимали участие в «крышевании» и организации коррупционных схем» (Новости Крыма, 27.07.2014); *«Волки в овечьей шкуре. Чьи интересы отстаивают некоммерческие организации в сельском хозяйстве?»* (КП, 10.10.2017); *«Волки в овечьей шкуре, вредящие нашему городу! «Севпарки» [региональная общественная организация «Развитие севастопольских парков» – Н.С.] распространяют клевету и смущают жителей Севастополя»* (crimearf.info, 26.11.2018).

2. **Региональные политики:** *«Ещё весной идея оставлять в управлении Крымом доставшихся в наследство от Украины управленцев казалась разумной, но рискованной. Сейчас, в трудную для всей России и особенно Крыма минуту, эта идея показала себя с опасной стороны. Волки в овечьих шкурах начали показывать свое истинное лицо»* (sevastopol.su, 09.01.2015); *«Наталья Поклонская добродетель или волк в овечьей шкуре?»* (<https://zen.yandex.ru>, 01.02.2019); *«У Натальи Поклонской совесть есть, в отличие от 328 волков в овечьей шкуре»* (Лица власти, 20.07.2018).

3. **Субъекты гражданского права:** *«Волки в овечьей шкуре. Русские, особенно из Крыма, по чужим паспортам строят себе карьеру в США»* (politua.org, 19.02.2019); *«Волки в овечьей шкуре: чем опасны бесплатные консультации лже-юристов»* (Крым. Реалии, 09.02.2019); *«Настоятель храма пророка Божия Или в Евпатории, протоирей Георгий Куницын просит главу местной администрации Андрея Филонова открыть в городе пляж для nudистов. «Дальше что? Православное ЛГБТ-общество? Прошу вашей помощи остановить этого волка в овечьей шкуре», – воззвал к редакции один из читателей»* (АН-Крым, 08.08.2017).

4. **Государства и регионы:** *«Волк в овечьей шкуре. Пытаясь выдать себя за пострадавшую сторону»* [об Украине – Н.С.] в керченском инциденте, стремится всю вину свалить на РФ» (123ru.net, 28.05.2019); *«Волки в овечьей шкуре. Крым и Севастополь снова в составе России. Историческая справедливость восторжествовала»* (Конт, 21.10.2016).

Как показал анализ, весьма активно при функционировании конструкции *волк в овечьей шкуре* в медиатекстах, отражающих крымские реалии, является использование языковой игры. Так, в одном из контекстов назначение на должность Отари Аршба трактуется как «съедение», то есть смещение с должности Натальи Поклонской: *«Поклонскую «съел» волк в овечьей шкуре. Единоросс Отари Аршба – глава комиссии по доходам и этике депутатов Госдумы. Он возглавил ее недавно, после смещения Натальи Поклонской с этого поста»* (www.9111.ru, 16.10.2018).

Вторым примером языковой игры может послужить трансформация устойчивой конструкции *волк в овечьей шкуре*, связанная с замещением зоонима *волк* на созвучную фамилию председателя Республиканского комитета по информации Вадима Волченко: *«Волченко в овечьей шкуре. В день журналистики 6 мая в программу «Открытая политика» (канал ГТРК «Крым») пригласили гостей, в числе которых был Вадим Волченко. Он тут же набросился на журналистку Первого российского канала, упрекая ее в негативном освещении Крыма за рубежом»* (Аргументы недели. Крым, 10.06.2013). Еще одним примером трансформации конструкции может послужить следующий контекст: *«Анатолий Волков: министр в овечьей шкуре. Министр транспорта Крыма Анатолий Волков покинул свой пост»* (04.04.2017). В приведенном контексте зооним *волк* замещается субстантивом *министр* при созвучной фамилии Волков.

Отметим, что при реализации в составе устойчивой конструкции ключевая единица *волк* в текстах СМИ может замещаться другими зоонимами при сохранении семантики конструкции: *«Не надо шакала одевать в овечью шкуру: Украинские заступники Ахтема Чийгоза,*

осуждённого сегодня, 11 сентября, Верховным судом РК на восемь лет за организацию массовых беспорядков в Симферополе 26 февраля 2014 года, мечтают, чтобы он сидел пожизненно, дабы самим не отрываться от кормушки» (regnum.ru, 11.09.2017).

Как показал анализ медиатекстов, глаголы *одевать (надевать) / сбрасывать* весьма активно реализуются в составе анализируемой устойчивой конструкции, показывая этапы трансформации личности политика: *«Тарута сбросил овечью шкуру: требует «зачистки» Донбасса и Крыма «любой ценой»* (Русская весна, 23.11.2014).

Анализируя функционирование фразеологизма-библейзма *волк в овечьей шкуре* следует отметить, что председатель Государственного совета Республики Крым В.А. Константинов часто использует данную конструкцию в своих выступлениях для характеристики украинских политиков, действия которых, по мнению В.А. Константинова, не позволяют считать их надежными: *«Константинов испугался волков в овечьей шкуре. Об этом на последнем заседании «парламента» заявил спикер «Госсовета» Крыма Владимир Константинов, отметив необходимость «защиты от волков в овечьей шкуре». ««Мне неожиданно пришла мысль, что мы с вами будем идти по улице Пушкина и вдруг нам навстречу встретятся волки такие в овечьей шкуре, например, Сенченко или Куницын», – сказал Константинов»* (vestikavkaza.ru, 27.02.2015).

Предложение властей Крыма разработать региональный закон о запрете въезда в Республику политиков, которые поддержали проведение военной операции Киева в Донбассе, стало причиной для создания образа на основе исследуемой конструкции: *««Волки в овечьей шкуре» не должны приезжать в Россию. «Я сегодня говорил о «волках в овечьей шкуре», нам объявляют санкции, списки расширяются, нам необходимо на законодательном уровне обозначить людей, которых мы не хотим видеть на территории Крыма и РФ, людей, которые запятнали себя позором*

поддержки нацистского режима, братоубийственной войны на Юго-Востоке», – отметил Константинов» (yasnonews.ru, 01.03.2015).

Интересной является еще одна фраза В. Константинова, в которой исследуемая конструкция функционирует в трансформированном виде: *«Владимир Константинов: мы вовремя **под овечьими шкурами** разглядели **волчий оскал**» (politika-crimea.ru, 27.02.2015).*

Устойчивое выражение *метать бисер перед свиньями* фиксируется в Евангелии от Матфея (гл. 7, ст. 6), где приведены слова из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». В современных лексикографических источниках данная конструкция фиксируется в значении «напрасно говорить о чём-либо или доказывать что-нибудь тому, кто не способен или не хочет понять это».

В текстах СМИ анализируемый фразеологизм-библейзм имеет экспрессивную окраску и используется с иронической коннотацией. Интересным является тот факт, что в большинстве контекстов дается развернутая интерпретация конструкции, что связано прежде всего с прагматическими установками автора журналиста: опасаясь низкой узнаваемости и, как следствие, некорректного понимания ее значения, автор сам комментирует потенциальному адресату денотативное содержание библейского фразеологизма, объясняя тем самым причину и цель его использования в медиатексте в контексте той или иной политической ситуации: *«Бисер и свиньи. Есть такой фразеологический оборот: **метать бисер перед свиньями**, то есть высказывать мысли и чувства тому, кто не способен или не хочет понять и оценить их по достоинству. Судя по снимкам, кое-кто не смог оценить по достоинству стремление городских властей создать в парке на проспекте Гагарина, в районе стелы космонавтов, комфортную среду. Иначе как объяснить тот факт, что установленные здесь скамейки оказались перевернутыми, а окружающее*

пространство завалено пустыми бутылками? Поступок, конечно, свинский» (Слава Севастополя, 17.08.2018).

В других политических контекстах авторы прямо дают отсылку к тексту Библии, указывая не только на источник конструкции, но и на ее характеристику в Священном писании: *«Крым есть и будет всегда частью РФ, несмотря на резолюцию ОБСЕ». По мнению депутата Госдумы Виталия Милонова, «метать бисер перед свиньями» можно, но в Священном писании написано, что это дело бесполезное и даже вредное»* (www.1sn.ru, 10.07.2017).

Интересными являются примеры трансформации конструкции, при которых происходит замещение зоонима *свиньи* другими субстантивами, номинирующими субъектов. В подобных конструкциях подчеркивается лишь бессмысленность тех или иных политических действий: *«Зачем метать бисер перед хынзырами. Последние события в Крыму свидетельствуют о том, что переговоры с Меджлисом, по инициативе Минтимера Шариповича Шаймиева проводившиеся на самом высоком уровне, не имели смысла, а эта организация принципиально недоговороспособна»* (24.04.2014); *«Не метать бисер перед Западом. Идея повторного референдума о статусе Крыма лишена какого бы то ни было смысла»* (www.km.ru, 27.05.2015); *«На полуострове начали метать бисер перед приездом куратора Крыма и ФЦП Козака. Срочно проводятся совещания и объезды объектов»* (Крымский канал, 11.10.2018).

Бесспорно, наиболее активно конструкция *метать бисер перед свиньями* в медиатекстах реализуется при оценке событий в Крыму в феврале-марте 2014 г. Так, показательными представляются контексты, в которых Украина и США не соглашаются с правомерностью выбора крымчан, тогда как крымчане не интересуются их мнением по данному вопросу: *«Киев и Вашингтон настаивают, что Республика Крым не имела права на объявление независимости, поскольку не испросила у Киева*

разрешения на проведение референдума. А смысл метать бисер перед свиньями?» (Голос Севастополя, 14.08.2016).

Как показал анализ медиатекстов, в контекстах политической направленности анализируемая конструкция активно используется с негацией и глаголом в форме императива, что подчеркивает бесполезность и безрезультатность проведения диалога: *«Не мечите бисер перед свиньями: в Госдуме «оценили» совет ПА ОБСЕ отказаться от Крыма»* (riafan.ru, 09.07.2017).

Выражение *голубь мира* восходит к Библейскому рассказу о голубе, принесшем Ною в ковчег ветвь маслины (Бытие, 8: 10–11). Контекстуальное значение опирается на денотативное, при этом словосочетание *голубь мира* реализуется с яркой позитивной коннотацией: *«В небе над Крымом воспарил голубь мира»* (komtv.org, 26.07.2016); *«Голуби мира для Крыма. Москвичи отважились на еще одну пацифистскую акцию, которая была организована против военного конфликта в Крыму»* (www.festinato.ru, 04.03.2014); *«Голубь мира» Кремля. Резолюция по Крыму признает Россию оккупирующей стороной и призывает ее руководство обеспечить в Крыму доступ для мониторинга ситуации по правам человека»* (inosmi.ru, 21.11.2016).

Козел отпущения, согласно религиозным представлениям, – особое животное, которое после символического возложения на него грехов еврейского народа отпускали в пустыню. *Козел отпущения* в медиатекстах представляется символом искупления и берет на себя вину за деструктивные действия, к которым не имеет отношения: *«Провал крымской операции. Поиски козла отпущения»* (ЗН, 04.05.2015); *«На Украине нашли нового «козла отпущения», которого обвинили в присоединении Крыма к России»* (politobzor.net, 19.08.2017); *«Крымские козлы отпущения»* (Обозреватель, 01.09.2017); *«В поисках козла отпущения, или новости Крыма»* (nesekretno-net.ru, 30.03.2017).

Словосочетание *заблудшая овца* фиксируется в Новом Завете, в Евангелии от Матфея (гл. 18, ст. 12 – 13), где сказано следующее: «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяносто девяти не заблудившихся». Выражение встречается также в Евангелии от Луки (гл. 15, ст. 4 – 6). В лексикографических источниках отмечается, что так говорят о человеке беспутном, сбившемся с правильного пути. В медиатекстах данное словосочетание встречается преимущественно во множественном числе, характеризуя не конкретного субъекта, а ряд политиков, злоупотребляющих своими полномочиями или проявляющих некомпетентность в ведении дел: «Крымский спикер надеется после нового года **вернуть своих заблудших овец в стойло**» (kafanews.com, 18.12.2018); «Пресс-служба КР ПСПУ намекает, что лидеры Ялтинской и Алуштинской парторганизаций – предатели или **заблудшие овцы**» (www.kianews.com.ua, 20.04.2017); «Украина всё делала, что бы вернуть **«заблудших овец»**, жителей **Крыма**, обратно» (КП, 22.04.2018); «Как **заблудшая овца** в стадо вернулась. Телеканал «Россия 1» проанонсировал 8 марта показ фильма Андрея Кондрашова под названием «Путь на Родину», который поведаст зрителю о том, как Крым вернулся на Родину» (andergx.livejournal.com, 09.03.2015).

Таким образом, анализ библеизмов-зоонимов позволяет выявить характерные особенности моделирования образа Крыма и способствует процессу формирования положительного или негативного отношения к происходящим событиям и ситуациям в регионе. Анализ показал, что, наряду с устоявшимися и стереотипными значениями, в массмедийных текстах реализуются и новые, нетипичные значения, которые позволяют по-новому охарактеризовать определенные политические, экономические и иные действия.

Выводы

Прагматическое содержание медиатекстов политической направленности определяет тот факт, что при наведении коннотативных компонентов слова и устойчивые сочетания, репрезентирующие переход Крыма в состав РФ и особенности последующего развития региона, приобретают мелиоративную и пейоративную коннотацию и способны участвовать в процессе метафорического моделирования политического события. В диссертационном исследовании был проведен анализ наиболее значимых языковых фактов, формирующих образы и сценарии, ценные для описания общественно-политической ситуации в Крыму в 2014–2019 гг. Подчеркнем, что «метафорический взрыв» при моделировании образа Крыма наблюдался прежде всего в медиатекстах в феврале-марте 2014 г., что связано с высокой эмоциональной заряженностью текстов того периода.

Единицы образной системы, моделирующие образ Крыма в информационной реальности, придают контекстам образность, насыщенность, выполняют оценочно-экспрессивную функцию. В контекстах наблюдается отсутствие аксиологической закреплённости, при этом ироничный оттенок при комментировании ситуации чередуется с серьёзностью отношения авторов-журналистов к описываемым политическим событиям, явлениям, личностям. Специфика моделирования метафорического образа Крыма напрямую связана с политической позицией автора медиатекста. Так, украинские русскоязычные СМИ формируют преимущественно деструктивный образ региона, что связано с политическими конфликтами, сопровождающими переход Республики Крым в состав РФ. Русскоязычные СМИ России моделируют неоднозначный портрет региона, обращая внимание как на успехи Крыма и положительную динамику его развития, так и на экономические, политические, экологические, культурные, социальные и иные проблемы

внутри самого региона и актуальные сегодня сложности во внешнеполитических отношениях Республики Крым с международными партнерами.

При объективации метафорического образа Крыма в медиатекстах используются вербальные сообщения в виде метафор и трансформированных прецедентных единиц, которые отличаются богатством языковых средств, сложностью взаимодействия с контекстом, различными способами воздействия на адресата. При моделировании метафорического образа Крыма в русскоязычном медиадискурсе реализуются преимущественно единицы образной системы, входящие в следующие тематические группы: **социокультурные реалии** (*дом, гавань, очаг, гнездо, лоно, семья, мать, мачеха* и т.д. – всего 278 словоупотреблений), **гастрономическая сфера** (*аппетит, вишенка на торте, лакомый кусочек, изюминка, ложка меда* и т.д. – всего 119 словоупотреблений), **фитоморфная сфера** (*расцветать, созревать, увядать, корни, росток, поросль, плоды* и т.д. – всего 136 словоупотреблений), а также слова и устойчивые конструкции, апеллирующие к **Библейским текстам** (*Земля обетованная, райский сад, Содом и Гоморра, Моисей, Иуда, блудный сын, запретный плод, камень преткновения, манна небесная, тридцать сребреников, тьма египетская, волк в овечьей шкуре, голубь мира, козел отпущения, заблудшая овца* и т.д. – всего 211 словоупотреблений). Процентная соотношенность тематических групп указана на графике:

Метафорическое моделирование образа Крыма в русскоязычном медиапространстве 2014-2019 гг.

Важно отметить, что языковые единицы, репрезентирующие военную метафору, при описании образа Крыма были единичными. Так, вооруженные противостояния в феврале-марте 2014 г. и последующие угрозы в адрес Крыма в медиатекстах преимущественно описывались посредством военной лексики в ее денотативном значении без использования языковых единиц на уровне вторичной номинации. Доминирование контекстов, построенных на основе метафорической модели «переход Крыма в состав РФ – это возвращение домой», подтверждает устойчивую положительную оценку данного события в языковом сознании россиян и, в частности, крымчан. Анализ медиатекстов приводит к выводу о высокой частотности образов, связанных с Библией, что говорит о широком ассоциативном потенциале данной сферы, глубоко закрепленной в наивной картине мира носителей русской лингвокультуры.

Комплексный анализ метафорического образа Крыма дает возможность определить особенности его интерпретации как в языковой картине мира

крымчанина, так и в современной политической картине мира, выявить корпус языковых средств, формирующих данный образ в информационном пространстве, проследить динамику его моделирования с учетом социально-политических реалий и прагматических установок автора медиатекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование, проведенное в рамках лингвистической дискурсологии, проливает свет на многие вопросы, связанные с особенностями категоризации мира в языке политики. Систематизация теоретической базы по метафорическому моделированию с позиций семантико-когнитивного подхода и применение полученных результатов при комплексном анализе метафорического моделирования русскоязычного медиадискурса 2009–2019 гг. позволило выявить ключевые образы и сценарии, эксплицирующие современную социально-политическую реальность.

В работе был проведен комплексный анализ принципов реализации когнитивных доминант *пространство – направление – движение* как значимых составляющих современного медиапространства, отраженных в политических медиатекстах посредством широкого спектра единиц образной системы с опорой на парадигматические, синтагматические, эпидигматические и ассоциативные связи их репрезентантов. В исследовании подтверждена значимость метафорического моделирования как доминирующего способа воздействия политиков и журналистов на субъектов политической коммуникации путем формирования конструктивных или деструктивных образов государств, политических лидеров, партий, организаций.

Процессы манипулирования массовым адресатом в политических медиатекстах предполагают целенаправленное аксиологическое моделирование информационной реальности, обусловленное экстралингвистическими факторами. Изучение медиатекстов позволило доказать, что вторичные значения лексических и фразеологических единиц, объективирующих когнитивные доминанты *пространство – направление – движение*, коррелируют в контекстах, при этом наблюдается процесс индуцирования сем и расширение валентностных возможностей слов и

фразем, формирующих двучленные и многочленные конструкции атрибутивного и глагольного типов. Выявленное оценочное содержание метафор, построенных на основе когнитивных доминант *пространство – направление – движение*, уточняет соотношение мелиоративной и пейоративной направленности метафорических переносов, при этом конфликтность современного политика предопределяет доминирование образных средств, реализующих в контекстах пейоративную коннотацию.

Проведенное исследование подтвердило, что процессы глобализации, наблюдаемые во всех сферах социально-политической деятельности, приводят к сближению и взаимодействию метафорической системы различных культур, что позволяет выявить как общие тенденции метафорического отражения современной политической реальности, так и ее национально-специфические особенности. Важную роль в установлении таких особенностей играют метафоры, построенные на основе универсальных категорий, которые имеют глубокие культурно-исторические корни и широкий ассоциативный потенциал, отраженный в современных медиатекстах. Этим и обусловлена ценность изучения установленных когнитивных доминант, сущностными составляющими которых являются образность и оценочность.

Комплексный анализ когнитивных доминант *пространство – направление – движение*, проведенный в диссертационном исследовании, позволил смоделировать современную политическую картину мира как многовекторный конструкт, зависящий от историко-политических и социокультурных факторов. В качестве иллюстрации был предложен анализ метафорического образа Крыма 2014–2019 гг., включающий лингвокультурологические, лингвополитологические и социолингвистические составляющие.

Описание когнитивных доминант *пространство – направление – движение* проводилось автором диссертации с опорой на систему оппозиций *горизонталь / вертикаль, верх / низ, открытость / закрытость,*

реализующих наведенную контекстом коннотацию. Представленные оппозиции отражают многополярность и многовекторность современной политической коммуникации, ценностные ориентиры общества и государства и непосредственно связаны с аксиологической шкалой, которая определяет зависимость интерпретации коннотативных особенностей образных средств от цели и задач автора медиатекста.

Корпус примеров из русскоязычных медиатекстов 2009–2019 гг., включающий 9680 единиц, демонстрирует следующее соотношение единиц образной семантики, репрезентирующих исследуемую когнитивную оппозицию: *горизонталь* – 3972 словоупотребления (41,1 %), *открытость / закрытость* – 2870 словоупотреблений (29,6 %), *вертикаль (низ)* – 1470 словоупотреблений (15,2 %), *вертикаль (верх)* – 1251 словоупотреблений (12,9 %), *иное* – 117 словоупотреблений (1,2 %).

Метафорическая модель «политика – это дорога / путь», лежащая в основе моделирования *горизонтального вектора* когнитивной оппозиции *горизонталь / вертикаль*, определяет особенности реализации в текстах политических СМИ таких доминирующих семантических признаков, как ‘движение’, ‘цель’ ‘направление’, ‘место’ и ‘время’. Целевой и признаковый компоненты, объективированные единицами с локусной семантикой или атрибутивными конструкциями, эксплицируют возможность и / или способность политического субъекта достичь политические или социальные цели или начать к ним движение. Неоднородность единиц образной семантики с локативным значением определила необходимость проведенной в исследовании классификации, которая заключалась в распределении и анализе слов и фразем с учетом грамматического, семантического и прагматического критериев.

Вертикальный вектор категории *пространство* не является однородным и репрезентируется посредством языковых единиц, входящих в универсальную оппозицию *верх / низ*. Исследование слов и фразем с пространственной семантикой показало, что в основе категоризации

политического пространства, репрезентированного единицами универсальной оппозиции вертикального вектора *верх / низ*, лежит трехмерная оппозиция *политика – вершина – пропасть*, определяющая специфику реализации метафорических значений в тексте. Анализ современных медиатекстов показал существование широкого арсенала единиц образной системы, актуализирующих *вертикальный вектор* категории *пространство*.

Ключевыми вербализаторами *верха* в вертикальном векторе пространства являются лексемы *гора, вершина*; вербализаторами *низа* выступают лексемы *пропасть, бездна, пучина, трясина, яма, дно, ров, обрыв, воронка* и *водоворот*. Посредством данных языковых единиц, зафиксированных на уровне вторичной номинации с высокой степенью коннотации, в политических медиатекстах анализируются значимые социально-политические изменения, описывается стремление политических субъектов к сотрудничеству или типичные для современного общества конфликты.

Агрессивность политического мира начала XXI века определяет разнообразие метафорических моделей, подчеркивающих проблемы, характерные как для внутренней, так и для внешней политики современных государств. Наиболее очевидной данная идея становится при реализации в политических СМИ метафорической модели «политика – это яма / пропасть», построенной на основе фреймов «яма / пропасть – движение вниз», «яма / пропасть – достижение низшей точки», «яма / пропасть – движение к цели». В русскоязычных медиатекстах политической направленности образы и сценарии, сформированные на основе интегрального компонента *низ*, имеют закрепленную пейоративную коннотацию, что определяется особенностями славянской и общеевропейской мифопоэтической картины мира. Коннотация единиц образной системы, объективирующих в контекстах интегральный компонент *верх*, не является закрепленной и зависит от контекстного окружения и коммуникативных стратегий адресанта.

Интенциональный характер использования языковых единиц, репрезентирующих оппозицию *открытость / закрытость*, коррелирует также с аксиологической шкалой, которая определяет зависимость интерпретации коннотативных особенностей образных средств от установки и предпочтений автора медиатекста. В работе установлено, что оппозиция *открытость / закрытость* реализуется за счет противопоставленности префиксов при тождестве корневой морфемы. Данная оппозиция лежит в основе моделирования современного политического мира с опорой на систему координат, четко регламентирующую «свое» и «чужое» пространство. Специфика актуализации коннотативных сем обусловлена как контекстным окружением языковых единиц, так и их прагматическим содержанием. Анализ русскоязычных СМИ показал, что в языке политики коммуникативные ситуации с *открытым* пространством оцениваются положительно, в то время как *закрытое* пространство маркируется отрицательно. Сформулированный тезис определяет значимость ценностной составляющей в данной семиотической оппозиции и апеллирует к особенностям национальной картины мира.

При репрезентации когнитивной оппозиции *открытость / закрытость* в русскоязычных политических СМИ обращает на себя внимание значимая роль метафорического образа *дома*, который очерчивает освоенное человеком замкнутое пространство. Анализ показал, что представленная когнитивная оппозиция в медиатекстах структурируется преимущественно на основе ключевых единиц *дверь, окно, форточка, ворота, забор* в сочетании с префиксальным глагольным рядом градационного типа *распахнуть / распахивать – открыть / открывать – приоткрыть / приоткрывать – прикрыть / прикрывать – закрыть / закрывать – хлопнуть / хлопывать*. Такие комбинации лексем реализуются с образным значением и закрепленной коннотацией (*распахивать* – хорошо / *хлопать* – плохо), что придает политическому тексту новые прагматические смыслы.

В основе взаимодействия когнитивных систем адресанта и адресата политического медиатекста лежит широкий спектр прецедентных феноменов, участвующих в процессе кодирования и декодирования информации. Значимая роль прецедентных феноменов как единиц образной системы политического медиапространства обусловлена богатым арсеналом манипулятивных средств, акцентирующих внимание адресата на важных для адресанта нюансах, комментариях, действиях или стратегиях политического субъекта или актуальных социополитических событиях.

Частотность прецедентных единиц с интегральным локативным компонентом (2120 контекстов) и вариативность их коннотации позволяют говорить о том, что они занимают одно из центральных мест в современной политической картине мира. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в текстах политических СМИ статус прецедентных получают топонимы *Вавилон*, *Чернобыль*, *Майдан*, *Банковая*, *Межигорье*, гидронимы *Рубикон* и *Лета*, оронимы *Олимп*, *Парнас* и *Голгофа*, при этом бесспорным считаем тот факт, что доминирующую роль играют прецедентные единицы, источником которых являются социополитические события конца XX – начала XXI вв. Определение денотативного содержания и особенностей функционирования прецедентных онимов с интегральным локативным компонентом позволяет охарактеризовать общественно-политические, экономические, научные и культурные события посредством единиц образной системы, аккумулирующих в себе культурно значимую информацию.

При анализе медиатекстов обращает на себя внимание тот факт, что особенности интерпретации прецедентных топонимов, апеллирующих к событиям конца XX – начала XXI вв., напрямую зависят от личности интерпретатора и его политических взглядов. Наиболее очевидной данная идея становится при комплексном анализе прецедентного топонима *Майдан*, представленного в медиатекстах как символ бескровной смены власти или как причина хаоса и политической нестабильности.

Прецедентные онимы, апеллирующие к историческим событиям, сюжетам из Библии и древнегреческой мифологии, отличаются широким трансформационным и коннотативным потенциалом, связанным с фоновыми знаниями адресата. Построенные на их основе образы определяют особенности осмысления современных социально-политических реалий и становятся средством репрезентации экономических, политических и других злободневных проблем современного общества и государства.

При репрезентации когнитивных доминант *направление* и *движение* центральную роль играют единицы образной системы, входящие в тематическую группу *транспорт*. Вариативность слов и фразем, репрезентирующих в политических медиатекстах 2009–2019 гг. *транспортную метафору* (127 единиц), и их частотность (2937 словоупотреблений) позволяют сделать вывод о значимом потенциале транспортной лексики как источнике образности. Продуктивность рассматриваемой сферы-источника обусловлена наличием интегрального компонента 'движение', характерного как для транспортной лексики, так и для современных политических процессов и действий. Присущие транспортной метафоре синтагматические и парадигматические возможности влияют на широкое распространение вторичных значений языковых единиц, выступающих в качестве неотъемлемой составляющей коммуникации в корпусе политических СМИ.

Аксиологическое содержание метафор, репрезентирующих в политических медиатекстах метафорическую модель «политика – это транспортная система», позволяет уточнить количественную и качественную соотнесенность языковых единиц с мелиоративной и пейоративной коннотацией. Особенности современного политического мира определяют тот факт, что в медиатекстах очевидным становится превалирование образных средств с деструктивной семантикой. При репрезентации метафорической модели «политика – это транспортная система» в объем таких языковых единиц вошли, в частности, номинации

транспортных средств, обладающих разрушительной силой (*танк, бронетранспортер, каток, экскаватор* и многие другие). Активное использование в медиатекстах данных единиц на уровне вторичной номинации формирует негативный образ современного политика, подчеркивает несовершенство современной политической системы, придает теме текста такую аксиологическую значимость, которая соответствует прагматической установке журналиста.

При классификации языковых единиц, формирующих в медиатекстах метафорическую модель «политика – это транспортная система», обращает на себя внимание количественное доминирование метафорических образов, связанных с *наземным и водным транспортом* (1455 и 1205 словоупотреблений соответственно), что обусловлено рядом экстралингвистических факторов, лежащих в основе ассоциирования данных видов транспорта с действиями политических субъектов.

Языковые единицы, формирующие систему метафор со сферой-источником «транспорт», характеризуются многокомпонентностью семантической структуры и особенностями семного варьирования в политических контекстах, что определяет модификацию слов и фразем, формирующих пространство политического текста. Посредством выявления интегральных и дифференциальных компонентов и установления ассоциативно-образного потенциала языковых единиц в исследовании были определены ключевые метафорические образы, характеризующие специфику метафорического смыслообразования и стоящих за ним национального менталитета и особенностей современной политической системы. Такие метафорические образы были организованы посредством слов и фразем, объективирующих *наземный, водный и воздушный транспорт* на уровне вторичной номинации и отражающих особенности политической картины мира.

В диссертации было установлено, что в медиатекстах в состав единиц образной системы входят не только нарицательные, но и собственные имена,

включающие названия транспортных средств, ставших частью языкового и культурного сознания носителей русского языка. Проведенный анализ показал, что сферами-источниками таких единиц могут быть исторические факты (прецедентное имя *Титаник*), художественная литература (прецедентное имя *птица-тройка*) и мифологические тексты (прецедентное имя *Летучий голландец*). В текстах политических СМИ наблюдается актуализация вторичных значений данных языковых единиц, что приводит к появлению новых образов. Конфликтность и неопределенность, характеризующие современную социополитическую реальность, обуславливают широкое распространение метафорических образов, имплицитно или эксплицитно содержащих семы 'угроза', 'опасность' и 'внезапность'.

Проанализированный автором материал свидетельствует о специфике реализации в медиатекстах собственных имен, которые в текстах политических СМИ функционируют прежде всего для пародирования атрибутов современной реальности. В основе создания новых образов лежат возможности языковой игры и дополнительной информативности, а также их парольный, прагматический, экспрессивный и эстетический потенциал. Результаты анализа рассмотренных единиц образной системы доказывают специфику переосмысления массовой культурой политических реалий, авторитетов, эталонов, участвующих в формировании образов прошлого, настоящего и будущего. Данный факт формирует образную составляющую масс-медийных текстов и прагматический потенциал газетных статей, представляя политический мир через национально-специфические языковые единицы.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что современный медиадискурс аккумулирует и организует систему языковых средств, заимствованных из различных сфер-источников, одним из которых является корпус популярных песен. Данный тезис подтверждает факт о том, что известные в определенной культуре песни отражают общественно-

исторический опыт, реалии социально-политического устройства конкретной страны или региона; события, значимые для мира в целом. В текстах политических СМИ с помощью слов и конструкций, входящих в песенный фонд и объективирующих категориальный компонент *транспорт*, моделируются новые образы и сценарии, отражающие специфику социально-политической ситуации страны или характеризующие политических субъектов и их действия. Как показали результаты исследования, источниками прецедентности преимущественно становятся народные песни, песни, посвященные Великой Отечественной войне, советские песни (прежде всего песни из советских кинофильмов), а также популярные песни 1990-х годов. Ценность и значимость исследования русскоязычного песенного материала определяются тем, что песенный дискурс аккумулирует в себе ключевые для русского языкового сознания смыслы, глубоко и полно отражающие в медиатекстах современные социополитические реалии.

Важное место в диссертационном исследовании было отведено метафорическому моделированию образа Крыма 2014–2019 гг. в русскоязычных медиатекстах. В работе было доказано, что Республика Крым находится на коммуникативном переломе, результатом которого становится формирование новой коммуникативной личности. Картина мира современного крымчанина включает широкий спектр образных средств, значительная часть которых моделируется контекстами. Было выявлено, что метафорический образ Крыма в политических медиатекстах 2014–2019 гг. отличается широким ассоциативным фоном и зависимостью от прагматических установок их авторов.

В диссертации был проведен анализ наиболее ценных языковых фактов, формирующих образы и сценарии, актуальные для описания общественно-политической ситуации в Крыму в 2014–2019 гг. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что «метафорический взрыв» при моделировании образа Крыма наблюдался прежде всего в медиадискурсе в феврале-марте 2014 г., что связано с высокой эмоциональной заряженностью

текстов того периода. Метафорическое моделирование образа Крыма в русскоязычных СМИ 2014–2019 гг. с опорой на лингвистические и экстралингвистические факты свидетельствует о неоднозначности его интерпретации, обусловленной прагматическими установками адресанта и его политическими предпочтениями, а также целевой аудиторией медиапродукта.

Создание и анализ корпуса языковых единиц, формирующих метафорический образ Крыма в политических медиатекстах, позволяют выявить специфику его интерпретации в языковой картине мира современного крымчанина, определить объем и содержание языковых средств, моделирующих данный образ в политическом медиапространстве, проследить динамику его моделирования с учетом социально-политических реалий и прагматических установок автора медиатекста.

Углубление теоретической базы метафорического моделирования с позиций семантико-когнитивного подхода и применение полученных данных при комплексном анализе метафорического моделирования русскоязычного медиадискурса 2009–2019 гг. позволяют выявить ключевые образы и сценарии, эксплицирующие современную социально-политическую реальность. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в лексикографической практике при создании словаря, систематизирующего единицы образной системы современного медиапространства.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ПЕЧАТНЫЕ СМИ

- АиФ – Аргументы и факты (газета)
АН – Аргументы недели (газета)
АиФ-У – Аргументы и факты – Украина (газета)
В – Ведомости (газета)
Вн – Время новостей (газета)
ДС – Деловая столица (газета)
Г – Гудок (газета)
Д – День (газета)
З – Завтра (газета)
ЗН – Зеркало недели (газета)
И – Известия (газета)
КВ – Киевские ведомости (газета)
К-В – Коммерсантъ – Власть (журнал)
КИ – Крымские известия (газета)
КП – Крымская правда (газета)
КП-У – Комсомольская правда – Украина (газета)
К – Корреспондент (журнал)
МН – Московские новости (газета)
МК – Московский комсомолец (газета)
НВО – Независимое военное обозрение (газета)
НГ – Независимая газета (газета)
Нг – Новая газета (газета)
НИ – Новые известия (газета)
НовГ – Новая газета (газета)
О – Однако (журнал)
Ог – Огонек (журнал)
П – Профиль (журнал)
ПГ – Парламентская газета (газета)
РГ – Российская газета (газета)
Рр – Русский репортер (журнал)
С – Сегодня (газета)
Сб – События (газета)
Сс – Совершенно секретно (газета)
Т – Труд (газета)
Тр – Трибуна (газета)
Фт – Факты (газета)
ФиК – Факты и комментарии (газета)
Ф – Фокус (журнал)
2000 – 2000 (газета)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопова, Д.Р. Политический текст: понятие и жанровая специфика / Д. Р. Акопова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 2. – 2014. – С. 22–24.
2. Александрова, О.В. Общие и частные проблемы филологии и когнитивной лингвистики / О.В. Александрова // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр.; под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 40–45.
3. Алексеев, К.И. Функции метафоры в политической речи / К.И. Алексеев // Познание. Общество. Развитие: научное издание / Ред. и сост. Д. В. Ушаков. – М., 1996. – С.150–161.
4. Алексеева, А.А. Образы референдумов в Крыму и Шотландии (на материале британских и российских СМИ) / А.А. Алексеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Новосибирск, 2015. – Т. 14. – №6. – С. 164–170.
5. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
6. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов: учеб. пособие / А.Г. Алтунян. – М.: Логос, 2006. – 384 с.
7. Амиров, В.М. «Крымская» тема: аргументы политической борьбы в публикациях российских и зарубежных СМИ / В.М. Амиров // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 3 (129). – С. 52–55.
8. Андерсон, Р. Каузальная сила политической метафоры / Р. Андерсон // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – С. 72–91.

9. Анкин, Д.В. Отсутствующая метафора / Д.В. Анкин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 4(16). – С.5–12.
10. Анисимова, А.А. Роль метафоры в структуре политического дискурса / А.А. Анисимова // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2006. – Т.1. – С.42–44.
11. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – М., 1995. – Т. 2. – С. 629–650.
12. Аристов, С.А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С.А. Аристов, И.П. Сусов // Лингвистический вестник: сб. науч. тр. – Ижевск, 1999. – Вып. 1 – С. 5–10.
13. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель // ред. и вступ. ст. З.Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978–1983 (Серия «Философское наследие»). – 1978. – Т. 2. – 688 с.
14. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель // ред. и вступ. ст. А.И. Доватура, Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1978–1983 (Серия «Философское наследие»). – 1983. – Т. 4. – 832 с.
15. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособ. для ин-тов и ф-тов ин. языков / И.В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1991. – 140 с.
16. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд // научн. ред. Л.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 444 с.
17. Арутюнова, Н. Д. Вступление. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Семантика начала и конца [отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. – М.: «Индрик», 2002. – 648 с. – С. 3–19.

18. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с. – С. 136–137.
19. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – 499 с. – С. 5–32.
20. Арутюнова, Н.Д. Путь по дороге и бездорожью / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна, 1999. – С. 3–17.
21. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
22. Арутюнова, Н.Д. Язык цели / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – 166 с. – С. 11–23.
23. Аршинов, В.И. Синергетическое движение в языке / В.И. Аршинов, Я.И. Свирский // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М., 1994. – С. 32–47.
24. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х т / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 1995. – 414 с.
25. Базылев, В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса / В.Н. Базылев // Политический дискурс в России – 2: Материалы рабочего совещания-семинара. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 5–8.
26. Базылев, В.Н. Национальная идентичность: фрагмент русской общественно-политической мысли / В.Н. Базылев // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – Выпуск 16. – Екатеринбург, 2005. – С. 5–12.

27. Балашова, Л.В. Прецедентные феномены политического дискурса в современных русских социолектах / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. – № 4. – 2011. – С. 34-42.
28. Балашова, Л.В. Русская метафорическая система в развитии: XI – XXI вв. / Л.В.Балашова. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. – 632 с.
29. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Едиториал УРСС. – 2001. – 360 с.
30. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
31. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. РАН. СЛЯ. – 1997. – № 1. – С. 11–21.
32. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2003. – № 2. – С. 73–94.
33. Баранов, А.Н. Речевое воздействие и аргументация. Рекламный текст. Семиотика и лингвистика / А.Н. Баранов. – М.: Высшая школа, 2000. – 327 с.
34. Баранов, А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
35. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика./ Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994.– 616 с.
36. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – 424 с.
37. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: 1997. – С. 227–244.
38. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

39. Бацевич, Ф.С. Термінологія комунікативної лінгвістики: аспекти дискурсивного підходу / Ф.С. Бацевич // Вісник Нац. ун-ту «Львів. політ.». – № 453. – 2002. – С. 30–34.
40. Белозерова, Н.Н. Когнитивные модели дискурса: учеб. пособие для студ. и асп. лингв. и филол. фак. вузов / Н.Н. Белозерова, Л.Е. Чуфистова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004. – 254 с.
41. Белт, Т. Политическое убеждение путём метафорического моделирования / Т. Белт // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып.2 (22). – С. 18–25.
42. Бельчиков, Ю.А. «Что было выражено словом, то было и в жизни...» / Ю.А. Бельчиков // Русская речь, 1993. – №3. – 30–35.
43. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист // под ред., с вступ. статьей и комментарием Ю.С. Степанова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 448 с.
44. Бердяев, Н.А. О власти пространства над русской душой / Н.А. Бердяев // Судьба России: Сочинения. – М.: Мысль, 1990. – С. 59–64.
45. Бердяев, Н.А. Судьба России: Сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 736 с.
46. Бессонова, Л. Е. Категория адресации в программных речах политиков / Л.Е. Бессонова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24 (63). – 2011. – № 4. – Ч. 2. – С.213–219.
47. Бессонова, Л.Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса / Л.Е. Бессонова // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Т. 16 (55). – № 1. – Симферополь, 2004. – С. 22–27.
48. Библия. – М.: Российское Библейское общество, 2011. – 1246 с.
49. Бирюкова, Н.С. О типах прецедентных феноменов / Н.С. Бирюкова // Известия УрГПУ. Лингвистика; Урал. гос. пед. ун-т / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 60–66.

50. Блинникова, И.В. Семантика и процессы порождения речи / И.В. Блинникова // Когнитивная психология: учебник [для студентов вузов]; под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 480 с. – С. 145–170.
51. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб.: Изд-во СПбГУ. – 1993. – 67 с.
52. Богданович, Г.Ю. Еще раз о дискурсе и тексте / Г.Ю. Богданович // Культура народов Причерноморья. – № 30. – Симферополь: ТНУ, 2002. – С. 109–112.
53. Богданович, Г.Ю. Межкультурная коммуникация: Крым как имя собственное / Г.Ю. Богданович, Т.Ю. Новикова // Современная картина мира. Крымский контекст. Коллективная монография. Книга 2. – Симферополь, 2018. – 336 с. – С. 43–56.
54. Богданович, Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Оджакъ, 2015. – 296 с.
55. Богородицкий, Б.Л. К истории фразеологизма «бросать (бросить) якорь» / Б.Л. Богородицкий // Литература и общественная мысль Древней Руси. Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. – Л. – № 24, 1969. – С.331–339.
56. Бодрийар, Ж. Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийар // Поэтика и политика. Альманах российско-французского центра социологии и философии. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. – С. 193–226.
57. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 25–36.
58. Болдырев, Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке / Н.Н. Болдырев // Типы знаний и их репрезентация в языке. – Тамбов, 2007. – С. 2–15.

59. Болдырев, Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании Н.Н. Болдырев // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с. – С. 212–217.
60. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 5–22.
61. Богородицкий, Б.Л. К истории фразеологизма «бросать (бросить) якорь» / Б.Л. Богородицкий // Литература и общественная мысль Древней Руси. Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. – Л. – № 24. 1969. – С.331–339.
62. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л., 1978. – 176 с.
63. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
64. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
65. Борисова, Е.Г. ИмPLICITная информация в рекламе и пропаганде / Е.Г. Борисова, Ю.К. Пирогова // ИмPLICITность в языке и речи. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 145–151.
66. Бородулина, Н.Ю. Метафора в аспекте проблемы интердискурсивности / Н.Ю. Бородулина, А.И. Звягина // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Лингвистика»: науч. журн. – М.: МГОУ. – № 2. – С. 13–15.
67. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 526 с.
68. Будаев, А.В. Зарубежная политическая лингвистика. Учебное пособие / А.В. Будаев, А.П. Чудинов, 2006. – 252с.
69. Будаев, Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской

действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Э.В. Будаев. – Екатеринбург, 2006. – 220 с.

70. Будаев, Э.В. Методологические грани политической метафорологии / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Выпуск (1) 21. – Екатеринбург, 2007. – С. 22–31.

71. Будаев, Э.В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте / Э.В. Будаев // Аналитика культурологии. – № 3 (9). – 2007 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=368. Проверено 25.02.2017.

72. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – 2007. – №1. – С. 16–32.

73. Булыгина, Т.В. «Правда факта» и «правда больших обобщений» / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М., 1995. – С. 126–133.

74. Бурдые, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые // пер. с фр. Т.В. Анисимова и Ю.В. Марковой, отв.ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Прагматика культуры, Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.

75. Бутахина, Л.А. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Л.А. Бутахина, А.В. Филлипова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – № 2. – 2012. – С. 7–14.

76. Бутенко, А.П. Политические мифы сегодняшней жизни: что и кто стоит над ними / А.П. Бутенко // Социологические исследования. – №6. – 1994. – С. 157–158.

77. Бушев, А.Б. Украинский кризис 2014 года в освещении мировых медиа / А.Б. Бушев // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления. Материалы Международной научной конференции. Главный редактор А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». 2014. – С. 37–42.

78. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 502 с.

79. Валиулина, Т.А. Опыт оценки влияния медиапропаганды на содержание интернет-дискуссий (на примере анализа полемик о присоединении Крыма) / Т.А. Валиулина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М., 2015. – С. 158–166.

80. Варченко, В.В. Цитатная речь в медиа-тексте / В.В. Варченко. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 240 с.

81. Васильев, А.Д. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении / А.Д. Васильев. – Красноярск: Флинта, 2000. – 224 с.

82. Васильев, Л.М. Семантические, грамматические и когнитивные категории языка / Л.М. Васильев // Языковая семантика и образ мира: Тезисы междунауч. научн. конф. Кн. 1. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. – С. 3–4.

83. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

84. Вернадский, В.И. Пространство и время в неживой и живой природе / В.И. Вернадский // Философские книги натуралиста. – М.: Наука, 1998. – 520 с.

85. Вершинин, М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М.С. Вершинин. – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2011 – 253с.

86. Водак, Р. Взаимосвязь «Дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Р. Водак // Современная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – С. 123–136.

87. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак // пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

88. Вольф, Е.М. Метафора и оценка / Е.М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – М.: Прогресс, 1988. – С. 65–82.

89. Воркачев, С.Г. Болевые точки российской лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 10. Ставрополь, 2012. – С 47–51.

90. Воркачев, С.Г. Основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Аспекты метакоммуникативной деятельности. Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж, 2002. – С. 79–95.

91. Воробьева, О.В. Политическая лингвистика : политический язык как сфера социальной коммуникации: [монография] / О. В. Воробьева. – М. : ИКАР, 2008. – 296 с.

92. Воробьева, О.И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи: [монография] / О.И.Воробьева. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 2000. – 120 с.

93. Ворожцова, О.А. Функции прецедентных феноменов в политическом дискурсе / О.А. Ворожцова // В мире научных открытий. – № 1. – 2010. – С. 148–152.

94. Ворошилова, М.Б. Алексей Леонидович! Нашупали дно?: Прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе / М.Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 3(33). – С.61–63.

95. Ворошилова, М.Б. Политический креолизированный текст: ключи к прочтению. – Екатеринбург, 2013. – 168 с.

96. Ворошилова, М.Б. У разбитого корыта. Культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе / М.Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 1(35). – С.126–129.

97. Всеволодова, М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. – М.: Русский язык, 1982. – 262 с.

98. Гак, В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – №5. – С. 55–56.

99. Гак, В.Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. Сборник статей / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с. – С. 127–135.

100. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М., 1998. – 768 с.

101. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Изд-во Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

102. Гачев, Г. Национальный космо-психо-логос / Г. Гачев // Вопросы философии. – № 12. – 1994. – С. 59–78.

103. Гаврилова, М.В. Лингвистический анализ политического дискурса / М.В. Гаврилова // Политический анализ. – 2003. – № 2. – С. 88–95.

104. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.

105. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3-х т / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 501 с.

106. Герман, И.А. Введение в лингвосинергетику / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1999. – 130 с.

107. Гжегорчикова, Р. Понятийная оппозиция верх-низ и языковая модель пространства / Р. Гжегорчикова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с. – С. 78–84.

108. Гийом, Ж. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гийом, Д. Мальдидье // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 124–136.

109. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Гжегорчикова. – СПб., 2000. – С. 140–168.

110. Голоднов, А.В. Риторический метадискурс: к определению понятия / А.В. Голоднов // Вестник Ленинградского государственного университета им.А.С.Пушкина. –2008. – Вып. 2 (13). – С. 7–18.

111. Голоусова, Е.С. Крымский референдум и интерпретация его итогов в сми (на примере анализа российской и американской печати) / Е.С. Голоусова, В.М. Амиров // Политическая лингвистика. – № 2(56). – 2016. – С. 55–59.

112. Гончаров, М.Ю. Риторика политической коммуникации Текст. / М.Ю. Гончаров / под ред. Ю.П. Буданцева // Массовая коммуникация в современном мире: сб. науч. тр. М.: МГИМО, 1991. – С. 55–60.

113. Горшенков, Г.Н. СМИ в условиях украинского кризиса / Г.Н. Горшенков // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 7 (7). – С. 27–29.

114. Грабельников, А.А. Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя: монография / А.А. Грабельников. – М.: РУДН, 2008. – 341 с.

115. Грановская, Л.М. Библиейские фразеологизмы (опыт словаря) / Л.М. Грановская // Русская речь. – № 1. – 1998. – С. 73–79.

116. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: монография / М.Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

117. Губернаторова, Э.В. Метафора как компрессированный компонент перевода: деятельностный аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Э.В. Губернаторова. – Барнаул, 2003. – 180 с.

118. Гудков, Д.Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. – Сер.9. Филология. – 1997. – № 4.– С. 12–19.

119. Гудков, Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д.Б. Гудков // Язык средств массовой информации: [учебное пособие для вузов] / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С. 401–418.

120. Гудков, Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук/ Д.Б. Гудков. – М.: МГУ, 1999. – 400 с.

121. Гудков, Д.Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе / Д.Б. Гудков; под ред. Ю.А. Сорокина, В.Н. Базылева // Политический дискурс в России 2: материалы рабочего совещания (Москва, 29 марта 1998 года). – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 30–36.

122. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.

123. Гумбольдт, В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Академия, 1999. – С. 308–322.

124. Гуревич, А.Я. Время как проблема культуры / А.Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1969. – № 3. – С. 105–116.

125. Гусева, Е.В. Культурная единица «дорога»: атрибутивно-семантические свойства: автореф. дис. на получение науч. степ. канд. философ. наук: спец. 24.00.01 «Философия» / Е.В. Гусева. – Нижний Новгород, 2001. – 33 с.

126. Гынгазова, Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры / Л.Г. Гынгазова // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. – Томск: UFO-Plus, 2007. – 384 с. – С.78–110.

127. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван. Дейк / под ред. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

128. Декарт, Р. Избранные произведения / Р. Декарт / пер. с фр. и лат., ред. и вступ. статья Е. В. Соколова. – М., 1950. – 712 с.

129. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С.116–133.

130. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.10–33.

131. Демьянков, В.З. Событийность в языке средств массовой информации / В.З. Демьянков // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 59–60.

132. Демьянков, В.З. Эффективность аргументации как речевого воздействия / В.З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации. Сборник научно-аналитических обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – 385 с.

133. Дзюба, Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – 224 с.

134. Дзюба, Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – 286 с.

135. Дмитриев, А.В. Массовая коммуникация: пределы политического влияния / А.В. Дмитриев, В.В. Латынов. – М.: МНУЦ, 1999. – 111 с.

136. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи / Т.Г. Добросклонская. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 287 с.

137. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиасеть / Т.Г. Добросклонская. – М., 2008. – 203 с.

138. Добросклонская, Т.Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов / Т.Г. Добросклонская // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №3. – С. 38–54.

139. Добросклонская, Т. Г. Что такое медиалингвистика? / Т. Г. Добросклонская // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №2. – С. 9–17.

140. Додуева, А.Т. Категория пространственности и ее репрезентация в карачаево-балкарском языке: автореферат дис. на получение науч. степ. д-ра фил. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)». – Нальчик, 2008. – 41 с.

141. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита / Е.Л. Доценко. – М., 1997. – 344 с.

142. Дрягина, Е.А. Особенности прецедентных текстов как ассоциативно-образного средства репрезентации языковой личности / Е.А. Дрягина // Ярославский педагогический вестник. – №2, 2011. – С. 165–174.

143. Дубровина, К.Н. Библиейские фразеологизмы в русской и европейской культуре / К.Н. Дубровина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 264 с.

144. Дубровина, К.Н. Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике / К.Н. Дубровина // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Лингвистика. – № 7. – 2005. – С. 100–118.

145. Дьякова, Е.Г. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 130 с

146. Дядечко, Л.П. Крилаті слова в російській мові: системно-функціональний та лексикографічний аспекти: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філолог. наук: спец. 10.02.02 «Російська мова» / Л.П. Дядечко. – К., 2003. – 32 с.

147. Ермакова, В.А. К вопросу о мифологической модели пространства / В.А. Ермакова // Вестник КарГУ. Сер. «Филология». – 2007. – №1. – С. 137–142.

148. Ермакова, О.П. Пространственные метафоры в русском языке / О.П. Ермакова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с. – С. 289–299.

149. Ермоленко, С.С. Язык тоталитаризма и тоталитаризм языка / С.С. Ермоленко // Мова тоталітарного суспільства. – К., 1995. – С. 7–15.

150. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 1958. – 400 с.

151. Жаботинская, С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка) [Текст]: автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / С.А. Жаботинская. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 1992. – 41 с.

152. Желтухина, М. Р. Масс-медиаальная коммуникация: языковое сознание – воздействие – суггестивность / М.Р. Желтухина // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 13–28.

153. Жуйкова, М.В. Фрейм побиття та його вербалізація в одиницях фразеологічного поля (на матеріалі української, російської, білоруської та польської мов) / М.В. Жуйкова // Вісник Донецького національного університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – № 1 (2011). – С. 61–69.

154. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М., 1999. – 382 с.

155. Залевская, А.А. Значение слова и возможности его описания / А.А. Залевская // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 35–54.

156. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 206 с.
157. Зарипов, Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): дисс... канд. филол. наук: 10.02.19 / Р.И. Зарипов. – М.: Военный университет, 2015. – 262 с.
158. Зарипов, Р.И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине / Р.И. Зарипов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – С. 172–180.
159. Зверева, В. Представление реальности в информационных телепрограммах / В. Зверева // Синий диван: Философско-теоретический журнал / под ред. Е. Петровской. 2010. № 14. – С. 231–237.
160. Земская, Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е.А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23–32.
161. Земская, Е.А. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 236 с.
162. Зубкова, О.С. Метафора в ментальном лексиконе / О.С. Зубкова. – Saarbrücken, 2011. – 232 с.
163. Зубова, У.В. Вертикальный контекст в работах отечественных и зарубежных филологов / У.В. Зубова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – № 4. – С. 62–66.
164. Игнатов, К.Ю. Интертекстуальные словосочетания как средство анализа авторского стиля / К.Ю. Игнатов // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №4. – С. 114–132.
165. Ильин, М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 432 с.

166. Ильясова, С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламе / С.В. Ильясова, Л.П. Амри – М., 2009. – 296с.

167. Ипполитов, О.О. Дорога / О.О. Ипполитов // Антология концептов: В 4 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т.2. – 356 с. – С. 101–121.

168. Ипполитов, О.О. Некоторые черты строения интерпретационного поля концепта дорога / О.О. Ипполитов // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с. – С.133–136.

169. Казак, М.Ю. Медиатекст: сущностные и типологические свойства // М. Ю. Казак. – Москва, Global Media Journal, 2011. – 204 с.

170. Каминская, Т.Л. Функции категории образа адресата текстов массовой коммуникации / Т.Л. Каминская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2007. – Вып.2. – С. 158–164.

171. Камлевич, Г.А. Транспортная лексика в книге Г.А. Гиляровского «Москва и Москвичи» / Г.А. Камлевич // Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество: Сборник трудов по материалам VII Всероссийской научно- практической конференции. В 2 ч. Ч. 2: Методика преподавания русского языка и литературы в школе и вузе. Современные образовательные технологии в преподавании русского языка и литературы. Русский язык и литература в поликультурном образовательном пространстве. – М.: МИОО, 2015. – С. 23–28.

172. Капрухина, Е.А. Специфика политического дискурса / Е.А. Капрухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – С. 91–93.

173. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От великой победы до наших дней / С.Г. Кара-Мурза. – М.: изд-во Эксмо-Пресс, 2002. – 768 с.

174. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: [монография] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
175. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
176. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В.Петров // Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. –Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С.5–11.
177. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987.– 264 с.
178. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
179. Караулов, Ю.Н. Языковое сознание как процесс (Теоретические предпосылки одного эксперимента) / Ю.Н. Караулов // Слово. Юбилеен сборник, посветен на 70-годишнината на проф. И. Червенкова. – София, 2001. – С. 128–129.
180. Касевич, В.Б. Теория коммуникации и теория языка / В.Б. Касевич // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. –СПб, 2001. – С. 70–75.
181. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 33–43.
182. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Антология культурологической мысли. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – С. 204–209.
183. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
184. Кашкин, В.Б. Сопоставительные исследования дискурса / В.Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С.337–353.

185. Керимов, Р.Д. Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры // Языковая картина мира. Гуманитарный вектор. – 2013. – № 4 (36). – С. 155–164.
186. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. № 5. – 1994. – С. 126–139.
187. Кириллова, Н.Б. Медиакультура как объект исследования / Н.Б. Кириллова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 35. – С. 63–74.
188. Кислюк, Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі / Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська, Л.П. Кислюк. – К.: Видавн. дім Д. Бураго, 2008. – 336 с.
189. Китайгородская, М.В. Современная политическая коммуникация / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 151–241.
190. Климович, Н.В. К вопросу об определении библеизма в лингвистике / Н.В. Климович // Вестник Красноярского гос. ун-та. – 2006. – № 3 (2). – С. 200–204.
191. Клушина, Н.И. Влияние ценностной дихотомии «свое» / «чужое» на язык современной газеты // Журналистика в 1994 году: Тезисы научно-практической конференции. – Часть 4. – М., МГУ. – 1995. – С. 11–21.
192. Клушина, Н.И. Общие особенности публицистического стиля / Н.И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: [учебное пособие] / под ред. М.Н. Володиной. Раздел «Общие особенности публицистического стиля». – М., 2003. – 289 с.
193. Клушина, Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н.И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда.– Воронеж, 2011. –Вып.9. – С. 26–33.

194. Князева, Е.Г. Лингвокогнитивные механизмы речевого акта // Вестник Костромского государственного университета. – Т.23. – № 2. – 2017. – С. 114–116.
195. Кобозева, И.М. Грамматика описания пространства / И.М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
196. Кобозева, И.М. Лексикосемантические заметки о метафоре в политическом дискурсе / И.М. Кобозева // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 41–46.
197. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: [учебник] / И.М. Кобозева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
198. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева // Вестник МГУ. – Серия 9. – Филология. – № 6. – 2001. – С. 54–60.
199. Коваленко, А.Н. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / А.Н. Коваленко // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – № 4. – 2013. – С. 297–301.
200. Ковалев, В.П. Основные индивидуально-авторские приемы экспрессивного использования фразеологизмов / В.П. Ковалев. – Новгород, 1971. – С. 303–309.
201. Козлов, С.Г. Основные тенденции развития СМИ в условиях формирования глобального информационного пространства / С.Г. Козлов // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 4. – С. 140–144.
202. Козлова, Т.В. Лексические инновации современного русского языка СМИ в национально-культурном контексте / Т.В. Козлова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М., 2004. – С. 432–433.
203. Колесина, В.В. О некоторых особенностях игры слов в рекламном и публицистическом тексте / В.В. Колесина // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – С. 39–48.

204. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
205. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
206. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2005. – (Лингвистическое наследие XX века). – 232 с.
207. Кольцова, Ю.Н. Концепт пути в мировоззрении Н.С. Лескова: автореф. дис. на получение науч. степ. канд. культурол. наук: спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / Ю.Н. Кольцова. – М., 2001. – 28 с.
208. Кондрашов, А. Кто есть кто в мифологии Древней Греции и Рима. / А. Кондрашов. – М.: РИПОЛ-классик, 2006. – 704 с.
209. Копытов, О.Н. О фундаментальных категориях текста / О.Н. Копытов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – Т. 3. – № 3. – С. 149–157.
210. Корконосенко, С.Г. Актуальные проблемы современности и журналистика: учеб. пособие / С.Г. Корконосенко. – Тольятти: ТГУ, 2009. – 184 с.
211. Корнева, В.В. Наречие как специализированное средство объективации испанской пространственной картины мира: автореф. дис. на получение науч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.05 «романские языки» / В.В. Корнева. – Воронеж, 2008. – 40 с.
212. Корнилов, Е.А. Методологические проблемы исследования журналистики / Е.А. Корнилов // Акценты. Новое в журналистике и литературе. Альманах. Вып. 2 (5). – Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1997. – С. 6–12.
213. Кормилицына, М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет / М.А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2008. – Вып. 8. – С. 13–33.

214. Корнейко, Т.Г. Основные подходы к изучению политического языка в современных политико-лингвистических исследованиях / Т.Г. Корнейко // Вестник Московского ун-та. – Сер. 12. Политические науки. – 2003. – № 5. – С. 74–85.

215. Космеда, Т.А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки / Т. А. Космеда. – Львів: Видавництво ЛНУ ім. І. Франка, 2000. – 350 с.

216. Костенко, Н.В. Ценности и символы в массовой коммуникации / Н.В. Костенко. – К.: Наукова Думка, 2003. – 128 с.

217. Костомаров, В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // «Русский язык за рубежом». – 1994. – №1. – С. 73–76.

218. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В.Г. Костомаров. – М., 1971. – 266 с.

219. Костомаров, В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. – СПб: Златоуст, 2001. – 72 с.

220. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.

221. Красных, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц в коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.Б. Багаев // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. –1997. – № 3. –С.62–85.

222. Красных, В.В. Лингвокогнитивный подход к коммуникации / В.В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып.12. – С. 41–46.

223. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М., 2003. – 375 с.

224. Красных, В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып.2. – С. 5–13.

225. Крейдлин, Г.Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» VS «предназначение» // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – 166 с. – С. 23–31.

226. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник Московского Университета. Сер.9. Филология. – 1995. – №1. – С. 97–124.

227. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И.В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 360 с.

228. Крюкова, Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действования при продукции и рецепции текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.Ф. Крюкова. – М., 2000. – 29 с.

229. Крюкова, Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста / Н.Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 163 с.

230. Кубрякова, Е.С. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–26.

231. Кубрякова, Е.С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е.С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, 2007. – № 4. – С.8–16.

232. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – С. 72–81.

233. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. Сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с. – С.84–93.

234. Кубрякова, Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. – Тамбов: ТГУ, 2003. – С. 32–34.

235. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.

236. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка / Е.С. Кубрякова // Изв. АН. Серия литературы и языка. – Т. 56. – № 3. – 1997. – С. 22–31.

237. Кудрявцева, Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л.А. Кудрявцева. – К.: ИСДОУ, 1993. – 280 с.

238. Кузнецов, А.М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики / А.М. Кузнецов // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 8–22.

239. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка: [учебное пособие] / Э. В. Кузнецова. – М.: Высш. шк., 1989. – 215 с.

240. Кузьмина, Н.А. Энергия интертекста / Н.А. Кузьмина // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург, 1999. – С. 211–223.

241. Купина Н.А. Сверхтекст и его разновидности / Н.А. Купина, Г.В. Битенская // Человек – Текст – Культура: [коллективная монография] / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. – С.214–233.

242. Купина, Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург-Пермь, 1995. – 420 с.

243. Куртин, Ж.Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе / пер. с фр. и португ. / Ж.-Ж. Куртин // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – 416 с. – С. 95–105.

244. Курченкова, Е.А. Этнокультурные ценности в текстах газетных объявлений / Е.А. Курченкова // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. – Волгоград: Архангельск: Перемены, 1996. – С. 74–79.

245. Кустова, Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 85–109.

246. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792с.

247. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–416.

248. Лассан, Э. Дорога без конца как русская национальная идея / Лассан Э. // Русистика и компаравистика. – М.: МГПУ, 2008. – Вып. 3. – С. 211–223.

249. Лассвелл, Г. Стиль в языке политики / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып.2(22). – С. 165–177.

250. Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 264–279.

251. Лебедева, Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с. – С. 93–98.

252. Левшенко, Ю.И. Политический дискурс: Аналитический обзор теоретико-методологических подходов / Ю.И. Левшенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – С. 100–108.

253. Лейбниц, Г.В. Сочинения в 4-х т. Т.1. / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1982. – 692 с.

254. Леонтьев, А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А.А. Леонтьев. – М.: Наука,

1965. –246 с.

255. Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и Славянство / К.Н. Леонтьев. – М., 2007. – 896 с.

256. Лихачев, Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. – М.: Сов. Россия, 1981. – 62 с.

257. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., 1996. – 447 с.

258. Лотман, Ю. М. Семиотика пространства / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3-х т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин, 1992. – 480 с.

259. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.

260. Луннова, М.Г. Библизмы в современном русском языке / М.Г. Луннова // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/bibleizmy-v-sovremennom-russkom-yazyke>.

Проверено 01.02.2019.

261. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 280 с.

262. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 358–387.

263. Мальцева, Е.А. Поезд как метафора в художественной культуре России / Е.А. Мальцева // Модернизационные процессы в обществе и на железнодорожном транспорте: исторический опыт и современная практика: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Омский гос. ун-т путей сообщения. – Омск, 2014. 584 с. – С. 281–286.

264. Манаенко, Г.Н. Методологические и теоретические аспекты когнитивно-дискурсивных исследований языка: монография / Г.Н. Манаенко; Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, Ставропольское

отделение, ФГАОУ ВО "Северо-Кавказский федеральный университет". – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – 123 с.

265. Манаенко, Г.Н. Событие – факт – оценка / Г.Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 12. Часть 1. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – 304 с. – С. 64–73.

266. Манаенко, Г.Н. Специфика дискурса масс-медиа в современном информационном пространстве / Г.Н. Манаенко // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. – № 1. – 2005. – С. 87–96.

267. Мардиева, Л.А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) / Л.А. Мардиева // Вестник Пермского университета. – Вып. 3 (15). – 2011. – С. 202–209.

268. Масленникова, А.А. Особенности грамматической метафоры / А.И. Варшавская, А.А. Масленникова // Метафоры языка и метафоры в языке / под ред. А.В. Зеленщикова, А.А. Масленниковой. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 247–250.

269. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 256 с.

270. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 206 с.

271. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып.1 (24). – С. 43-48.

272. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 2001. – 479 с.

273. Мельник, Г.С. Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г.С. Мельник // Журналистский ежегодник. – Вып. 1. – 2012. – С. 27–29.

274. Мельник, Г.С. Mass media: психологические процессы и эффекты / Г.С. Мельник. – СПб.: Издательство СПб. Ун-та, 1996. – 160 с.

275. Мельник, Л.В. Просторовий код фразем (шлях) / Л.В. Мельник // Актуальні проблеми слов'янської філології: Міжвуз. зб. наук. ст. / редкол.: В. О. Соболев (відп. ред.) та ін. – К. – Ніжин: ТОВ Видавництво «Аспект-Поліграф». – Вип. XI: Лінгвістика і літературознавство. – 2006. – С. 187–196.
276. Мечковская, Н.Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка: семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. – С. 109–120.
277. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект–Пресс, 2000. – 206 с.
278. Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке / И.И. Мещанинов // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия / сост. Ф. М. Березин. – М.: Высшая школа, 1981. – 352 с.
279. Милевич, И.Г. Язык масс-медиа: отражение современных мифов и идеологий / И.Г. Милевич // Respectus Philologicus. – VU KHF, 2003. – № 4 (9) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filologija.-vukhf.lt/4-9/doc/Mlevich.doc>. Проверено 25.02.2019.
280. Минаева, Л.В. Мультимодусность текстов печатных СМИ и рекламы / Л.В. Минаева // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №4. – С. 26–33.
281. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
282. Миронова, Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н.Н. Миронова // Известия АН. Серия литературы и языка, 1997. – Т. 56 – № 4 – С. 52–59.
283. Михалева, О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
284. Михальская, А.К. Риторика и речевое поведение в массовой

коммуникации: опыт обобщающей модели / А.К. Михальская // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 167–185.

285. Мишанкина, Н.А. Метафорические модели лингвистического дискурса / Н.А. Мишанкина // Вестник ТГУ. – Серия «Филология». – № 324, июль 2009. – С. 41–49.

286. Москвин, В.П. Классификация русских метафор / В.П. Москвин // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1996. – 259 с.

287. Москвин, В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории / В.П. Москвин. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.

288. Москвин, В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий / В.П. Москвин // Филологические науки. – 2002. – №1. – С. 63–70.

289. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура.– Екатеринбург, 1994.–С. 160–169.

290. Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М.М. Назаров – М.: Аванта плюс, 2000. – 240 с.

291. Найденова, Н.С. К вопросу об исследовании песенного дискурса: лингвокультурный аспект / Н.С. Найденова, А.А. Мурадян // Вестник РУДН, 2013. – № 1 – С.96–100.

292. Нахимова, Е.А. Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е.А. Нахимова // Известия УрГПУ. Лингвистика ; Урал. гос. пед. ун-т / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 19. – С. 185–195.

293. Нахимова, Е.А. Методика описания прецедентных имен / Е.А. Нахимова // Известия УрГПУ. Лингвистика ; Урал. гос. пед. ун-т / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 25. – С. 88–93.

294. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
295. Нахимова, Е.А. Прецедентные онимы-неологизмы: кущевская и цапки / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – № 1 (35). – Екатеринбург, 2011. – С. 162–166.
296. Нахимова, Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. – 276 с.
297. Нахимова, Е.А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – № 15. – 2005. – С. 102–114.
298. Немирова, Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса / Н.В. Немирова // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2003. – С. 146–156.
299. Непомнящих, Н.А. Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике / Н.А. Непомнящих // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. – Новосибирск, 2012. – С. 92–105.
300. Николаева, Т.М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. Вып.8. – М., 1985. – С. 5–39.
301. Николаюк, Н.Г. Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник / Н.Г. Николаюк. – М.: Библиополис, 2009. – 384 с.
302. Никонова, Ж.В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях / Ж.В. Никонова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – №6. – 2008. – С. 224–228.
303. Новиков, Л.А. Семантика русского языка: учебное пособие для университетов / Л.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
304. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / под. ред. Л.В. Рацибурской. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 304 с.

305. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
306. Олешко, В.Ф. Теоретико-методологические предпосылки исследования современных массово-коммуникационных процессов / В.Ф. Олешко // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 5-6 (16-17). – Воронеж, 1999. – С. 19–27.
307. Олянич, А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиотические характеристики / А.В. Олянич // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. / РАНЮ Ин-т языкознания. – М., 2003. – С. 167–201.
308. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.19 – теория языка / А.В. Олянич. – Волгоград, 2004. – 554 с.
309. Орлова, Н.М. Динамический характер библейской прецедентности / Н.М. Орлова // Известия Саратовского университета. Серия «Социология и Политология». – № 2. – 2009. – С. 46-52.
310. Орлова, Н.М. Прецедентные феномены библейского истока в русской филологической традиции / Н.М. Орлова // Вестник ТГУ. – № 5. – 2008. – С. 196–199.
311. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл / пер. с англ. В.П. Голышева. – М.: «Азбука», 2005. – 320 с.
312. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. – Вып. 17. – С. 22–131.
313. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55–72.
314. Паршин, П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П.Б. Паршин // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – М.: Азбуковник, 2001. – 360 с.

315. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин // Системные исследования – 1986. – М., 1987. – 146–151.
316. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / О.Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 325 с.
317. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
318. Переверзев, Е.В. Политический дискурс: многопараметральная модель / Е.В. Переверзев, Е.А. Кожемякин // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 2. – С.74–79.
319. Пермяков, Ю.Е. Метафизика дороги / Ю.Е. Пермяков // *Mixturaverbom`2006: топология современности: сборник статей* / под общ. ред. С. А. Лишаева. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2007. – 180 с. – С. 27–39.
320. Песина, С.А. Когнитивная семантика: ментальное и языковое пространство / С.А. Песина. – Магнитогорск: МГТУ, 2007. – 147 с.
321. Петренко, В.Ф. Метафора как средство описания образа личности (психологический аспект) / В.Ф. Петренко, Т.И. Менчук // Психология созидания. Ежегодник Российского Психологического Общества. – Казань. – 2000. – Т. 7, вып. 2. – С. 109–115.
322. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания, 1990. -№ 3. – С.135–146.
323. Петров, В.В. Понимание метафоры: на пути к общей модели / В.В. Петров // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 165–170.
324. Петрова, Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира / Л.А. Петрова. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. – 284 с.
325. Петрова, Н.В. Текст – интерпретация – интертекстуальность / Н.В. Петрова // Русская речевая культура и текст. – Томск, 2010. – С. 180–186.

326. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше; [пер. с фр. Л. А. Илюшечкиной] // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – 416. – С. 225–291.

327. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) / Ю.К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики – М., 2001. – С. 209–227.

328. Платон. Диалоги / Платон / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.

329. Платонова, А.В. Интеграция печатных массмедиа Крыма в новое информационное пространство / А.В. Платонова. – Москва: Эксмо, 2012. – 73 с.

330. Плеханова, Т.Ф. Текст как диалог / Т.Ф. Плеханов. – Минск, 2007. – 284 с.

331. Плотникова, Г.Н. Теория и практика сопоставительной политической метафорологии / Г.Н. Плотникова, Е.Г. Доценко // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1. – С. 36–42.

332. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 252 с.

333. Попова, Т.Г. Язык как способ кодирования результатов познания / Т.Г. Попова // Интеграционные языковые процессы и современное лингвистическое образование в России: Материалы 7-ых научных чтений факультета иностранных языков РГСУ. – М.: РГСУ, 2008. – Ч. 2. – С. 32–39.

334. Постнова, Т.Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе / Т.Е. Постнова // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – №2. – С. 106–115.

335. Потенбня, А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А.А. Потенбня. – Харьков, 1914. – 243 с.

336. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.
337. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
338. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М.: ЛКИ, 2008. – 224 с.
339. Пульчинелли Орланди, Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса / Э. Пульчинелли Орланди / пер. с фр. и португ. Б. П. Нарумова // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – 416 с. – С. 197–225.
340. Пучкова, Е.В. Функционирование прецедентных феноменов в газетных заголовках / Е.В. Пучкова // Ученые заметки ТОГУ. – Том 4. – № 4. – 2013. – С. 2106-2112.
341. Пьяных, Е.П. Железная дорога в философском измерении / Е.П. Пьяных // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – № 1 (33). – 2017. – С. 98-106.
342. Радзиевская, Т.В. Семантика слова цель / Т.В. Радзиевская // Логический анализ языка: избранное, 1988–1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 397–402.
343. Радзієвська, Т.В. Концепт шляху в українській мові: поєднання ідей простору і руху / Т.В. Радзієвська // Мовознавство. – 1997. – № 4/5. – С. 17–26.
344. Рассинская, О.В. Анализ прецедентных текстов в российском политическом дискурсе / О.В. Рассинская // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф. – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 141–143.
345. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М., 2000. – 416 с.

346. Резанова, З.И. Метафора в процессах языкового миромоделирования / З.И. Резанова // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. – Часть I. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – С. 3–74.

347. Репина, Е.А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат / Е. А. Репина. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 90 с.

348. Рогозина, И.В. Функции и свойства медиатекста как гетерогенной когнитивной структуры / И.В. Рогозина // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова – Орел: ООО «Горизонт», 2010. – 128 с.

349. Рождественский, Ю. В. Общая филология / Ю.В. Рождественский. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326с.

350. Романов, А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход / А.А. Романов. – М. – Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. – 191 с.

351. Руженцева, Н.Б. Гибридность как дискурсивный феномен: к вопросу о стратегическом блокировании нежелательных политических представлений / Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика, 2016. – С.171–175.

352. Рябова, Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России / Т.Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – Вып. 4 (32). – С. 307–320.

353. Сабурова, Н.А. Пространство в русском языковом сознании: концептуализация пути (на материале фразеологизмов и метафор) / Н.А. Сабурова // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №2. – С.47–59.

354. Савицкий, И.В. Терминологические определения крымских событий 2014 года в российской и украинской историографии и публицистике / И.В. Савицкий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. С. 149 – 151.

355. Сегал, Н.А. Категория *пространство* в лингвокогнитивном освещении (на материале русскоязычных политических текстов 2005-2013 гг.) / Н.А. Сегал. – Симферополь: Изд-во ДИАЙПИ, 2015. – 242 с.
356. Сегал, Н.А. Метафорическая модель «политика – это транспортная система» в русскоязычных СМИ (на материале текстов 2007 – 2017 гг.) / Н.А. Сегал. – М.: Флинта: Наука, 2018. – 184 с.
357. Сегал, Н.А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н.А. Сегал. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 248 с.
358. Селиверстова, Л.П. Концепты с полярной аксиологией: Голливуд / Л.П. Селиверстова // Известия Российского государственного педагогического университета им А.И. Герцена. – 2007. – Вып. – № 37. – Т.14. – С. 180–184.
359. Селіванова, О. Концептуалізація просторової орієнтації в українських фраземах / О. Селіванова // Нариси з української фразеології (психокогнітивний та лінгвокультурологічний аспекти). – К. – Черкаси: Брама, 2004. – 276 с. – С. 167–183.
360. Селіванова, О. Прецедентна мотивація номінативних одиниць (на матеріалі української мови) / О. Селіванова // Мова. – К., 2009. – С. 129–139.
361. Сепир, Э. Бессознательные стереотипы поведения в обществе / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.
362. Серажим, К.С. Термін «дискурс» у сучасній лінгвістиці / К.С. Серажим // Вісник Харківського університету. – № 520. – Серія «Філологія». – Вип. 33. – Харків, 2001. – С. 7–12.
363. Серио, П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов / П. Серио // Политическая лингвистика. – Вып. 5 (25). – Екатеринбург, 2008. – С. 160–167.
364. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ.

ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – 416 с. – С. 16–17.

365. Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – 416 с. – С. 337–383.

366. Сидоров, Е.В. Предмет когнитивной прагматики / Е.В. Сидоров // Актуальные проблемы психолингвистических исследований. Сборник научных трудов. – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – С. 57–64.

367. Синельникова, Л.Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности / Л.Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – 2009. – № 30. – С. 41–47.

368. Сипко, Й. События в Крыму в начале 2014 г. в русско-словацких лингвокультурных ассоциациях / Й. Сипко // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – С. 69–78.

369. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т.Г. Скребцова // Послесл. Н. Л. Сухачева. – СПб, 2000. – 202 с.

370. Скребцова, Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса / Т.Г. Скребцова // *Respectus philologicus*. – Вильнюс, 2002. – № 1 (6). – С. 113–125.

371. Скребцова, Т. Г. Современные источники политической метафоры: три источника и три составные части / Т.Г. Скребцова // *Respectus Philologicus*. – 2004. – № 5 (10). – С. 10–15.

372. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

373. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С.И.Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

374. Смирнова, М.А. Понятие «метафора» и подходы к ее изучению / М.А. Смирнова // Филология и литературоведение. – 2014. – № 9 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/09/960>. Проверено 25.02.2019.

375. Соколов, О.М. Система лингвистических конструкторов, формирующих фреймы на глагольно-предикативной основе / О.М. Соколов, Т.А. Пионтковская // Системные исследования. Ежегодник. – М., 1991. – С.124–141.

376. Соловьев, Вл. Право и нравственность / Вл. Соловьев. – М.: АСТ: Харвест, 2001. – 192 с.

377. Сорокин, Ю.А. Политический дискурс: попытки истолкования понятия / Ю.А. Сорокин // Политический дискурс в России. – М., 1997. – С. 57–62.

378. Сорокин, Ю.А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю.А. Сорокин, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Н.П. Вольская // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: «Филология», 1998. – Вып.4. – С. 5–34.

379. Сорокин, Ю.А. Цитаты как знаки прецедентных текстов / Ю.А. Сорокин, И.М. Михалева // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып.2. – С. 13–26.

380. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 35–73.

381. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.:Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.

382. Степанов, Ю.С. Пространство и миры – новый, «воображаемый», ментальный и прочие / Ю.С. Степанов // Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. – Харьков. – 1994. – Т.2. – С. 3–18.

383. Степанов, Ю.С. Семиотика / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1971. – 168 с.
384. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1985. – 170 с.
385. Стровский, Д.Л. Журналистика и политическая культура: к вопросу о взаимодействии / Д.Л. Стровский // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 5–6 (16–17). Воронеж: изд-во ВорГУ, 1999. – С. 27–32.
386. Супрун, А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
387. Супрун, В.И. Имя собственное как эмотивный феномен / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – №1(134). – С. 199–204.
388. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Монография / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
389. Супрун, В.И. Размышления над ономастической терминологией / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серии «Педагогические науки», «Филологические науки», «Социально-экономические науки и искусство», 2011– № 8 (62). – С. 133–138.
390. Супрун, В.И. Семантика собственных имён: проблемы и решения / В.И. Супрун, Г. Мадиева // Эл-Фарабиатындағы Қазақ ұлттық университеті хабаршысы. Филология сериясы (Алматы), 2012. – №1 (135). – С. 141-145.
391. Суровцев, В.А. Языковая игра и роль метафоры в научном познании / В.А. Суровцев, В.Н. Сыров // Философия науки. – 1999. – №1 (5). – С. 20–30.
392. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: проблемы и перспективы / Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева // В пространстве языка и культуры. Звук, знак,

смысл. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 735–747.

393. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 142 с.

394. Телия, В.Н. Метафора в языке и тексте / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 176 с.

395. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988. – С. 173–190.

396. Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография: Памяти проф. Р.Ю. Намитоковой / Науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Илясова. Майкоп: Магарин О.Г., 2017. – 500 с.

397. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

398. Топоров, В.Н. Гора / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. – М., 1980. – Т. 1. – С. 311–315.

399. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.

400. Тропина, Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование. – Херсон: Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.

401. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 272 с.

402. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей. М., 2000. – С. 207–219.

403. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Каузальный анализ политического текста / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. трудов / Белгосуниверситет / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Вып. 1. – Минск, 1998. – С. 45–52.

404. Феденева, Ю. Б. Функции метафоры в политической речи / Ю. Б. Феденева // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург, 1997. – С. 179–188.

405. Фефелова, В.В. Лингвокогнитивные механизмы речевого акта / В.В. Фефелова // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация: Теория и практика: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, 23 -24 апреля 2015 г. – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2015. – С. 274–280.

406. Филлмор, Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания / Ч. Дж. Филлмор; [пер. с англ. Л. Н. Баранова] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23.– М., 1988. – С. 52–93.

407. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. – М.: «Прогресс», 1993. – 321 с.

408. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли. Т. 1 / П.А. Флоренский. – М.: Академический проект, 2013. – 688 с.

409. Фортунова, М.Г. Российские СМИ о воссоединении Крыма с Россией: опыт контент-анализа / М.Г. Фортунова // Международный журнал экономики и образования. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 94–99.

410. Хмара, А.В. Олимп: этимология названия обители богов / А.В. Хмара // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/8._NPE_2007/Istoria/20959.doc.htm. Проверено: 23.10.2018.

411. Хромов, С.С. Русский язык и современное российское общество: регуляция и саморегуляция? / С.С. Хромов // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй международной научной конференции, г. Волгоград, 24–26 апреля 2007 г.: В 2 т. Т. 1. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 620.

412. Худякова, Е.С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ / Е.С. Худякова // Известия

Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 49. – 2008. – С. 226–234.

413. Ченки, А. Конструкции, метафоры и слияние концептов / А. Ченки // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 11–14 сент. 2000. – С. 6–8.

414. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А.А.Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А.Секериной. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 329–370.

415. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – №2. – С. 68–78.

416. Черепанова, О.А. Путь и дорога в русской ментальности и древних / О.А. Черепанова // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. – СПб., 1999. – Вып. 7. – С. 29–34.

417. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

418. Чичерина, Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов / Н.В. Чичерина. – Москва: Эксмо, 2008. – 232 с.

419. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

420. Чудинов, А.П. Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. – С. 89–94.

421. Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

422. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов – М.: Флинта, 2006. – 254 с.

423. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета, 2001. – 246 с.

424. Шакиров, С.М. О смысловой парадигме мотива дороги в русской лирике XIX–XX веков / С.М. Шакиров // Вестник Челябинского университета. Серия «Филология». – 2001. – № 1. – С. 22–59.

425. Шапочкин, Д.В. Когнитивные аспекты политического дискурса (на материале британских, американских и немецких публичных политических речей): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: спец. 10.02.20 «Сравнит.-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Д.В. Шапочкин. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – 244 с.

426. Шаховский, В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России / В.И. Шаховский // Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 7. – Саратов, 2007. – С. 40–45.

427. Шевченко, О.В. Лингвосемиотика молодежного песенного дискурса (на материале английского языка): дис. ...к. филол. н., спец. 10.02.04 «Германские языки» / О.В. Шевченко. – Волгоград, 2009. – 220 с.

428. Шевченко, О.В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса / О.В. Шевченко // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, СПб, 2009. – С. 242–249.

429. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: «Гнозис», 2004. – 326 с.

430. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

431. Шмурло, Е.Ф. Введение в русскую историю / Е.Ф. Шмурло. – Прага, 1924. – 180 с.

432. Шрагина, Л.И. Оригинальные ассоциации по сходству как компонент креативности / Л.М. Шрагина // Психологический журнал. – М.: «Наука». – №4. – 2000. – С. 73–78.

433. Эпштейн, О.В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса / О.В. Эпштейн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – С. 150–156.
434. Юдина, Т.В. Теория общественно-политической речи / Т.В. Юдина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 158 с.
435. Юнусова, М.О. Метафорическое моделирование в политическом дискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных СМИ о событиях на Украине 2013-2014 гг.) / М.О. Юнусова // Сборник статей V Международной научной конференции молодых ученых. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 73–79.
436. Яворская, Г.М. Политические метафоры и политические сюжеты. Заметки к диалогу Украина – Европейский союз / Г.М. Яворская // Зеркало недели. – 2002. – № 9 (384), 16 марта. – С. 6–7.
437. Яценко, Т.А. Каузация в русском языковом сознании / Т.А. Яценко. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2006. – 478 с.
438. Яценко, Т.А. Концептуальная метафора каузальности (каузирование неволи) // Культура народов причерноморья. – № 34. – 2002. – С. 76–79.
439. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 160 с.
440. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М., 1994. – 344 с.
441. Atwater, D.F. Senator Barack Obama: The Rhetoric of Hope and the American Dream / D.F. Atwater // Journal of Black Studies -Sage Publications, Inc., 2007 –November. -Vol. 38, No. 2. -P.121-129.

442. Austin, J.L. How to do things with words / J.L. Austin // The Discourse Reader / ed. by A.Jaworski and N.Coupland. -2nd edition. -N.Y.: Routledge, 2006. -P.55-65.

443. Benoit, W.L. Content Analysis on Political Communication / W.L. Benoit // The Sourcebook for Political Communication Research / ed. by H.Bucy, L.Holbert -N.Y.: Routledge, 2011. -P.268-279.

444. Benveniste, E. The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature Text. / E. Benveniste. – Manchester: Manch. Univ. Press, 1985. – 354 p.

445. Blackledge, A. Discourse and Power in a Multilingual World / A. Blackledge. –Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. –252 p.

446. Brünner, G. Metaphern für Sprache und Kommunikation in Alltag und Wissenschaft / G. Brünner // Diskussion Deutsch 18, Heft 94, 1987. – S. 100–119.

447. Burkhardt, A. Das Parlament und seine Sprache. Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation / A. Burkhardt –Tübingen: Niemeyer, 2003. –608 S.

448. Burkhardt, A. Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte / A. Burkhardt // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Forschung / hrsg. von W.Besch, A.Betten, O.Reichmann u.a. 2., bearb. u. erweit. Aufl. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1998.–S. 98-122.

449. Cassirer, E. The Philosophy of Symbolic Forms. Volume 4: The Meta-physics of Symbolic Forms / E. Cassirer / [ed. by John Michael Krois and Donald Phillip Verene]. – New Haven ; London: Yale University Press, 1996. – 237 p.

450. Charteris-Black, J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis / J. Charteris-Black. –2004. –280 p.

451. Dijk, T.A. van. Discourse as Structure and Process/ T. A van Dijk. – London: Sage publications, 1997. – 357 p.

452. Dijk, T.A. van. Discourse Semantics and Ideology Text. / T.A. van Dijk // Discourse and Society. – № 6 (2). – 1995. – P. 8–12.

453. Dijk, T.A. van. *Strategies of Discourse Comprehension* / T. A van Dijk, W. Kintsch. – N.Y. etc.: Academic Press, 1983. – 418 p.
454. Entman, R. *Power, Politics, Media* / R. Entman. – N.Y., 1982. – 332 p.
455. Fowler, R. *Language in the News: Discourse and ideology in the Press. Texte.* / R. Fowler. London – N.-York, 1991. – 462 p.
456. Grice, H.P. *Logic and conversation* / H.P. Grice // *The Discourse Reader* / ed. by A.Jaworski and N.Coupland. -2ndedition. – N.Y.: Routledge, 2006. – P. 66–77.
457. Gurevitch, M. *Media Power in Politics* / M. Gurevitch, J.G. Blumberg; Ed. By Doris A. Graber. 3–d ed. – Washington: CQ Press, 1994. – 347 p.
458. Holmes, D. *Communication theory: Media, technology and society* / D. Holmes. – London: Sage, 2005. – 255 p.
459. *Język – polityka – społeczeństwo* // Zesp. red.: Stanisław Dubisz, Józef Porayski-Pomsta, Elżbieta Sękowska. – Warszawa, 2004. – 254 s.
460. Kovecses, Z. *American friendship and the scope of metaphor* / Z. Kovecses // *Cognitive Linguistics*, 1995. No 3 -4. Pp. 23–45.
461. Lakoff, G. *Categories and cognitive models* / G. Lakoff // *Berkeley cognitive science report.* – № 2. – Berkeley: Institute for Human Learning (U. of California), 1982. – P. 71–98.
462. Lasswell, H.D. *Politics, Personality and Social Science in the Twentieth Century* / H.D. Lasswell. Chicago: Essays in Honor, 1969. – 374 p.
463. Leech, G.N. *Principles of Pragmatics* / G.N. Leech. – L., N.-Y., Longman, 1983. – 250 p.
464. Meadow, R.G. *Politics as Communication* / R.G. Meadow. – N.Y., 1980 – 437 p.
465. Minsky, M.A. *A framework for representing knowledge* / M.A. Minsky // *Frame conceptions and text understanding.* – B., 1980. – P. 1–25.
466. Rosch, E. *Cognitive Representations of Semantic categories* / E. Rosch // *Journal of Experimental Psychology: general.* – 1975. – Vol. 104. – № 3. – P. 192 – 233.

467. Taylor J. Linguistic Categorization: prototypes in linguistic theory / J. Taylor. – Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1995. – 312 p.

468. Windahl, S. Using Communication Theory / S. Windahl // An Introduction to Planned Communication. London, 1992. – P. 234–239.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

469. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.

470. Ашукин, Н.С. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Худож. лит., 1987. – 528 с.

471. Баранов, А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1994. – 346 с.

472. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка / О.С. Баранов. – М.: ЭТС, 1995. – 820 с.

473. Белянин, В.П. Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий / В.П. Белянин, И.А. Бутенко. – М.: Российский ин-т культурологии, 1993. – 165 с.

474. Большой словарь русских поговорок / под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.– 784 с.

475. Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1970-1978; 1971. – Т. 5. – 640 с.; 1978. – Т. 30. – 631 с.

476. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1. – 2000. – 688 с.

477. Дядечко, Л.П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь. Более 1000 единиц / Л.П. Дядечко. – К.: НТ Пресс, 2008. – 800 с.

478. Елистратов, В.С. Словарь русского арго / В.С. Елистратов. – М., 2002. – 694 с.

479. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. Т.1 / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 1209 с.
480. Корш, М. Краткий словарь мифологии и древностей / М. Корш. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 374 с.
481. Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
482. Левкиевская, Е. Е. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н.И. Толстого. – Т. 2. – М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – 680 с.
483. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
484. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
485. Мелетинский, Е.М. Мифологический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 672 с.
486. Мокиенко, В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: Издательство: Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.
487. Новейший словарь иностранных слов и выражений / сост. В.В. Адамчик. – М.: Современный литератор, 2005. – 976 с.
488. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – М.: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
489. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
490. Полная энциклопедия символов и знаков / авт.-сост.

В.В. Адамчик. – Минск: Харвест. – 607 с.

491. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.

492. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 852 с.

493. Словарь греческой мифологии / сост. И.С. Пигулевская. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 255 с.

494. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: в 6 т., 1783–1794. – Т. 1. – СПб, 1789. – 634 с.

495. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов // А.В. Моченов, С.С. Никулин, А.Г. Ниясов, М.Д. Савваитова. – М.: ОЛМА-Пресс, 2003. – 255 с.

496. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 16 выпусках / под ред. С.Г. Бархударова. – Выпуск 4 (Г–Д). – М.: «Наука», 1977. – 404 с.

497. Словарь русского языка XVIII века: в 16 выпусках: А–Н // под ред. Ю.С. Сорокина. – Л.: «Наука. Ленингр. отд-ние», 1984–1991. – Выпуск 6. – 1991. – 256 с.

498. Словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 1999. – 702 с.

499. Словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 3. – 1999. – 752 с.

500. Словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 4. – 1999. – 800 с.

501. Словарь синонимов русского языка / Сост.: З.Е. Александровна. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.

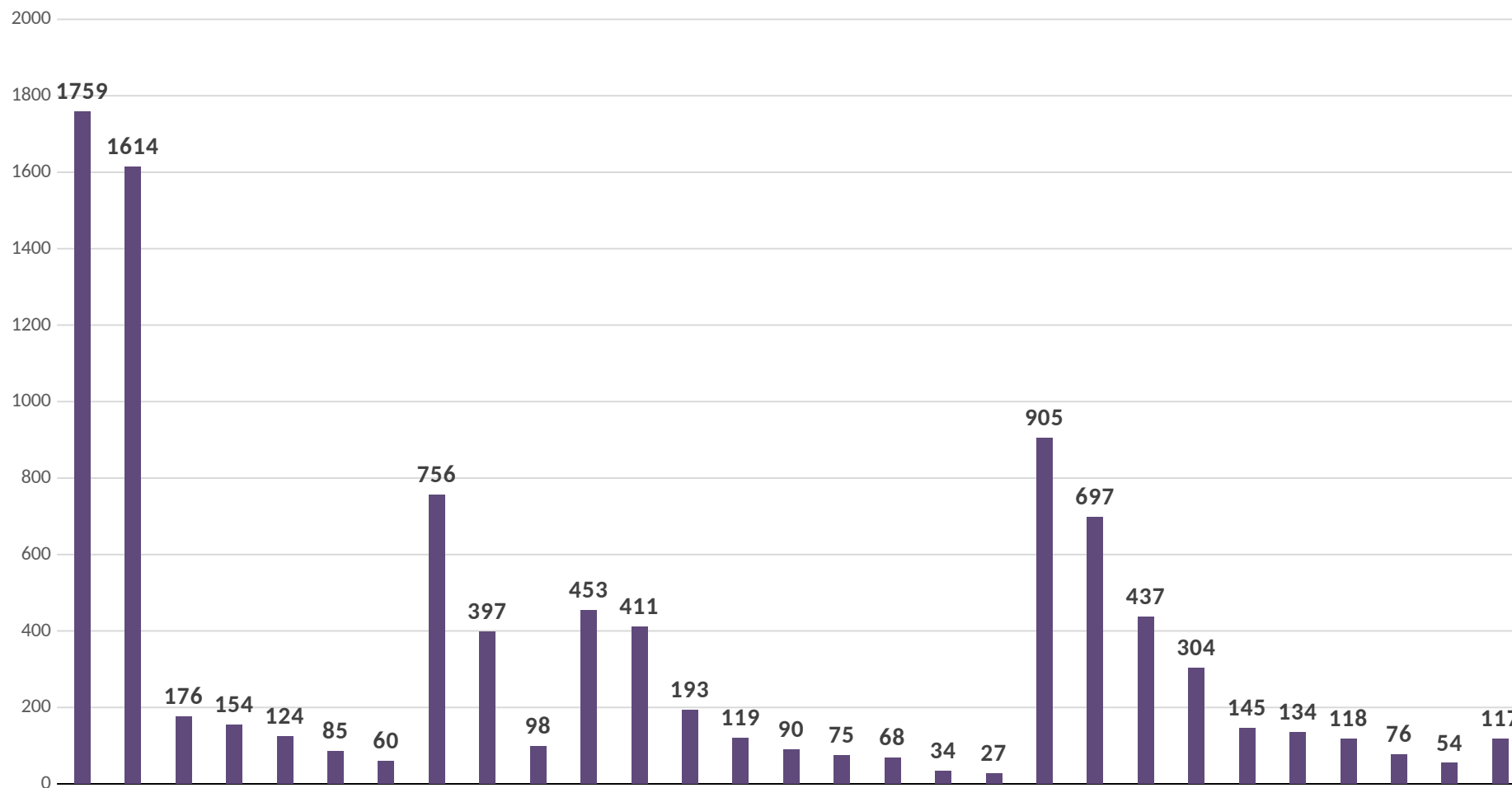
502. Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах / под ред. Н.Г. Герасимовой, М.В. Медведева. – Л., 1948–1965. – Т. 3. – 1954. – 1719 стб.; Т. 11. – 1961. – 1842 стб.

503. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей / Институт рус. яз. им А.С. Пушкина; под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.
504. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
505. Трессидер, Д. Словарь символов / Д. Трессидер. – М., 1998. – 448 с.
506. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х томах / А.Н.Тихонов. – М.: Рус. яз., 1990. – Т 1. – 856 с.
507. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / под ред. Д.Н. Ушакова. – Л., 1935–1939. – Т. 1. – 1935. – 1563 стб.; Т. 3. – 1938. – 1424 стб.
508. Учебный фразеологический словарь // Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. – М.: АСТ, 1997. – 271 с.
509. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – М.: «Прогресс», 1986–1987. – Т. 1. – 1986. – 576 с.
510. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – М.: «Прогресс», 1986–1987. – Т. 2. – 1986. – 672 с.
511. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – М.: «Прогресс», 1986–1987. – Т. 3. – 1987. – 832 с.
512. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – М.: «Прогресс», 1986–1987. – Т. 4. – 1987. – 864 с.
513. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 576 с.
514. Фразеологический словарь русского литературного языка // под ред. А.И. Федорова. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 828 с.
515. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1978. – 543 с.
516. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: «Просвещение», 1975. – 573 с.

517. Этимологический словарь русского языка: в 2-х томах / сост. А. Г. Преображенский. – М., 1949. – Т. 1. – 717 с.; Т. 2. – 712 с.

518. Słownik stereotypów i symboli ludowych // Zesp. red.: Izabela Bartmińska, Grażyna Bączkowska, Feliks Czyży. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. – 481 s.

Образная составляющая пространственных доминант в текстах политических СМИ (ед.)

Приложение В

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА КРЫМА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ 2014-2019 ГГ.

